

СТОЛЕПЕСТКОВЫЙ ЛОТОС

АНТОЛОГИЯ
ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

**Классическая
литература
Востока**

СТОЛЕПЕСТКОВЫЙ ЛОТОС

АНТОЛОГИЯ
ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод с санскрита
и древнетамильского

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

1996

Составление и вступительная статья

И.Д.СЕРЕБРЯКОВА

Редактор издательства

С.В.ВЕСНИНА

С81 Столепестковый лотос: Антология древнеиндийской литературы. Пер. с санскрита и древнетамильского. Сост., вступит. статья И.Д.Серебрякова. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — 415 с. (Классическая литература Востока).

ISBN 5-02-017903-5

Книга является вторым выпуском серии «Классическая литература Востока». Составитель, проф. И.Д.Серебряков, включил в нее лучшие образцы санскритской поэзии, поэзии эпохи Сангама, блистательные переводы произведений Калидасы. Сомадева, Харибхадра, Дандин, Бхаса, Вишакхадатта, Шудрака, Каутилья — вот неполный перечень авторов, фрагменты прозаических, драматургических и научных произведений которых опубликованы в настоящем издании.

С $\frac{4703020000-02}{013(02)-96}$ 28-95/96

ББК 84(0)3

ISBN 5-02-017903-5

© И.Д.Серебряков, составление,
вступительная статья, 1996
© Э.Л.Эрман, художественное
оформление, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1996

И. Д. Серебряков ВЕЧНОСТЬ ПРЕКРАСНОГО

Предлагаемая вниманию читателя книга названа «Столепестковый лотос». Это название не случайно, хотя при всем многообразии этого цветка ботаники не знают такой его разновидности. Лотос священен для всех народов Индии, для любого из их вероисповеданий. Удивительна и гамма его цветов, и то, что к его лепесткам не липнет никакая грязь. Да что говорить — лотос великолепно прекрасен!

Столь же прекрасна литература народов Индии, одна из ярчайших граней их цивилизации, насчитывающей более четырех тысячелетий развития. Определение «столепестковый» имеет свой смысл прежде всего еще и потому, что уже в глубокой древности отмечалось многоязычие народов Индии. В раннем жизнеописании Будды рассказывается о том, что когда настало время отправить царевича Сиддхартху, будущего Будду, в школу, то, придя к учителю в сопровождении пышной процессии, он задал вопрос — какому из шестидесяти четырех языков его собираются учить?! И перечислил все эти языки...

Когда речь заходит о культуре отдельных народов, естественно задаться вопросом: какое место занимала литература в их духовной жизни? Ответ на этот вопрос дают многочисленные памятники словесности далеких времен, особенно поэтические антологии, заключающие в себе и философские размышления, и любовные истории, и социальную сатиру, и бытовые подробности, и восхищение природой, и молитвы, обращенные к богам, и многое другое.

* * *

Памятники древней литературы представляют высокие образцы поэзии, запечатленные в слове и передаваемые из поколения в поколение. Но не только лирической поэзии... Сохранились прозаические произведения, отразившие разные стороны общественной жизни, многообразие ее реалий, придающие слову новые художественные измерения...

Западный читатель, открывая «Декамерон» Боккаччо, «Рейнеке-Лис» Гете, «Цимбелин» Шекспира и др., зачастую и не подозревает, что в основе этих произведений лежит восточный материал. Это обстоятельство стало предметом

исследования литературоведов, что закономерно. Одним из величайших творений мировой литературы является индийская народная книга «Панчатантра», состоящая из пяти самостоятельных повестей. Одну из них — «Повесть о войне ворон и сов» — мы сочли необходимым включить в данную антологию, поскольку она и в настоящее время сохраняет актуальность.

Произведения, включенные в состав «Панчатантры», относятся к разным жанрам. Предположительно «Панчатантра» создавалась в I в. н.э. Известно, что уже в 570 г. в царствование Хосрова Ануширвана книга была переведена на пехлевийский язык. Далее последовали переводы на сирийский и арабский. Ибн аль-Мукаффа, переведший книгу на арабский язык и назвавший ее «Калила и Димна», предположил основному тексту пять предваряющих главок, в которых описывается история создания «Панчатантры». Начинается она со вторжения Александра Македонского и воцарения после его ухода оставленного им наместника. Ставленник Александра был свергнут неким Дабшалимом. «...Когда закрепила власть за этим царем... он стал небрежен к подданным, презирал их и дурно поступал с ними. Все больше становился чинимый им произвол и вел он себя так долгое время...»

Далее начинается повествование о мудреце Бейдебе, решившем бороться против «крайней несправедливости царя Дабшалима, его неотступного злодейства, низкого поведения и дурного обращения с народом». Мудрец собирает своих учеников и сообщает им о своем решении не «...оставить царя в его гадком поведении и злом в обращении с народом. Мы не можем бороться с ним ничем, кроме языка...». Бейдеба заявляет царю Дабшалиму: «...ты перешел границы, причинил обиды, возгордился, вознесся над подданными, ты повел себя дурно, и велики бедствия от тебя».

Бейдеба закончил речь, обращенную к царю. Дабшалим, разъяренный услышанным, велит казнить его, но потом решает заковать мудреца в кандалы и бросить в тюрьму... В конце концов Дабшалим раскаивается и возводит Бейдебу в сан везира. «Он взял сторону слабых против сильных, отверг обидчиков и положил законы справедливости...»

Затем описывается, как Дабшалим поручает Бейдебе и его ученикам составить о нем «...прекрасную книгу, исчерпав в ней весь свой ум... книгу, которая показывала бы, как править народом и воспитывать его, говорила бы о правах царя и способах держать подданных в повиновении и служении царю, дабы облегчились и мне, и им многие необходимые государственные заботы. Я хочу, чтобы книга эта стала памятью обо мне на будущие века».

Книга была написана, но Бейдеба просил царя, чтобы списки ее не вывозили из страны индийской, дабы не захватили ее люди персидские...

Рассказы об этом сочинении дошли до слуха царя Хосрова Ануширвана, — он любил ученые и назидательные книги и не находил он себе места, ибо желал завладеть этой книгой. Он послал врача Барзую в Индию, и тот, употребив всю хитрость и ловкость, похитил книгу и доставил ее в страну персов.

Две главы, повествующие о враче Барзую, своего рода детективная история, не лишенная философской окраски. Еще одна главка, предшествующая самому переводу, — это предисловие самого Ибн аль-Мукаффы. Он дает такую характеристику книге: «...человеку умному, если он поймет эту книгу с ее мудростью, дойдет до конца и изучит то, что в ней заключается, следует поступать сообразно

с тем, что он узнал; чтобы воспользоваться ею, он должен сделать ее своим образом и не уклоняться от него». После истории возникновения «Панчатантры» Ибн аль-Мукаффа помещает собственно переводы книг: «Утрата дружбы», «Обретение друзей», «Сказание о войне ворон и сов», «Гибель достигнутого» и «Опрометчивые деяния».

Каждая из повестей имеет самостоятельное значение, но книге в целом присуща важная композиционная особенность — в ткань повествования вплетаются рассказы, поясняющие те или иные детали основного сюжета, строфы из эпики, антологий; авторских сборников. Такой прием организации текста сыграл заметную роль в дальнейшем развитии классической индийской прозы, особенно романов, да и эпических форм вообще. Это сказалось и в наиболее ранних индийских романах — «Деяния Харши» и «Кадамбари» Баны, «Повесть о красавице из Аванти» и «Похождения десяти принцев» Дандина, «Повести о плутах» Харибхадры. Это произведения разных жанров, речь о них впереди, а пока отметим особо «Повесть о плутах», где в повествование о сезоне дождей вставлены, как в раму, рассказы пятерых плутов, которые не могут заниматься своим сомнительным ремеслом, когда идут проливные дожди, сверкают молнии, громыхает гром.

Пока на русский язык переведен лишь один роман Дандина — «Похождения десяти принцев».

Индийские теоретики литературы, в том числе и сам Дандин, подразделяют прозу на *катху* — масштабные эпические произведения и *акхьялику* — повествования личного плана. Однако это, скорее, родовое определение прозаической литературы, ее жанровый диапазон гораздо богаче, тем более что на создание произведений оказывали воздействие разные конфессии. Это породило некоторые специфические жанры. Так, буддизм дал *джатаки*, *аваданы*; джайнизм — *чариты*; вишнуизм — *вриттака*, и так далее.

Наряду с разными жанрами агиографической литературы появляются жанры светской литературы, дифференцирующие ее по формальным и содержательным признакам. Вот некоторые из них.

Нидаршана — дидактическое произведение, в котором каждый вставной рассказ иллюстрировал то или иное положение или конкретную ситуацию; такова «Панчатантра», отличающаяся особым жанровым богатством — от эпической, буддийского толка, легенды о царе Шиби до сатирических рассказов о котеподвижнике или о ткаче, возмнившем себя Богом Вишну.

Мантхуллика, или *маталлика* — рассказы сатирического содержания, направленные против князей, аскетов и министров; в основном это прозаические произведения, в которые могут быть вставлены и стихотворные строфы.

Праваслика (букв. «загадка») — рассказ, в котором разрешение конфликта зависит не от рассказчика, фигурирующего в повествовании, а от его собеседника; классическим образцом праваслики является книга «Двадцать пять рассказов Веталы».

Общеизвестен афоризм Шекспира «...весь мир — театр!» В Индии эта истина была известна по крайней мере три, если не больше тысячи лет тому назад. Уже в ведической литературе встречаются диалогические гимны, рассматриваемые либо как зачатки, либо как остатки драматических представлений, например: «Пуруравас и Урваши», «Яма и Ями» и другие. В «Махабхарате» преда-

ние о Шакунтале, равно как и многие другие эпические сюжеты, послужили основой для драматургических произведений. Если «Панчатантра» в течение полутора тысяч лет постепенно осваивалась западными литературами (она переведена более чем на шестьдесят языков народов мира), то классическая поэзия в строфах Бхартрихари стала известна в Европе в середине XVII в., благодаря усилиям кальвинистского миссионера Абрагама Рогера. Индийская классическая драматургия пришла в Европу в конце XVIII в. В 1790 г. У.Джонс издал драму Калидасы «Узнание Шакунталы» в переводе на английский язык. Эта версия стала основой для перевода на немецкий язык, выполненный Г.Форстером в 1792 г.; на русский язык фрагмент драмы перевел Н.М.Карамзин.

Пьеса «Узнание Шакунталы» вызвала своего рода взрыв общественного мнения. Вспомним, что это были годы Великой французской революции, и не случайно главный персонаж пьесы царь Душьянта представлялся европейскому читателю аналогом европейского монарха-тирана. Пьеса Калидасы на протяжении примерно четверти века оказалась переведенной на многие европейские языки и не раз вдохновляла поэтов на творческий порыв. Но самое главное — направляла ученых на углубленный поиск произведений индийских классиков, в том числе и драматургов. И здесь надобно упомянуть замечательный труд английского индолога Х.Х.Уилсона об индийском театре, в котором он дал очерк истории и теории театрального искусства Индии, перевод ряда классических образов драматургии на санскрите и познакомил читателей с разнообразием и своеобразной иерархией театральных жанров.

Ее открывает *натака*, в сущности мелодрама, на темы, заимствованные из ведической или эпической литературы; далее следуют *пракарана*, комедия нравов, на тему по выбору автора; *самавакара* — пьеса на мифологический сюжет; *ихамрига* — пьеса на легендарный любовный сюжет; *дима* — пьеса на мифологический сюжет, с участием главнейших богов и асуров, с изображением схваток, затмения Луны и Солнца; *вьяйого* — представление, состоящее из батальных сцен, героем которого выступает божество или мудрец (действие не должно длиться более одного дня).

Если всем названным выше драматургическим жанрам присуща патетика, порождаемая происхождением сюжета, то малые жанры (*прахасана*, *витхи*, наполненные еретиками, плутами, гетерами, и *бхана* — фарс-монолог) характеризуются социальной сатирой. Если *прахасана* и *витхи* допускают участие двух—трех действующих лиц, то *бхана*, исполняемый одним актером, может вводить 25 (Падмапрабхритака) или даже 70 (Падатадитака) персонажей.

При всей изначально жанровой заданности произведения индийской драматургии в совокупности представляют картину жизни общества в древней и средневековой Индии. Они не только широко используют мифические и эпические сюжеты, но и описывают повседневные жизненные ситуации, как, например, эпизод с рыбаком и стражниками в «Узнании Шакунталы» Калидасы. Хитроумная дворцовая интрига в «Перстне Ракшасы» Вишакхадатты выводит на сцену реальные исторические фигуры, сыгравшие важную роль в судьбах страны (Чанакья, Чандрагупта, Нанда и др.). В «Глиняной повозке» Шудраки совмещены бытовой и политический планы, пьеса на редкость живая и многоплановая. Она ставит целый ряд загадок, и, быть может, самой большой из них является имя автора пьесы, образованное от названия низшего сословия («шудры»). Не

менее загадочна и основная сюжетная линия — любовь разорившегося купца к красавице-гетере. Действие пьесы происходит на фоне городской жизни, мятежа, направленного против узурпатора, и заканчивается восстановлением законного правителя и утверждением социальной справедливости.

По содержанию, стилю и сатирическому пафосу к творению Шудраки при- мыкают уже упоминавшиеся бхана; это своего рода театр одного актера. Уместно отметить ряд пьес, в которых по ходу действия сталкиваются представители различных конфессий и философских школ. Это, например, пьесы «Пра- бодхачандродая» («Восход солнца разума») Кришнамишры, «Агамадамбара» («Знайство ученостью») Нараяны, содержащие немало сатирических выпадов участников полемики друг против друга.

К середине XIX в. появились первые обобщающие труды по санскритской литературе. В них открывалась панорама жанров, стилей, направлений, специфики литературы на санскрите, средневековых и новых индийских языках. Началось открытие великой цивилизации, созданной народами Индии, их духовной культуры, запечатленной во множестве памятников — в рукописях, в эпиграфике, в скульптуре и архитектуре. Нет года, который не приносил бы новых и новых открытий. К концу XIX в. сводный каталог, составленный немецким индологом Ауфрехтом, насчитывал 50 тысяч единиц известных к тому времени санскритских рукописей, а к середине XX в. в сводном каталоге, составленном под руководством гениального индийского филолога В.Рагхавана, было уже более трехсот тысяч рукописей. Выступая в середине 70-х годов на IV Международном конгрессе санскритологов, он сообщил, что обнаружено еще свыше ста тысяч рукописей и сверх этого описи вновь найденных 60 тысяч рукописей произведений разных жанров, и поставил вопрос о создании новейшего сводного каталога (работа над ним пока еще не начата).

Работа по поиску рукописей приносит богатые результаты. Так, в 1913 г. были найдены тринадцать пьес Бхасы, до того известного лишь по имени — он был упомянут Калидасой в прологе к «Малавике и Агнимитре». Одна из них — «Пригрезившаяся Васавадатта» — помещена в предлагаемой книге. За последние 20 лет итальянская исследовательница Ф.Бальдиссера нашла около 20 бхана — образцов жанра, известного прежде лишь по классическому сборнику «Чатурбхани» («Четыре бхана»). Индийская текстология не сводится, разумеется, только к рукописям на санскрите. Она включает в себя и памятники словесности на разных древних и новых языках, не только художественную и религиозно-философскую литературу, но и литературу ученую — труды по грамматике, математике, архитектуре, медицине, искусству, политике и экономике, о создании военных машин, о воинском искусстве, об истории, эстетике и поэтике и многие другие.

Не будет преувеличением сказать, что индийская цивилизация только слегка приоткрылась перед пытливым взором современного человека. Она многогранна и претендовать на исчерпывающую полноту ее характеристик вряд ли кто-либо сможет даже в отдаленном будущем. Индийская словесность наряду с собственно художественным словом включает в себя и значительную область того, что можно назвать ученой литературой. Ее важнейшими жанрами являются *шастры* и *сутры*, посвященные отдельным отраслям знания; так, политологии посвящена «Артхашастра» («Наука о богатстве»), совокупность сведений о строительстве и

создании разного рода механизмов составляет содержание «Самаранганасутрадхары» (т.е. «Науки о строительстве и механизмах» царя Бходжи), «Бхаратиянатяшастра» — свод данных о театральном искусстве, о мастерстве актера и его подготовке, о построении театрального действия, об эстетических основаниях театрального искусства и его теории. Мы приводим несколько отрывков из подобных произведений в качестве примера логических построений, отражающих подход древних индийцев к решению тех или иных практических проблем разных областей человеческой деятельности. Нельзя не пожалеть, что исследования развития индийской цивилизации, в том числе и науки, зачастую отражают ограниченную и субъективную точку зрения. Великий индийский философ Деби Прасад Чаттопадхьяя замыслил создать всеобъемлющий труд об истории науки и культуры в Индии, но преждевременная смерть остановила его усилия на первом томе. И все же, хотя нам далеко не все известно о различных областях цивилизации народов Индии, мы можем констатировать вечность прекрасного, созданного ими.

ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ

Поэзия на санскрите

КАЛИДАСА

«Времена года»

«Потомки Рагху». Песнь первая

Поэзия эпохи Сангама

ПОЭЗИЯ НА САНСКРИТЕ

В словесном искусстве народов Индии антологии выступают как специфический жанр — не чем иным, как антологиями, являются древнейшие памятники индийской словесности — веды, священные книги древних индийцев. Но и в позднейшие периоды, когда развивалась четко выраженная авторская литература, антологиям принадлежит особое место. Они — не просто собрания наилучших субхашита, т.е. «изящно сказанных строк». Каждой из них присуще специфическое содержание, определявшееся творческой задачей — светской ли, вероисповедной ли — ее составителя, который и сам зачастую был незаурядным поэтом, включавшим иногда, подобно Шарнгадхаре (XIV в.), в состав антологии собственные стихи.

Как правило, антология представляет собой свод строк, лирических миниатюр, авторских или анонимных, цитат из произведения какого-либо классического поэта или тех строк, которые на протяжении длительного времени бытовали в устной традиции и, видимо, по какому-нибудь формальному или тематическому признаку приписывались одному из знаменитых поэтов. Это, однако, не механическое собрание лирических строк — каждая антология обладает собственной внутренней структурой, делится на ряд рубрик. Одна из старейших антологий, «Субхашитаратнакоша» («Сокровищница изящных речений»), составленная на рубеже XI—XII вв. буддийским монахом Видьякарой, жившим в Бенгалии, содержит произведения двухсот поэтов, разделенных по следующим, неравного размера, рубрикам: 1) Будда; 2) Бодхисаттва Локешвара; 3) Бодхисаттва Манджухоша; 4) Шива; 5) Жилище Шивы; 6) Вишну; 7) Солнце; 8) Весна; 9) Лето; 10) Время дождей; 11) Осень; 12) Наступление зимы; 13) Зима; 14) Любовь; 15) Юность; 16) Девушка; 17) Расцвет любви; 18) Слова посланницы; 19) Радость любви; 20) Следы объятий; 21) Оскорбленная женщина; 22) Разлука с возлюбленным; 23) Разлука с возлюбленной; 24) Распутница; 25) Гнев красави-

цы; 26) Светильник; 27) Закат; 28) Ночной мрак; 29) Месяц; 30) Заря; 31) Полдень; 32) Слава; 33) Аллегории; 34) Ветер; 35) Характеристики; 36) Величие; 37) Добродетельные люди; 38) Негодяи; 39) Нищета и скупцы; 40) Отождествления; 41) Панегирики; 42) Разочарование; 43) Дряхлость; 44) Кладбище; 45) Герой; 46) Восхваления; 47) Горы; 48) Мир; 49) О разном; 50) Восхваления поэтам. Данная рубрикация не повторяется в какой-либо иной антологии, да и в каждой отдельной рубрике порой находят место строфы, которые могли бы быть отнесены и к другой теме.

В число антологий входили также и авторские собрания стихов одного поэта, и жанровые, представляющие собой образцы того или иного жанра или размера, обычно малые по объему, так называемые шатаки, т.е. содержащие около ста строф. Они также могут формировать более объемные собрания — например, авторское «Шатакатраям» («Триста строф») Бхартрихари или собственно антологическое «Халагахасаттасаи» («Семьсот строф, собранных Халой»), замечательные собрания стихотворений, написанных разными поэтами, в том числе и самим Халой, сочинявшими на раннесредневековом народном языке махараштри.

Антологиям принадлежит огромное значение еще и потому, что до XIX в. в Индии история литературы как таковая не существовала. Была очень развитая теория поэзии, существовали жанры филологических комментариев, но не было сколько-нибудь значительных произведений, позволявших бы последовательно проследить развитие литературы на санскрите или каком-либо другом языке, чен-тамиле например. Нельзя, разумеется, сказать, что вообще интерес к этой области отсутствовал — он выявлялся, например, в прологах к пьесам или во вступлениях к романам. Роман Баны «Деяния Хариши» открывается вступлением, в котором автор перечисляет ряд своих выдающихся предшественников и даже дает краткие оценки вклада каждого из них в литературу.

Поэтические антологии поддаются хронологической и территориальной привязке, а это позволяет представить себе, каков был, условно говоря, «круг чтения» в ту или иную эпоху в том или ином регионе. Рубрикация могла быть очень детализированной (если Видьяхара поделил свою антологию почти на пятьдесят рубрик, то Шридхарадаса в антологии «Садуктикарнамрита» («Услаждающий ухо нектар добрых речений») доводит их число почти до двухсот, а в «Субхашитавали» («Ожерелье изящных речений») Валлабхадевы — сто одна рубрика. Рубрикация отражала литературную, культурную и социальную проблематику, характерную для общества данной эпохи и данного региона.

В антологии указывалось имя поэта или анонимность данного стихотворения. Благодаря этому можно представить себе хронологически

ряд поэтов, включенных в данную антологию. Польский индолог Л.Стернбак, объединивший субхашита известных ныне антологий в алфавитном порядке в двадцатитомном издании, из которого вышло пока только шесть томов, не только собрал более пятидесяти тысяч стихотворений, но и составил словарь-указатель имен двух тысяч поэтов, упомянутых в антологиях. Хронологически они распределяются на две тысячи лет, и, разумеется, неравномерно; если от первого тысячелетия уцелело около двухсот имен, то время с XI по XVII век сохранило до наших дней более полутора тысяч поэтов, писавших на санскрите.

Отметим к тому же, что все это лишь уцелевшая часть общиндийского литературного наследия и никто не может сказать, насколько полно отражено оно в антологиях. Не исключены новые находки, благо поиски рукописей продолжаются. Но даже и то, что уже сделано, позволило Л.Стернбаку обнаружить немало считавшихся утраченными отдельных строф и даже реконструировать некоторые произведения классиков индийской поэзии, писавших на санскрите.

С редкостной полнотой антологии демонстрируют поистине необъятные возможности поэзии на санскрите, определяемые прежде всего свойствами его грамматической системы, словообразования и стихосложения. Еще более они расширяются благодаря ряду специфически индийских эстетических категорий, таких, как *раса* (взаимодействие художественного произведения и воспринимающего его), *рага* (ритмико-эмоциональный строй поэтического произведения), *гуна* (достоинство), *дхвани* (обобщенное воздействие всех художественных свойств данного произведения на читателя или слушателя), *шабдаланкара* (размер, ритм, строфа, рифма), *артхаланкара* (сравнение, уподобление, метафора, эпитет и др.), *вакрукти* (иносказание).

Санскрит обладает широко развитой просодией, насчитывающей более сорока размеров как чисто силлабических, так и силлаботонических, допускающих и комбинации между собой. Существовала приуроченность тех или иных размеров к определенному типу содержания. Один из наиболее популярных размеров — *ануштубх* — состоял из четырех чаран (*стоп*) по восемь слогов в каждой и применялся в эпической и афористической поэзии. Почти целиком в этом размере написана одна из великих индийских эпоей, «*Рамаяна*». Семнадцатисложный размер *мандакранта* («медленно идущий»), использованный Калидасой в его «*Мегhadute*», лирической поэме «*Облако-вестник*», считался наиболее уместным при обращении к теме любовной разлуки. Деятнадцатисложный *шардулаваикридата* («разыгравшийся тигр») считался наиболее подходящим для выражения общественных конфликтов или тем государственных. Также девятнадцатисложным *срагдхарой* («венценосным») описывали неистовые ветры. Занимавшийся этой проблемой поэт

XI века Кшемендра счел необходимым заметить, что великие поэты прошлого имели свои излюбленные размеры, в которых предпочитали творить.

Среди звуковых украшений использовались и аллитерация, и ассонанс, и рифма, и игра словами. Уже к середине I-го тысячелетия рифма в санскрите достигла высокого уровня развития. Поэт, считающийся современником Калидасы и известный под именем Гхатакарпара («разбитый горшок») — так, собственно, называлась его поэма, — использовал в ее двадцати пяти строфах самые различные виды рифм и закончил ее словами, что если найдется кто-либо более искусный в рифме, чем он, то он готов до конца жизни носить ему воду в разбитом горшке. Вот эта фраза и дала поэту имя, под которым он остался в истории литературы.

Наиболее слабо в индийской теории литературы разработана строфика. Она исходит главным образом из количественных показателей. За основу берется двухстрочная строфа — муктака, содержащая законченную, ярко выраженную мысль. Четырехстрочная строфа — югмака, или санданитака, — должна содержать законченное действие, калапака состоит из восьми двустушии, кулака насчитывает от четырех до пятнадцати двустушии. К строфике можно отнести и членение многосложных размеров цезурами.

Стихотворения антологий не знают каких-либо запретных зон для самых критических или сатирических оценок. Для самих поэтов, однако, это бывало далеко не всегда безопасно, отчего им приходилось иной раз выпускать свои оперенные стрелы либо вовсе анонимно, либо под именем вымышленным. Сомадева Сури (X в.) в романе «Яшастилака» рассказывает, как соглядатай доносит царю, что в народе ходят стихи предосудительного, противоправительственного содержания и не только зачитывает строфы, но и называет имена сочинителей. Это небольшая антология «антиправительственной» поэзии, имена авторов которой явно вымышлены. Приведем лишь один пример:

*Разумному и честному
Нельзя счастливым быть,
Когда на троне — царь,
Чей ум, что глины ком,
А власть — в руках министра,
Мастера злодейства.*

Таруни-лила-виласа

Автор романа включил полтора десятка таких стихов в явном расчете укрыться за вымышленными именами, чтобы иметь возможность высказать правду.

Естественно, что специфика каждого языка, эстетических особенностей, богатство форм порождают немало трудностей для переводчиков. Емкость санскрита позволяет в малый объем уместить обширное художественное и идейное содержание, которое в переводе на русский, как, впрочем, и на другие языки, требует подчас не в пример большего объема. К тому же далеко не эквивалентен эмоциональный заряд тех или иных размеров. Так, в поисках путей эквивалентной передачи размера мандакранта средствами русского языка украинский индолог П.Г.Риттер пришел к выводу о неизбежной в этом случае прозаизации поэтического текста. Попытка передать эпический ануштубх ямбической или хореической строфой неизбежно низвергает высокую эпiku до уровня частушки или раешника. Именно поэтому для наибольшей полноты передачи всех достоинств индийского поэтического оригинала переводчик не должен быть жестко связан формальными рамками.

ВРЕМЯ

ЧАНАКЬЯ

Правит движеньем Вселенной
Время. Оно — разнолико.
Вечно, хоть и быстро течет,
Время, великий владыка.

Первопричину рожденья —
им же рожденное семя —
губит, порой до всхожденья,
неумолимое время.

Семя и плод порождает
Время, но на умиранье
волей своей обрекает
все сотворенное ране.

АНОНИМ

Время — творец и рушитель.
Зло и добро — порожденья
хода его непрестанного.
Все в этом мире бескрайнем
губится им, всемогущим,
и создается заново.

АНОНИМ

Тот глуп, кто говорит: «Я совершил»,
тот глуп, кто говорит: «Я сокрушил».
Не мы, а Время совершает все,
не мы, а Время сокрушает все.

АНОНИМ

Глубокая старость, посланница Смерти, нам шепчет:
«Ни жен не желайте чужих, ни чужого имения.
Почтительно к лотосам стоп всевеликого Вишну
склонитесь, к нему все свои устремляя моления».

ГХАТАКАРПАРА

Что сделано — не переделать.
Кто мертв — не воскреснет.
Обратно
утраченное не вернется.
Всем сведущим это понятно.

ТАРАНИКА

Черноволосый — я ныне как лунь,
руки и ноги дрожат — так слабы,
добрых друзей не осталось, жена
к предкам ушла, по велению судьбы.
Разум, что делать тебе здесь, со мной?
В лес отправляйся, там будет твой скит.
Книги святы старайся постичь.
Может быть, мудрость тебя осенит.

НИЛАКАНТХАДИКШИТА

Раз вельможа допытывать стал звездочета:
«Сколько дней мне осталось?» — «Без счета! Без счета!» —
ни на миг звездочет не помедлил с ответом.
Вот о чем, многомудрый, он думал при этом:
«Если долго ты жить, как предсказано, будешь,
то почетом меня окружить не забудешь;
если ж долго ты жить ненароком прикажешь,
то уж, верно, меня за обман не накажешь!»

ДАНКА

Со дня рождения два друга шли со мной:
с Несчастьем я дружил, якшался с Нищетой.
Так и не нажил я ни серебра, ни злата,
но чистая душа и без того богата.
О повелитель мой! Хоть смерть неподалеку,
я даже вспоминать о ней не вижу проку.

АМАРУКА

Странник вернулся и видит дымящийся двор.
Что это?! Это чадит погребальный костер.
Это, подумав: уже не воротится милый, —
та, что так долго любила, сама себя испеклила.

ГОВАРДХАНА

Денег однажды добыв по счастливой судьбе,
мигом глупец накопил одеяний себе.
Этот красавчик ошибся жестоко и тяжко:
время придет — и уйдет все богатство на стирку и глажку.

АНОНИМ

Бог созидает и Бог разрушает.
Но разве Богу не надобно время,
чтобы разрушить и чтобы построить?!
Значит, и Бог не важнее, чем Время.

ШРИХАРША

О, поле победное битвы,
коней боевых оглашенное ржаньем
и криками бьющихся, — поле,
где стадо слонов боевых попирает
бегущих, трубя напряженно,
где стрелами все поросло, как травую.
Не это ль последний день мира?
И царь с наклоненной стоит головою.
Уж лучше б, стрелою сраженный,
среди битвы погибель он принял мгновенно,
чем, жажду и голод терпя,
поддерживать жизнь лишь былинкой ячменной!

ДЖАЛХАНА

Зависеть от власти —
в бессонницу страшный сон,
непрестанный
с вершин камнепад,
старческий трепет
и светлым днем
страх, что настанет ночь,
боль страшная, хоть не бьют,
и хоть не взят
в оковы — а раб,
жизни еще не конец —
но ты мертвец.

ВАЛЛАБХАДЕВА

Силу свою
поутратило Время,
мнит простодушный.
Если оно
разрушает твердыни,
то отчего же
хрупкое
произведение поэта
жить продолжает?..
Мудрые правы,
что цену сокровищ
Время лишь знает.

ШАНКРА

Утешься, смертный: в этом бренном мире
обречено все сущее на гибель —
народы, Солнце, Брахма, Пурандара,
семь океанов, восемь гор священных...

ЧАНАКЬЯ

Мудрый не будет пытаться свершить невозможное нечто,
и недостойным поступком себя никогда не унижит;
лишь предписаньям святым он последует в жизни,
только тому, что всесильное Время предпишет.

НЕБО

РАСАГАНГА

Ворон, присядь на макушку
манго в соцветьях медвяных
и хоть мгновенье не каркай,
чтобы тебя за кукушку
мы посчитали. Сколь многих
ценят по их положенью:
было бы только повыше.
Кто заподозрит, что тилак,
коим украшен непальский
царь, нанесен не болотной
жижей зловонной — чистейшим
мускусом благоуханным.

АНОНИМ

В глубоком смятенье весь род человеческий:
все в мире исполнено противоречий,
ведь боги, при пахтанье, вместе с амритой
добыли яд, в океане сокрытый.

АНОНИМ

Пусть великие Боги, все трое,
их супруги, Хранители Вед,
и Земля, и священная Ганга
упасут нас от горя и бед!

АНОНИМ

Кони Солнца распахали небо,
вот уже и тьмой орошено,
будто семенами, звездным сонмом,
погляди, засеяно оно.

АНОНИМ

В небесный океан
забрасывает сети
рыбак, что на луне
плывет, как на челне.

Он ловит стаи звезд
при серебристом свете,
и благостно ему
в надмирной вышине.

АНОНИМ

Хоть Месяц в темных пятнах —
он темень гонит прочь.
И что ни день растет он,
светлеет что ни ночь.

АНОНИМ

Видя, как Сурья,
ужаленный коброю Времени,
падает с неба,
на помощь ему устремляются
бабушка Сандхья,
с собою несущая сумерки,
Чандра, властитель
над всеми целебными травами.

СУНДАРАПАНДЬЯ

Немного добродетельных есть качеств.
Но те, кто ими наделен,
их в людях умножают.
Так ночью на вершины Гималаев
свет Месяца, упав, в бесчетных искрах
на склонах снежно-льדיстых остается.

ЧАНАКЬЯ

Что значит амрита?
Амрита — огонь, в очаге разведенный,
в обед — молочная съта,
жена — сама добродетель,
амрита — ребенка лепет.

ЛАКХИМАТХАККУРАНДЖИ

Из горной пещеры
лев-Месяц выпрыгнул вдруг,
лоб разодрав слону-Мраку.
Он красен стоит,
будто кровью облит.

БХАВАБХУТИ

Словно чаша золотая
благовестья, на Востоке
поднимается, сверкая, Месяц.
И трепещет Солнце
в океане, медным гонгом
возвещающая: Манматха,
Бог любви, поход победный
начинает!..

ЛАКШМАНА

Не крутым зеркалом ли Месяц
несет перед своим лицом
возлюбленная Ночь?
И не ее ли облик это
на нем —
темным пятном?

АНОНИМ

Тогда лишь в изваянье входит бог,
когда с молитвой истовой жрецы
творяют искусно жертвоприношенья;
тогда-то и бывает изваянье
исполнено особой красоты.

ШАРНГАДХАРА

Известно, что не много зачерпнешь
воды кувшином. Сколь же велика
мощь брахманства! Родившийся в кувшине,
мудрец Агастья залпом проглотил
всю воду в океане.

ВЕНИДАТТА

Сперва обнявшись с Востоком, потом поклонившись Югу,
взглянув на счастливый Месяц и путь совершив по кругу,
светило ныряет в Море, расстается с сияньем,
хмельное вино Заката выпив перед купаньем.

АНОНИМ

Пускай одарят вас силой, пускай дадут вам здоровье,
богатство, счастье и разум и спасут от злословья
Меркурий, Сатурн, Венера и все другие планеты,
и Солнце, и мудрый Раху — и да сбудется это!

НИЛАКАНТХАДИКШИТА

Бескрайне умудрен месяценосный Шива,
младенец и старик его заботой живы.
Над миром вознесен владыка светлолицый.
Недаром целый мир к ногам его стремится:
ведь он единственный, кто, всем повелевая,
способен разобрать хитросплетенья Майи.

КШЕМЕНДРА

Грозный Вишну, ты славен во всех воплощениях.
Перворыбой нырял ты в небесных владеньях,
каждый выдох твой был водяным ураганом,
и предстали с тех пор небеса — Океаном.

РАДЖАШЕКХАРА

О Сарасвати, ты — красноречья богиня.
Счастлив тот, кто сподоблен твоей благостыни:
можешь ввысь вознести, можешь в пропасть низвергнуть,
и никто не сумеет тебя опровергнуть.

САМГХАШРИ

Любовь и Гнев — два недруга Покоя.
Но Шива, в гневе поразивший Каму,
не сверг Любви и не обрел Покоя...

Святее всех святых великий Будда,
который укротил Любовь и Гнев,
лишь он поможет нам достичь Покоя.

ХАРИХАРА

О Месяц! Ночь стала прекрасной,
тобой осиянна.
Не ты ли вздымаешь, могучий,
валы океана?
Весь мир: и долины, и горы,
и страны, и реки —
залит твоим светом, спокойным
и светлым, как млеко.

СУРЬЯ

Огонь — это слово бессмертных,
а золото — чрево и плоть их.
Бросай свое золото в пламя,
коль гнев ты решил побороть их!

ЧАНАКЬЯ

Бог — в пламени, брахман считает.
Бог — в сердце, для мудрости строгой.
У глупого каменный идол
слывет воплощением Бога.
Но тот, в чьих глазах равноправно
все сущее и равноценно, —
зрит Бога повсюду; не Бога
и нет для него во Вселенной.

ЛАКШМИДХАРА

Вишну!
Одно твое чистое имя
кто произносит,
много грехов, отравляющих
сердце,
мигом уносит.

Как ни безбрежно
невежества море,
лишь в колесницу
Солнце впряжет
ослепительный Вишну —
свет воцарится.

КЕШАТА

В Пространстве, где-то, мирозданье
Размещено:

здесь — твердь земная,
Там — облака, здесь — океан,
Там — горные хребты...
И надо ж
Таким огромным быть Пространству,
Чтоб в самом имени его
Как бы звучало дозволение, —
Вдали от этой жизни всей,
С ее вещественностью зримой, —
Ему пустынным оставаться.

ДЕРЕВНЯ И ПОЛЕ

МАНОВИНОДА

Долго кружит над равниною коршун
Вправо посмотрит, то влево вперится.
Ветром несомый, походит кругами,
вдруг застывает — и долу стремится;
так он преследует жертву в паденье,
над обреченной крыла свои ширя,
яростный клюв на лету раскрывая,
в воздухе острые когти топыря.

АНОНИМ

«Здесь, в хижине из тростника,
Где служит мне ложе бамбук,
Хотелось бы мне подремать,
Коль скоро ты вместо меня
За полем моим приглядишь», —
Плечами слегка поводя,

Красавица так говорит
Юнцу, что присел отдохнуть,
С дороги сойдя на траву.

АНОНИМ

Телега, от сока липкая,
тростник перевозит сахарный,
вздывается пыль — как облако,
как знамя шафранно-красное.
На поле слетев ячменное
шумят попугаи резвые,
завидевши зерна зрелые.
Рыбешки стремятся стайками
к прудам, где водица чистая;
тем временем, выйдя к берегу,
улегся пастух понежиться.

МАЮРА

Теленок, прильнувший к вымени,
все время бодает матушку,
впивает струю молочную,
коленца пригнув некрепкие,
маша от восторга хвостиком —
покуда корова с нежностью
дитя свое лижет юное,
чьи ушки слегка приподняты,
а морда — в молочных капельках.

ЙОГЕШВАРА

Иссушенный за лето
с кистями плодов незрелых
розоватых и нежных —
банан,
лишь время дождей настает,
широкие листья свои,
как ладони, тянет к воде
и с жадностью пьет.

ВИРЬЯМИТРА

В венце из спутанных волос,
увитый гирляндами пчел сине-черных,
умощенный пылью цветочной,
ветер блуждает,
цветущие ветки колышит,
как будто подвижник —
в лесу он один.

ВАЙДЬЯ ГАДАДХАРА

Руки в молитве сложив, к тебе, Птицелов, я взываю:
— Разве на хлеб добывать промыслов нету других?
Ведь попугаев в лесах безжалостно истребляя,
тем ты лишаешь леса красноречивой их сути.

АНОНИМ

«Поди ж сюда, мой маленький, не плачь,
На разодетых мальчуганов глядя.
Когда отец вернется, он тебе
Подарит ожерелье и обновы».
Услышав это, горемычный странник,
Стоящий за стеной, уходит прочь,
И слезы льются по его лицу.

АНОНИМ

Отец и сын схватили за рога,
А мать — за хвост, родители отцовы
Уперлись в ребра, а сноха — в подгрудок.
Ребята, с плачем, за ноги взялись.
Одно у них богатство — дряхлый вол,
Что издыхает, лежа на земле.
И, всем семейством проливая слезы,
Они его стараются поднять.

КАЛИДАСА

Как хороши окрестности деревни!
Поля с обильным урожаем риса,
И милovidных антилоп стада,
И над рекой — красивых цапель крики.

ХАМСАВИДЖАЯГАНИША

О, с этим волом
оказавшись в упряжке единой,
и дряхлой скотине
работать сподручнее
и на болотистой пойме,
и в горной низине.
Но в гору идет он один:
распахать каменистые склоны —
труд долгий и тяжкий;
туда ни один из волов,
что по улицам бродят,
нейдет с ним в упряжке.

ЙОГЕШВАРА

Тепло соломы вихрем ледяным
Уносится. Крестьяне то и дело,
Огонь угасший силясь пробудить,
Мешают хворостинами в костре.
Пахучий дым курится над половой
Горчицной. Треск и шорох шелухи
Сопутствуют благоуханью,
Разлитому над зимним током.

*

Поля сухие, где созрел кунжут,
Прельщают голубей. Цветы горчицы,
Приобретя коричневый оттенок,
Сменяются стручками. Коноплю
Раскидывает ветер, что сечет,
Вгоняя в дрожь, крупую снежной тело,
И путники, вступая в перебранку,
Теснятся у общинного огня.

*

Из ячменя размокшие лепешки
Сушить, ребят ревущих унимать,
Вычерпывать горшком разбитым воду,
Солому для спанья беречь от ливня,
Дырявое лукошко нахлобучив
На голову, в лачуге обветшалой
Доводится супруге бедняка.

ВИРА

Заплату на заплату класть —
Непревзойденное искусство,
И пригоршню еды делить —
Недостижимое умение —
Мне суждены: ведь я — жена!

ВИДЬЯ

О добрая жена соседа!
За домом пригляди минутку.
Воды колодезной, безвкусной
Отец ребенка пить не станет.
Спускаюсь, — хоть я одна, — к реке,
Под сень тамалов, где темно
И столь густые тростники, что стебли
Колючие царапают мне грудь.

ВАЧАСПАТИ

Вздрагивают веточки горчицы,
Отягченной острыми стручками.
Под ююбой стоя,
 без труда,
Дети рвут плоды с ветвей склоненных.
Зрелый сахарный тростник
 из листьев
Выпростал коленчатые стебли
И, ручным давилком пригнетен,
В изобилие брызжет сладким соком.

АНОНИМ

Спасаясь от помещичьего гнева,
бежали жители деревни. Пусты
дома, лишь несколько семей осталось,
покинуть землю праотцов не в силах.
Нет пастбищ для скотины, по проулкам
так и шныряют юркие мангусты
да горлинки в садах воркуют; сердце
сжимается от жалоб их унылых.

АППАЯДИКШИТА

Поле в широких арыках,
пара быков крепконогих,
дом, возведенный из камня, —
вот оно, счастье, для многих.

ПОЭТЫ И ПОЭЗИЯ

ШАРНГАДХАРА

Сотни мудрых речений, изящных и смелых,
собрала эта книга во многих разделах.
Многотрудной работой доволен я буду,
если книга понравится доброму люду.

*

Пусть же это собрание стихотворений,
где с сегодняшним древний соседствует гений,
где порой и мои попадают строки,
вас на миг отвлечет от житейской мороки.

ДАНДИН

Отразившись в поэзии, словно в зеркале,
раджи прошлых эпох, как живые, предстали.
Промелькнуло их время, их песенка спета,
но бессмертна нетленная песня поэта.

НИЛАКАНТХАДИКШИТА

Кто познает поэзии вечное слово,
будет праведен в этой юдоли суровой,
будет мыслями смел, тайну мира постигнет,
и бесчестье его никогда не достигнет.

РУДРАТА

По смерти в небеса возносится поэт.
Творениям его вовеки смерти нет.
Мы можем слушать их и наслаждаться ими,
хранящими в себе прославленное имя.
Метафоры, слова, размеры, обороты —
вот где душа, и чувства, и заботы.

АНОНИМ

Брахма с Вальмики — вот боги, любимые мной.
Суть их деяний различна лишь буквой одной:
Брахмой рожден этот мир — первозданная лока,
в локу Вальмики привнес украшение мудрости — шлоку.

АНОНИМ

Правда, что я не единственный в мире поэт.
Ложь, что меж нами, поэтами, разницы нет.
«Эм» вместо «ка» начертать — небольшая оплошка,
но ведь про кошку подумал, а строчка выходит про мошку!

БАНА

Как подл плагиатор! Увидит
хорошее, сменит два слога
и скажет: «Мое сочиненье!»,
поэту же молвит: «Как много
ты глупостей пишешь!» Таков он —
в едином лице и грабитель,
и краденого укрыватель:
себе приписал, что похитил.

АНОНИМ

Не пышные фигуры —
порывистые ритмы
венчают стиль вайдарбхи:
он — словно дождь амриты
с безоблачного неба,
в нем озорство и сила —
Сарасвати-богиня
его благословила.

АНОНИМ

Поэт! Совершенное слово
Тогда лишь ты миру подаришь,
Когда не торгаш и не критик,
А кроткий мудрец твой товарищ.

Воистину дождь благодатный
Не Марс возвещает (в тумане
Скрывается он), не Меркурий —
Лишь ласковой Кави мерцанье.

АНОНИМ

Ты взялся судить о поэте...
Но если не люб тебе мастер,
Коль сам ты лишен вдохновенья,
Бездумно относишься к шастрам,
не хвалишь того, что похвально,
о слове по внешности судишь,
нейдешь к мудрецам за советом —
ты критиком добрым не будешь!

АНОНИМ

Попав случайно на глаза поэту,
лотосооким станет тот, кто слепнет,
скупой одарит, как желаний древо,
слепец — как Викрамадитья окрепнет.

АНОНИМ

Без ног, а всю землю обходит,
не пишет, а полно словами,
вещает, а немо. Что это?
Письмо, что вручают нам с вами!

БАЛЛАЛАДЕВА

Опыт лишь скажет, как груди упруги,
взоры игривы,
губы нежны и созданы поэта
стройно-красивы.

ХАМСАВИДЖАЯГАНИША

Раскрыты врата в красноречье:
жемчужная завесь воздета
затейливой легкой сатиры
над миром безбрежным поэта.

МАНКХАКА

Иная поэма
так велеречива,
поверхностна
и непонятна на диво,
и так в ней фигур
исторических мало,
что больше достоинств
найдешь ты, пожалуй,
в пушистом хвосте
пробегающей суки,
чем в этом искусстве
и в этой науке.

АНОНИМ

Из маленьких строк стихотворных,
из длинных абзацев трактата
разумные черпают знание, —
и этим душа их богата.
Есть много цветов во вселенной —
и, видишь, над каждым кружится
с жужжаньем проворная пчелка
и нектаром жаждет упиться.

АНОНИМ

— Дружба, изящество,
нрав безупречный...
— Молодость это?
— Нет, ошибаешься:
я описал здесь
слово поэта.
Буквы и слоги,
сведенные в строки, —
дружбы примеры.
Дивно скромны,
безупречно изящны
рифмы, размеры.

СОННОКА

Вот сложил я поэму,
совершенные строки
чистым чувством наполнил.
Утаить ли от мира?
Для чего ж сочинял я?
Иль отдать, чтоб читали?
Подражателей — толпы,
Как от них уберечься?
Мнится мне: я хозяин
драгоценной коровы,
несравненной, всещедрой,
коль держать под присмотром —
молока не увидишь,
коль отпустишь на волю —
уведут ее воры.
Что ж теперь мне поделать?

ВАРАРУЧИ

Грешникам, Брахма, дай отпущенье,
но, умоляю: тем, кто бездарен —
не дай влеченья к стихосложению,
не присуждай им жребий поэта!

АНОНИМ

Как блеющие овцы, заурядные стихоплеты.
Кто понаглее, лезут, под стать попугаям крикливым,
всех трюками поразить.
Но среди них от природы
истинному поэту — как же творить?

БХОДЖА

Мое плетенье слов,
чарующее сочетание стоп,
сравнений ожерелья
людей простых не восхищают,

но ценятся поэтами высоко.
Вот так и взор прекрасноокой —
для несмысленныша напрасен,
но юноше он радостен и ясен.

ТРИВИКРАМАБХАТТА

Иные поэты — что дети:
заплетаются стопы
в их стихотвореньях,
несвязное что-то
лепечут они,
лезут, крутятся всюду,
надоедают
и ждут поощренья.

БАНА

Сокровищницу песен на века
Хала Сатавахана создал.
Блистают в ней, свет излучая,
речения, как будто жемчуга.

АНОНИМ

Своей славой поэт охраняет весну,
чтоб сияла,
порождая все больше пьянящих цветов
что ни миг.
О, недаром, недаром зовут его Васантапала!
Оценили его
Харихара, Шри Сома Шарма
и много других.

АНОНИМ

Прославлена в ведах
река Сарáсвати,
в горных недрах
берет начало.

То вышла,
то скрылась,
но не угаснуть ей —
до Океана свой блеск домчала.
От уха к уху
слова поэта,
не сделав ни шагу,
бегут валами...
И пусть иные
не видят света,
словно Сарасвати —
поэзии пламя.

АНОНИМ

Природа сама разожжет
и вскормит любовное пламя.
Зачем же мы пагубу терпим,
внимая худым стихотворцам,
Что так раздувают без нужды
свою никудышную страсть
В своих никудышных стихах?

БХОДЖА

Плоды поэзии бессмертной
пленают сладостью своею,
но ощущает эту сладость
ценитель — не простой читатель.

БИЛХАНА

Кто поэмой назвал это скопище слов?!
Ведь любовь и добро повсеместно лелея,
в Поднебесной оно не уменьшило зло,
не сумело покончить с делами злодея.

БХОДЖА

Я — ткач, но особого рода:
не ткани я тку, а стихи.

О царь Сахасанка, чьи стопы
толпой венценосных вассалов
столь чтимы, — мое ремесло —
поэзия — тем и живу я.

КАВИЧУДАМАНИ

Что звон колокольчиков на опояске,
где блещут рубины?
Что крики павлиньи и что воркованье
четы голубиной
для редких счастливых, кто мог насладиться
душой благодарной
твореньями Лолимбараджи, сладчайшей
их влагой нектарной?

БАНА

Поэт, за одно мастерство
не будешь ты признан, пойми!
Ты как «Махабхарата» будь:
три мира душой обойми.

АНОНИМ

Прекрасных и мудрых стихов сочинитель,
украша ученых собраний, гонитель
невежд и тупиц — ты, как Солнце в лазури,
возвышен над всеми, поэт Девасури.

АНОНИМ

Ты объясни, почему, если Вьясу
множество раз мы за жизнь прославляем,
что же его воплощенье Гунадхью
без прославления мы оставляем?

АНОНИМ

О, сколько времени прошло,
пока постигли, как глубок
неисчерпаемый поток
бессмертных Калидасы строк!

РАДЖАШЕКХАРА

Как сладостны стихи Викатанитамбы!
Кто этой поэтессой восхищен,
внимает, морщась, простодушно-сладким
словам своих неискушенных жен.

*

Мир озаряют, как Солнце, творенья
Бхарави; все же свой слух услаждая твореньями Магхи,
слушатели, не тая одобренья,
тихо покачивают головами, как в месяце магхе.

ШАНКХАДХАРА

Все бренно на земле.
Рождается, живем,
мучительно страдая, мы.
Бессмертно лишь одно:
поэтов слава — ей
цвести неувядаемо.

ВАЛЛАБХАДЕВА

И слава их бессмертна,
и имя всем знакомо...
И слава тех поэтов
слышна не дальше дома.
А о тебе, чья слава
по трем мирам витает,
друзья-поэты скажут:
— Его никто не знает!

АРДЖУНАВАРМАДЕВА

Поэмы, что полны любовной страсти,
молчат для тех счастливых,
что ее извели.
В мелодии и ритмы вины
их посвятит Амару,
в любовных наставленьях искусный.

АНОНИМ

Лишь тем, кто алчет богатства,
слова Шрихарши угодны.
Но только нищий владеет
сокровищницей поэзии.

МАНКХА

Порой все верно в поэме:
не запутаны мысли,
и даже узор словесный
ярок, и все в порядке
со стилем. Но что же тогда
произошло с этим тканьем?
Не трогает, не услаждает —
новизной, не пленяет —
строем певучим.
Верно, правда, поэзия
лишь в недоступном.

АНОНИМ

Страшно поэту, как вору,
коль мысль его тянется к мысли,
что достоянье другого
может она составить.
Поэт подбирает звуки,
пристрастно следит, чтоб строки
и рознились, и сочетались.
Ищет пути спасенья,
вроде лаза в стене,
глядя, чтоб кто-нибудь
на этом его не поймал.
Пусть же в трепет приводит
врагов его ненавистных
этот священный страх!

БАНА

Кувшинки белей
слава Праварасены.

За океан
перенеслась
мгновенно,
как мост обезьяний
войска
Рама...
Слава Праварасене!

АНОНИМ

Сочиненье, в которое тяжкий труд
вложен тобою, сумей
оберечь от воды, огня, воров,
но пуще всего — от мышей.

БХОДЖА

Закатилось Солнце Бхарави,
скрылся Месяц Калидасы,
и погас светильник Баны.
Мир залит сияньем Ратны.

ЗЛО И ПОРОК

ДАМОДАРА

«Я в делах умудрен, изощрен я в изящных искусствах
и собой недурен, и имею немалый достаток!»
Да с чего, вертопрах, ты кичишься, себя прославляя?
Только тлен, только прах по себе ты оставишь на свете!

БХАЛЛАТА

Дочь Алчбы — это Ложь, как она узколоба!
А у Зависти дочь прозывается Злобой.
Сын Жестокости — Грех, он исполнен злодейства,
а у Неблагодарности нету семейства.
Так ничтожна она, так дурна и криклива,
что бездетна — и это вполне справедливо!

БАХУДАРШАНА

Тот, кто собственных видеть не хочет пороков,
их отыщет легко у святых и пророков.
Тот, кто знает, что склонен порою к пороку,
у другого искать их не станет без проку.

КАВИВАЛЛАБХА

Схожи сплетник и лемех: их меж собою
породнила навеки судьба кривизною.
Крив и этот, и тот, и терпеть их обоих
может только земля, укрывая собою.

ВАЛЛАБХАДЕВА

Дом, где нет ни монетки, где нету прислуги,
молока и лепешек, а вместо подруги
негодяйка хозяйка, бранящая мужа,
этот дом — тот же ад, но страшнее и хуже.

АНОНИМ

В царстве Бходжи не сыщешь ни крошки металла:
медь исчезла совсем и железо пропало.
Из железа оковы народу ковали,
ну а медь без остатка ушла на медали.

БХАЛЛАТА

Пыль низкородная, ты вьешься над землей...
Что пользы от тебя? Что создано тобой?
Ты ветром поднята — возницей бога Ваю —
и, под его напев бессмысленно витая,
одну имеешь цель — давай-ка врать не будем:
мир грязью покрывать и солнце застить людям.

КШЕМЕНДРА

В книгах священных, в преданьях промчавшихся дней
любо читать скупердяю про добрых людей.
Если ж сегодня рукою нежадной и доброй
нужно кому-то помочь — убежит, как ужаленный коброй!

АЛАКШМИНАРАСИНХА

Если захочется ворону горlinkкой стать,
может весь век он молиться и пост соблюдать,
может отшельником жить до неведомых пор он —
горlinkка горlinkкой будет, останется вороном ворон.

СОМАДЕВА

Мошенник! И боги боятся
стать жертвой его ухищрений!
Так ловок он в разных подменах,
так низок в часы наслаждений,
в желаниях так ненасытен...
А вместе он прост до смешного:
никак различить не умеет
хорошего и дурного!

СУНДАРАПАНДЬЯ

Надобно опасаться
врагов, что способны в друзей превращаться.
Льстиво заглядывают в глаза,
а за спиной
они поливают тебя клеветой.
Злостью наполнены души такие.

АНОНИМ

Вот сплетня
змеей притаилась во рту у злодея,
в ухо жалит она одного
и жизни лишает другого.

АНОНИМ

Рождается в мыслях, исходит
из уст беззастенчивой ложью
и телом свершается — Зло,
трехчленно всегда по природе.

СОМАДЕВА

Тем злом, что другому готовил,
не сам ли ты будешь подкошен?
Так мяч, отлетая от стенки,
в того попадает, кем брошен.

КШЕМЕНДРА

Не беспощадное Время
губит несчастных людей, а крапивное семя.
Эти крючки, писаришки,
Всех обирают, себе набивая кубышки.

АНОНИМ

Мясного не ест и не пьет
хмельного писец-крюкотвор,
но алчной своею душонкой
не только жрецов, и богов
самых он готов обобрать:
подлей не бывает подонка.

АНОНИМ

Скупец и жену не ласкает —
так страшно ему,
чтоб сын не родился, наследник
богатству всему.

АНОНИМ

Свершит ли полезное дело
хитрец, прибегающий к лести
в стремление к дарам и наградам?
Он честью считает бесчестье.

СУБАНДХУ

Собрание брахманов мудрых,
на дарбхе душистой сидящих
в шнурах украшенном платье
и четками часто стучащих,

похоже на шайку злодеев,
с бессовестными речами
счет краденому ведущим
и вооруженных мечами.

ЧАНАКЬЯ

Когда государь незаконно
с народа взимает налоги,
то смерть от народного гнева
стоит у него на пороге.

ВАЛЬМИКИ

Все в мире становится прахом:
и дом, и страна, и обитель,
когда не мудрец ими правит,
а глупый и злобный властитель.

БХУМИДХАРА

Солнце ходит над нами с целью только одной:
обогревать лучами сумрачный мир земной.
Но существует мнение — каждый слышал его:
«Солнечное кружение — чванство и хвастовство!»
Пыжась вверх от спеси, солнце за годом год
свет на грады и веи лишь между делом льет!»
Что тут напрасно спорить? Тщится жалкая рать
честного опозорить, чистого замарать.

РАВИГУПТА

Без содроганья круша, убивая, губя,
губит при этом злодей самого же себя.
Так на земле, когда битва уже отшумела,
бьется в воинственной пляске безглавое мертвое тело.

ВАЛЛАБХАДЕВА

Первый свой грех совершив, заставляет злодей
за злодеянье свое устыдиться людей,
но, продолжив безбожные множить затей,
станет скучен для всех он — мол, что еще ждать от злодея?

АНОНИМ

В дремучих лесах твоих, Майя,
страстей обитают тигрицы,
коварных намерений змеи,
желаний жестокие птицы,
там — львицы иллюзий, там — чувства
простерли тернистые ветви;
но добрых людей там не встретишь,
все видящих в подлинном свете.

АНОНИМ

Когда человек преступает законы
лишь в силу незнания,
иль грех недоказан — пусть царь отменяет
ему наказание.
Но если умышлено и безусловно
виновен преступник,
тогда не уйдет от народного гнева
державный заступник!

КШЕМЕНДРА

Черны, как чернила, деянья писца,
каلامом строчит он, крючок, обирала,
он даже ничтожной не брезгает мздой
и, сколько ни схапает, все ему мало.
Но рано ли, поздно ли схватят его,
упрячут в острог — посиди-ка, ловчила!
Так ловят на рисовом поле змею,
которая тоже черна, как чернила.

*

Казна государева горько рыдает
слезами чернил, что стекают с каламов писцов:
ее расхищают придворные-воры,
и тут не поможет ни крепкий запор, ни засов.

АНОНИМ

Каламы тверды и остры,
как сами писцы-крючковторы.
Такая уж наша судьба —
терпеть притеснения, поборы.

ВЬЯСА

Воистину нет никого
на свете щедрее, чем скаред:
по смерти богатство свое
он миру нетронутым дарит.

МУДРОСТЬ И НЕВЕЖЕСТВО

ДЖАЛАЯНАНДИН

Видно, любо в колодеце
квакать глупой лягушке,
всем на свете вещая:
«Вся земля — мой колодец!
Небо — синий обрывок,
я со дна его вижу!
Мир подземный, я знаю,
расположен под илом!
А вода-то уж точно
вся вместилась в колодец!»
Вот он, мир лягушачий, —
полагает лягушка,
что иных не бывает.

ШАРНГАДХАРА

Что пользы в шуме
вод Океана,
столь благозвучном
на отдаленье?
У побережья
случайный странник
погибнуть может
от злостной жажды!

Нет, лучше заводь
или колодец,
где всякий вволю,
черпая горстью,
напиться может.

АНОНИМ

Ругают воры
луну на небе,
ругает мужа
любовник тайный,
злодей ругает
творящих благо,
слуга убогий
бранит вельможу,
бранит мальчишка
седого старца,
а жалкий нищий
клянет богатых,
брань — безобразна,
ответ — изыщен,
ученый тоже
бранит тупицу,
кто родом низок —
того, кто знатен,
всех просвещенных
бранит невежда...

МАГХА

Все, что людьми достигается,
к славе царя прилагается,
даже то, о чем он и не мыслил.
Так и звуки, что в этом мире рождаются,
станут владением божественной выси.

КАЛХАНА

«Я напишу посланье на ткани звездных полей!»
«Я сотку одеянье из лотосовых стеблей!»
«Я расплачусь монетой, приснившейся мне во сне!»

«Дом из воды и света просто построить мне!»
Что сказать о владыке, поверившем в эту чушь?
Он — мудрец невеликий и невеликий муж!

АНОНИМ

Умудреннейших книг разбирая страницы,
должно думать и думать, нельзя торопиться,
чтобы суть отличать от изящных подобий,
надо мысль подвергать, как и золото, пробе.
Не ликуй, с мудрецом согласясь в рассужденье:
может, оба — и ты, и мудрец — в заблужденье.

ШАРНГАДХАРА

Кукушка, друг ты мой! На пенье сил своих
не трать-ка попусту в краю глухонемых.
Хоть им чудесно пой, хоть пой еще чудесней, —
вороний крик они не отличат от песни.

ХАМСАВИДЖАЯГАНИША

Зачем боевые стрелы ты, мастер, принес сюда?
Ты выточил их умело, ты столько вложил труда!
Но что мужланам в деревне, глядящим тупо и зло,
законы мудрости древней, искусство и ремесло?
Невежественные люди в незнание своем горды,
для них и в диком сосуде — вместилище для воды,
зажаты у них в почете, но для этих людей
они — лишь помощь в охоте, мольба о сытной еде.
Уши их туговаты, а взоры недалеки:
не дальше своей лопаты, мотыги, плуга, кирки.

АНОНИМ

Тяжкие узы безмерных желаний влача,
пляшет и скачет глупец под дуду богача.
Счастье ему не сыскать ни себе и ни дому:
жалкий заложник Судьбы, он подобен актеру дурному.

ДАМОДАРАГУПТА

Благополучье, здоровье, богатство, почет,
дружба достойных, удача и жизнь без невзгод —
вот для счастливица удел, но такому уделу
мудрость предшествует, честь, благонравье и доброе дело.

КШЕМЕНДРА

Чтобы скрыть глухоту и незнание нот,
слабый певец величальную громко поет,
видя вельможу, всю надрывается: «Слава!» —
сам восхваляя себя непрерывными воплями: «Браво!»

НАЛАДИЯР

Много воды в океане, да только она
без толку людям — уж больно волна солоня.
Мелок колодец, но чистой водою колодца
пыльный с дороги омоется, жаждущий — вволю напьется.

ШИЛХАНА

Олени кроткие пасутся мирно,
и все, что нужно им, — родные рощи,
а мы всего хотим — на то нам разум;
им, тварям бессловесным, много проще.

АНОНИМ

Кто выше всего почитает
разумное, должен к науке
идти, хоть ее создавали
земного насельника руки.
И пусть почитающий разум
откажется от заблуждений,
хотя бы и взятых из древних
пророческих произведений.

ВЬЯСА

Великую истину можно
создать из неправды и вздора:
на клочьях картона живыми
предстанут пещеры и горы.

ЧАНАКЬЯ

Для мудрых все возможно.
Познание — богатство.
Как ни страшны препоны,
не следует бояться.
Превратности минуют —
и мудрость человека
должна, как Лебедь, воду
отцеживать от млека.

НИЛАКАНТХАДИКШИТА

Дивиться ль должно,
когда, болтая
с друзьями праздно,
купец расскажет
о том, как славно
порой бывает
набрать товару
почти задаром,
а следом — прибыль
схватить не меньше
двадцатикратной?
Ведь даже в бурю,
плывя на судне,
что утопает
в волнах огромных,
купец все так же
болтает только
о том, как много
купил и продал.

РАВИГУПТА

Тот на виду, чьи знания никчемны,
шумит изрядно, дабы лишь к себе
привлечь внимание, треплет языком.
Так и дрянной актер, коль нету рядом
лиц одаренных, в гнусном лицедействе
людей обманет пышным представленьем.

АНОНИМ

Какой глупец порой
не затевает споры?
Но мудрость — это плод
раздумий не простых.
Шумит пустой горшок,
помалкивает — полный.

АНОНИМ

Весь день наставляет владыку
мудрец-краснослов,
но за ночь тот все позабудет —
осел из ослов.

СУДЬБА

ДЖАЛХАНА

К концу подходит день, и вижу я воочью,
как меркнет ясный свет, сливаясь с черной ночью.
Тревожится душа... Любимая, приди же!
Нет в жизни никого, кто мне милей и ближе,
нет в мире ничего любви моей сильнее...
Но нет, сильнее — Судьба, а мы ведомы ею.
Судьба сказала: нет! И сколько ни перечь ей,
не будет эта ночь согрета нашей встречей.

КШЕМЕНДРА

В тысячах воплощений терзаюсь, хрипло дыша,
богатства и наслаждений напрасно алчет душа.

Мы лучшую долю ищем, но все решено Судьбой:
достаток явится к нищим, пойдет толстосум с сумой.
В бедности нет позора, в роскоши счастья нет,
но золотые горы застыт разуму свет.

*

Кто вознесен Судьбою был высоко — и пал,
обретает порою больше, чем потерял:
он теряет при этом чванство, жадность и лесть,
но, становясь аскетом, приобретает честь;
он, потеряв безверье, станет с верой сильней;
меньше высокомерья — больше верных друзей.
Сам же он будет славить час, когда вниз упал.
Нужно руду расплавить, чтобы добыть металл.

АНОНИМ

Рыба соскользнула
с острого крючка,
тут же угодила
в сети рыбака,
вырвалась — попала
злой акуле в пасть.
Коль судьба судила,
все равно пропасть.

ЧАНАКЪЯ

Мы собственной кармы создання,
мы — куклы, которыми с помощью нитей
судьба управляет. Вершите
лишь доброе, зла никому не чините.

АНОНИМ

Что кармою предписано — верши,
Из смертных не завидуй никому:
хоть жаворонок вьется высоко,
царем пернатых не бывать ему.

ШУКРА

Хотя бы и в прошлом рожденье,
о смертный, тобой свершено
деянье, — и счастье приносит,
и гибель приносит оно.
Нет пагубы хуже безделья.
Упорно трудясь, ни на миг
себе не давай послабления —
тогда лишь ты будешь велик.

ЧАНАКЪЯ

Богиня счастья Лакшми
покинет даже Вишну,
коль в рубище одет он
и злой и никудышный.
Коль он зубов не чистит,
обжора и ругатель,
и дремлет на рассвете,
и дрыхнет на закате.

КАЛХАНА

Дано воде, текучей от природы,
как в камень, обращаться в лед,
а камню растворяться в ней.
А это значит: всякое явление
и даже Времени великий ход
возможно изменить.
Но чья природа может оставаться
без изменений на пути,
проложенном Судьбой?

КАЛИДАСА Времена года

ПЕРВАЯ ГЛАВА

1. Знойное лето настало, любимая,
солнцем безжалостным Каму смирившее,
радость принесшее частым купанием,
нежной луной и ночами чудесными.
2. Лето любить человека заставило
лунные ночи, озера прохладные,
масло сандала, свои украшения,
дом с серебристым фонтаном, любимая.
3. Теплою летнею ночью влюбленные,
сидя на крыше вдвоем, наслаждаются
пеньем друг друга, любовь разжигающим,
садом цветущим и сладкими винами.
4. Грудью, украшенной нитями жемчуга,
круглыми бедрами, шелком прикрытыми,
и волосами душистыми женщины
сильную страсть остужают возлюбленных.
5. Стройные и полнобедрые женщины,
летом украсив лодыжки браслетами,
звоном на гогот гусиный похожими,
сердце мужчины пленяют походкою.
6. Грудь, сандаловым маслом натертые,
жемчугом, белым, как снег, оттененные,
дивные бедра под красочным поясом
разве не сделают сердце взволнованным?
7. Женщины, каплями пота покрытые,
быстро снимают одежды тяжелые
и надевают на груди высокие,
пот вытирая, одежды тончайшие.

8. Кама разбужен, подобно уснувшему,
пением под мелодичную валлаки,
легким дыханием ветра от веера,
нежным касанием груди восхитительной.
9. Месяц, ночами смотря на прекрасные
лица красавиц, уснувших с улыбками,
утром едва наступившим становится,
словно от скромности бледно-серебряным.
10. Путники, сердце которых терзается
пламенем жгучим разлуки с любимой,
видеть не могут без слез сострадания
землю, сожженную солнцем пылающим.
11. Сильно спаленные солнцем безжалостным,
с ртами сухими от жажды мучительной,
лес вдалеке принимая за облако,
звери навстречу ему отправляются.
12. Видя индийских красавиц кокетливых,
столь же прекрасных, как летние сумерки,
гибких, дразнящих улыбками хитрыми,
сразу влюбляется в них путешественник.
13. Яростным солнцем змея изнуренная,
пылью горячей в пути обожженная,
часто дышащая воздухом огненным,
тенью павлина сейчас наслаждается.
14. Львица, томимая жаждой неистовой,
часто дышащая пастью раскрытою
и ослабевшая, даже не трогает
рядом стоящее стадо слоновое.
15. Слон, от жары нестерпимой страдающий,
с ключьями пены у рта пересохшего,
ищущий воду, измученный жаждою,
даже свирепого льва не пугается.
16. Стая павлинов, спаленная огненным
солнцем, похожим на пламя священное,
не убивает уже от усталости
змей, рядом с нею свернувшихся кольцами.

17. В высохшем озере длинными мордами
ил и траву разрывая с надеждою,
под обжигающим солнцем измучившись,
вепри на землю без сил опускаются.
18. Жаба, сожженная солнцем безжалостным,
из небольшого пруда выбирается
и под зонтом капюшона раскрытого
мучимой жаждой змеи наслаждается.
19. Летом слоны, истомленные жаждою,
всех журавлей распугали на озере,
лотосы смяли и воду наполнили
илом густым и раздавленной рыбою.
20. Кобра, сияя на солнце чешуйками,
воздух горячий вдыхая мучительно,
ядом и сильною жаждой сраженная,
даже не жалит лягушек бесчисленных.
21. Буйволы, жгучею жаждой томимые,
морды поднявшие с пеной стекающей
и языки красноватые высунув,
с гор невысоких в долину спускаются.
22. Злаки в полях высыхают от зноя палящего,
ветер порывистый листья срывает увядшие,
реки мелеют от летнего солнца нещадного,
искренний страх вызывая в сердцах человеческих.
23. Птицы грустят на деревьях, засохших от засухи,
в поисках влаги скитаются буйволы дикие,
пить из глубоких колодцев пытаются щарабхи,
в горных лесах обезьяны от солнца скрываются.
24. Землю сжигает повсюду огонь появившийся,
ярко пылающий, словно кусумбха цветущая,
ветви деревьев сжимающий в крепких объятиях
и раздуваемый ветром, порывисто дующим.
25. Пламя лесного пожара пылает в расщелинах,
жалит безжалостно стаи животных испуганных,
с треском вгрызается в стебли бамбука засохшего,
губит траву и становится более яростным.

26. Бродит по лесу огонь, разжигаемый ветрами,
желто-оранжевый в дуплах деревьев виднеется,
быстро крадется по ветвям к листве облетающей,
снова и снова рождается в зарослях шалмали.
27. Лев со слоном и быком, обожженные пламенем,
сразу забыв о взаимной вражде от смятения,
рядом бегут из убежищ к пологому берегу
и с нетерпением в мелкую речку бросаются.
28. Знойное лето, дарящее яркие лотосы,
запах цветущей паталы и свежесть купания,
пусть принесет тебе радость общенья с подругами
лунною ночью под тихое нежное пение.

ВТОРАЯ ГЛАВА

1. Время дождей наступило, любимая,
блеском подобное радже богатому,
с тучами — стадом слонов разъярившихся,
громом — мардалом и молнией — знаменем.
2. Небо покрылось плывущими тучами,
словно зелеными листьями лотосов,
где-то на темную краску похожими,
где-то — на груди беременной женщины.
3. Медленно движутся тучи тяжелые,
воду несущие жаждущим чатакам,
ливнем желанным пролиться готовые,
радуя звуками грома далёкого.
4. В грозы сердца чужестранцев пронзаются
острыми стрелами ливня холодного,
быстро из радуги-лука летящими
под оглушительный грохот и молнии.
5. Словно в прекрасном наряде красавица,
наша земля, светлячками покрытая,
листьями кандали, свежими травами
цвета «кошачьего глаза» толченого.

6. Стая павлинов, в грозу возбужденная,
гордо красуясь хвостами раскрытыми,
брачные танцы затеяла с криками,
бурными ласками и поцелуями.
7. Реки стремительно в море вливаются,
все на пути сокрушая безжалостно,
мощным напором воды замутнившейся,
словно обидой взбешенные женщины.
8. Лес, покрывающий Виндхью высокую,
сердце пленяет побегами свежими,
нежной зеленой травой, съедаемой
стаями самок оленей пасущихся.
9. Лес, на песчаных холмах расположенный,
полный оленей всегда настороженных,
лотосооких и очень пленительных
в душах людей вызывает волнение.
10. Женщины, пылкою страстью томимые,
даже ужасной грозы не пугаются
и на свиданья ночью торопятся,
путь находя при сверкающих молниях.
11. Юные женщины летними грозами
в страхе от резкого грома и молнии
ищут защиты в объятьях возлюбленных,
сразу забыв про обиды недавние.
12. Жены мужчин, на чужбину уехавших,
плачут, не носят свои украшения,
но и в слезах их глаза, словно лотосы,
красные губы, как бимба созревшая.
13. Мутный от сильного летнего дождика,
водный поток, как змея, пробирается
мимо лягушек, застывших испуганно,
вниз устремляясь в долину глубокую.
14. Глупые пчелы, приятно жужжащие,
видя повсюду цветы облетевшие,
страстно стремятся к павлинам танцующим,
перья хвостов принимая за лотосы.

15. Стадо слонов, непрерывно ревущее,
словно раскатистый гром, возбужденное,
бродит везде, окруженное пчелами,
мадой текущей к нему привлеченными.
16. Горы, вершины которых целуются
с облаком-лотосом, ливнем омытые,
и в обрамлении павлинов танцующих,
в сердце рождают томление сильное.
17. Кто не вдыхает с тоскою любовною
запахи, ветром прохладным несомые,
желтой кадамбы, дурманящей кетаки,
арджуны, сарджи из леса соседнего?
18. Страсть пробуждают в возлюбленных женщины
грудью прекрасной, украшенной жемчугом,
ртами хмельными, венками душистыми
и волосами, по бедрам текущими.
19. Темными тучами, воду несущими,
пестрою радугой, вспышками молнии,
ярким нарядом красавиц пленяются
сразу сердца чужеземцев приехавших.
20. Женщины носят сегодня венки из кесары,
кетаки и ярко-желтой расцветшей кадамбы,
уши свои украшают цветами какубхи,
чтоб для любимого стать красивей и желанней.
21. Пряди волос ароматным жасмином украсив,
смазав тела свои маслом сандаловым, жены
вечером в спальную комнату быстро уходят,
слыша грохочущий гром и начавшийся ливень.
22. Сердце в разлуке с любимым тоскующей женщины,
будто уносится черными низкими тучами,
на лепестки голубой кувалаи похожими,
медленно-медленно в дальние страны плывущими.
23. Лес, освеженный недавно прошедшими ливнями,
словно танцует ветвями, от ветра дрожащими,
словно смеется бутонами острыми кетаки
и веселится цветами кадамбы расцветшими.

24. Дождь, как возлюбленный, дарит кадамбу цветущую
женщинам, чтобы сплели для ушей украшения,
белый жасмин распустившийся, нежную бакулу,
чтобы венками украсили черные волосы.
25. Женские груди украшены нитями жемчуга,
стройные бедра и ноги — шелками тончайшими,
гибкие талии — кожными складками милыми
и волосками, от летнего ливня заметными.
26. Ветер, прохладный от капель дождя непрерывного,
ветви цветущих деревьев качая порывисто
и разнося аромат опьяняющей кетаки,
будто уносит сердца чужестранцев приехавших.
27. «Эта гора — нам опора высокая», — думали
низкие тучи, несущие воду тяжелую,
и поливали дождями обильными радостно
Виндхью, сожженную летним безжалостным пламенем.
28. Время дождей, подарившее свежесть приятную,
женское сердце своей красотой пленившее,
жизнь возвратившее всем существам и растениям,
пусть принесет тебе разные блага желанные.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

1. Осень пришла, как невеста прекрасная снова,
гибкая, будто зеленые стебли пшеницы,
в свадебном платье из каши, цветущей повсюду,
криком гусей подражая звучанью браслетов.
2. Осенью реки украшены стаями уток,
воды озер — распустившейся белой кумудой,
лес — семилистником, рощи — душистым жасмином,
ночи — луною, земля — расцветающей кашей.
3. Тихие реки на женщин влюбленных похожи:
их берега невысокие — стройные бедра,
белые птицы, спокойно сидящие, — жемчуг,
стаи резвящихся шапхари — пояс блестящий.

4. Небо, как царь, обдуваемый ста веерами,
с ветром гонимыми легкими ста облаками,
после прошедших дождей потерявшими воду,
белыми, как серебро или корни кумуды.
5. Небо прекрасное, словно разлитая краска,
земли, покрытые красной пылью бандхуки
и колосющимся рисом, недавно созревшим,
разве в сердцах не разбудят любовные чувства?
6. Сладким нектаром поившая пчел опьяневших,
взоры пленившая множеством нежных побегов,
красных цветов и чудесных ветвей ковидара
разве оставит кого-нибудь к ней равнодушным?
7. Ночь ежедневно растет, будто юная дева,
и надевает из тысячи звезд украшение,
тонкое платье из света луны серебристой,
после недавних дождей появившейся снова.
8. Гуси кричащие, утки, плывущие в реках,
желтых от яркой пыльцы, осыпаемой ветром,
стан кадамбы, закрывшие берег пологий,
радостью души людей наполняют повсюду.
9. Сердце пленяя лучами отрадными, словно
мелким холодным дождем 'освежающий месяц
сильно терзает ночами тоскующих женщин,
раненных острой стрелой разлуки с любимым.
10. Ветер качает цветущие лотосы тихо,
весело ходит по полю созревшего шали,
мягко касается веток, пригнутых цветами,
и трепетать заставляет сердца молодые.
11. Воды озер, бороздимые утренним ветром,
в ярких цветах распустившихся лотосов синих
и в украшении белых гусей возбужденных
чуткое сердце сильнее любить заставляют.
12. Раннею осенью радуга в тучах погибла,
молния-знамя уже не сияет на небе,
стан павлинов не смотрят навстречу постоянно
и журавли не летают в воздушном пространстве.

13. Кончились страстные танцы у гордых павлинов,
а у гусей начинаются брачные песни,
арджуна, сарджа, кадамба уже отцветают,
а семилистник покрылся недавно цветами.
14. Рощи, пьянящие белым цветущим жасмином,
полные самок оленей, спокойно стоящих,
и оживленные криками птиц прилетевших,
чувства людей обостряют своей красотой.
15. Утренний ветер качает кумуду и падму,
с кончиков листьев сдувает росу ледяную,
и становясь после этого очень холодным,
души людей наполняет любовным томлением.
16. Земли, покрытые шали недавно созревшим,
и многочисленный скот, и кричащие стаи
диких гусей у осенних озер, и просторы
радостно биться людские сердца заставляют.
17. Волны реки затмевают игривые брови,
нежные белые лотосы — милые лица,
темно-сапфирные лотосы — очи хмельные,
а грациозные гуси — движения женщин.
18. Тонкие стебли цветущих лиан побеждают
женские руки в браслетах своей красотой,
а распустившийся белый жасмин и канкели
белые зубы сиянием цветов превосходят.
19. Осенью страстным красавицам надо украсить
черные длинные волосы белым жасмином,
а на ушах с золотыми сережками вместе
надо носить голубые бутоны утпалы.
20. Женщины нитками жемчуга грудь украшают,
лотосы-ноги — браслетами с нежным звучаньем
и поясами — широкие смуглые бедра,
сами любясь своей красотой сегодня.
21. Лунное звездное небо глубокою осенью
очень похоже на воды озер восхитительных,
как драгоценные камни на солнце сияющих,
стаей гусей и цветами кумуды украшенных.

22. Осенью ветры разносят прохладу озерную,
в разные стороны тучи развеяв тяжелые,
небо сияет луной серебристой и звездами
и после дождика сохнет земля возрожденная.
23. Белые лотосы, лицам красивым подобные,
утром всегда раскрываются, солнцем будимые,
и, провожая луну, закрываются красные
лотосы, будто улыбка тоскующей женщины.
24. Глядя на лотосы, видит глаза темно-карие,
слыша гусей, пояса представляет звенящие,
а бандхудживу заметивши, губы возлюбленной
с болью себе представляет в пути путешественник.
25. Дивная осень-невеста куда-то уходит,
женскому лику сиянье луны оставляя,
милым губам — красоту ярко-красной бандхуки
и драгоценным браслетам — гусиные крики.
26. Белые лотосы, словно лицо благородное,
синие лотосы, будто глаза, а цветущая
светлая каша, как платье красавицы-осени.
Пусть же она принесет тебе радость огромную!

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

1. Лотосы вянут, роса выпадает,
всходы пшеницы в полях появились,
лодхра покрылся цветами недавно,
шали созрел, холода наступили.
2. Не натирают в холодное время
женщины маслом сандаловым груди,
больше не носят жемчужные бусы,
белые, словно луна или кунда.
3. Грустные женщины не надевают
тонких одежд на высокие груди,
легкого шелка на полные бедра,
звонких браслетов на смуглые руки.

4. Не украшают красивые ноги
множеством нежно звучащих браслетов
и пояса золотые снимают
женщины с бедер широких зимою.
5. Женщины тело натерли имбирем,
щеки покрыли узорами листьев,
волосы смазали черным алоэ,
чтоб подготовиться к празднику страсти.
6. Счастьем любовной игры насладившись,
страстные женщины бледными стали
и не смеются теперь уже громко
из-за израненных губ в поцелуях.
7. Холод сжимает в объятиях крепких
груди-холмы, причиняя страданья,
и от раскаянья будто рыдает
утром росую, лежащей на травах.
8. Земли, покрытые шали созревшим,
полные самок оленей пугливых
и краунчей, прилетевших недавно,
ранят тоскою сердца молодые.
9. Воды прозрачных озер в украшеньи
диких гусей, возбужденно кричащих,
и распутившихся лотосов синих
души людей красотой покоряют.
10. Зреют зимою плоды у приянгу,
часто дрожа от холодного ветра,
будто бледнеет жена от разлуки
с мужем любимым, моя дорогая.
11. Муж и жена, насладившись любовью,
даже во сне обнимаются нежно,
запах вина на губах сохраняя
и на сплетенных телах поцелуи.
12. Ласками тело друг друга насытив,
юные муж и жена замечают,
что расцарапана грудь и зубами
губы повсюду изранены сильно.

13. Женщина, лотос-лицо на заре украшая,
зеркало держит в руках и с улыбкою видит
губы свои со следами укусов от страсти,
сладким вином поцелуев поившие мужа.
14. Вот и другая, остыв после игр любовных,
красные лотосы глаз закрывает устало,
пряди волос убирает с плечей обнаженных
и засыпает, согретая утренним солнцем.
15. Третья с высокою грудью и талией тонкой
длинные черные волосы в косы сплетает,
снявши лениво ненужный венок из жасмина,
свой восхитительный запах уже потерявший.
16. Черноволосая пылкая женщина утром
смотрит, прищулив глаза, на уставшее тело
после объятий любимого и, улыбаясь,
зимней одеждой скрывает следы наслаждения.
17. Долгой любовной игрой утомленные жены,
чувствуя слабость в прелестных телах, натирают
маслом особым широкие бедра и груди,
чтоб по краям волоски не вставали на коже.
18. Женское сердце пленившая, очень приятная
разными благами, птичьими трелями звонкими
и урожаями вкусного шали богатая,
пусть же зима вас сегодня счастливыми сделает.

ПЯТАЯ ГЛАВА

1. Слушай, моя дорогая, о шишире,
людям дарящим любовные радости,
трель краунчей, притаившихся где-нибудь,
сладкий тростник и пшеницу созревшую.
2. Холод людей заставляет, любимая,
в доме сидеть у огня разведенного,
окна закрыв, одеваться по-зимнему
и согреваться любовными играми.

3. Больше теперь человека не радуют
масло сандала, луной охлажденное,
крыша, на месяц осенний похожая,
ветры и стужа, росу приносящая.
4. Очень холодные от серебристого
света луны, от росы выпадающей
и освещенные бледными звездами,
ночи не дарят уже наслаждения.
5. Страстные жены венками украсили
волосы, пряный бетель приготовили,
губы смочили вином опьяняющим
и в ароматную спальню торопятся.
6. Пылкие женщины, видя возлюбленных
к ласкам любовным стремящихся вечером,
но утнетенных размолвками частыми,
сразу прощают обиды недавние.
7. Утром вставая, красавицы юные
медленно бродят по дому, ослабшие
после того, как ночами холодными
долго и страстно ласкали возлюбленных.
8. Женщины, кофтами груди сдавившие,
шелком раскрашенным бедра закрывшие,
вплетшие в косы цветы ароматные,
словно украсили зиму пришедшую.
9. Жаркими ласками ночью согретые,
спят, улыбаясь счастливо, любовники,
но и во сне прижимается женщина
грудью, натертой шафраном, к любимому.
10. Хмурю ночью с любимым мужчиною
женщина весело пьет возбуждающий
крепкий напиток с опущенным лотосом
в кубок для тонкого свежего запаха.
11. Утром жена, опьяненная ласками страстными,
смотрит на круглые груди, на тело, которое
было недавно в объятьях супруга любимого,
и, улыбаясь, выходит из спальни веселая.

12. Утром вставая с кровати, другая красавица,
стройная и полнобедрая, сонным движением
из растрепавшихся, черным алоэ надушенных
прядей волос вынимает жасмины завявшие.
13. Длинноволосая и красногубая женщина,
ликом похожая на золотистые лотосы,
дома сидящая, словно богиня прекрасная,
утром подводит до уха глаза покрасневшие.
14. Вот и иная красавица с пышными бедрами,
быстро снимавшая с тела одежду тяжелую
для наслажденья любовными играми вечером,
утром с трудом одевается, медленно двигаясь.
15. Долго смотря на царапины, груди покрывшие,
трогая нежные губы, пронзенные острыми,
как молодые побеги, зубами любовника,
утром лицо украшает довольная женщина.
16. Пусть холода, изобильные сладкими блюдами,
лаковым рисом, любовными играми страстными
и приносящие боль разлученным с любимыми,
дарят всегда вам удачу и счастье безмерное.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

1. Воин Васанта явился, любимая,
чтобы сердца истомленных желанием
пчел-тетиву натянув, будто стрелами,
ранить побегами манго цветущего.
2. Страстные женщины, лотосы в реках,
сумерки, ветви цветущих деревьев
и ароматные ветры весною
стали прекрасней еще, дорогая.
3. Всех одарила весна красотой:
жен в поясах драгоценных, озера,
свет серебристой луны и деревья
манго, цветами покрытые всюду.

4. Круглые груди весной украшают
женщины тонкою желтой одеждой,
смуглые полные бедра — шелками
цвета пылающе-красной кусумбхи.
5. Неароматный цветок карникары
стал красивее, украсивши уши,
пышный цветок навамаллики белой
выглядит в женской прическе прекрасней.
6. Жены, задетые стрелами Камы,
жемчугом белым украсили груди,
множеством звонких браслетов — запястья
и поясами — широкие бедра.
7. Женские лица с узорами листьев,
нежные, как золотые камалы,
каплями пота покрылись весною,
будто рассыпанным жемчугом круглым.
8. Жены, весною томимые Камой,
возле мужей находясь, развязали
все узелки на одежде тяжелой
и от любви возбужденными стали.
9. Ранивший сердце любовью, Ананга
делает женское тело весною
бледным, влекущим своей красотой,
слабым, худым от сжигающей страсти.
10. Кама сегодня находится всюду:
в грудях упругих, в щеках побледневших,
в тоненьких талиях, в бедрах широких,
в трепетных взглядах влюбившихся женщин.
11. Ранней весною Кандарпа незримый
сонными сделал движения тела,
хмурыми — взгляды и вялыми — речи
женщин, слегка от вина опьяневших.
12. Жены, влюбленные страстно в супругов,
смазали груди сандаловым маслом,
смешанным с пряным имбирем, приянгу,
мускусом и ярко-желтым шафраном.

13. Люди, томимые страстью любовной,
сняли одежды тяжелые с тела
и надевают весною одежды
тонкие, ярко-багряного цвета.
14. Кокил, от манго цветущего пьяный,
самку целует, взволнованный страстью,
пчелка, жужжащая в лотосе белом,
словно в любви признается кому-то.
15. Манго, ласкаемый ветром весенним,
ставший прекрасным от красных побегов,
кремово-белых цветов ароматных,
в женских сердцах пробуждает желанье.
16. Вечнозеленые ветви ашоки
с множеством красных цветов вызывают
в сердце печаль у того, кто посмотрит
на «беспечальное» дерево это.
17. В сердце влюбленного страсть пробуждается, если
видит цветы он, пьянящие пчел прилетевших,
гибкие ветви, сплетенные ветром игривым
и небольшие бутоны чудесного манго.
18. Кто же, имеющий нежное сердце, не будет
ранен стрелою Кандарпы, увидя весною
быстро расцветший пурпурный цветок амаранта,
столь же прекрасный, как смуглые лица красавиц?
19. Наша земля как жена молодая сияет
красной одеждой, покрытая всюду весною
ярко цветущей кимшукой, похожей на пламя
и на ветру шелестящей блестящей листвою.
20. Кто не измучен сегодня багряной кимшукой,
кто не сражен красотой цветов карникары,
пением черного кокила, ранящим сердце
юношей, страстно влюбленных в капризных красавиц?
21. Даже в хорошей и знатной семье молодые
скромные женщины, слыша веселую песню
черного кокила и пролетающих пчелок,
сразу смущаются, чувствуя в сердце томление.

22. Ветер весенний деревья дрожать заставляет,
в разные стороны пенье кукушки разносит,
белый лохматый туман по утрам разгоняет
и ненароком людские сердца похищает.
23. Рощи, сияя жасминами белыми ярко,
словно улыбками женщин кокетливых, даже
чистое сердце отшельника сильно пленяют,
страстное сердце мужчины пленяют сильнее.
24. Женщины в бусах жемчужных, украсивших груди,
и в поясах драгоценных, звенящих на бедрах,
Камой томимые, с помощью пенья кукушки
быстро мужские сердца покоряют весною.
25. Каждый с веселой улыбкою смотрит на горы,
теплой весною покрытые лесом цветущим,
мягкими мхами шайлея заросшие с краю
и оживленные радостным пеньем кукушек.
26. Видя деревья цветущего манго, уставший
и от разлуки с женою страдающий путник
нос и глаза закрывает рукою, рыдая,
и продолжает, стеная, идти одиноко.
27. Месяц цветов ароматными манго цветущими,
пением кокила и карниками яркими,
словно незримыми острыми стрелами мучает
сердце надменной красавицы для пробужденья.
28. Приносящий душистый ветер, Кама с месяцем вместо короны,
у которого лук — кимшука, ветви манго цветущего — стрелы,
тетива — вереница пчелок, чей приход воспевают кукушка,
пусть же он, победитель мира, вам сегодня подарит удачу.

Потомки Рагху

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1. Ради прочного единства, связи звуков с их значением,
Славлю я творцов вселенной — Парамешвара с Парвати,
Столь же дружных меж собою, как и звук с его значением.

2. Где возник род Сурьи славный? Где пределы мыслям нашим?
Я по глупости пускаюсь в океан на утлой лодке,
В океан, что не по силам пересечь и самым дерзким.
3. Коль стремиться стану к славе стихотворцев знаменитых,
Буду всеми я осмеян, как пигмей, поднявший руку,
Чтобы плод достать высокий и высоким лишь доступный.
4. Но, быть может, путь мой скромный уподоблен будет нити,
Проходящей незаметно сквозь камень-самоцветы,
Сквозь творения поэтов Рагху — древный род — воспевших.
5. Воспою потомков Рагху, непрочных от рождения,
Мудро правивших землею, всей землей до океана,
И до неба продолжавших колесницы бег победный.
6. Все потомки рода Рагху, Агни по закону чтили,
Выполнения желаний достигали по закону,
Наказанья назначали не превыше преступлений.
7. А богатства собирали, чтоб раздать их без остатка,
Дорожили каждым словом, чтоб на все имелась правда,
Побеждали ради славы и женились для потомства.
8. Изучению науки было отдано их детство,
Юность жаждет наслаждений, старость ищет лишь покоя;
Смерть встречать же подобает только в самосозерцанье.
9. И наслышавшись повсюду о деяньях рода Рагху,
Необдуманно решаюсь я начать свое сказанье,
Так ничтожно красноречье — так их подвиги велики.
10. Мудрецы! Благоволите мой рассказ теперь прослушать!
Осудите иль хвалите, разделив добро и скверну,
Лишь в огне увидеть можно — чисто злато иль нечисто.
11. Среди царей земли был первым Ману Вайвасват почтенный.
Был он Пранаву подобен, о котором знают Веды.
Мудрецы почет и славу Вайвасвату воздавали.
12. Среди его прямых потомков был примернейшим Дилипа,
Он среди князей знатнейших словно месяц выделялся,
Словно месяц, восходящий из-за края океана.

13. Бычи плечи у Дилипы, грудь широкая меж ними,
До колен достали руки, стройный стан подобен шала,
Словом, воин обладает всем, что надобно для боя.
14. Он стоял, подобный Меру, над землею вознесенной:
Надо всеми возвышаясь, всех превосходил он силой.
Блеск его великой славы ярче звезд блистал повсюду.
15. Взгляд являл в Дилипе разум; разум — знаниям порука,
Знания — верное начало совершенья дел великих,
А лишь верное начало привести к успеху может.
16. Был для слуг он досягаем, но внушал к себе почтенье;
Был он с подданными скромн, но его боялись гнева;
Он был сходен с океаном, полным жемчуга и чудищ.
17. Как колеса колесницы колеи не нарушают,
Так и подданные жили, мятежей не подымая.
Им наставник был Дилипа, и ему повиновались.
18. И для верного их счастья он шестину урожая
Собирал с них ежегодно; все сторицей воздается.
В океан заходит солнце, чтоб всегда светить над миром.
19. Ум в науках изощренней, тетива тугая лука
Для него путем служили к исполнению желаний;
Войско храброе и свита под его началом были.
20. Внешний вид его и жесты важных тайн не выдавали,
Сокровеннейшие мысли знать могли по выполненнью.
Как дела времен минувших знаем мы по их успеху.
21. Не боясь, оберегался, достигал богатств — не жаден.
Наслажденья получая, им во власть не отдавался.
В исполнении закона был Дилипа неустанен.
22. Хоть и знал — хранил молчанье, власть имел — был милосердным
И не думал о награде, раздавая подаянье.
Добродетели собрались в нем со дня его рожденья.
23. Был всеведущим в науках и владыкой над страстями,
Подчиняя их рассудку; отличался благочестьем,
И поэтому на склоне лет своих он не был дряхлым.

24. Мудрым словом и советом — от врагов защитой верной —
Он отцом был для подвластных; между тем отцы прямые
Были только лишь причиной их несложного рожденья.
25. Он женился ради сына; для порядка в государстве
Он искоренял злодейства; страсть к добру, любовь, богатство
Для него дорогой были к исполнению закона.
26. Ради жертвоприношений он доил корову-землю,
Магхаван для той же цели небеса доил усердно;
Так, богатствами меняясь, правили они мирами.
27. Повсеместной громкой славы благодетеля народа
Не могли достичь другие, отвращавшие злодейства
От сокровищниц народных только словом, а не делом.
28. Будь хоть враг, но справедливый полюбить его способен,
Как больной свое лекарство; но подлец, — хоть он любезен,
Должен быть отвергнут нами словно палец уязвленный.
29. Все первичные основы — для него родные братья,
С ними он творцом был создан — средоточье добрых качеств,
Благостный венец которых — счастье полное другого.
30. Как единственный властитель, управлял он полновластно
Всей землею необъятной, словно градом невеликим.
Океан был ровом защитным, гребни волн — высоким валом.
31. У него была супруга — дочь царя Магадхи дальней,
Исполнявшая желанья, изъявленные другими,
Добродетелью подобна Дакшине — жене Адхвара.
32. Сей земли правитель славный много жен имел прекрасных,
Но себя считал он мужем лишь Судакшине прелестной
И богине мудрой Лакшми — покровительнице царства.
33. Он с достойною супругой, с ним в желаниях согласной,
Горячо желая сына, проводил в мечтаньях время,
Хорошо, однако, зная, что мечты — мечтами будут.
34. Ради этой славной цели, поручив мантринам царство
И создателя восславив, князь с супругой благородной
Отправляется в обитель, где наставник жил Васишта.

35. Едучи на колеснице, сладкогласно рокотавшей,
Муж с женой подобны были грому с молнией из тучи,
В пору, что давно зовется Варша — временем дождливым.
36. Взяли слуг с собой немного; ведь в обители спокойно,
Слуги не нужны там будут; из-за блеска их величия
Их, казалось, окружали слуг бесчисленные толпы.
37. Овевал их ветер легкий, приласкавшийся к ним нежно,
Услаждал их запах нежный от деревьев благовонных,
Их цветов пыльца покрыла, оведали их деревья.
38. Птичьим голосам внимали, звонко эхо повторенным
И звучащим так, как будто первый звук из семизвучья.
То павлины ворковали, колесницы слыша рокот.
39. А когда газелей пары пробегали недалеко
И, слыша колесницу, на нее стремили взоры,
Их очей однообразие друг для друга подтвердили;
40. Оборачивали взоры к лебедям, кричавшим страстно,
И рядом стоявшим ровным; так венки спадали ровно,
Без поддержки с пышных башен, прославляющих победы;
41. Тучей пыль вздымаласьверху от движенья колесницы,
Но прическа у княгини и тюрбан высокий князя
Ею не были покрыты — к ним был ветер благосклонен;
42. Лотосов благоуханье, освеженное приятно
Рябью легкой, по озерам проскользнувшей ненароком,
С удовольствием вздыхали; вздохам их оно подобно;
43. Принимали восхваленья от свершавших верно жертвы,
И народ воздал им честью в деревнях, жрецам даренных
И украшенных столбами для закланья жертв священных.
44. Вышли к ним с подарком скромным, простоквашею простою,
Пастухи из сел окрестных. Имена деревьев диких,
Что росли о край дороги, муж с женой от них узнал.
45. И хотя в простых одеждах совершали путь великий,
Их сиянье было ярко, словно блеск Луны и Читры,
В ночь, когда сиянье неба освобождено от мари.

46. Достославный повелитель, знаниями Будхе равный,
Обращал жены вниманье на забавные события,
Что случались по дороге, незаметно завершённой.
47. И когда спускался вечер, въехал князь с женой в обитель.
Кони хоть и утомились, обуздал свои он чувства,
Утаил свою усталость от очей, от зорких, старца.
48. Жители пустыни этой только что пришли из леса,
Принесли с собой поленья, трав с корнями набрали,
Развели костры большие, чтобы выказать почтенье.
49. Возле хижин собирались в той обители газели,
Словно дети жен пророков, принимать привыкли пищу
От руки людей почтенных, издавна там обитавших.
50. Утром дочери Васишты, проницательного старца,
Неокрепшие побеги так усердно поливали,
Что пичужки пили воду из канавы у подножья.
51. Подле собранного риса на дворах убогих хижин.
Только лишь погаснет солнце, собирались газели
И лежали молчаливо, пережевывая жвачку.
52. Там при входе дым священный очищал гостей греховных,
Там пылал огонь манящий, там от жертвоприношений
Несся запах, зарождавший плод во чреве материнском.
53. «Распряги коней уставших, чтобы кони отдохнули!» —
Князь тогда сказал вознице и, спустившись с колесницы,
Сам помог сойти супруге, от дороги утомленной.
54. Те пустыnnики святые, что волненья чувств не знали,
Почесть должную воздали, как мудрейшему из мудрых,
Покровителю и князю и его супруге знатной.
55. А когда обряд вечерний совершался в той пустыне
И Васишту он увидел поклонявшегося Агни,
Восклицавшего «Будь славен!» — вместе с верной Арундхати,
56. К их ногам склонились оба — князь с женою магадхийкой.
Но Васишта с Арундхати милостиво встать велели
И в ответ на их поклоны им воздали славословье.

57. Старец был гостеприимен, и от слов его любезных
Словно как рукою сняло у Судакшины с Дилипой
Утомление от тряски колесницы по дороге.
58. Вопросил его Васишта: «Кто мудрейший в вашем царстве?
Где его жительство? Как твое благополучье?
Благоденствует ли царство, велики ль его пределы?»
59. Повелитель всех сокровищ, победитель твердей вражых,
Дар имевший красноречья, в чем никто не мог с ним спорить,
Отвечал ему немедля, речь почтительную начал:
60. «У меня в семи пределах счастье всюду обитает,
Потому что ты, Васишта, наш защитник от несчастий,
Уготованных богами иль умом людей коварных.
61. Ты создатель заклинаний, что врагов на расстояние,
Без ошибки, поражают — не в пример моим-то стрелам,
Что успешно поражают цели, видимые глазу.
62. Ты, о жрец, кладущий жертвы на костер благоговейно!
В жаркий полдень не твои ли это жертвоприношенья
Вызывают дождь обильный на увядшие растения?»
63. Наши подданные жили весь свой век благополучно,
Не испытывали страха, горестей они не знали,
А причиной благоденствий мудрость им твоя служила.
64. Как же может не прерваться процветанье в нашем царстве,
От которого все беды ты молитвой отвращаешь,
Мой наставник благородный, порожденье мысли Брахмы.
65. Коль отсутствует наследник для поддержки славы рода?
Мать-земля с ее богатством и с большими островами,
Зная, — не было мне сына, — мною очень недовольна.
66. После смерти нашей горькой не придется предкам боле
Поедать святую шраддху, сделать из нее запасы,
Как того б они хотели — ради них свершал поминки
67. Возлиянья совершал я; наслаждались предки ими,
Утоляя муки жажды, вздохи часто испуская,
Мысля: „Этого не будет, коль умрет Дилипа славный!“

68. Я, Дилипа, просветливший душу жертвами своими,
Но отсутствием потомства все же тайно омраченный,
Равно светел я и темен, как вершины Локалока.
69. Добродетель отречения и подвижничества святость
Даровать нам могут счастье только в этом, низшем мире,
А достойное потомство даст нам счастье и за гробом.
70. Им покинут я, создатель! Ты не видишь — я измучен!
Сам всегда польешь побеги, состраданьем удручаем,
Как увидишь, что зачахло деревцо, дотоль живое.
71. Этой мукой нестерпимой, этим долгом пред отцами
Скован я, о, повелитель! — словно слон при омовенье
Цепью тяжкою прикован так, что двинуться не может.
72. От тебя успех зависит в достижении всех целей,
Затрудняющих Икшваку. Сделай так, тебя прошу я,
Чтоб свободным стать от долга, чтобы вольным стать мне снова!..»
73. Так окончил князь ответ свой; мудрый, взор остановивши,
Впал в раздумье на мгновенье; словно в озере глубоком
Рыба сонная недвижна — так недвижим был Васишта.
74. Увидал по размышленью тот мудрец, душою чистый,
Что причиною являлось прекращенья рода князя,
Подчинившего все земли, и тотчас ее поведal:
75. «Как-то раз ты возвращался, отслуживши Индре службу,
С неба на землю и встретил на своем пути корову.
По прозванию Сурабхи, отдыхавшую под тенью.
76. О своей супруге помня, что должна была омыться
После кровеистечений, чтоб закона не нарушить,
Обошел корову справа — этим ты презрел законы.
77. „Коль меня ты презираешь, коль не будет мне подарка
В искупленье оскорблений — не бывать тебе с потомством
И тебе не будет сына!“ — так она тебя прокляла.
78. Не услышал ты проклятья, не слыхал его возникчий
Из-за рева мощной Ганги, волны с неба низвергавшей,
И в которой, забавляясь, бешено слоны плескались.

79. Непочтению к Сурабхи ты бездетностью обязан,
Но, коль ты воздашь ей славу, ей, достойной восхвалений,
Ты вернешь благополучье, обретешь свое потомство.
80. Ради жертвоприношений, совершаемых Варуной,
Та священная Сурабхи в Паталу давно спустилась;
Змеями увиты густо страшной Паталы ворота.
81. Если ты, с супругой вместе, выразишь свое вниманье,
Если станешь ты любезен славной дочери Сурабхи,
Исполняющей желанья, ты своей достигнешь цели!»
82. Как сказал свое Васишта, из лесу пришла корова,
Не имевшая пороков и дававшая ахути
Для жреца, что был примером; Нандини дано ей имя.
83. Ярко-красная по цвету, словно вешние побеги,
Посредине лба сияла ясно-белая помета,
Словно на вечернем небе светлый полумесяц новый.
84. И как только увидала тут же собственное чадо,
Так из вымени тугого молоко излилось наземь,
И струя была святее всех священных омовений.
85. Князь стоял бок о бок с нею и покрылся густо пылью,
От ее копыт подъятой. Стал от этого он чище,
Будто часто омывался он в местах святых купаний.
86. И ее тогда увидев, добродетельную видом,
Цвет отшельников вселенной, знающий примет значенье,
Снова к князю обратился, вожделевшему потомства:
87. «Князь! Взгляни же на корову. Исполняющей желанья
Ей дано недаром имя. Оправдать его сумеет,
И желаний исполнение для тебя неотдаленно.
88. Восприяв лесной обычай, ублажать ее ты должен
И ухаживать за нею ты обязан постоянно
Со вниманьем неусыпным, как науки изучают.
89. Коль стоит — стоять ты должен, в путь пошла — иди за нею,
Если ляжет притомившись, рядом с нею должен лечь ты,
А когда измучит жажда — вместе с нею пить обязан.

-
90. Благородная невестка поутру пусть вместе с нею,
Оказавши ей почтение, в лес отправится окрестный;
Вечером, когда стемнеет, приведет ее обратно.
91. По ее соизволенью, если ты того заслужишь,
Насладишься ты блаженством и отцом счастливым станешь.
И отцом ты будешь славным, лучшим, чем отцы другие».
92. Был наставнику послушен ученик, для жертвы знавший
Подобающее время, соответственное место,
И с своей супругой вместе отвечал: «Пусть так и будет».
93. И когда в глубоком мраке старец речь благую кончил,
Обращенную к владыке, повелителю народов,
Князю счастье улыбнулось, снова стало благосклонным.
94. Исполняя все обряды, доброй волею подвигнут,
Святости достиг Васишта: он в обители священной
По себе неприхотливый, вел житье свое немудро.
95. Стали жить в шалаше, что был сделан из листьев
И указан Васиштой, старейшиной рода.
Провели эту ночь князь с супругой на ложе,
Из травы и из листьев устроенном просто.
Ранним утром слышали шепот прилежный;
То обители дети стихи повторяли.

ПОЭЗИЯ ЭПОХИ САНГАМА

Перед тем как расцвести утренней заре, океан стихает. Горизонт начинает светлеть. Бледнея от страха перед могучим Повелителем дня, тьма отодвигается все дальше и дальше. Влажные от горько-соленых брызг, первые солнечные лучи падают на маячные башни, где дотлевают ночные огни, указывающие кораблям курс на Мамаллапурам, Каверипумпаттинам или какой-нибудь другой гостеприимный порт. И уже после того, как эти огни погаснут, вылетает на небесный простор колесница Солнца, запряженная семеркой стремительных коней, начиная свой триумфальный путь над земной твердью, над древними южноиндийскими царствами Чола, Пандья, Чера. Жгучее сверканье сгоняет к полудню с полей не только крестьян, но и все живое. Только к вечеру, перевалив через покрытые цветущими лесами горы, колесница устремляется к Западному Океану. словно желая охладить собственный пыл, Повелитель дня велит колесничему направить бег колесницы в прохладные воды. И в тот же миг эти воды превращаются в расплав красной меди, темнеющей, остывая, — и лишь сиротливое пурпурное облачко, застрявшее на сумрачном небе, напоминает об исчезнувшей колеснице Повелителя дня, промчавшейся над большими и малыми царствами, над богатыми городами и бедными поселками, над чувствами и страстями, над тревогами и заботами людей былых веков, над всем тем, что растворилось бы в забвении, если б не волшебство поэзии, не сила народной памяти, сохранившей одно из чудес культуры древней Индии — поэзию эпохи Сангама (сангам — букв. общество, литературная академия).

При всем своем колоссальном значении санскрит не был единственным литературным языком древней Индии. У народов Южной Индии сложился свой собственный язык — «сен-дамиж», литература на котором культивировалась в царствах Чола, Пандья, Чера в первое тысячелетие нашей эры. В эту пору начали выкристаллизовываться первые признаки тех литературных общностей, которые в новое время стали литературами народов, говорящих на дравидийских языках.

История поэзии эпохи Сангама, или просто Сангама, и легендарна, и удивительно жизненна. Согласно преданиям, она развивалась на протяжении чуть ли не двенадцати тысяч лет. Наиболее трезвые исследователи, опираясь на «Толькаппиям», древнее сочинение на «сен-дамиж» о грамматике и поэтике, восходящее ко временам до нашей эры, считают, что в нем уже засвидетельствовано существование поэзии, отразившейся позднее в стихах, вошедших в антологии эпохи Сангама. Предания рассказывают о том, что некогда в Мадуре под главенством

самого Шивы собрался первый Сангам — общество поэтов под покровительством правителей царства Пандья. В нем состояло восемьдесят девять поэтов. Одним из результатов их деятельности было грамматическое сочинение «Агаттиям». Далее легенда повествует, что после катастрофического наводнения, когда главный город царства Пандьев Южная Мадурa был затоплен, столица была перенесена в город Капатапур, где был основан второй Сангам, в котором состояло пятьдесят девять поэтов. Ими-то и была написана известная древняя грамматика тамильского языка «Толькаппиям». Третий Сангам был образован в городе Мадурa, существующем и поныне. Все три Сангама, как утверждается в легенде, существовали 9 990 лет, объединив 8 598 поэтов, а среди них и несколько богов. То, что ныне известно как поэзия Сангама, есть результат творчества поэтов, членов именно третьего Сангама.

От всей, видимо, чрезвычайно обширной и развитой поэзии эпохи Сангама до нас дошло восемь книг стихов, объединенных одним названием «Еттутохей» и десять поэм «Паттупатту» (III—IV вв.). Именно отсюда выбраны стихи и поэмы, включенные в лежащий перед читателем сборник. Кроме имен и псевдонимов поэтов, звучащих порой весьма неожиданно, не менее неожиданно оказываются сопутствующие им пейзажные обозначения: край цветов куринджи, жасминовый край, край белых лилий, равнинный край, пустынный край. Не всегда можно обнаружить какую-либо прямую связь содержания стихотворения с обозначенным пейзажем. География юга Индии знает такие местности: и равнины, и долины, полные цветов, и выжженные пустыни, и горы, заросшие лесами, и берега моря. Видимо, эти обозначения являются своего рода символами эмоционального настроения, некоторой суммы чувств, которые хотел выразить поэт. Впрочем, канонические для того времени схемы отнюдь не лишают естественности эту милую, трогательную, свежо звучащую более чем пятнадцать веков поэзию, отражающую народную жизнь во всех ее проявлениях. Очевидно и воздействие на поэтов могучей фольклорной стихии.

Поэзия Сангама разделяется на «ахам» (букв. внутреннее), то есть собственно то, что мы могли бы назвать интимно-лирической поэзией, и «пурам» (букв. внешнее), касающуюся общественных аспектов жизни человека. Но «ахам» и «пурам» не столько противостоят друг другу в поэзии Сангама, сколько взаимопроникают друг в друга.

Понятие «ахам» охватывало не только любовную лирику, но и самое любовь, фундаментальный принцип, определяющий жизнь как процесс. В стихотворениях, относящихся к категории «ахам», конечно же, в центре стоят взаимоотношения любящих, но отношения эти изображаются на более или менее широком жизненном фоне. Одним из примеров может служить стихотворение Аниляду Мундриляра. Глубоко лиричное

излияние чувства содержит весьма многозначительные приметы окружающей девушку жизни — счастье любящей уподоблено тому, как

*...в упоенье праздничным обрядом,
Ликуя, пляшут жители деревни,*

в разлуке — она сама

*...опустелый дом,
Где ни души и только на заре
Резвится стая белок во дворе.*

Кроме деления на «ахам» и «пурам», поэзия эпохи Сангама знает еще и деление на так называемые тиннеи. Это — своего рода эмоционально-ландшафтные комплексы, приурочиваемые к определенному типу содержания. Таких типов пять: край цветов куринджи, предполагающий горный ландшафт, холодное время года, ночь, горцев-охотников, любовь с первого взгляда; жасминовый край (муллей) — лесистые холмы, начало времени дождей, вечер, пастухи, томительное ожидание супруга после долгой разлуки; край белых лилий (нейдадь) — морской берег, сумерки, страдания в разлуке; равнинный край (марудам) — плодородные речные долины, утро, крестьяне, супружеская размолвка; пустынный край (палей) — пустыня, жаркое время года, полдень, разбойные кочевники, разлука.

О происхождении этой специфической для древней южноиндийской поэзии категории идут научные споры, пока еще не давшие сколь-нибудь определенных результатов. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что тиннеи отвечают пяти основным типам географического ландшафта юга Индии, порождающим определенные эмоциональные состояния и, очевидно, уже в очень далекие времена оказавшиеся поэтически канонизированными. Выявление тиннеев в их чистом виде встречается не столь уж часто в поэтических произведениях, гораздо чаще они оказываются смешанными.

Субъект лирики эпохи Сангама всегда конкретен и чувство конкретно, как и его выражение, вплетенное и в социальный контекст, и в реальную природу, выступающую здесь не в качестве некоторого набора поэтических клише, но отраженную в ее действительном облике в соответствии с тем или иным временем года. Поэт Вайилан Деван в своем стихотворении — обращении девушки к подруге, казалось бы, всего лишь очередном сетовании влюбленной на задержку любимого — дал скупой, но емкий пейзаж — деревушка на горе, облачка, уподобленные играющей детворе, телята, ждущие своих матерей, возвращающихся на закате. И примета заката — «В белизне жасминовых цветов — багря-

ный свет». И взгляд девушки, устремленный на горный скат в ожидании желанного друга, пастуха — его все еще не видно.

Или другой пример — стихотворение Перунгадунго. Конечно же, речь в этом стихотворении идет о чувстве любви, о тоске, вызванной разлукой. Но образный строй этой миниатюры таков, что сила и того и другого подчеркивается рощами тенистых манго, где бродят торговцы солью, и образом пути неторенного — «в пустыне, похожей на город, набегами разоренный». Кстати сказать, в образах этого стихотворения присутствует своего рода встречное движение — сетования юноши есть в сущности сетования девушки, обращенные ее подругой в его же адрес.

Во многих случаях поэзия эпохи Сангама, особенно в ее малых жанрах, есть поэзия сельской жизни, идет ли речь о земледельцах, пастухах, рыбаках, об обрядах или занятиях, о праздниках или состязаниях. Поэты нисколько не смущаются жестокими реалиями этой жизни, даря читателя или слушателя весьма реалистичными ее картинами. У поэта Калладанара девушка просит подругу поскорее послать за возлюбленным — она осталась дома одна, так как ее отец, рыбак, хоть и пострадал от акулы, долго поправлялся, но снова отправился в море и не скоро вернется с улова домой, а мать

...добывает сейчас, как и все солевары,
Соль для обмена на рис и другие товары.

Если антология «Курунтохей» насыщена произведениями малых форм, тяготеющих к стихии народного творчества, то в произведениях, заимствованных из «Калитохей», мы знакомимся с очень живой, но уже чисто литературной, если можно так сказать, поэзией. Вполне закономерно, что укоры молодой женщины, так ярко и убедительно изложенные поэтом Маруданом Илянаханаром, открываются обращением к мужу:

О ты, что живешь за высокой стеною и рвом,
В Мадуре, где сотни ученых в усердьи живом
Родной наш язык засевают, росток за ростком,
И все, как советников, их превозносят кругом;
А ты в их писаньях, известно, слынешь знатоком...

Но и здесь налицо органическая связь с фольклором как в форме, так и в содержании.

В стихотворении Наллурудиранара, открывающемся диалогом молодого человека и его друга, речь идет также о любви: девушка, покорившая сердце юноши, решила: «Тому, кто быка одолеет, я буду женою...»

Юноша, не без самонадеянности, говорит другу:

*...Тому, чья любовь горяча,
Пристало ль бояться быка-горбача?*

И далее следует замечательная жанровая сцена, своего рода бескровного «боя быков», эту картину можно наблюдать в Тамилнаде и сегодня: голыми руками смельчак должен суметь схватить разъяренного быка за рога и свалить его. Юноша торжествует и —

*Все дружно хвалы возносили невесте
И свадебный танец плясали все вместе.*

Образцы поэзии, представленной в антологиях «Наттриней», «Пуранануру», «Аханануру», еще шире раскрывают картину жизни, демонстрируют и философскую глубину, и богатство содержания, и красоту формы. Сборник заключается тремя произведениями из антологии «Паттупатту», на которых следует остановиться особо, поскольку в них, на наш взгляд, наиболее ярко выразилось слияние лирического и эпического начала — «ахама» и «пурама», традиции народной поэзии и высокой литературы.

«Жасминовая песнь» Напуттанара окрашена в элегические тона — основой ее содержания является ожидание царицей супруга, ушедшего с войском на битву. Пред ее взором возникают картины военного лагеря, его быта, с которым она и сама, видимо, знакома. В царском шатре, тщательно охраняемом, бессонница томит ее мужа:

*Уж утреннюю видит он зарю,
А с нею неминуемую сечу,
И мыслями стремится ей навстречу,
И, щеку подпирая кулаком,
Он вспоминает, легким холодком
Овеянный — свои былые схватки.*

Удивительно построена эта поэма, с необычайной легкостью и соразмерностью, с неожиданными поворотами и переходами: от картины муссонного ливня — к картине жертвоприношения, от дворцового покоя — к военному лагерю, от воинственных дум о грядущей битве — к идиллическому пейзажу, к нежной мечте любящей женщины о встрече со своим царственным супругом, победно возвращающимся во главе войска.

«Песнь о любви» Капилара повествует о совсем иной ситуации, но тоже популярной в поэзии Сангама. Это своего рода монолог подруги, обращенный к матери девушки, которая познала тайную любовь. Пред-

ставляющая собой «непрерывный сказ», поэма эта содержит как бы драматическое представление: автор ее разворачивает сюжет во времени и пространстве, переноса действие из дома на просяное поле, с реки на луг, рисуя быструю смену погоды, внезапную смену ситуаций. В некоторых частях поэмы слышится переключки с произведениями общиндийской классики, в частности творениями Калидасы — внезапная встреча героини с суженым, со стихами Бхавабхути — нападение слона и т.п. Но именно только слышится — Капиляр бесспорно вполне оригинален и неподражаем.

Признание девушки, переданное через подругу, порождено отчаянием влюбленной, страхом за будущее своей любви:

Тайные эти — ее унижают свиданья,
Ищет она — не находит себе оправданья,
Перед позором, бесчестьем велик ее страх.
Видится только семейная жизнь ей в мечтах.

И, казалось бы, уже дальше и нет пространства для повествованья, но Капиляр, проникший в сокровенные тайники девичьей души, вдруг, в самом конце поэмы, раскрывает нам, что все подобные терзания ничто в сравнении с ее страхом за возлюбленного:

...Ей ведь известно, что горная круть —
Место опасное. Скопища бед по дороге
Подстерегают ее властелина. В тревоге
Только и думает все что о нем, дорогом.

Тигры в пещерах таятся. Блуждают кругом
Яли, медведи, слоны, остророгие твари.
Гневно рокочет гроза, и при каждом ударе
Рушатся камни большие. Скрывает трава
Гадов ползучих...

Скользки крутые тропинки. Народу немало
Шею себе, пробираясь по ним, поломало.
[Что, если с ним? При одном опасенье таком
Муки свои представляются ей пустяком...].

«Песнь о великом городе» поэта Уруддираканнанара была сочинена в честь многощедрого царя Карикаля из династии Чола.

«Песнь о великом городе» — поэма громадного художественного и исторического значения, хотя по посвящению можно было бы ожидать, что это, в сущности, только лишь панегирик царю Карикалю. Однако

содержание самой поэмы — прежде всего гимн великой реке Кавери, стоявшему в ее устье замечательному городу Пухару или Каверипумпаттинам, рыбакам, горожанам, корабелям, ученым, мастерам, иноземным торговым гостям. Кстати сказать, именно в местах, близких к Кавери, были обнаружены археологами римские монеты, засвидетельствовавшие торговые связи стран Средиземноморья с государством Южной Индии. Поэт воздаст царю должное как государственному деятелю, создавшему мощное централизованное государство, укрепившему берега Кавери, рассчитываясь, правда, с крестьянами, согнанными на эти работы, не металлической, а кожаной монетой. Но когда поэт обращается к рассказу о завоевательных походах Карикаля, то мы читаем мужественные и трагические строки:

...Несла разоренье и гибель
его беспощадная рать.
С полей плодородных сгоняли
ни в чем не повинных крестьян,
И редкие риса побеги
глушил, разрастаясь, бурьян...
...И гибли в большом запустенье
разграбленные города.
...Чужие владенья без всякой
пощады сжигал он дотла...

Поэт тем не менее не может умолчать и о том, что

Родная держава, однако,
под властью его расцвела...

не просто констатируя расцвет, но и подробно рассказав, что же совершено для этого царем.

Есть два места в поэме, где поэт, как бы мимоходом, невзначай, высказывает мысль о том, что должно было бы сделать — во-первых, там, где он ярко описывает бег Кавери к океану мимо многочисленных деревень, возможно, несколько идеализируя действительное положение:

Там царство добра повсеместно —
ни ненависти, ни вражды...

Во-вторых, довольно большой пассаж, начинающийся словами:

В довольстве и счастье живут горожане,
Чужда им вражда, им, как яд, — зложеланье...

и завершающийся следующими строками:

*Повсюду, на всех перекрестках,
звучит стоязычная речь.
Радушны пухарцы: их город —
любимое место для встреч
Торговых гостей иноземных.
Тут все — как семейство одно,
Что долго томилось в разлуке,
но снова соединено.*

В этих строках — мечта поэта, еще достаточно смутная и несомненно утопичная, о некотором общественном идеале и вместе с тем подспудное осознание того обстоятельства, что он, этот идеал, нереален. И тогда в поэму врывается, как бы членя ее на две части, лирическое отступление, заключающее описание Пухара:

*Богат этот город, но даже
и ради сокровищ его
С красавицей черноволосой —
она мне дороже всего—
Нет сил разлучиться, скорее
расстанусь с богатой казной,
Чем с девушкой этой в браслетах
тончайшей работы резной.*

Точно так же и повествование о деяниях Карикаля поэт замыкает лирическим отступлением:

*В Пухар, сквозь густую чащобу
дорога моя пролегла,
И страх в одинокое сердце
вонзается, словно стрела!
Мне милостей царских не надо —
любимую видеть хочу,
И, радуясь встрече, безмолвно
припасть головою к плечу...*

Так в собственно эпическое произведение внесена глубоко личная нота, окрасившая и произведение в целом.

И сегодня, как и во времена Сангама, стихает на заре океан, и снова на небесные просторы вылетает светозарная колесница Повелителя дня. Первые лучи его падают на величественные фигуры героев поэтических произведений, писанных когда-то на «сен-дамиже», украшающие

набережную Мадраса, открытую океанским ветрам. Наверное, не без удивления видело Солнце многомиллионные манифестации жителей индийского Юга, выражавших свою любовь к прославленным поэтам Сангама, заложившим первооснову их современной культуры и литературы. Дважды это случалось — в 1966 году в Мадрасе и в 1980 году в Мадуре, как раз там, где некогда возник третий Сангам, куда по случаю международных научных конференций собирались ученые со всех концов земли, в том числе и из России, чтобы воздать должное замечательной поэзии Сангама и ее творцам. Ее великое, общечеловеческое содержание, по-долгине народный характер определяют ее непреходящую ценность для всего человечества.

ИЗ КНИГИ

«КУРУНТОХЕЙ»

КАМАНДЖЕР КУЛЯТТАР

КРАЙ БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

Девушка — подруге

Занедужило сердце мое, хоть кричи.
Слезы веки мне жгут — до того горячи.
Возвратится мой друг — днем ли, в темной ночи,
И меня исцелит — не нужны мне врачи.
Занедужило сердце мое, хоть кричи.

ОДАЛАНДЕЙАР

ЖАСМИНОВЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

Словно солнца яркие осколки,
В волосах у девушек заколки,
Свежие цветы из ближней чащи,
А вокруг — пчелиный рой жужжащий.
Говорят, пора дождей настала.
Что за вздор пустой! До их начала
Обещал вернуться мой любимый.
Слово же его — неколебимо.

КАПИЛАР

КРАЙ ЦВЕТОВ КУРИНДЖИ

Девушка — подруге

Когда я сдалась на его уговоры,
Жениться он мне обещал, дал обет
И тут же сбежал, не отыщешь проворы.
Что делать — не знаю, свидетелей нет.
Лишь цапля, ловившая рыбу в протоке,
Быть может, слыхала, что молвил жестокий.

ВЕЛЛИВИДИЙАР

ПУСТЫННЫЙ КРАЙ

*Кормилица — родителям девушки,
убежавшей с молодым человеком*

Бродила, бродила, все ноги себе оттоптала.
Глядела, глядела, глаза проглядела, устала.
Народу в пути повстречала, что звезд — без числа.
Но ту, что искала, увы, я найти не смогла.

АММУВАНАР

КРАЙ БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

Девушка — молодому человеку

О друг мой, живущий в краю у сапфировых вод
Безбрежного моря, волшебю лучей усыпленного,
Где, благоухая созрелой пылью, растет
С шипами, как беличьи зубы, кустарник пасленовый!
Знай, суженый мой, что не в этом рождение, так в том,
А все же законной женою войду я в твой дом.

АНДЕЙАР ИЗ СИРЕЙКУДИ

КРАЙ ЦВЕТОВ КУРИНДЖИ

Молодой человек — самому себе

Глаза — что лотосы, и руки — словно лилии,
А зубы — как цветы жасминовые. Милая

Напоминает мне диковинный букет.
Подобной красоты не видел белый свет.

КАДАПИЛЛЕЙ ИЗ КАРУВУРА

ЖАСМИНОВЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

Лишь вечер — за пыльной дорогой следят
Печальные взгляды голодных телят:
Они поджидают своих матерей.
И я выхожу, становлюсь у дверей,
Гляжу, не идет ли возлюбленный мой.
Ну что бы ему возвратиться домой!

ВИТТА КУДИРЕЙАР

КРАЙ ЦВЕТОВ КУРИНДЖИ

Подруга — девушке

Пригнутый, выпустишь только из рук,
Словно скакун застоялый, бамбук
Прянет. Потом дотянись до вершины.
Все одинаковы эти мужчины:
Пути ослабишь — так сразу же вскачь.
Вот и весна наступила. Назначь
Другу свиданье, ведь любите оба,
Общая вас источила хвороба.

КАДУВАН МАЛЛАН

КРАЙ ЦВЕТОВ КУРИНДЖИ

Девушка — подруге

Он волос моих коснулся, нежнорукий,
Я заплакала в предчувствии разлуки.
«Ах, не плачь, — сказал он, — возвращусь я вскоре».
Отцвели давно бобы на косогоре
И опять стоят в цвету. Захолодало.
Милого все нет. Не знаю, что с ним стало.

ВАЙИЛАН ДЕВАН

ЖАСМИНОВЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

Деревушка наша — на горе.
Среди двора
Целый день играют облачка,
как детвора.
Матерей своих телята ждут.
Лишь на закате
Возвращаются они. Мой взгляд —
на горном скате:
Не идет ли друг желанный мой?
Его все нет.
В белизне жасминовых цветов —
багряный свет.

ПЕРУНГАДУНГО

ПУСТЫННЫЙ КРАЙ

Подруга девушки — молодому человеку

Ну что, господин, ты заладил,
мол, тягостен путь нетореный
В пустыне, похожей на город,
набегами разоренный?
Там — роща тенистых манго
и бродят торговцы солью,
А дома одной оставаться
легко ли, терзаясь болью?

МАСАТТИ ИЗ ОККУРА

ЖАСМИНОВЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

Мой суженый отправился
за жемчугом и золотом,
И увядает молодость
моя цветком неполитым.

Жасминовое облако
смеется, белозубое:
«Когда же снова свидишься
ты со своим голу́бою?»

ВЕЛЛИВИДИЙАР
ПУСТЫННЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

Он и в землю не зароется,
Он и в небесах не скроется,
И в волнах не затеряется!
Тщетно ускользнуть старается, —
Хоть полмира обойду —
Все равно его найду.

КАПИЛАР
КРАЙ ЦВЕТОВ КУРИНДЖИ

Девушка — подруге

Только заушает
в сумраке сова,
Только запрыгает
на ветке обезьяна,
Я уже встревожена,
от страха чуть жива, —
И душа моя,
как путник безымянный,
К другу устремляется:
он сейчас ко мне
Пробирается
по горной крутизне.

АУВЕЙАР
КРАЙ БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

Девушка — подруге

Возлюбленный, этот обманщик завзятый,
«Вернусь, — обещал, — до начала дождей».

И что же? В горах громовые раскаты
Веселой игрой улаждают людей,
Порывистый ветер шумит, набегая,
Рокочет, с уступов свергаясь, вода.
Пушай он меня позабыл, дорогая, —
Смогу ли его позабыть? Никогда.

МУДУ КОТТРАН ИЗ УРЕЙУРА

ЖАСМИНОВЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

С пальмовыми циновками, —
подстилки они и кров, —
Все пастухи деревенские
пасут овец и коров.
К нам, с молоком надоенным,
приходят от них подпаски.
Мы рис посылаем вареный им
в кувшинах цветистой окраски.

КАЛЛАДАНАР

КРАЙ БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

Девушка — подруге

Долго отец провалялся, всю ногу раздуло:
Мяса кусок от нее отхватила акула.
Только поправился — в море отправился снова.
Не возвращается он никогда без улова.
Мать добывает сейчас, как и все солевары,
Соль для обмена на рис и другие товары.
Дома одна я — пошли же скорее за другом.
Нет моей мочи бороться с любовным недугом.

ПЕРУНГАДУНГО

ПУСТЫННЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

«В богатстве наследственном много ли радости будет?
Богатство себя уважающий сам раздобудет», —

Так молвил возлюбленный мой, отправляясь в поход.
Как он упасется от множества бед и невзгод?
За каждым песчаным холмом — мараванов засады,
Их копыта, посланники Смерти, не знают пощады.
Там нет ни ручьев, ни колодцев, а зной нестерпим,
Худого, боюсь, не случилось бы с другом моим.

ПЕРУНГАННАН

ЖАСМИНОВЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

С луной прибывающей сходен любовный недуг.
Спадают браслеты с моих усыхающих рук.
Когда же вернется мой друг? Ожидать я устала.
Накрапывает, хоть и время дождей не настало.
Судачит деревня: «Пора возвратиться ему».
Какое им дело до нашей любви — не пойму.

КАНАККАЙАН ТАТТАН

КРАЙ БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

Девушка — подруге

Мимо гордой стаи лебединой
Рыбаки плывут: у них путина.
Выпадет удача им, быть может,
Кто-нибудь меч-рыбу заострожит.
Им удача — рыбе неудача.
Думаю я горько, чуть не плача:
Скоро ли мой друг отколобродит?
На вражду его любовь походит.

ЧАЛЛИЙАН КУМАРАН ИЗ УРЕЙУРА

РАВНИННЫЙ КРАЙ

Девушка — молодому человеку

В поле от зари и до зари
Вспахивают землю плугари.
Лилиям от них одна беда,
Но цветы не ропшут никогда,

Срезанные, вырастают вновь.
Такова же и моя любовь.
Сколько я обид перенесла,
В сердце не держу ни капли зла.

КИЖАН ИЗ КАЙАТТУРА

РАВНИННЫЙ КРАЙ

Подруга жены — ее мужу

Домой потянуло тебя, колоброд?..
Объешься — не лезет и лакомство в рот,
Наплаваешься — и в глазах краснота.
Похоже, подруги моей красота
Приелась тебе — ты пустился в разгул.
Забыв о жене, хорошенько гульнул.
Такие замашки тебе не к лицу.
Уж лучше жену отведи ты к отцу.

НАККИРАР

РАВНИННЫЙ КРАЙ

Девушка — подруге

Что мне лукавить с собою? Ведь я уж не та.
В долгой разлуке поблекла моя смуглота.
Стыд погубил неповинную — острый как нож.
Как ни крушишься, а былой красоты не вернешь!
Мчится поток по деревне, бурля на бегу.
Дерево я на приютном его берегу.
Лишь бы мой друг возвратился! В тоске по нему
Только и думаю: скоро ль его обниму.

ИЗ КНИГИ

«ПУРАНАНУРУ»

КУДАПУЛАВИЯНАР

*В честь царя Сежийана
из дома Пандья*

Да будет голос восхвалений громок!
Живи сто миллионов лет, потомок

Владык, издревле славных в этом мире,
Раскинувшемся в необъятной шири
Ревущего немолчно океана!
Живи сто миллионов лет, правитель
Столицы, окруженной крепостной
Высокой, чуть не до небес стеной
И рвом, водой заполненным до края,
Где, крупные и мелкие, играя,
Хвостами плещут рыбы всех пород.
Араль, вараль — их тут неprovорот.
Сомы, шпаганы — эти, в высоту
Взметнувшись, обрывают на лету
У дерева тюльпанного цветы!
О, если, государь, возжаждешь ты
Себя великой славой увенчать,
Казну свою обогатить безмерно,
Послушай, что тебе скажу смиренно:
Дарует жизнь дарующий еду,
Еда же образуется, когда
С землей соединяется вода,
Сама же по себе земля бесплодна,
Безводная — она с пустыней сходна.
Страна, где нет запасов пропитанья,
Вовеки не добьется процветанья.
Так повели, великий Сежийан,
Для блага подданных твоих, крестьян
Водохранилищ накопать повсюду,
Прорыть каналов и отводов сеть,
Чтоб всходы на полях могли густеть,
Да будет царство снабжено водой,
И ты себя покроешь вечной славой —
И эта слава стоит всех иных.

НАХАНАР ИЗ ВЕЛЛЕЙКУДИ

В честь Килли Валавана

Вдоль берега морского распростерлась
Прекрасная тамильская земля.
Над нею — небо, полное покоя,
Раскинулось, лучисто голубое.
Здесь правят три могучих властелина.
Хотят — возвысят, могут покарать.

У каждого своя большая рать,
Что шествует под барабанный бой.
Из всех троих отличен ты судьбой.
В стране, где правишь ты самодержавно,
Струит река большая воды плавно,
По берегам ее, как море пик,
Весь в осыпи цветов стоит тростник.
Пусть даже солнце путь изменит вдруг,
Звезда Велли отклонится на юг,
Не смогут никакие потрясения
Твоей страны нарушить процветанье.
Послушай, что поведаю смиренно:
Будь справедлив, владыка, неизменно,
Как Бог Добра! Открой ворота шире
Для всех, кто обездолен в этом мире!
И будешь ты неслыханно могуч:
По слову твоему из темных туч
Прольется дождь, не надобно полива.
Пускай твой царский зонт, что горделиво
Вознесся в небеса, дарует тень
Всем жаждущим и страждущим. Воздень,
Приветствие им посылая, руку.
О Валаван! Врагов на поле брани
Ты побеждал не раз своей отвагой.
Твои победы да пойдут на благо
Селянам, что выращивают рис.
Ты знаешь, переменчив нрав людей,
Дождя ли нет, хоть и пора дождей,
Застой в торговле, скуден урожай, —
Во всем царя винят. Не обращай
Вниманья на такие пустяки, —
Чего не скажут злые языки.
Враги — и те с почтеньем припадут
К стопам царя, который дал обет
Всех подданных оберегать от бед.

КИЖАР ИЗ КОВУРА

И Смерть, бывает, медлит в ожиданье.
Но ты, о царь, не ждешь: могучей дланью
Ты поражаешь в час, тебе угодный,
Вождей отрядов копыеносных, сходный

С могущественным грозным божеством.
Как предостережение о твоём
Нашествии, свергаются кометы;
Пылают солнца в огненном величье;
Кричат не умолкая стаи птички;
Безлиственные горбятся деревья;
Крошатся зубы; волосы лоснятся;
Блуждают вопри по дорогам; сами
Внезапно ниспадают одеянья;
И стойки с ярко блещущим оружием
Обрушиваются! Все девять знаков
Являются — как бы в бреду кошмарном,
И второпях целуют горожане
Своих детей, что жизни им желанней,
И всей семьей — в окрестные леса.
А ты идёшь, о Валаван, как буря,
Взметающая пламя к небесам, —
И горе тем, кто возбудил твой гнев!

КИЖАР ИЗ КОВУРА

Казнив своего заклятого врага Малеймана, царь Килли Валаван из дома Чола намеревался казнить и его детей: их должны были зарыть по шее в землю, а затем провести по их головам слонов. В этом стихотворении певец призывает к милосердию.

Могучий государь, чей предок славный
Спас голубя, хоть спор и шел неравный,
Ты только посмотри на этих крошек,
Потомков рода древнего, который
Опорой был для мудрых, братьи нищей,
С голодными делился щедро пищей, —
Они рыдают, ужаса полны:
Вот-вот растопчут их твои слоны.
Ты только посмотри на них, а там,
Владыка, поступай, как знаешь сам.

КАНЬЯН ПУНГУНДРАН

Нам каждый — брат, и каждый уголок —
Нам дом родной. Добра и зла исток —

В душе у нас, а не вовне. Недуг
Приходит сам — и сам уходит вдруг.
Смерть не нова для нас. Мы от всего
Отрешены. Не в радость радость нам,
И горе нам не в горе... Наша жизнь —
Лишь утлый плот, при вспышках громовых
Несущийся по прихоти волны
Вниз по реке. Удар о валуны —
И плот в щепу!.. Мы, мудрецы, себя
Не унижаем ни превозношеньем
Властителей, ни слабых поношеньем.

ИЗ КНИГИ

«КАЛИТОХЕЙ»

МАРУДАН ИЛЯНАХАНАР

Молодая женщина — мужу

О ты, что живешь за высокой стеною и рвом,
В Мадуре, где сотни ученых в усердьи живом
Родной наш язык засевают, росток за ростком,
Писанья их мудрые все превозносят кругом;
А ты в их твореньях, известно, слывешь знатоком, —

Послушай меня! Разнося всевозможные слухи,
«Как пал он!» — твои же поносят тебя потаскухи.
Их множество тут, хоть отдельным поселком сели.
Тебя, слабовольного, в сети они завлекли.
Недавно в мой дом заявили, бесстыжие дряни,
С вопросом, где ты, почему не пришел на свиданье.
«А я-то при чем? — говорю. — Мы чужие давно».
Но бедное сердце жестокой тоской стеснено.

Смеется народ: «Истаскался по девкам гулящим».
Не знаю, что делать с тобою, таким непутящим.
Моя красота увядает в печали пустой.
Цветы хороши в волосах — не в кувшине с водой.
Своих полюбовниц бутонам подобные груди
К груди прижимая, себя расточаешь ты в блюде.
Зачем же твердишь: колесничего-де здесь вина?
Тебя проискал он, усердный, весь день допоздна,

Шум поднял такой, что подумал панан: «Не иначе —
Справляется свадьба», — и надо ж такой незадаче
Случиться — стал здравицы он возглашать на весь дом.
Я вся обмирала, палимая жгучим стыдом.
Пойми же!
Я гибну, несчастная, от твоего бессердечья.
Приятно округлые — стали худыми предплечья.
Не в силах уже выносить я людского злоречья.
Ты снишься мне с вечера, только успею прилечь я.
Недолгое счастье — его не могу устеречь я.

ИЗ КНИГИ

«ПАТТУПАТТУ»

НАПУТТАНАР,
СЫН ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕРА,
ИЗ КАВЕРИПАТТИНАМА

ЖАСМИНОВАЯ ПЕСНЬ

Напились тучи океанской влаги
И вознеслись — так Тирумаль всеблагий
Восстал для измерения трех миров;
На склонах гор, у самых берегов,
Весь день они пропочивали в неге,
И снова в путь, в стремительном побеге,
Чтоб ввечеру, как слон, разящий бивнем,
Обрушиться неудержимым ливнем.

В тот час вечерний хоженной тропой
Дворцовые прислужницы толпой
К окраине далекой поспешили.
В руках у них для приношения были
Горшки с вареным рисом и жасмины.
Жужжали пчелы сладостнее вины,
Когда они рассыпали дары
И стали ждать среди ночной поры,
Какой им будет знак, прильнув друг к другу.
Внезапно голос молодой пастушки
Послышался. Привязанных телят
Ей было жаль, и, в ночь вперяя взгляд,
Она сказала: «Не горюйте! Скоро

Вернутся ваши матери». Без спора
Решив, что это бог им возгласил,
Прислужницы — бежать что было сил
И молвили тоскующей царице:
«Недолго ждать осталось: возвратится
Твой повелитель, царь с осанкой бычьей,
Увенчанный победой — и с добычей!»
Владычица, прослушав их рассказ,
Жемчужины смахнула с черных глаз:
И вдруг — виденье! На лесной поляне,
Очищенной от трав, где поселяне-
Охотники воздвигли бастион
(Отныне он с лица земли сметен),
Огромное военное становье
Предстало ей, пылающей любовью.

Там, на скрещенье троп, гора на вид,
Свирепый слон сторожевой стоит.
Ему подносят тростника вязанки —
Он гордо отвергает все приманки.
Напрасно с перекошенным лицом
Его погонщик бьет своим бодцом.
Воители, являя верх сноровки,
Вбивают в землю колья и веревки
Натягивают; миг — и пестрый кров
Колышется над остовом шатров;
Потом бойцы — их ждет покой желанный, —
Составив луки, вешают колчаны,
Как вешает отшельник на треногу
Свою одежду, охряную тогу;
И наконец, они лихим броском
Вонзают в землю копыя — лепестком
Отточенным... Без лишней суеты
Над копыями укреплены щиты, —
И вот уже — на ночь одну — готово
Убежище для воина простого.

Стихают шум и говор до утра,
И только возле царского шатра
Мелькают длиннокосые смуглянки
С кинжалами на поясах. В горлянке
Горячее для плошек у любой.
Они следят, когда пробьют отбой,

Чтоб ни одна святильня не погасла,
И, если надо, подливают масла
И от нагара чистят фитили.

Уж за полночь. Давно умолк вдали
Походный колокол длинноязыкий.
Стоят, качаясь, стражники владыки:
По сонным векам пробегает дрожь,
Как по лианам в ветер или дождь.
Отсчетчики часов, сложив ладони,
Кричат: «О, восседающий на троне,
Непобедимый царь, гроза врагов,
Узнай: по времемеру — час таков».

У царского шатра — отряд яванов.
В их боевой отваге нет изъянов,
У каждого явана меч и щит
И под полой одежды кнут торчит.
Они могучи и широкоплечи.
В самом шатре — прислуживают млеччи
Бессонницей томимому царю.

Уж утреннюю видит он зарю,
А с нею — неминуемую сечу,
И мыслями стремится ей навстречу,
И, щеку подпирая кулаком,
Он вспоминает, легким холодком
Овеянный, свои былые схватки.
Бегут враги, смешавшись в беспорядке.
Их тысячи, оставших, полегли.
Как змеи, извиваются в пыли
Отсеченные хоботы слоновьи.
Под градом стрел, все залитые кровью,
Ржут, прядая ушами, жеребцы.
Победу одержавшие бойцы
Приветствуют его, безмерно рады,
И щедрые дарует он награды.

При свете плошек, спрятанных в литых
Ладонях изваяний золотых,
Царица возлежит в покое спальном
Дворца семиэтажного, в печальном
Раздумье о властителе своем,

И свой браслет с причудливым витием,
Тоскуя, поправляет поминутно.
Вконец истомлена тревогой смутной,
Она трепещет в лихорадке злой,
Подобно паве, раненной стрелой.
А за окном, не убавляя мощи,
Бушует ливень в придворцовой роще,
И, вслушиваясь в грохот водопадный,
Царица напрягает слух свой жадный.
Все мнится ей шагов далекий гром,
Все видятся ей в сумраке сыром
Победою расцвеченные стяги.
Идут войска, нет меры их отваге,
Идут тропой песчаной, прямым.
Олень и лань на поле просяном
Резвятся. Синий пламень высекая,
Цветет кустарник низкорослый каяя,
Дождь золотой — как утренняя даль,
Ладони все свои раскрыл кандаль,
И тондри — сгустки темно-алой крови.
Идут, всегда к сраженью наготове,
Идут войска, с отмашкой мерной рук.
А впереди — их вождь, ее супруг
В своей большой военной колеснице.

Иль, может быть, все это только снится?

КАПИЛАР

ПЕСНЬ О ЛЮБВИ

Выслушай, матушка! Речь поведу о твоей
Дочери пышноволосяй. Неможется ей.
Бедная так исхудала; спадают запястья.
Видя страданья ее, преисполнясь участья,
С нею ходила не раз к прорицателям ты.
Чтя божества, к их стопам возлагала цветы,
Множество палочек им подносила кадильных,
Жертвовала благовонья — в стараньях бессильных
Хворой помочь, но по-прежнему чахнет она,
Горькой печали — тебе непонятной — полна.
Так и пылает она в неостудной горячке.

Но не услышишь ты жалоб от этой гордячки,
Мне лишь одной говорит: «Повредится браслет —
Мастер починит его. Огорчаться не след.
Скверно, когда утеряешь ты доброе имя
Или себя запятнаешь делами худыми, —
Тут не поможет тебе и всевидец-аскет.
Если уж грех совершен, то концов мы не спрячем.
Я сочеталась с любимым своим тайнобрачем.
Как уж лелеял меня мой отец, как берег!
Но не пошли мне его наставления впрок.
Нет его дома, умчал на своей колеснице.
Что же мне делать? Осталось одно — повиниться
Матери. Слову любому ее подчинюсь.
Если она не захочет признать наш союз,
Сгину безропотно, воле ее не переча,
Стало быть, в мире ином
мне с возлюбленным встреча».
Скажет — и капля у лани в глазах заблестит.
В сердце ее — и тоска, и тревога, и стыд.
Я ж, как мудрец, примиритель царей-ратоборцев,
А ведь нередко плачевна судьба миротворцев,
Меж двух огней очутилась — хочу, не хочу,
Душу свою я признаньем сейчас облегчу:
Кто он, счастливец, с кем небо ее повенчало, —
Знатен, богат ли, — мы даже не знали сначала.
Видели только, что он воплощенная честь
И благородство — то сущая правда, не лесть.

Помнишь: ты нас посылала гонять попугаев
На просянище, где, радуя сердце хозяев,
К жатве почти уж готовые, в белой пыли,
Стебли сгибались едва не до самой земли,
Обремененные тяжестью крупных метелок.
Мнилось: слоны обрывали побеги, был долог
Труд их, но вот, наконец, в насыщенье, без сил, —
Будто их сладостный сон понемногу сморил,
Хоботы клонят они на жемчужные бивни.
День наступал — как сверкающий натиск приливный.
Мы взобрались на высокий помост, в тех местах
Сооруженный, и, страх нагоняя на птах,
Громкими криками стали надсаживать глотки.
В ход мы пустили свои колотушки, трещотки,
С россыпью камушков мелких сгодились праща.

Птицы мгновенно взлет, стрекоча, вереща.
Солнце, вставая, палило все жгучей и жгучей.
Вось затанули внезапно тяжелые тучи.
По ветру мчались — слоновое стадо — они.
Гром рокотал, боевым барабанам сродни.
Словно Муруги копье, с острием лепестковым,
Молния была в сгустившемся мраке лиловом.
Дождь налетел, и, сухой затопляя песок,
В дол, где мы были, низринул пенный поток.
Мы разбежались, нырнули в прозрачную воду.
Пели, плескались — так весело не было сроду.
Выйдя на берег, за прядью сапфировой прядь,
Мокрые волосы мы принялись отжимать.
После цветы собирали в лесу, на поляне,
Словно камней драгоценных их было пыланье.
Нам отовсюду являли прекрасный свой лик
Лилия, лотос, жасмин, пидаву, базилик,
Чампак, паслен, крылоплод, куринджи мелкогроздый.
Нет, не камня то были — лучистые звезды.

Пестрый свой сбор мы сложили на склоне холма.
Громким своим стрекотаньем сводили с ума
Птицы: над нами они неустанно летали.
Мы отгоняли докучниц, а сами сплетали
Из припасенных соцветий, цветов и вьюнков
Множество — всех сочетаний — гирлянд и венков,
Расположась в благодатной тени под высокой,
Алой, как будто пожаром объятой, асокой.
Вдруг перед нами — о диво — охотник предстал.
Как молодой полубог, красотой он блистал.
Влажные волосы, что подсушил над костром он,
Пахли дымком благовонным ахила, и гомон
Пчел полосатых над ним, несмолкаемый, плыл.
Словно венцом государя, украшен он был
Пышным венком из цветов, лучезарно прелестных,
С гор и долин, из лесов, с водоемов окрестных.
Все в плетеницах жасминовых, тело цело.
Ярко-багряным пятном кровенело чело.
За ухом заткнутое, полыхало при свете
Неба, лазурного снова, асоки соцветье.
Лук смертоносный в руках, за спиною — колчан.
Редкостной выделки — пояс был золотом ткан.
Шел он — и громко ножные браслеты бренчали.

Псины, бежавшие рядом, волками урчали,
Скала острее, чем сколки бамбука, клыки.
Крепкие когти их были — стальные крючки.
На копыеносцев они походили, в отваге
Вспять обращающих чванные вражьи ватаги.

Ноги от страха у нас подсеклись. Чуть дыша,
Обе мы замерли. Он подошел не спеша,
Тихо спросил, не видали бегущей ли дичи.
Тут же, понятливый, видя испуг наш девичий,
Ласково стал ободрять. Был так вежлив и мил,
Наши прически — в пять прядей — всю расхвалил.
После, приметив, что все мы молчим и робеем,
«Милые девушки, — юноша молвил обеим, —
С черными, в тучу глазами как вы хороши!
Радостно встретиться с вами мне в этой глуши.
Жаль одного: потерял я добычу из виду».
Мы — все ни слова, и он, подавляя обиду:
«Вижу, помочь не хотите. Ну что ж, не беда.
Поговорите со мной хоть немного тогда».
Ветку сорвал он с цветами, и тотчас шмелиный
Рой закружился над нею, и будто бы вины
Струны запели — и сладостен томный их зов.
Утихомилив неистово лающих псов,
Юноша молча стоял в ожидание ответа.
Но затянулось надолго безмолвие это.

Вот что случилось меж тем: поднесенной женой
Браги медовой упившись, в дремоте хмельной
Сторож забылся в сторожке своей обветшалой.
Слон-исполин надвигался на нас, одичалый, —
Черная туча. Ударами хобота он
Все сокрушал на пути, разъярен, распален.
К юноше мы устремились в тревоге незряшной.
Правду сказать, я не видела мужа бесстрашней:
Лук свой, похожий на кобру, когда капюшон
Грозно она раздувает — и враг уstraшен, —
Он натянул что есть мочи. Подобная грому,
В лоб угодила стрела великану лесному.
Тот пошатнулся и тихо направился прочь:
Видимо, боли жестокой не мог превозмочь.
Луг, весь в крови, походил на тот двор, где Муруге
В жертву приносят, со всей собираясь округи,

Малых ягнят — да пошлет избавленье от зол!
Был наш спаситель — могучий кадамбовый ствол,
Мы же, две нежных гирлянды, его обвивали.
Так мы стояли втроем, сознавая едва ли,
Где мы, что с нами. Казалось, трепещет листва
Над быстроструйным ручьем. Зазвучали слова.
Молвил, к подруге моей обращаясь, красавец:
«Девушка! От пережитого страха оправясь,
Возле меня хоть мгновенье-другое постой!
Радостно мне любоваться твоей красотой!»
Влагу со лба у нее он смахнул, улыбнулся,
С той же улыбкой приветной ко мне повернулся,
Будто к рассудку и сердцу взывал моему:
Дескать, я чувства его непревратно пойму.
Молча стояла подруга, но тут же, опомнясь,
В бегство пустилась: проснулась

всегдашняя скромность.

Но через миг — ты сурово ее не суди —
Вновь оказалась она у него на груди.
Бьет ручеек из поросшего перцем утеса,
Что над равниной — громадой твердынной — вознесся.
Падают — выпев — и манго и пала плоды.
Сок, изливаясь из них, со струею воды
Смешивается — и этой размывчивой браги
Только отведают павы с прибрежной коряги —
Вмиг захмелеют и, жарким огнем распаясь,
Пустьятся в свой — красоты неописанной — пляс.
Чудится, глядя на этих танцорок пернатых,
Девушки пляшут, покачиваясь на канатах,
В праздничный день, к развлеченью веселых зевак.

Юноша этот — я выведала кое-как —
Не из простых. Он владетельный князь, повелитель
Горного края, куда, как в родную обитель,
Божьи посланницы сходят с небес. Их дары —
Сонмища лилий прекрасных по склонам горы, —
Так устилают коврами на пышных приемах
Каменный пол во дворцах и богатых хоромах.

Слушай же дальше! Любимицей нашей пленясь,
Сердце открыл ей свое молодой этот князь
(В ней затаенное чувствовал он недоверье).
«Знаешь, — сказал, — богачи, открывая все двери,

Рис выставляют в горшках — заходите толпой.
Так вот и нам предстоит, дорогая, с тобой
Потчевать люд именитый. Для этого пира
Ты приготовишь еду с избытком жира.
Кончится пир — доедим мы остатки вдвоем.
Верный твой муж я отныне — клянусь божеством!»
Чистой воды он испил в подтвержденье обета
В роще, сверкающей всеми огнями расцвета,
В том поднебесном краю, от селений вдали,
Он и она — два супруга-слона — провели
Весь этот день, предаваясь любви упоенно.

Солнце уже в колеснице своей семиконной
Скрылось за горной грядой. Затаились в леске
С дремным сопеньем олени и лани. В тоске
По сосункам, возвращается стадо коровье.
Ночи идущей слагая свое славословье,
С дерева в звонкий рожок затрубил козодой.
Эхо ему отозвалось пастушьей дудой:
Ветер разносит «амбаль», нет мелодии краше.
Лилий раскрылись прекрасные белые чаши.
В темных домах замерцали светильни. Творят
Благовенницы-жрецы свой вечерний обряд.
Горцы огни запалили в лесу, на помостах.
Горы черны под нашествием туч темнохвостых.
Слышно: на все голоса зарыдало зверье.
Ночь опустила на мир покрывало свое.

Время разлуки припело. Сказал на прощанье
Юный властитель: «Попомни мое обещанье.
Только меня извести, что согласна родня,
Сватов в твой дом я зашлю — не промедлю ни дня.
Тут же и свадьба — обычаям верность похвальна.
Будь терпелива до времени — и беспечальна».
Шел он за нами, могучий, как бык, по пятам.
Вскорости мы подошли к городским воротам,
Где барабаны грохочут и ночью и денно.
Там у пруда с питьевой водою отменной
Юноша с нами простился учтиво. С тех пор
Вместе с вечернею тьмой он спускается с гор,
Полный желанья предаться любовным утехам.
Счета, однако, к досаде его, нет помехам:
Бродят дозоры по улицам в эти часы,

Лаем, почуяв его, заливаются псы,
Ты пробуждаешься — тут не до встречи, понятно.
Так что частенько ни с чем обращается вспятно
Юный наш князь, — лишь вздохнет тяжело-тяжело.
Но не из тех он, кто помнит обиды и зло.
Добрая слава о нем. Человек он, по слухам —
Верить им можно, — и честный, и праведный духом.
Хоть и богат, а надменности нет ни следа.
Дочь истерзалась твоя. Ведь она так горда.
Тайные эти ее унижают свиданья.
Ищет она — не находит себе оправданья.
Перед позором, бесчестьем велик ее страх.
Видится только семейная жизнь ей в мечтах.
Словно цветок, иссеченный дождями, в ненастье,
Никнет она, о своем размышляя несчастье.
Слезы текут — в две горячие струйки — на грудь.
Ей ведь известно прекрасно, что горная круть —
Место опасное. Скопища бед по дороге
Подстерегают ее властелина. В тревоге
Только и думает все что о нем, дорогом.
Тигры в пещерах таятся. Блуждают кругом
Яли, медведи, слоны, остророгие твари.
Грозно рокочет гроза, и при каждом ударе
Рушатся камни большие. Скрывает трава
Гадов ползучих. Опасней еще — божества
Злобные: тем попадись — растерзают на части.
В заводях — тьма крокодилов. Зубастые пасти
Неосторожных хватают — и тащат на дно.
Скрыто разбойничье логово там не одно.
Скользки крутые тропинки. Народу немало
Шею себе, пробираясь по ним, поломало.
Что, если с ним?.. При одном опасенье таком
Муки свои представляют ей пустяком.
(Матушка! Как же ей быть? Помоги, посоветуй!
Кроме тебя, у нее и заступницы нету.)

ΠΡΟΖΑ

ПРОЗА

СОМАДЕВА

«О благородном видьядхаре»

«Сказание о войне ворон и сов»

БАНА

«Деяния Харши». Фрагменты

ДАНДИН

«Повесть о красавице из Аванти». Вступление

«Приключения десяти принцев». Фрагмент

ХАРИБХАДРА

«Повесть о плутах»

Грандиозное здание индийской цивилизации многообразно и вряд ли когда-либо может быть восстановлено во всей полноте. Именно поэтому мы можем выделить только отдельные грани культуры в их историческом развитии, например такое явление в индийской традиции, как «слово», его художественное выражение и теоретическое осмысление. Обретение человеком «слова» сыграло громадную роль в его развитии, в определении его возможностей и способностей, особенно в освоении природы, использовании ее ресурсов в своих интересах и создании общественных взаимоотношений. При этом общение являлось возможностями коллективных действий, создания инструментов, возникновения трудовых коллективов.

Более того, в этих процессах «слово» обрело и собственно художественное значение — описательное, назидательное, ритмическое и т.п. Мы не можем определить, когда возник тот или иной вид «слова», но его разнообразие соответствовало его функциям. Продолжающиеся споры оставляют нерешенными вопросы, как, когда и по какой причине возникает проза во всем многообразии — конфессиональная, профессиональная, прикладная, историческая и т.п. Процесс дифференцирования привел к разделению жанров.

Формирование индийской прозы было связано с фольклорной стихией, стремившейся осмыслить повседневные события, жизнь простых людей во всей многогранности. Началом прозы в Индии можно считать джатаки, жанр ранней буддийской литературы. Позднее появились и другие конфессиональные жанры.

Практически в каждой национальной литературе народов Индии сложилась структура романтических жанров, взаимовлияющих друг на друга. Проблема достаточно масштабна, и поэтому мы ограничимся здесь лишь несколькими фрагментами, дающими представление о сюжете и стиле раннесредневекового индийского романа. Его стилистика родственна стилистике поэзии. Свыше тридцати функционально разных жанров составляют корпус прозы не только не санскрите, но и на пракритах.

СОМАДЕВА

О благородном видьядхаре

Есть здесь, в этом мире, величественный Химават, повелитель гор, хранитель всех камней драгоценных, родитель Гаури и Ганги, двух богинь, милых Шиве. На склоны его не могли взойти даже самые большие герои из земных царей, и возвышается он, гордый, над всеми другими горами — все истинно, что поется о нем во всех трех мирах. Стоит на склонах Химавата город Канчанапура, прозванный по заслугам золотым — так сверкают его крыши, что чудится, будто само солнце оставило ему в залог все свои лучи.

В давние времена пребывал в этом лучшем из городов царь Джимутакету, повелитель видьядхаров, подобно тому как на горе Меру — Индра, совершитель ста жертв. Росло в саду у дворца Джимутакету волшебное дерево, доставшееся ему в наследство, и по достоинству было дано дереву этому прозвание Маноратхадаяка, Исполняющее желания. Умолив его словно божество, получил царь по его милости сына, помнившего о прежних рождениях, несшего в себе частицу бодхисаттвы, и назвали того сына, щедрого в даяниях, высокодобродетельного, сострадательного ко всем живым существам, почтительного к наставникам, Джимутаваханой. Когда вступил царевич в пору юности, то царь, побуждаемый советами министров и добрыми качествами сына, помазал его на царство, а после этого министры, исполненные доброжелательства, приблизились к нему и сказали:

«Это твое „пожелай-дерево“, недоступное ни для одного живого существа, исполняет все желания, и тебе следует всегда его почитать. Пока оно здесь, не сможет нас одолеть даже сам Шакра. Что же говорить о каких-нибудь иных врагах». Выслушал их Джимутавахана и подумал про себя: «Увы! Предки наши, хотя и обрели некогда это божественное дерево, никогда не получали от него достойного плода. Испрашивали они только лишь богатства и этим ставили себя наравне с нищими, делая и самих себя, и это высокoblагородное дерево ничтожными. Но я поступлю так, что исполнит оно заветное желание моего сердца».

Так решив, пошел высокодобродетельный к отцу, удовлетворенному его беспрекословным послушанием, и сказал, оставшись с ним с глазу на глаз: «Ведомо тебе, батюшка, что в этом океане бытия нет ничего постоянного, все зыбко и подобно всплескам волны, и особенно летучи заря, молния и счастье. Только лишь их заметишь, как и неведомо уже, где они. Одно в этом мире вечно и несокрушимо — помощь другому, рождающая дхарму и славу, длящиеся сотни юг. Так зачем же мы ради мимолетных наслаждений держим у себя „пожелай-дерево“. Для чего оно создано? Где нынче те наши предки, которые жадно берегли для себя это дерево, твердя: „Мое! Мое!“ Где они сами и что для них это дерево? Поэтому позволь, батюшка, отдам я дивное дерево, исполняющее желания, чтобы послужило оно благородной цели помощи другим».

И отец согласился с ним, и сказал: «Так тому и быть!» Пошел после этого Джимутавахана к волшебному дереву, исполняющему желания, и взмолился:

«О божественное, всегда исполнявшее заветные желания наших предков! Исполни мое единственное, сокровенное, не похожее на прежние желания! Сделай так, чтобы увидел я эту землю освобожденной от нищеты! А когда исполнишь то, о чем прошу я тебя ради блага мира, ступай от нас, и да будет тебе благо!» Только закончил он говорить, стоя со сложенными молитвенно руками, как из дерева послышался голос: «Отпустил ты меня, и я удаляюсь». И тотчас же вознеслось «пожелай-дерево» на небеса, пролив на землю такое богатство, что не осталось на ней ни одного несчастного. Разнеслась тогда слава Джимутаваханы по всем трем мирам, ибо не было никого, кто был бы столь сострадателен ко всему сущему.

Из-за жадности преисполнились злобой все родичи Джимутаваханы, расставшегося с «пожелай-деревом» ради блага людского, и, решив, что сумеют они одолеть царевича вместе с отцом, пошли войной, чтобы отвоевать их царство. Видя это, молвил отцу Джимутавахана: «Если ты, батюшка, на бой выйдешь, кто против тебя устоит? Но кому нужно царство ценой смерти родичей? Только чтобы тешить это грешное, недолговечное тело? Так зачем нам это царство? Уйдем куда-нибудь вдвоем и будем блюсти дхарму — ведь на ней держатся оба мира. Пусть радуются эти убогие, алчные до царства, вызывающие жалость!» На эти слова так ответил ему Джимутакету: «Только ради тебя, сын мой, желал я царства. Но раз ты от него отказываешься, преисполненный сострадания ко всему сущему, то что мне, старому, в нем?»

Покинул Джимутавахана с согласия отца царство и пошел с отцом и матерью в горы Малая. Там он, послушный отцу, устроил ашрам в долине ручья, русло которого было скрыто сандаловыми деревьями, и появился у него там друг, имя которому было Митравасу, и был он сыном повелителя сиддхов Вишвавасу и жил в тех краях.

Однажды, блуждая по лесу, зашел Джимутавахана в стоявший на опушке храм Гаури, чтобы поклониться ей. Но только вступил он под его своды, как увидел прекрасную девушку, окруженную служанками и слугами, готовую совершить поклонение Дочери гор и в честь ее игравшую на вине. Застыли газели, заслушавшись дивной мелодией и словно оробев при виде ее прекрасных глаз, в которых черный зрачок выделялся на синеватой белизне белков и которые неудержимо стремились дотянуться до кончика уха, словно воинство пандавов, предводительствуемое Арджуной, жаждущее добраться до Карны. А перси ее вздымались, теснясь под одеждой, словно старались заглянуть ей в лицо, спорящее с луной. На стане же красовались прелестные складки, словно следы, оставшиеся от пальцев творца, когда он лепил ее. И только увидел ее Джимутавахана, как стройная, проникнув внутрь по незримой тропинке взгляда, похитила его сердце.

Увидела и она его, истинное украшение сада, манящего к себе, словно Мадху, укрывшийся в лесу из-за того, что был испепелен Кама, и поразила ее страсть — уронила красавица вину, и умолкла та, как и ее встревоженная случившимся подруга.

Тогда спросил Джимутавахана у подруги ее: «Что за счастливое имя носит она и какой род собой украшает?» И та, выслушав его, отвечала: «Имя ее — Малаявати, сестра она Митравасу и дочь повелителя сиддхов Вишваvasу».

А после этого она, всепонимающая, спросила пришедшего с Джимутаваханой сына отшельника о имени и роде самого Джимутаваханы. Потом обратилась она с улыбкой к Малаявати: «Почему, подружка, не принимаешь ты повелителя видьядхаров как гостя? Ведь пришел к нам сегодня такой гость, которого почитает весь мир». Но от смущения безмолвствовала красавица и не могла поднять глаз. «Очень она стыдлива, и поэтому соблаговоли принять от меня все то, чем гостя положено почитать», — и с этими словами одна из ее подруг с почтением поднесла ему гирлянду из цветов, а Джимутавахана, преисполненный любви, взял эту гирлянду и надел ее на шею Малаявати. А она, украдкой бросая на него нежные взгляды, словно одарила его венком из голубых лотосов своих очей.

Когда же завершили они этот безмолвный обряд избрания друг друга в супруги, одна из служанок подошла к дочери сиддха и молвила ей: «Матушка тебя зовет, поспеши, царевна!» Услышав эти слова, Малаявати, словно пригвожденная к любимому стрелой Камы, с грустью оторвав взор от милого лица, отправилась домой. Ушел к себе и Джимутавахана, но душа его ушла с красавицей.

Малаявати, повидав свою матушку, удалилась к себе и, палимая разлукой с повелителем ее жизни, упала на ложе. Заволокло ей очи дымом

пламени страсти, палившей ее сердце, лились из них потоки слез, жарко кипела кровь во всем теле, и, хоть подруги умищали ее снимающими жар сандаловыми притираниями и оведали лотосовыми листьями, не могла она унять страсть свою ни на ложе, ни на коленях подруги, ни на земле.

А тем временем миновал день, и сумерки, окрашенные пурпуром, уступили место ночи, и выглянувшая луна поцеловала смеющееся лицо Востока. Хоть и побуждала любовь красавицу послать возлюбленному весточку и сделать все, что надо в таких случаях, но стыдливость мешала ей и, казалось, уже покидала ее жизнь — провела она ту лунную ночь, словно лотос, который, закрываясь ночью, так и не смог закрыться, и в сердце ее, полное смятения, подобного рою пчел, вселилось сомнение.

И сердце Джимутаваханы было словно на ладони повелителя лука, сделанного из цветов, — недавно возникло его чувство, а он уже побледнел и от стыда не мог произнести ни слова, и одни лишь стоны, рожденные любовью, вырывались из его уст. Так он провел всю ночь.

Когда же наступило утро, поспешил преисполненный страсти Джимутавахана в тот храм Гаури, где встречался он с дочерью повелителя сиддхов, и там к нему, сгорающему от пламени страсти, приблизился сын мудреца и утешал его, а тем временем тайно пришла туда же, чтобы покончить с собой, истерзанная разлукой Малаявати и, не замечая возлюбленного, закрытого от нее деревом, заливаясь слезами, воззвала к богине:

«Исполнена я преданности к тебе, богиня, но если не в этом рождении, то пусть хоть в следующем станет Джимутавахана моим мужем!» При этих словах тотчас же сделала она из своей верхней накидки петлю и, уже готовая повеситься в присутствии Гаури на суку дерева ашоки, воскликнула: «О повелитель мой, Джимутавахана! Как же ты, прославленный во всем мире своей сострадательностью, не избавил меня от страданий?» Тут стала она накидывать петлю себе на шею, но вдруг зазвучало с небес божественное слово Гаури: «Не спеши, доченька, будет твоим мужем верховный повелитель видьядхаров Джимутавахана».

Внимал богине и Джимутавахана вместе со своим другом, а затем предстал перед обрадовавшейся ему возлюбленной. А друг его обратился к ней и молвил: «Вот и награда тебе от богини». Сам же Джимутавахана с ласковыми и исполненными любви словами своей рукой снял с ее шеи петлю, и тогда внезапно почувствовали они, будто оросил их ливень из амриты, и Малаявати стояла, от смущения чертя на земле какие-то линии. В это время прибежала одна из подруг ее, разыскивавшая ее, и, радостная, воскликнула: «Подружка! Выглядишь ты совсем счастливой, а оттого что достигнешь ты желаемого, еще больше будет твое счастье. Слышала я сегодня, как говорил царевич Митравасу твоему отцу махарадже Вишваvasу: „Пришел в наши края всем миром почитаемый,

„пожелай-дерево“ людям подаривший, сын повелителя видьядхаров Джимутавахана. Должно нам принять его как гостя. А поскольку он еще жених и никто иной с ним в достоинствах не сравнится, то самое большое, что мы по законам гостеприимства сделать можем, — это отдать ему в жены сокровище среди девушек Малайавати“. А твой отец молвил на это: „Так тому и быть“. Тогда поспешил Митравасу к жилищу высокодостойного с такой доброй вестью, и знай, что свадьба твоя будет устроена сегодня же, и поэтому поспеши в свои покои, а высокодостойный гость пусть вернется к себе».

И как только подруга все это сообщила, медленно пошла оттуда царевна, исполненная радости и печали, поминутно оглядываясь через плечо. Ушел и Джимутавахана к своему жилищу, выслушал там от Митравасу желанную весть, и возблагодарил его, и, помня о своих рождениях, поведал ему о том именно, в котором Митравасу был его другом, а сестра Митравасу — его женой.

Обрадованный Митравасу сообщил благую весть и родителям Джимутаваханы, а они испытали при этом безмерную радость. Выполнив так успешно порученное ему, обрадовал этим Митравасу своих родителей. В этот же день забрал он Джимутавахану из родительского дома и приготовил все для свадьбы, да так, что все по богатству и пышности соответствовало его волшебному могуществу, и в тот же счастливый день устроил свадьбу сестры своей Малайавати с повелителем видьядхаров Джимутаваханой. Исполнилось сокровенное желание Джимутаваханы, и стал он жить с молодой женой.

Однажды пошел он из любопытства вместе с Митравасу побродить по лесу, стоящему на берегу океана, и, заметив там груды костей, спросил у Митравасу, кому из существ принадлежат эти кости. И тогда вот что ему, сострадательному, поведал его шурин Митравасу:

«Слушай, расскажу я тебе одну историю. В давние времена родительница нагов Кадру обратила Винату, мать Гаруды Таркшьи, в рабство, обманом выиграв спор. Хотя Гаруда и сумел вызволить свою мать, но, ненавидя Кадру, стал он пожирать нагов, ее сыновей.

Постоянно прилетал он в подземный мир Паталу и кого-то из нагов пожирал, кого-то убивал, а кто и сам со страху умирал. Решил тогда повелитель нагов могучий змей Васуки, что всему его роду приходит гибель, и обратился к Таркшье с просьбой: „Буду я, повелитель живущих в небе, каждый день посылать по одному нагу тебе на пропитание сюда, на берег океанский, но в Паталу ты больше никогда не залетай. Что за благо тебе, если ты загубишь разом всех нагов?“ Когда предложил такое условие повелитель нагов, увидел Таркшья, что от этого будет польза, и сказал, высокомужественный: „Пусть так и будет!“ Вот с тех пор что ни день сжирает Гаруда здесь, на океанском берегу, по одному нагу, которых посылает повелитель нагов Васуки. Так и набрались здесь эти груды

костей, и со временем все больше и больше становятся они похожими на горные вершины».

Глубоко огорчился Джимутавахана, сокровище мужества и сострадания, когда услышал рассказ Митравасу, и промолвил: «Достоин порицания царь змей Васуки, который, как трус, каждый день посылает своих подданных на съедение. Как же это не мог он, тысячеустый, хотя бы одними устами сказать Таркшье: „Меня первым ешь!“ И как же это настолько утратил он мужество, что упрашивал Таркшью свой собственный род истребить? И как может он быть таким бездушным, беспрестанно слыша горестный плач жен истребляемых нагов! И как может свершать такое греховное дело Таркшья, герой, сын самого Кашьяпы, освященный своим служением Кришне? Какова же глубина его падения!» И когда добросердечный сказал это, зародилось в сердце его великое желание: «Пусть, принеся в жертву свое несовершенно тело Гаруде, совершу я доброе дело, сохранив жизнь хотя бы одному беззащитному нагу, одиному и исполненному страха!»

Пока Джимутавахана предавался таким размышлениям, прискакал за ним колесничий отца Митравасу. «Ступай сначала ты, а я приду потом», — с этими словами отпустил Джимутавахана шурина, а когда тот удалился, стал искать случая осуществить желаемое, и, пока блуждал по берегу, донесся до него издали звук горестных рыданий. Пошел он туда и заметил приближавшегося к высокому утесу некоего юного мужа, прекрасного обликом и удрученного горем. Уговаривал он сопровождавшую его старую женщину возвратиться домой. Охваченный состраданием Джимутавахана, желающий узнать, кто это, услышал, как старая женщина, изнемогшая под бременем горя, рыдала, глядя на того юношу: «О Шанкхачуда! О доставшийся мне через множество страданий! О добродетельный! Единственная надежда рода! О сын мой! Где увижу я тебя вновь? Когда закатится светлый месяц твоего лица, обрушится на твоего отца черный мрак горя. Какая уготована ему старость? Как сможешь ты перенести боль, когда станет тебя пожирать Таркшья, если страдает твое тело даже от солнечных лучей? Ведь народ нагов так малочислен — зачем же творец и царь нагов избрали тебя, единственного сына злосчастной старухи?!» А сын уговаривал ее, заливающуюся слезами: «Безмерно горе мое, матушка! Зачем же ты делаешь его еще большим? Вернись домой — последний мой поклон тебе. Вот уже и время, когда прилетает сюда Гаруда». — «О горе, горе мне! Кто спасет моего сына?» — рыдала старуха, обводя глазами, полными отчаяния, все страны света.

Слыша и видя все это, Джимутавахана, несущий в себе частицу бодхисаттвы, исполнился сострадания и подумал: «Вот несчастный нага Шанкхачуда, посланный сюда царем Васуки на съедение Гаруде, и вот пришедшая сюда вслед за ним, горько рыдающая от безмерного горя его мать, старая женщина, у которой он — единственный сын. Так спасу же

я несчастного ценой своего брэнного тела — пусть мне суждено погибнуть. Если не сберегу я жизнь этого наги, бесплодна будет жизнь моя в нынешнем рождении».

Решив так поступить, подошел он к старой женщине и заговорил с ней: «Спасу я, матушка, твоего сына!» Она же подумала, что это Гаруда прилетел, и трясаясь от страха перед ним, крикнула: «Ешь меня, Таркшья, меня!» Тогда Шанкхачуда объяснил ей: «Да это, матушка, не Таркшья! Не бойся! Посмотри, разве похоже это подобное луне, излучающее благость лицо на ужасного Таркшью?» Когда кончил нага свою речь, заговорил и Джимутавахана: «Я, матушка, из рода видьядхаров и пришел сюда, чтобы спасти твоего сына. Отдам я свое тело, поскольку скрыто оно одеждой, голодному Гаруде, а ты ступай вместе с сыном домой!» Молвила ему на это старая женщина: «Если ты даже в такое время сострадания движим, ты мне больше чем родной сын».

Выслушал ее Джимутавахана и сказал: «Не должно вам разрушать мое намерение». Но возразил ему, настойчивому, Шанкхачуда: «Убедился я, высокодобродетельный, в твоём сочувствии, но не могу я такой ценой обрести спасение — кто должен спасти простой камень ценой драгоценного? Такими, как я, тревожащимися лишь о своей судьбе, переполнен мир, но ничтожно мало таких, кто тревожится за весь мир. Да и не могу я стать для честного рода Шанкхалы позором, как пятно на безупречном зеркале». Так возразив Джимутавахане, велел Шанкхачуда своей матери: «Уходи ты, матушка, из этой злой глуши! Разве не видишь ты эту скалу казни, ужасное ложе, на котором забавляется бог Смертного часа, измазанное кровью и слизью нагов? Я же пойду и почту здесь, на берегу океана, владыку Гокарну и поскорее вернусь, пока еще не прилетел Гаруда». Тут поклонился он своей горько рыдающей матушке и пошел почтить Гокарну.

Подумал про себя Джимутавахана, что если тем временем появится Таркшья, то осуществится желаемое и сожрет Таркшья его, отдающего свою жизни за другого. И тут заметил он, что заматались деревья от ветра, поднятого крыльями повелителя птиц, и словно пытались отговорить его, шепча: «Не надо, не надо!» Поняв, что настал час прилета Гаруды, стал Джимутавахана, готовый отдать жизнь за другого, подниматься на скалу, где тот обычно терзал свои жертвы, и сам океан, вздыбленный порывами ветра, с великим изумлением смотрел сверкающими алмазами своих глаз на героя, обладавшего такой небывалой добродетелью.

И вдруг затмилось небо, скрывшееся за огромными крыльями, и пал сверху Гаруда, и, схватив клювом своим высокодобродетельного, с той скалы его унес, — держа в клюве его драгоценное тело, истекавшее кровью, полетел царь птиц на вершину горы Малая, где собирался его сожрать. «Пусть в каждом рождении тело мое послужит благу другого, а если нет, то да не будет мне ни избавления от рождений, ни рая!» — ду-

мал Джимутавахана, пожираемый Таркшьей. В тот же миг с небесной тверди просыпался на него, истинный месяц среди вождей видьядхаров, дождь из цветов, а драгоценный камень, который носил он на челе, упал перед Малаявати, его супругой, и она сразу узнала украшение, и была поражена горем, и показала его свекру и свекрови, бывшими рядом с ней. «Что это?» — воскликнули они в тревоге, увидав украшение. Но тут же царь Джимутакету и царица Канакавати благодаря своим могущественным и волшебным знаниям поняли, что случилось, и поспешили вместе с невесткой туда, где находились Джимутавахана и Таркшья.

А тем временем и Шанкхачуда вернулся после поклонения Гокарне и был удручен без меры, когда увидел, что орошена скала смерти свежей кровью. «О горе! — зарыдал он. — Великий грех на мне! Несомненно, отдал себя высокоблагородный и сострадательный Гаруде вместо меня. Последую я немедл туда, куда унес его Враг змеинного рода. Если застану его в живых, то не погибну в трясине бесславия». И пошел он, заливаясь слезами, высматривая на земле следы крови.

Гаруда же, пожирая тело Джимутаваханы, заметил, что тот этому радуется, и подумал: «Что за чудо небывалое? Видно, это какой-нибудь высокодобродетельный — радуется он, в то время как я его пожираю, да и жизнь его до сих пор не покинула. Хоть истерзано его тело, а все волосы на нем поднялись от наслаждения и образовали доспехи. И смотрит он на меня таким взглядом, будто я его благодетель. Видно, все-таки это не нага, а какой-нибудь святой. Не буду я его есть, а спрошу». Покуда Таркшья так размышлял, обратился к нему Джимутавахана: «Что смутился ты, повелитель пернатых? Или нет во мне мяса и крови? Или нет тебе охоты к еде? Ешь меня!»

Удивился, слыша такие речи, царь птиц и спросил: «Ведь ты же, почтенный, не из змеинного рода. Скажи мне, кто ты?» Отвечал ему на это Джимутавахана: «Нет, я — настоящий нага! Зачем задал ты этот вопрос? Поступай согласно своей природе. Не следует малодушно отступать от намеченной цели!» И пока так возражал Джимутавахана Таркшьей, донесся до них голос Шанкхачуды:

«Остановись, сын Винаты, не совершай великого греха! Он вовсе не нага — как это ты ошибся! Я — тот нага, который тебе предназначен». Подбежал он и стал между Таркшьей и Джимутаваханой. Заметив, что Гаруда пришел в замешательство, снова обратился к нему Шанкхачуда: «Что ж смутился ты, Таркшья? Или не видишь ты моего капюшона и не видишь, что язык мой раздвоен? И не замечаешь ты, сколь прекрасен облик видьядхары?»

А пока Шанкхачуда задавал Таркшьей эти вопросы, прибыли туда родители и жена Джимутаваханы, и при виде того, как разорвано его тело, возрыдали они: «О сын наш! О Джимутавахана! О сострадательный! О сыночек, никогда не жалевший жизни своей ради другого! О, как же,

Вайнатая, посмел ты, не подумав, свершить такое злое дело!» И, слушая их плач, устыдившийся Таркшья подумал: «Вот горе! Как же это я по неведению стал пожирать несущего в себе частицу бодхисаттвы? Ведь это же Джимутавахана, всегда готовый отдать свою жизнь на благо другому, чья слава гремит во всех трех мирах. Теперь, когда он мертв, придется мне, грешному, попасть в огонь, изведать, сколь сладок плод, зреющий на ядовитом древе беззакония».

Предается таким горестным размышлениям Таркшья, а тем временем Джимутавахана от причиненных ему ран обратился в собрание пяти начал. Вот рыдают над ним от горя родители, стенает, осуждающий себя, Шанкхачуда, а Малаявати, супруга Джимутаваханы, обратив очи к нему, голосом, прерывающимся от слез, осуждает Амбику: «Ты, ранее благосклонная ко мне, обещавшая мне в награду: „Будет мужем твоим будущий верховный повелитель видьядхаров!“ — так ведь говорила ты тогда, Гаури? Так зачем же тебе понадобилось говорить мне лживые слова?» Укоряет она так Гаури, и вдруг является перед ней сама богиня и произносит: «Не ложны мои слова, доченька!» Тут обрызгивает она Джимутавахану амритой из сосуда, бывшего с нею, и тотчас подымается он цел и невредим, в еще большем блеске, чем прежде, — живой, как ни в чем не бывало!

Пал он ниц перед богиней, и все другие распростерлись перед нею, и молвила Гаури: «Довольна я тобою, тела своего не пожалевшим, и потому совершу я сама обряд помазания тебя на верховное правление видьядхарами до скончания калпы». При этих словах совершила она помазание Джимутаваханы, окропив его из того же сосуда, и исчезла. Тотчас же с небес пал дождь из цветов божественной красоты и радостно зазвучали в небесах литавры богов.

Тогда обратился к Джимутавахане сам Таркшья: «Обрадован я, повелитель, тобой, человеком, отличающимся никогда не виданным благородством, что изумило все три мира и было записано на стенках яйца Брахмы. Повелевай мной и проси у меня все что хочешь!» Повелел тогда высокоблагородный так говорившему Гаруде: «Да не будешь ты никогда более пожирать нагов, а те, которых ты загубил прежде и чьи кости громятся здесь, на берегу, пусть оживут!» Согласился на это Таркшья и произнес: «Не буду я отныне губить нагов! Да оживут те, которых я сгубил прежде!» И в тот же миг все наги, которых он прежде сожрал и от которых остались лишь кости, поднялись, орошенные животворной амритой желания Джимутаваханы.

Собрались там на радостях боги, наги и множество мудрецов, и горы Малая получили от этого название «Троемирье». Тотчас же по милости Гаури узнали удивительную историю Джимутаваханы все повелители видьядхаров, и все они склонились к его стопам, а потом унесли вместе с радостными родственниками и друзьями на горы Гималайские того, кото-

рого Парвати сама сделала верховным повелителем всех видьядхаров, совершив обряд помазания. И стал он там, в этих горах, жить вместе с отцом и матерью, с другом своим Митравасу, и супругой своей Малаявати, и с Шанкхачудой, который, побывав у себя дома, пришел к нему, и долго держал Джимутавахана жезл верховного повелителя видьядхаров, усыпанный драгоценностями, доставшийся ему благодаря его необычайной жизни...

Сказание о войне ворон и сов

Третья книга «Панчатантры», именуемая «Сказание о войне ворон и сов», начинается с такого стиха:

Вчерашним врагам доверяться не след.
Друзьями не станут, носители бед
Вороны спалили гнездилище сов,
Извечных своих, ненавистных врагов.

Вот как это случилось:

Есть в стране Дакшинатъя город Махиларопья. В его окрестностях высится ветвистая смоковница. В ее тени находили прибежище многие птицы. Жил там со своими многочисленными подданными и повелитель ворон Мегхаварна — Черный, Как Грозовая Туча. Вместе с подданными он постоянно защищал свое укрытие от недругов. Невдалеке, в горных расщелинах, жил со своей свитой и грозный повелитель сов — Аримардана — Попирающий Врагов. Поддерживая древнюю вражду, властитель сов часто нападал на ворон. Нападет, разорит гнездо — и сразу прочь. В конце концов ему удалось по одной изгнать всех ворон со смоковницы. Так-то иной раз и бывает.

И вот повелитель ворон созвал всех своих советников и обратился к ним с такой речью:

— Тяжкие времена наступили для нашего рода. Искусно выбирая время для нападения, враг наносит нам жестокий урон. Как же нам с ним бороться? Ведь по ночам мы ничего не видим, днем же, несмотря на все свои усилия, так и не можем отыскать его крепость. Какой же способ действий следует избрать в этом случае: замирение или войну, поход или бездействие, бегство или невмешательство?

— Ты задаешь этот вопрос вполне справедливо, — ответили советники. — Говорится же:

Советнику, если не спросят,
уста раскрывать неприлично.
А спросят — пусть скажет всю правду,
какая ни есть — безразлично.

Не недруг ли злой, кто промолвит,
неспрошенный, перед владыкой
То слово, которое может
бедой обернуться великой?

Коварных лстецов, о властитель,
всегда при дворе преизбыток.

Но где смельчаки-правдолюбцы,
что не устрашятся и пыток?

Собравшись на царском совете,
высказываясь откровенно,
Должны мы решить, что уместней:
военный ли путь, не военный.

Мегхаварна поочередно опросил своих пятерых советников: крутовзлетающего Уддживина, высокопарящего Сандживина, пологовзлетающего Анудживина, взмывающего Прадживина, долгоживущего Чирадживина. Прежде всего он обратился к мудрому Удживину:

— Что ты предлагаешь, досточтимый?

— О государь, — ответил тот, — зачем затевать войну с более могущественным врагом, который умело выбирает время для своих нападений? Надобно поддерживать с ним мирные отношения. Недаром говорится:

С более сильным врагом
в битву не вступит разумный.
Можно ли вспять обратить
бурный поток многошумный?!

И еще:

Стремись к замиренью с врагом,
приверженным высшему благу,
Который в сраженьях не раз
являл, побеждая, отвагу.

Стремись к замиренью и с тем,
в ком зло воплотилось земное.
Запомни навек: кто сберег
себя — сбережет остальное.

А уж с тем, кто побеждал в многочисленных сражениях, и подавно следует жить в мире. Не зря сказано:

Кто с победоносным владыкрй
вступает в союз, тот и сам
Одерживать будет победы,
грозя погубленьем врагам.

И с равным себе подобает
поддерживать мир. Повелел

Брихаспати, мудрый наставник,
чураться сомнительных дел.

Войну начинают тогда лишь,
когда все пути примиренья
Испробованы: заверенья
о дружбе, посулы, даренья.

Пусть равен по силе, гордыней
объятому быть сокрушенным.
Горшок разбивается, если
столкнется — сырой с обожженным.

И еще:

Гоняясь за мышью, лишь когти
владыка зверей обломает.
И много ли радости, если
ничтожную мышь он поймают?

Войну начинать, не надеясь
пополнить богатой добычей
Казну государства, — таков ли
властителей мудрых обычай?

Пред сильным врагом, как тростинка,
клонись — и бессилен он будет.
Земля, восставая во гневе,
себя же на гибель осудит.

Когда угрожает опасность,
владыке пример — черепаха.
Но время настанет — как кобра,
он гордо восстанет из праха.

Владыка стремится покончить
с войною, с враждой обоюдной.
Когда не уверен в победе,
хвататься за меч — безрассудно.

И наконец:

Разумно ли слабому биться
со вражеской ратью могучей?

Кто видел такое — чтоб с ветром
успешно поспорили тучи?

Подобными доводами, заимствованными из «Учения о мире», Уддживин пытался склонить своего повелителя к замирению.

Выслушав все, им сказанное, Мегхаварна обратился к Сандживину:

— А теперь, многочтимый, я хотел бы выслушать твои соображения.

— О богоравный, — ответил Сандживин. — Скажу прямо: я не сторонник замирения. Истинно речено:

Бесплодная это затея —
с врагом заключать договор.
Хотя и присыпанный пеплом,
все тлеет и тлеет костер.

Нельзя забывать, что наш враг — безмерно жесток, одержим алчностью и лишен всякого понятия о справедливости. Тебе не следует с ним замиряться. Сказано же:

С коварным врагом договор,
хотя и составленный с тщанием,
Приносит не мир, а беду.
Кто верит пустым обещаньям?

Посему я предлагаю пойти на врага войной. Ибо сказано:

Жестокий, корыстный, ленивый,
готовый бежать без оглядки.
Надменный, беспечный и глупый —
легко побеждаются в схватке.

К тому же надо признать, что он нанес нам большой урон. Если мы примемся теперь возносить хвалы замирению, это лишь распалит его рвение. Не зря сказано:

Где надо прибегнуть к сраженью —
не след замиряться... Водичей
Не прыскают, до пропотенья,
на тех, кто горит в огневице.

Кто с сильным врагом разъяренным
толкует о мире, бессильный,
Не схож ли с водой, угодившей
в горячее масло светильни?!

Могущественный враг, уместно заметить, не ищет себе никаких оправданий. Говорится же:

Лев лапу свою возлагает
на лоб исполина слона,
И ярость его торжествует
над силой слона-яруна.

Кто мал, но могуч, одолеет
того, кто велик, — Бхарадваджа
Нас учит. Слона побеждает
лев, царства звериного раджа.

Где сила бессильна, там должно
прибегнуть к обману. Так Бхима,
Одевшись девицей, с Кичакой
расправился неустрашимо.

И еще:

Чтим всеми владыка, несущий
погибель врагам всевозможным.
Но если он терпит обиды,
его почитают ничтожным.

Напрасно рожден, кто не может
соперников блеск затмевать.
Напрасно потратила юность
такого родившая мать.

Та Лакшми, на теле которой
от вражеской крови нет пятен,
Не радуется, хоть и прекрасна,
того, кто воистину знатен.

Как славить владыку, чьи земли
в обилии не орошали
Ни кровь супостатов, ни слезы
супруг в беспредельной печали?

В таких словах Сандживин изложил основы «Учения о войне». Внимательно выслушав его, Мегхаварна обратился к Анудживину:

— Теперь ты выскажи свои суждения, высокочтимый.

— О государь, — начал Анудживин, — враг наш пылает злобой, он наделен большой силой, не признает никаких законов добра, поэтому мы не должны стремиться ни к замирению, ни к войне, оставаясь всегда на чеку. Говорят же:

С коварным и злобным врагом
ни мир, ни война ни к чему,
Но надобно быть начеку,
грозя нападением ему.

Поход затевают не ради
спасенья себя и народа,
Не ради отмщенья. Победа —
нет цели иной у похода.

Поход начинать подобает
в удобное время. Из года
Два месяца: картика, чайтра —
удобней всего для похода.

Но если во вражеском стане
есть мест уязвимых немало,
Доносят лазутчики, — значит,
пора для похода настала.

Крепость свою укрепи,
войско пополни, разведай
Силы врага — и тогда
будешь увенчан победой.

Кто с войском идет на чужую
страну, не разведав заране,
Где воду, еду раздобудет,
домой возвратится ли с брани?

Разумнее всего уклоняться от прямого столкновения с врагом. Говорится же:

Отходит баран пред ударом,
сжимается лев пред прыжком.
Чего не предпримет разумный,
чтоб верх одержать над врагом!

И еще:

Кто царство покинет, гонимый
могучим противником, тот
Подобно Юдхиштхире, снова
при жизни его обретет.

Кто схватку затеет с сильнейшим,
себя обольщая тщеславной
Надеждой, погибнет — и род свой
погубит в той схватке неравной.

Поэтому-то, когда тебе противостоит более сильный враг, мудрее всего уклоняться от прямого столкновения, не прибегая ни к замирению, ни к войне. — В таких словах Анудживин изложил «Учение об искусстве уклоняться от сражения».

Внимательно выслушав его речь, Мегхаварна обратился к великоопытному Прадживину:

— А теперь вырази ты, многотимый, свои суждения.

— Откровенно сказать, повелитель, мне не по душе ни замирение, ни война, ни стремление уклониться от столкновения. Я предлагаю терпеливое выжидание. Говорят же:

В воде крокодил одолеет
слона, затащив в глубину,
На суше не столь уж и страшен
собаке — не то что слону.

И еще:

Воюя с сильнейшим, разумно,
укрывшись в твердыне надежной,
Тайком призывать на подмогу
друзей: да придут неотложно:

Кто, силой врага уstraшенный,
бежит из надежной твердыни,
Уже победителем гордым
в нее не вернется отныне.

Сразить, за стеной крепостною
укрывшись, и сотню нетрудно.
Покинуть твердыню, имея
могучих врагов, безрассудно.

Разумно укрыться в твердыне,
и валом и рвом окруженной
И всеми для битвы с врагами
орудьями вооруженной.

Живой — отразишь всех врагов,
с бесстрашьем на приступ взирая.
Умрешь — возлетишь в небеса
и станешь насельником рая.

Кто сможет осилить слабейших,
которые тесно слиянны?
Не вырвать бушующей буре
две сплетшихся вместе лианы.

Но даже могучее древо,
чьи корни уходят глубоко,
Бывает бушующей бурей
повержено, коль одиноко.

Пусть даже безмерной отвагой
блистает боец одиночный,
А все же, сраженный врагами,
погибнет он в час неурочный.

В таких словах изложил Прадживин «Учение о пользе выжидания». Внимательно выслушав его, Мегхаварна обратился к Чирадживину: — О высокочтимый! Соболаговоли высказать свои суждения по этому поводу.

— О богоравный, — отвечивал Чирадживин, — из всех шести способов ведения государственных дел мне представляется наиболее приемлемым заключение союзов. Сказано ведь:

Что может поделать разумный,
когда не придет на подмогу
Никто?.. Не подхваченный ветром,
погаснет огонь понемногу.

Хотя ты и наделен большой силой ума, тебе все же необходимо обзавестись надежным союзником, который помог бы тебе преодолеть все испытания. Если же ты решишься покинуть свой надежнейший оплот, сию твердыню, никто не сможет оказать тебе никакой помощи, разве что словами ободрения. Верно говорится:

Ветер — помощник пожара:
лес выжигают совместно.
Ветер же гасит лучину.
Друг ли он, враг — неизвестно.

Тебе надо объединиться с сильным союзником; ведь даже слабые объединяются вместе для обороны. Сказано же:

Бывает порой недоступен
бамбук средь бамбуковой рощи.
И слабый всесилен в союзе
с владыками, полными мощи.

В борьбе с врагами нет ничего лучше могущественных союзников. Говорится же:

Духом возвысится сам
тот, кто с великими дружен.
Капли воды на цветах
светятся ярче жемчужин.

Для того чтобы оказать достойное сопротивление врагам, требуется помощь союзников. Я предлагаю заключить союз с нашими соседями. — В таких словах изложил Чирадживин «Учение о заключении союзов».

Внимательно выслушав его, царь Мегхаварна поклонился престарелому Стхирадживину, который служил главным советником еще при его отце и славился глубоким знанием всех наставлений о делах государственных.

— О отец! — сказал он. — Я опросил всех своих советников. Ты вместе со мной выслушал их суждения. Теперь слово за тобой: как мне поступить, что делать?

— Твои советники, сынок, высказали суждения, основанные на соответствующих шастрах. Все ими высказанное вполне уместно и правильно. Однако я полагаю, что в нынешнее время самое разумное прибегнуть к двуличию. Сказано же:

В военные ль, в мирные дни
повсюду царит недоверье.
В общенье со злобным врагом
полезней всего — лицемерье.

Чтобы погубить одержимого алчностью врага, лучшее средство — войти к нему в доверие.

Врага извести помогают
и сладкая лесть, и забота,
Так патока — лучшее средство,
когда досаждают мокрота.

И еще:

Погибнет глупец, говорящий,
что думает, лекарям злобным,
Погрызшим в грехах негодяям
и женщинам, змеям подобным.

Перед богами и гуру
искренность только уместна.
Прочих обманывать, если
надобность есть, не бесчестно.

Правдивость, нелживость присуща
подвижникам лишь богоравным,
Не смертным корыстолюбивым,
не их властелинам тщеславным.

Прибегнув к лицемерию и двуличию, ты не только сможешь сохранить за собой свою крепость, но и изгнать оттуда алчного врага. Так что, если ты выглядишь у него слабое место, незамедлительно этим воспользуйся, дабы его погубить.

— Как же мне узнать, где его слабое место? — спросил Мегхаварна.

— Я разведая это с помощью соглядатаев, — ответил Стхирадживин.
Сказано же:

Коровам глаза — обонянье,
священнослужителям — веды,
Царям — соглядатаи: в битвах
без них не добиться победы.

И еще, по этому же поводу:

Тайком изучившему тиртх
своей и чужой стороны,
Царю — никакие уже
угрозы врагов не страшны.

— Кто такие эти тиртхи и сколько их — объясни, — полюбопытствовал Повелитель ворон.

— Благословенный Нарада упомянул в своем разговоре с Юдхиштхирой, — ответил Стхирадживин. — «Во вражеском стане насчитывается восемнадцать тиртх, пятнадцать — в своем, каждый из них связан с тремя соглядатаями; через них можно знать все происходящее во вражеском стане». Вот его точные слова:

Есть тиртхи; чужих — восемнадцать,
пятнадцать своих, и у всех
По три соглядата: это
приносит желанный успех.

Слово «тиртха» вообще-то означает «брод», «переход», но здесь подразумеваются высокие лица, облеченные доверием государя. Горе ему, если среди них окажутся продажные. И наоборот, если все они преданы своему государю, то это в немалой степени способствует его преуспеянию. Так вот, во вражеском стане к тиртхам причисляются следующие особы: главный советник, пурохита, военачальник, наследник престола, старший привратник, смотритель женской половины дворца, управляющий, глашатай, распорядитель, наставник, смотритель хозяйства, старший погонщик слонов, казначей, начальник крепости, хранитель границ, старший тюремный надзиратель, старший слуга. Раздор меж ними ослабляет вражеский стан... В своем же стане к тиртхам причисляются следующие особы: государева родительница, его кормилица, садовник, постельничий, начальник соглядатаев, звездочет, лекарь, водонос, бетельщик, наставник, телохранитель, распорядитель покоев, держатель зонта, наложница. Раздор меж ними, без сомнения, наносит ущерб их стану. Считается, что:

В своей стороне, создавая
лазутчиков тайную рать,
Гадателей, лекарей, гуру
в нее надлежит набирать.

В чужой стороне набирают
скитальцев при свете луны
И змей заклинателей: эти
все тайны разведать должны.

И еще:

Пускай соглядатаи, тайно
во вражьем орудуя стане,
У тиртх разужают все тайны,
сокрытые в сем океане.

Внимательно выслушав речь престарелого советника, Мегхаварна осведомился:

— Чем порождена, отец, эта извечная война меж воронами и совами?

И Стхирадживин рассказал:

— Однажды, во времена стародавние, гуси, попугаи, цапли, кукушки, воробьи, совы, павлины, голуби, сойки, петухи и все прочие пернатые собрались на великий совет:

— Что нам делать? — горько вопрошали они. — Наш общий повелитель Вайнатей служит своему господину Васудеве, о нас же сей незадачливый правитель не проявляет ни малейшей заботы, даже не оберегает от ловушек и силков. А ведь сказано:

Кто подданных не защищает
от всех их врагов, тот, поверьте,
Не истинный царь — воплощение
губителя злейшего — Смерти.

Народ без владыки, что правит
согласно извечным законам
Добра, справедливости — судно
без кормчего в море бездонном.

Как судно, что скоро затонет,
спеша покидают жреца,
Не сведущего в приношеньях;
наставника — не мудреца;

Супругу суровую, злую;
а также царя-гордеца,
Который своим небреженьем
безжалостно ранит сердца.

И вот порешили они выбрать для себя другого царя — повелителя сов, весьма почтенного и уважаемого.

Для окропления совы на царство была заготовлена священная вода из разных рек, собрано сто восемь целебных кореньев и установлен трон, изваянный в виде льва. Помимо этого был начертан земной круг с семью материками, с океанами, цепями гор. Всюду разостлали тигровые шкуры, поставили наполненные золотом чаши, разожгли светильники, повесили зеркала. Словом, было сделано все надлежащее. Поэты громко читали свои хвалебные стихи, брахманы хором возглашали священные веды, сладостно пели юные девы. Повелитель сов, сопровождаемый старшей царицей Крикаликой, готов уже был воссесть на трон, как тут откуда ни возьмись появился ворон.

«Ради чего, любопытно знать, тут собрались все пернатые?» — удивился он.

Птицы же обратились к нему с такими льстивыми словами:

— О ворон! Среди нас, пернатых, ты, как известно, наимудрейший. Верно сказано:

Сметливее всех из людей —
цирюльник, из хищных зверей
Шакал хитроумнее всех,
а ворон из птиц всех мудрей.

Послушаем, что ты нам посоветуешь.

Советы мудрейших, чей разум
блистает, как жемчуг окатный, —
Великая помощь, лишь надо
обдумывать их многократно.

— По какому поводу, почтенные, вы созвали столь торжественное собрание? — спросил ворон, приблизясь.

— Мы все огорчены, что нет у нас властителя, который был бы нашим верным заступником, — ответили ему пернатые. — Вот мы и решили окропить на царство повелителя сов. Ты пришел как раз вовремя. Выскажи свое мнение.

— Неужели вы впрямь хотите окропления на царство этого кривоногого уродца, который днем ничего не видит? — возмутился ворон. — Уж кого-кого, а его-то не следует ставить над павлинами, гусями, кукушками, утками, цаплями, попугаями, журавлями и прочими дневными птицами. Такой повелитель обычно:

Косо глядит и кривится,
кислятину будто вкушает,
Даже когда и не злится,
он всем отвращенье внушает.

И еще:

Сова омерзительна видом,
душой — воплощенье коварства.
Чего мы достигнем, злодея
избрав повелителем царства?

Ведь у нас уже есть верховный повелитель — Вайнатая. Зачем же нам выбирать на его место другого, тем более такого, который днем ни-

чего не видит? Да будь он наделен даже величайшими добродетелями, какое право мы имеем выбирать нового правителя при живом государе?

Один государь в государстве.
А если их двое иль трое,
Как солнце в день гибели мира,
погубят они все живое.

Даже само имя его не будет вам охраной и защитой. А ведь должно быть иначе:

Лишь имя царя упомянут,
величьем его восхищенный,
Ликует достойный и сразу
мрачнеет злодей, укрошенный.

Кроме того:

Лишь названо имя благое —
и вмиг отвращается зло,
О Месяце упоминанье
от гибели зайца спасло.

— Расскажи об этом подробно, — попросили пернатые, и ворон поведал такую историю.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— В некоем лесу обитал вожак слоновьего стада по имени Чатурданта — Обладающий Четырьмя Бивнями. Однажды случилась там великая сушь, которая продолжалась много лет подряд. Все окрестные озера, пруды, заводи и болота высохли до дна.

— О богоравный! — сказали тогда слоны своему вожаку. — Многие из наших детей уже погибли от мучительной жажды, все остальные на краю гибели. Разуши же какой-нибудь водоем, где мы могли бы утолять жажду.

Вожак после долгих раздумий ответил:

— В прекрасном равнинном краю Патале есть огромное озеро. Оно питается водами самой Ганги, протекающей в тех краях. Туда-то нам и надлежит отправиться.

После длительного, в пять ночей, перехода они добрались до озера, сразу же бросились в него и не выходили из воды, пока всласть не напились и не накупались. На берегу озера было великое множество заячьих

нор, многие из которых слоны затоптали. Самих же зайцев они сильно покалечили: кому лапы переломали, кому туловище изуродовали, а кого и смяли в лепешку.

После ухода слоновьего стада зайцы собрались все вместе и принялись горько сетовать:

— Горе нам, горе, несчастным! Отныне этот вожак будет снова и снова приводить сюда свое стадо, ибо только тут еще и осталась вода. Нам всем суждено погибнуть. Говорится же:

Слоны — прикасанием сражают,
дыханием отравленным — змеи,
Язвительным смехом — владыки,
притворным почтением — злодеи.

Как нам спасти свою жизнь? Есть ли такое средство?

— Нам не миновать гибели, — сказал один из зайцев. — А Ману и Вьяса, оба утверждают:

Ради спасенья деревни
родом пожертвуйте целым,
Ради нетленного духа
бренным пожертвуйте телом.

И еще:

Во имя спасенья души
пожертвует царь богоравный
Страною, где много скота,
издревле богатой и славной.

И кроме того:

Надобно ради семьи
деньги откладывать впрок,
Ради спасенья души —
вытравить в сердце порок.

Все прочие, однако, не согласились с его мнением.

— Негоже покидать место, доставшееся нам от предков, — сказали они.

Кто-то предложил напугать слонов.

— Напугать вожака слонов не так-то просто, — возразили ему. — Это сможет сделать только тот из нас, кто искусен в речах и кто сумеет выдать себя за посланца нашего владыки Виджаядатты, обитающего на луне. Пусть он явится к вожаку слоновьего стада и от имени самого

Чандры запретит ему приходить на озеро, тут, мол, живут подданные властителя ночного неба. Глядишь, слоны и оставят нас в покое.

— Что ж, так и поступим, — согласились другие. — Надобно направить к нему послом Ламбакарну — Длинноухого, который владеет даром красноречия и к тому же хорошо сведущ в посольском деле. Сказано ведь:

Послом выбирают такого,
кто красноречив, бескорыстен,
Кто в мысли других проникает, —
провидец скрываемых истин.

И еще:

Кто глуп и корыстолюбив,
и лгун, и обманщик в придачу,
В послы не годится: ему
терпеть суждено неудачу.

А в таком деле, как это, нельзя допустить промашки.

— Лучше Ламбакарны нам и впрямь никого не найти, — поддержали все остальные. — Только он и может избавить нас от этой губительной напасти.

Выбранный послом, Ламбакарна направился к вожаку слоновьего стада и, взобравшись на неприступную скалу, воззвал к Чатурданте:

— Как ты смеешь, злодей, беззаботно играть на берегах озера, где тебе запрещено появляться? Уходи подобру-поздорову!

— Кто ты такой? — в изумлении спросил вожак.

— Зовут меня Виджаядатта. Обиталище мое — лунный круг, — ответил Ламбакарна. — А пришел я к тебе с посланием от самого великого Чандры. Ты знаешь, что посол, если он не лжец, не самозванец, особа неприкосновенная, ибо его устами говорит сам государь. Сказано же:

Пусть даже подъяты мечи
и царский сородич убит,
Посла и за дерзкую речь
обычай казнить не велит.

— Передай же мне, заяц, скорее послание благословенного Чандры, — поторопил его Чатурданта.

— О почтенный! Вот что велел тебе передать божественный Чандра: «Вместе со своим стадом ты погубил вчера множество зайцев. Неужто не ведомо тебе, что они — мои подданные? Если дорожишь ты своей жизнью, уходи отсюда».

— И где же обитает Чандра, о почтенный? — спросил вожак слонов.

— Вот в этом озере он сейчас и пребывает, — ответил Ламбакарна. — Он спустился с небес, дабы спасти своих подданных — зайцев от полного истребления. Потому-то я и направлен к тебе послом.

— Покажи мне его лик, — попросил вожак. — Я почту его поклоном и тотчас же покину эту страну.

— Хорошо, ступай со мной, только один, — согласился заяц, — и я покажу тебе лик нашего божественного повелителя.

Таков был их уговор.

Когда пала ночная тьма, заяц привел слона к озеру и показал ему лик Чандры, который отражался на глади вод.

— Смотри, — сказал заяц, — наш повелитель погружен в благочестивое размышление. Почти же его поклоном и, не говоря ни слова, удались. Если ты, упаси боже, нарушишь его покой, наш повелитель безмерно разгневается. Тогда тебе конец.

Почтив лик Чандры глубоким поклоном, вожак стада тут же отправился прочь. С тех пор зайцы вместе с семьями тихо и мирно живут в своих норах.

Вот почему я и говорю:

Лишь названо имя благое —
и вмиг отвращается зло,
О Месяце упоминанье
от гибели зайцев спасло.

Тем, кто не хочет сгубить себя, не следует возводить на трон ничтожного, ленивого, подлого, неблагодарного, порочного, склонного к зашатайству. Сказано же:

В суд обратились однажды
сойка и заяц, но оба
Съедены были судьей,
полным коварства и злобы.

— Расскажи об этом подробно, — попросили пернатые, и ворон поведал такую историю.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Некогда жил я на одном дереве, а ниже под моим гнездом, в дупле устроилась сойка по имени Капинджала. Мы часто летали с ней вместе, соревнуясь в чтении мудрых речений, распевании священных гимнов, рассказах о житиях богов, царей-мудрецов и пророков или же просто

обо всех любопытных событиях, кои доводилось нам видеть во время наших полетов. Однажды Капинджала вместе со своими товарками улета на поле, где уже вызрел рис. Наступила ночь, а она все не возвращалась. «Почему ее нет? — думал я с глубоким беспокойством. — Уж не стряслось ли с ней какое-нибудь несчастье? Может быть, она угодила в силки? Только б она осталась жива и здорова! Без нее мне не жизнь!»

Шло время, и однажды вечером, на закате, в ее дупло запрыгнул заяц, которого звали Шигхрага — Быстроскачущий. В полном отчаянии я даже не пытался воспрепятствовать ему занять место моей дорогой подруги. Через несколько дней, однако, Капинджала вспомнила о своем жилище и вернулась — толстая, раскормившаяся: все это время, оказывается, она провела на рисовом поле. Но недаром говорится:

Блаженной стократ богача,
отъевшего брюхо в раю,
Довольный немногим бедняк,
живущий в родимом краю.

Увидев, что дупло занято, Капинджала сказала с укоризной:

— Это не твой дом, заяц! Уходи отсюда!

— Нет, это мой дом, — возразил Шигхрага. — Почему ты говоришь со мной так неучтиво и высокомерно? Сказано же:

Тому, кто лишился колодца,
пруда, водоема любого,
Раба или храма, — отныне
не стать им хозяином снова.

И еще:

Владеющий десятилетье
полями, другим ли именем, —
Уже их законный хозяин.
Как право его мы отменим?!

Доказывать право — стремление
людей, их обычай исконный.
У птиц и зверей обладанье
и без доказательств законно.

Так что этот дом мой, а не твой.

— Послушай, — возразила Капинджала, — я предлагаю обратиться к знатоку смрити: как он порешит, так тому и быть.

Мне было любопытно знать, чем закончится их спор, и я полетел вслед за ними.

На берегу реки, подле дороги заяц и сойка увидели лесного кота по имени Тикшнаданштра — Острозубый. Издалека услышав их разговор, кот взял в передние лапы пучок травы куша и, воздев их к небу, встал, прищурил один глаз и, обратив морду в сторону Благословенного Солнца, заговорил нараспев:

— Этот мир сансары лишен какого бы то ни было смысла, жизнь пролетает мгновенно, встречи с возлюбленной — пустой сон, мирские узы — наваждение, морок. Нет иного спасения, кроме веры. Истинно речено:

Все зыбко: преходят земные
богатства — и бренны тела.
Бессмертна лишь смерть. Так спешите,
вершите благие дела.

Кто время проводит в тщете,
деяний благих не творит,
Подобен кузнечным мехам:
он мертв, хоть и дышит на вид.

Ни стыд не прикроет собака
хвостом, ни убьет комара,
На что он? — На что и ученость
без веры? Одна мишура.

Веры лишённые сходны
с птичьим пометом, с половой.
Или с москитами: проку
нету от них никакого.

Что масла и сливок вкуснее?
Что слаще плодов наливных
И краше соцветий? Однако
кто веру сменяет на них?

Всех веры лишённых Создатель
на свет произвел, как скотину,
С единственной целью: да служат
они своему господину.

В делах торопиться не след —
советуют те, кто учен.

Путь веры, однако же, скор,
хоть много на нем и препон.

Суть веры: другим помогайте
в беде, не чините дурного, —
Тогда обретете спасенье, —
и знать вам не надо иного.

Пусть эта вот заповедь веры
вам будет звездой путеводной:
Другим не чините такого,
что вам самому неудобно.

Выслушав эту проповедь, столь обильно уснащенную стихотворными речениями, заяц произнес:

— Смотри, Капинджала, на берегу реки стоит благочестивый проповедник. Пойдем к нему посоветуемся.

— Что ты говоришь! — воспротивилась Капинджала. — По природе своей это наш отъявленный враг. К тому же мы можем помешать его подвижничеству. Лучше не подходить к нему близко.

— О добродетельный подвижник, — воззвали они издали к коту. — У нас спор друг с другом. Благоволи разрешить его с помощью дхармашастры. Кто, по твоему суждению, окажется неправ, того ты и съешь.

— Ну уж нет, любезные, — отвечивал проповедник, — я уже давно отрекся от насилия. Ненасилие — вот истинная дорога веры. Сказано же:

Почтенье к живому — основа
всей веры для истинно зрячих,
Поэтому не убивайте
ни вшей, ни клопов злокусачих,

Кто хищника жизни лишает,
тот в ад попадает кромешный,
Что будет тогда со злодеем,
которым повержен безгрешный?

— Те, кто, желая свершить жертвоприношение, приводят животных на заклание, — суть глупцы, не понимающие ни высшей цели, ни смысла священных писаний, где прямо указано, что в жертву следует приносить аджу, то бишь семилетний рис, отнюдь не какое-либо животное, к примеру — козу. Говорится же:

Кто рубит деревья, кто губит
животных — тот проклят стократ.
Уж если он в рай вознесется,
то кто же отправится в ад?

Так что я никого из вас не съем, только рассужу, кто прав, кто виноват. Однако к старости я стал туговат на ухо. Поэтому станьте поближе и выскажите свои доводы, чтобы я мог понять сущность вашего спора и вынести справедливое решение, иначе я лишусь небесного блаженства. Недаром говорится:

Кто ради корысти ли, в гневе,
а может быть, в страхе, презренный,
Противное истине скажет, —
тот в ад угодит непременно.

И еще:

Коль суд о корове свершают
неправо и лицеприятно,
Греховность судейства такого
умножится десятикратно,

Стократно, когда о юнице
выносят сужденье бесчинно,
И тысячекратно, поверьте,
когда подсудимый — мужчина.

Держитесь подальше от судей,
вершащих неправедный суд,
Пускай милосердные боги
от этаких вас упасут.

Отриньте же все свои сомнения, подойдите и ясно изложите существо вашего дела.

Дальнейшее, видимо, не стоит и рассказывать. Едва сойка и заяц, в великом своем простодушии, приблизились к коту, как он тут же цапнул одного из них лапой, другого — зубами и сожрал и истца и ответчика.

Поэтому-то я и говорю:

В суд обратились однажды
сойка и заяц, но оба
Съедены были судьей,
полным коварства и злобы.

Если вы, почтенные, изберете своим правителем это никчемное существо, способное видеть лишь по ночам, то поступите так же опрометчиво, как заяц с сойкой. Поразмыслите над моими словами.

— Ты рассуждаешь совершенно справедливо, — согласились пернатые. — Соберемся-ка еще раз и посоветуемся, кого же все-таки поставить над собой царем.

Все разлетелись. Слепая сова продолжала сидеть на троне, тщетно ожидая окропления.

— Тут кто-нибудь есть? — спросила сова у Крикалки. — Почему никак не начнут окропление?

— Тебя чуть было не окропили, да ворон помешал, — ответила Крикалка. — Все птицы давно уже разлетелись, один только ворон и остался. Слезай-ка с трона, я отведу тебя домой...

— Так это ты, негодный, опозорил меня, помешав окроплению, — обратился царь сов к ворону. — Отныне и навечно между нашим и твоим родом — вражда непримиримая! Говорится же:

Стрелой нанесенная рана
затянется пусть и нескоро —
Но не заживает обида
от злобного слова иль взора.

Произнеся этот стих, сова с Крикалкой отправились восвояси.

«Что же это я натворил! — встревожился ворон. — Ведь до сих пор не было никаких причин для вражды между нами!

Коль скоро нечаянно вырвалось слово
Не к месту, не вовремя, полное злого
Желанья обидеть, унижить, то, право,
Подобное слово — не слово, — отравя!

Разумный пойдет ли тропкою опасной,
Заклятых врагов наживая всечасно?
Кто станет себя убеждать, что зловерство —
Отнюдь, мол, не яд, а целебное средство?!

В собрание, в совете, прилюдно
Ученый не выступит с речью поносной,
Он знает: и правда порою
Бывает губительной и вредоносной.

Разумный, за дело берясь, изначально
С друзьями обсудит его досконально,

Обдумает сам, отметая пристрастья, —
Вот так он достигнет и славы и счастья».

Пораздумав, ворон возвратился к своим сродникам. С тех пор, дорогой мой сын, у нас с совами наследственная вражда.

— Что же нам делать, отец? — спросил его Мегхаварна.

— Кроме тех способов, которые уже упоминались здесь на совете, существует еще один, надежнейший. Пользуясь этим способом, я приведу вас к победе. Наши враги будут истреблены. Не зря говорится:

Житейская мудрость к успеху
немело людей привела,
Так брахману плуты внушили,
что тащит он пса, не козла.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Мегхаварна, и Стихирадживин поведал ему такую историю.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— В некоем селении жил брахман по имени Митрашарман, который наложил на себя обет поддерживать священное пламя. Однажды в месяце магх, когда дул приятно освежающий ветер, небо было сплошь затянуто тучами и сыпал мелкий дождь, брахман отправился раздобыть какое-нибудь животное, дабы принести его в жертву Парджанье.

— В наступающее полнолуние мне предстоит свершить жертвоприношение. Дай же мне какое-нибудь животное, — попросил он у одного из жертвователей.

Тот выбрал для него тучного, как предписано шастрами, козла. Митрашарман тщательно оглядел его и, сочтя вполне пригодным для своей цели, взвалил на плечо и зашагал к себе домой. А навстречу ему — три тощих, изголодавшихся плута. Увидели они тучного козла и стали меж собой переговариваться:

— Похитим мы у него эту животину, досыта наедемся.

Один из них, вывернув наизнанку одежды, подошел к Митрашарману сбоку и говорит:

— Какой же ты дуралей, хранитель огня! Ну зачем ты, всем на смех, взвалил на плечи шелудивого пса? Сказано же:

Грешно прикасаться к собаке,
к чандалу: нечисты они!
Осла и верблюда тем паче
касаться — господь оброни!

— Ты что, почтенный, ослеп? — в гневе накинулся на него брахман. — Это же козел, а не собака.

— Ну что ты гневаешься, брахман, — ответил плут. — Как хочешь, так и поступай: дело твое.

Митрашарман пошел дальше. Сбоку подошел к нему второй плут.

— Что же ты, достопочтенный, тащишь на плечах убитого мальчика? — запричитал он. — Грех это, большой грех. Говорится же:

Кто труп человека иль зверя
тащил на себе, окаянный,
Очистится лишь приношеньем
и долгим постом — чандраяной.

— Неужто ты не видишь, что это не мертвый мальчик, а козел? — снова вспылил брахман.

— Не гневайся, господин, — ответил второй плут. — Извини, если что не так сболтнул — по невежеству это. Поступай как знаешь, дело твое.

Едва брахман вступил в лес, перед ним, весь в лохмотьях, явился третий плут.

— Вот грех-то! — вскричал он. — Взвалил на плечи дохлого осла да и тащишь его куда-то! Скинь его сейчас же! Недаром говорят:

Тому, кто к ослу прикоснулся,
предписано тут же, в одежде,
Свершить омовенье, тогда лишь
очистится он, но не прежде.

Сбрось же скорее, брахман, свою греховную ношу, куда никто тебя не увидит.

Боясь осквернения, брахман скинул козла на дорогу и припустил домой.

Трое плутов, собравшись вместе, зажарили козла и досыта наелись. Вот почему я и говорю:

Житейская мудрость к успеху
немало людей привела:
Так брахману плуты внушили,
что тащит он пса, не козла.

Верно ведь говорится:

Кого в заблужденье введут,
невидимой сетью опутав,

Услужливость слуг, лесть друзей,
плач женщин и выдумки плутов?!

Умному не следует враждовать сразу со многими. Сказано же:

Со многими сразу враждуешь?
Уж лучше вражду затаи.
И кобру сжирают, собираясь
огромной толпой, муравьи.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Мегхаварна, и Стхирадживин поведал такую историю.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— В некоем муравейнике поселилась большая черная змея по имени Атидарпа. Была она очень самонадеянна и вот однажды решила выбраться наружу не через свою нору, а через другое, более узкое отверстие. Протискиваясь сквозь тесный проход, змея изранила себе тело. Тут же, привлеченные запахом крови, со всех сторон набежали муравьи. Сколько-то из них она изловчилась придавить, сколько-то покалечила, но было их бесчисленное множество, и в конце концов они закусали ее насмерть, и змея распалась на пять изначальных стихий.

Вот почему и я говорю:

Со многими сразу враждуешь?
Уж лучше вражду затаи.
И кобру сжирают, собираясь
огромной толпой, муравьи.

— Посоветуй же, что мне все-таки делать. Как ты скажешь, так я и поступлю, — сказал Мегхаварна.

— Послушай, дорогой мой сын, — молвил Стхирадживин. — Все способы, которые предложили тебе здесь, на собрание, в этом случае неприменимы. Поступи так. На глазах у вражеских соглядатаев, понося меня самыми грубыми, бранными словами, ощирай мне крылья, обмажь меня кровью, а сам со всеми своими супругами и приближенными удались на гору Ришьямукха. Я же постараюсь войти в доверие к совам, разведаю, что там, внутри их крепости, потом, в самый разгар дня, когда совы слепнут, я отведу туда тебя вместе со всей стаей, — раскрыл свой замысел Стхирадживин. — Полагаю, что нет другого способа добиться успеха. Врагов, засевших в крепости, можно перебить полностью только в том случае, если им некуда бежать. Сказано же:

Лишь то укрепленье надежно,
откуда есть ход потайной.
Твердыню без хода такого
уместно считать западней.

Что до меня, то не надо проявлять никакой жалости. Сказано ведь:

Когда разгорелась война,
и лучшие слуги — поленья,
Которыми надо огонь
поддерживать без сожаленья!

И еще:

Поэтому надо о них
заботиться, как о себе:
Да будут защитой твоей
в изменчивой этой судьбе.

Так что не отговаривай меня от выполнения этого замысла.

И Стхирадживин принялся громким голосом поносить слуг Мегхаварны. Те не остались в долгу и в свой черед начали обзывать его всякими непотребными словами, прикидываясь, будто готовы его заклевать на смерть.

Но тут Мегхаварна прокаркал:

— Проваливайте! Я сам покараю этого предателя, который переметнулся на сторону наших врагов.

Накинувшись на Стхирадживина, он не очень сильными ударами клюва поранил его до крови и вместе со своими женами и придворными удалился на гору Ришьямукху.

Тем временем Крикалика, которая все это видела, поспешила доложить о случившемся своему повелителю.

— Все твои враги во главе с их властителем улетели, — сказала она.

Услышав эту весть, повелитель сов созвал своих советников, и они вместе решили после захода солнца напасть на ворон.

— Надобно действовать без малейшего промедления, — призвал Аримардана. — Враги бежали в страхе перед нашей великой доблестью. Правильно говорится:

Когда обращается в бегство
твой враг, неотступно преследуй
Бегущего в страхе, покуда
над ним не одержишь победу.

Ведь боги и те выжидают
удобного случая, чтобы
Врага одолеть — пусть он даже
таится во мраке утробы.

Долетев до смоковницы, повелитель сов уселся на одной из ее ветвей и, видя, что все враги и впрямь улетели, возрадовался, а придворные поэты принялись петь ему хвалу.

— Надо бы разведать, куда и по какой дороге отправились эти проклятые вороны, — сказал Аримардана своим приближенным. — Если они не успели еще укрыться в крепости, мы могли бы налететь на них с тылу и перебить всех до единой. Говорят же:

Бывает, врага от разгрома
спасает обычный забор.
Какой же, укрывшись в твердыне,
тебе он окажет отпор?!

Видя и слыша все это, Стхирадживин подумал: «Коль скоро эти совы не сумеют разгадать нашего замысла, все пойдет на лад. Мне же пока лучше ничего не предпринимать. Сказано же:

По двум отличают приметам
разумного: он не возьмется
За дело ненужное, в нужном,
однако, успеха добьется.

Поэтому-то лучше пока ничего не предпринимать, тогда с самого начала не будет никаких препятствий. Подам-ка я голос». И он тихо застонал. Совы кинулись к нему, чтобы его убить, но он тихо прошептал:

— Я Стхирадживин, главный советник Мегхаварны. Это он заклевал меня чуть не до смерти. Извольте доложить обо мне вашему государю. Я готов сообщить ему много важнейших сведений.

Выслушав доклад слуг, повелитель сов явился собственной особой.

— Расскажи мне, как ты дошел до столь бедственного состояния, — велел он.

— Слушай, о богоравный, — отвечивал ворон. — Вчера этот злодей Мегхаварна, буруемый сильным гневом, вознамерился пойти на вас, сов, войной, дабы отомстить за причиненный ему тяжкий урон. «О государь, — обратился я к нему, — идти войной на более сильного врага неразумно. Недаром же говорится:

С сильным вражда — нет глупее ошибки!
Будьте тростинке под стать, так же гибки.

Гибнет, как в пламени — рой мотыльковый,
Неосторожный, глупец безголовый

Куда разумнее, — продолжал я, — принести дары, выплатить дань, замириться. Говорят же:

Спасая себя от врагов,
не жаль и богатство отдать.
Остаться бы только в живых —
стяжашь богатство опять.

Но этот злодей почему-то заподозрил, что я перекинулся на твою сторону, и чуть было меня не убил. Поэтому я припадаю к твоим стопам с просьбой о защите и заступничестве. Что мне еще добавить? Пожалуй, только одно: помоги мне добраться до твоего стана, ибо я совсем обессилел от ран, а уж я отомщу за себя: сделают так, чтобы ни одна из этих ворон не уцелела.

Выслушав его, грозный Аримардана созвал своих советников. А они служили еще при его отце и деде, и было их пятеро: Рактакша — Кровавоглазый, Круракша — Свирепоглазый, Диптакша — Огненноглазый, Вакранаса — Кривоносый и Пракаранакарна — Ушастый. Первым он обратился к Рактакше:

— У меня в когтях оказался главный советник врага. Как поступить с ним?

— Что тут раздумывать, богоравный? — ответил Рактакша. — Прикажи его убить, да и вся недолга. Ибо:

Врага истребить торопись,
покуда он слаб и устал,
Чтоб сил не набрался, смотри,
и неодолимым не стал.

Счастье приваливает само, само и уходит, говорят в народе. Сказано же:

Удачное время бывает
раз, но не два и не три.
Упустишь его, прозеваешь, —
не повторится, смотри!

А еще говорят:

Погиб неразумный твой сын,
разбита моя голова.

Того, что случилось, любви
уже не поправят слова.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана, и Рактакша поведал такую историю.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

— Жил в некоем селении брахман по имени Харидатта. Занимался он земледелием, но урожай собирал никудышный. Однажды на исходе лета он вздремнул в тени дерева, посреди своего поля, а когда пробудился, увидел рядом с собой, на муравейнике, громадную змею, раздувавшую свой капюшон.

«Эта змея, должно статься, и есть богиня-покровительница нашего поля, — догадался он. — Я никогда не приносил ей жертвы, поэтому и рис не родится. Сегодня же совершу приношение».

Он попросил у соседей молока, налил его в плошку и, подойдя ближе к муравейнику, сказал:

— О богиня-покровительница нашего поля! Не ведал я, что здесь твое обиталище, потому и не делал тебе подобающего подношения. Прости же меня, неразумного!

Положив плошку на землю, он удалился.

Возвратясь туда на другое утро, брахман увидел в плошке новехонький золотой. С той поры он каждый день неизменно относил змее молоко, а на другое утро забирал золотой.

Однажды брахман поручил отнести молоко своему сыну, сам же отправился по делам в деревню. Увидев в плошке золотой, сын подобрал его и подумал так: «Ведь этот муравейник небось битком набит золотыми. Убью-ка я эту змею и заберу себе все ее богатство».

На другой день, дождавшись появления змеи, сын брахмана огрел ее палкой по голове. По милости судьбы, змея, однако, осталась жива. В ярости она укусила его своими острыми зубами, и он помер в одночасье. Сродники, которые работали тут же, поблизости, сложили костер и совершили обряд сожжения. О гибели сына отец узнал лишь на другой день, когда вернулся из деревни.

Будь милостив к тем беззащитным,
что ищут защиты твоей.
Едва не погибла, отвергнув
пришлицу, стая гусей.

— Расскажи об этом подробно, — попросили сородичи, и брахман поведал такую историю.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— В некоем городе правил раджа по имени Читраратха. Было в его владениях озеро под названием Лotosовое, которое неусыпно охраняли царские воины. Жило на озере множество золотых гусей, и каждые полгода они роняли по одному золотому перу. Однажды на озеро прилетела большая золотая птица другой породы. «Это наше озеро, — сказали гуси, — мы платим за него золотыми перьями. Тебе среди нас не место». Разгорелась между ними ссора, и тогда пришелица обратилась за помощью к радже.

— О богоравный, — сказала она, — эти гуси не признают твоей власти. «Что нам царь?! — презрительно говорят они. — Озеро принадлежит нам, только нам, мы его никому не уступим». Я так и не смогла их переспорить. Вот я и докладываю тебе, государь, обо всем.

Царь повелел немедля перебить всех гусей. Слуги кинулись исполнять его приказ.

Увидев царских слуг с дубинками, один старый гусь успел предупредить своих родичей:

— Горе нам, горе! Взлетайте скорее!

И они взлетели все разом.

Вот почему я и говорю:

Будь милостив к тем беззащитным,
что ищут защиты твоей.

Едва не погибла, отвергнув
пришелицу, стая гусей.

Так молвив, брахман взял на заре молоко, пошел к муравейнику и льстивым голосом восславил змею. Через долгое время она выползла и сказала брахману:

— Не горюй о сыне, который погиб из-за своей ненасытной алчности. Этот неразумный ударил меня палкой по голове, и поэтому я его ужалила. Я не смогу забыть об этом оскорблении, как и ты не сможешь забыть о своей потере. Отныне между нами не может быть любви. — Змея подарила ему дорогой смарагд, но предупредила, чтобы он больше к ней не приходил. Брахман взял драгоценный камень и, оплакивая в душе неразумного своего сына, возвратился домой.

Вот почему я и говорю:

Погиб неразумный твой сын,
разбита моя голова,
Того, что случилось, любви
уже не поправят слова.

Умертвив главного советника нашего врага, мы без труда избавимся от всех своих недругов.

— А каково твое мнение, высокочтимый? — спросил Аримардана у Круракши.

— Предлагаемое им жестоко, — ответил Круракша. — Грешно убивать того, кто ищет у тебя покровительства. Недаром же говорится, о богоравный:

Я некогда слышал сказанье,
как лучший из всех голубей
Врага, что просил о защите,
попотчевал плотью своей.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана. И Круракша поведал такую историю.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

— Однажды по густому лесу бродил подлый злодей птицелов, жестокий губитель всех пернатых.

Не только друзья — отступились
все родичи от птицелова,
Виновного в наитягчайшем
грехе — истребление живого.

Ведь:

Кто губит живое, раскинув
искусно сплетенные сети, —
Как адские чудища, ужас
внушает живущим на свете.

Но пора продолжать рассказ:

Злодей птицелов неустанно
скитался по чаще пустынной,
Груженный силками и клеткой
и вооруженный дубиной.

Однажды случайно поймалась
в один из силков голубица.
Посажена в прочную клетку —
не вырваться — бедная птица.

Но вдруг затянули все небо
тяжелые мрачные тучи,
И дождь разразился, как будто
предвестье беды неминуемой.

Шло время, но без передышки
гроза бушевала в округе.
Укрылся под деревом огромным
злодей птицелов в перепуге.

Когда же очистилось небо
и звезд серебристые знаки
Сверкнули над чащей, — «Эй, кто тут?
На помощь!» — он крикнул во мраке.

«На помощь! — воззвал он. — Скорее!
Я изголодался, несчастный,
И, как в лихоманке, дрожу я
от холода ночи ненастной».

На дереве этом жил голубь,
красавец сизарь красноногий.
Супруги своей дожидаясь,
он сетовал в горькой тревоге:

«Давно уж окончился ливень
и буря в лесу отшумела,
Когда же вернется подруга,
не мил мне мой дом опустелый.

На свете еще не бывало
супруги столь преданной, верной,
Столь ласковой, доброй, и нежной,
и полной любви беспримерной.

Известно, что дом без хозяйки
не дом, а чашоба лесная!»
Так сетовал голубь, печально
в разлуке с подругой стеной.

Услышав его причитанья,
супруга, сидевшая в клетке,
Позвала супруга, который
ее дожидался на ветке:

«Плоха та хозяйка, что мужа
не радует, — молвила нежно, —
И боги — с хозяином вместе —
довольны хозяйкой прилежной.

Жена, что не радует мужа,
будь он молодым или старым,
Да испепелится, подобно
лиане, спаленной пожаром!

Мы, женщины, даже от сына,
отца получаем немного,
И мужа, который все разом
дает, почитаем, как бога».

К этому она добавила:

Послушай, любимый мой, ради
того, кто о помощи просит,
Исполненный благости в жертву
себя самого же приносит.

Прими, как почетного гостя,
не помня о зле, птицелова.
Терзают и холод и голод
беднягу, лишенного крова.

Верно говорится:

Кто гостю, пришедшему в пору
заката, не явит почтения,
Утратит святую заслугу
и примет его прегрешенья.

Мой друг, не вини птицелова:
должно быть, дурные деянья
Свершила я в прежних рожденьях —
за них и терплю я страданья!

Все наши недуги и беды,
все горести, как ни безмерны,
Плоды, принесенные дровом
не чьей-то, а нашей же скверны.

Прости же, мой друг, птицелова.
Без всякого гнева и злости,
Прими, как предписано дхармой,
того, кто пожаловал в гости».

И, вняв увещаньям подруги,
спустился на землю мгновенно
Сизарь красноногий — и, низко
склонившись, промолвил смиренно:

«Пусть благо тебя осеняет!
В столь мерзкую эту погоду
Что сделать могу, подскажи мне,
тебе, о почтенный, в угоду?»

«О голубь! — в ответ прозвучало. —
Промок я насквозь, весь в ознобе.
Согрей же меня поскорее,
пока не свалился в хворобе».

И голубь откуда-то быстро
принес уголек раскаленный,
Сгреб листья сухие — и вскоре
костер запылал, им зажженный.

Тому, кто просил о защите,
сказал он: «Без всякой тревоги
Приблизься, согрей хорошенько
озябшие руки и ноги.

Мы, жители леса, ты знаешь,
и сами питаемся скудно.
Сыскать же тебе пропитанье —
признаться, и вовсе мне трудно.

Кто тысячу кормит, кто — сотню,
кто — десятерых, я же, нищий,
Себя самого обеспечить
не в силах достаточной пищей.

Не знаю, как гостя принять, я,
почтить угощением обильным.
Какая же радость от жизни
в заботах, в труде непосильном?!

Для столь благородного дела
не жаль мне и собственной плоти.
Неужто отвечу я гостю:
мол, в доме еды ни щепоти?»

Себя самого осуждая,
а не птицелова-злодея,
Его обещал он насытить
поджаренной плотью своею.

И в помыслах благочестивых,
простившись с юдолью земною,
Он в пламя, горящее жарко,
вступил, как в жилище родное.

При виде великой сей жертвы
пронзила печаль птицелова,
В раскаянье горьком он молвил
от сердца идущее слово:

«Кто зло сотворил — омерзенье
внушает себе самому же.
Он плод своего злодеянья
вкушает — что может быть хуже?

Всесилен закон воздаянья.
Злодействам таким нет прощенья.
Мне адовы муки готовит
судьба за мои прегрешенья.

Какой же пример мне, убийце,
сей голубь явил благородный,
Который свершил без раздумья
поступок, богам столь угодный?!

Отныне, клянусь, я не буду
питаться едою мясною,
Питье ограничу, чтоб тело
иссохло, как будто от зноя.

Все узы мирские отринув,
уйду я в лесную обитель
И там покаянью предамся,
жестокий мучитель, губитель!»

Так он говорил, запоздало
свою проклиная недолю,
Запоры у клетки сломал он
и выпустил птицу на волю.

Едва лишь увидев супруга
в огне обгоревшее тело,
Восплакала бедная: ею
безмерная скорбь овладела.

«Как жить без тебя, мой любимый, —
стонала сквозь слезы вдовица, —
Навеки утратившей радость
не лучше ли с жизнью проститься?!

Довольство и гордость собою,
почтение родни и прислуги,
Все разом теряем мы, жены,
лишь умерли наши супруги».

И так причитая, рыдая,
в горящее пламя вступила.
Незыблемой верности мужу
была в ней великая сила.

И вдруг в колеснице небесной
предстал перед нею, как вживе,
Супруг в одеянье чудесном —
она не видала красивей.

Сказал он, бессмертье обретший:
«Подруга любимая, в пламя
За мною вступившая, — щедро
ты взыскана будешь богами:

Там, в горнем краю, как доныне,
со мною в любви и совете
Жить будешь ты тридцать пять тысяч
блаженнейших тысячелетий».

Так, к сонму богов причастившись,
жил голубь с своей голубицей.
Свершивших благие деянья
судьба награждает сторицей.

И прежний злодей-погубитель
укрылся в лесной глухомани.
Отвергнув охоту, явил он
всей сути добра пониманье.

И вот, как и голуби, в пламя
вступив, он обрел очищение
От зла, им свершенного прежде:
судьбы не бывает блаженней!

Вот почему я и говорю:

Я некогда слышал сказанье,
как лучший из всех голубей
Врага, что просил о защите,
попотчевал плотью своей.

Выслушав все сказанное Рактакшей, Аримардана обратился к Диптакше:

— Как, по твоему суждению, нам следует поступить при таких обстоятельствах?

— О богоравный, — ответил Диптакша. — По-моему, мы должны его пощадить. Хоть он и советник нашего врага, но помыслы питает честные, потому-то и просит у нас защиты. Конечно же, его природа несовместима с нашей, но он может принести бесспорную пользу, если откроет нам уязвимые места недругов наших. Вот почему я предлагаю его пощадить.

— А каково твое суждение? — спросил Аримардана у Вакранасы.

— Я тоже предлагаю его пощадить, — ответил советник. — Так как:

Любые раздоры и ссоры
во вражеском стане нам впрок.
Вор брахмана спас от съеденья,
а ракшас коров уберег.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана, и Вакранаса поведал такую историю.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

— В некоем селении жил бедный брахман по имени Дрона. Питался он только тем, что ему подавали, никогда не носил добротной одежды, не употреблял благовоний и притираний, не украшал себя цветочными пле-

теницами, не жевал бетеля: словом, был лишен всего, что доставляет другим удовольствие. Волос он ни разу не стриг, ногтей не подрезал. Тело его было открыто холоду и зною, дождю и ветрам. Как-то раз кто-то, проникшись к нему состраданием, пожертвовал ему пару телят. Этих телят он кормил тем, что ему удавалось выпросить: пахтой, сливочным маслом, ячменем и всем прочим. И в конце концов выросли телята в откормленных коров. Завидев этих коров, некий вор задумал их украсть. Он взял две веревки с петлями на конце и отправился к брахману. Дело было ночью. По дороге встретилось ему чудовище, сплошь заросшее огненно-рыжими волосами, с бородой, похожей на ярко пылающий жертвенный огонь, с свалившимися щеками, с налитыми кровью глазами. Руки и ноги туловища были оплетены взбухшими венами.

Вор, хоть и перепугался, однако же нашел в себе смелость спросить:

— Кто ты, уважаемый?

— Я брахмаракшас Сатьявачана, — услышал он в ответ. — Назови и себя, почтенный.

— Я Круракарма, воровских дел мастер, — сказал вор. — Иду к брахману Дроне, чтобы свести у него двух коров.

Исполнившись доверия к вору, ракшас обрадованно сказал:

— Я ем всего один раз в три дня. Вот сегодня я и сожру этого брахмана. Оказывается, у нас с тобой одна цель — это просто замечательно!

Дальше они пошли вместе, а когда добрались до дома брахмана, затаились и стали ждать подходящего времени. С приходом ночи, когда брахман заснул, брахмаракшас собрался было его сожрать, но вор остановил его,

— Негоже так, любезный. Позволь мне сначала увести коров, а там и делай что хочешь.

— Но ведь если брахман проснется от мычания коров, моя затея не удастся, — возразил ракшас.

— Но ведь если ты накинешься на него, он примется кричать, и сразу же сбежится народ, — доказывал свое вор. — Тогда моя затея не удастся. Сначала я уведу коров, а уж потом ты делай что хочешь.

Их громкая перебранка разбудила брахмана.

— Послушай, досточтимый, этот брахмаракшас хочет тебя сожрать, — поспешил сказать ему вор.

А Сатьявачана громко завопил:

— Он хочет свести у тебя двух коров!

Услышав это, брахман тотчас же вскочил со своего ложа. От брахмаракшаса он оборонился заклинанием, обращенным к своему божеству-покровителю, а от вора толстой дубиной. Вот почему я и говорю:

Любые раздоры и ссоры

во вражеском стане нам впрок.

Вор брахмана спас от съедения,
а ракшас коров уберег.

Обдумав хорошенько его слова, Аримардана спросил Пракаранакарну:

— Как, по твоему разумению, надобно поступить в сем случае?

— О богоравный, — ответил советник. — Сохранив пленнику жизнь, мы сможем подружиться с ним и жить в мире и согласии. Говорится же:

Есть множество мест уязвимых
у каждого. Их не тая,
Погибнешь ты — так, перебранку
затеяв, погибла змея.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана, и Пракаранакарна поведал такую историю.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Жил некогда властитель города, которого звали Девашакти. В жите у его сына, как в муравейнике, поселилась змея. Юноша худел с каждым днем. Хотя его пользовали сведущие целители, применяя и разные способы лечения, и разные снадобья, как то предписывают соответствующие шастры, юноша никак не поправлялся. В конце концов царевичу так опостылело лечиться, что он отправился в другой город, где и стал жить сбором подаяний возле святилища бога Калы, коему он поклонялся. Правителя того города звали Бали, и было у него две дочери в самом цвете девичества. Каждый день, на восходе, они приветствовали отца, склоняясь к его стопам, и одна из них неизменно провозглашала: «О государь, на чьих милостях зиждется всеобщее процветание, да сопутствует тебе успех во всех твоих деяниях!», другая же скромно говорила: «О великий повелитель! Наслаждайся тем, что тебе назначено судьбой!» В конце концов вторая дочь прогневала правителя, и он сказал своим советникам:

— Выдайте эту царевну, досаждающую мне своей глупостью, за чужеземца, и пусть она наслаждается тем, что назначено ей судьбой.

— Да будет воля твоя! — покорно ответили советники. Вскоре ее выдали замуж за царевича, который собирал подаяния возле святилища Калы. Она приняла его как суженого, вполне довольная своей участью.

Поселились они недалеко от города, на берегу пруда. Однажды, оставив царевича присматривать за их жилищем, дочь царя вместе со служанкой пошла купить топленого масла, кислого молока, соли, риса и прочей снеди. В их отсутствие царевич прилег, положив голову на мура-

вейник, и тут же задремал. Змея, обитавшая у него в животе, высунула голову из его рта, дабы подышать свежим воздухом. В это же самое время из муравейника вылезла другая змея. Начали они переругиваться, да так яростно, что глаза у них побагровели от крови.

— За что ты, злодейка, терзаешь этого царевича, столь прекрасного обликом? — прошипела змея, которая жила в муравейнике.

— А зачем ты, подлая, прячешь в муравейнике две чаши с золотом? — возмутилась другая.

Так осыпали они друг друга гневными обвинениями, и каждая старалась выискать у своей противницы уязвимое место.

— А ведомо ли тебе, злодейка, что тебя можно извести с помощью отвара из горчичных семян? — злилась та, что жила в муравейнике.

— А ведомо ли тебе, подлая, что тебя можно извести горячей водой или кипящим маслом? — не уступала ей та, что жила в животе у царевича.

В самом начале их перебранки царевна успела возвратиться. Укрывшись за ветвями кустарника, она слышала все, что говорили обе змеи. Воспользовавшись услышанным, она тут же избавила мужа от жившей у него в животе змеи, вырыла клад, убив вторую змею, а затем они оба вернулись в город, где жил царевич. Его родители почтили молодых богатыми дарами, и стали они жить в радости и счастье.

Вот почему я и говорю:

Есть множество мест уязвимых
у каждого. Их не тая,
Погибнет он — так, перебранку
затеяв, погибла змея.

Аримардана согласился было с его доводами, но тут, усмехаясь, снова заговорил Рактакша:

— Горе, о, горе! Своим недомыслием вы губите, высокочтимые, нашего господина. Сказано же:

Там, где почет — наихудшим
и лучшие втопты в прах, —
Царствуют три властелина
могучих: Смерть, Бедность и Страх!

Мы все обречены на полное истребление. Справедливо сказано:

Врагов и в личине друзей
разумный легко узнает,
Советы их слушает он,
но действует — наоборот.

И еще:

Владыка, внимающий глупым
советам, — свой собственный враг.
Как солнца затмение, отвергает
державу свою он во мрак.

И все же вопреки предостережениям Рактакши совы понесли Стхирадживина в свою крепость.

— О богоравный! — воззвал он к Аримардане. — Зачем вы берете с собой меня, обреченного на смерть? У меня единственное желание — взойти на костер?. Вели же сложить для меня костер.

— Почему ты хочешь взойти на костер? — спросил Рактакша, стараясь проникнуть в тайные мысли недруга.

— Ради вас я принял жесточайшие муки, причиненные мне Мегхаварной, — ответил Стхирадживин. — В новом своем существовании я отомщу Мегхаварне и всем его присным.

Услышав сие хитроумное объяснение, Рактакша, весьма искушенный в делах государственных, произнес:

— Я вижу, ловок ты в плетении обманных словес. Но ведь даже родись ты в утробе совы, все равно по природе своей ты останешься вороном.

Однако ему так и не удалось разубедить сов. Стхирадживин же, пока его несли, посмеивался про себя:

«Он прав, утверждая: предатель
погубит тебя, господин.
В делах государственных смыслил
лишь этот советник один.

Если совы пренебрегут его разумным советом, то претерпят великий урон».

Тем временем достигли они крепостных ворот.

— Отведите нашему искреннему доброхоту любое, какое он пожелает, жилище, — повелел Аримардана.

«Теперь самое время измыслить средство погубить наших врагов, — подумал Стхирадживин. — Ведь только ради этого я и решил поселиться среди них. Не подлежит ни малейшему сомнению, что они будут пристально наблюдать за мной, за каждым моим движением. Разумнее всего, пожалуй, жить по эту сторону крепостной стены, у самых ворот».

— О повелитель, — обратился Стхирадживин к Аримардане. — Твои слова исполнены великодушия. В глубине сердца я не питаю никаких дурных замыслов. Однако моя природная честность не позволяет мне жить внутри крепости. Я буду тебе прислуживать, о повелитель, здесь, у

ворот, где меня каждодневно будет освящать пыль из-под твоих лотосоподобных стоп.

— Да будет так, — согласился повелитель сов и распорядился, чтобы его слуги кормили ворона отменными кушаньями, приготовленными из мяса. От этой пищи Стхирадживин вскоре раздобрел, стал чуть не с павлина. Видя это, Рактакша сказал государю и его советникам:

— Я просто диву даюсь, до чего же вы неразумно поступаете. Не зря же говорится:

Выходит, мы все сплеховали:
я — дура, охотник — дурак,
И царь и советники вместе
со свитой попали впросак.

— Расскажи об этом подробно, — попросили они. И Рактакша поведал такую историю.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

— В некоей стране на горе росло огромное дерево, и жила на нем птица по имени Симбхука, которая вместо помета роняла чистое золото. Однажды забрел туда охотник. Увидев, как птица извергла золото, охотник подумал: «Вот диво дивное-то! С малых лет занимаюсь я ловлей птиц, но еще никогда не видывал такой диковинной».

И он поставил западню под этим деревом. Птица, по великой своей глупости и доверчивости, тотчас же угодила в эту западню. Охотник пересадил ее в клетку и унес к себе домой.

«Что же мне делать с этой птицей? — ломал он себе голову. — Как бы не случилось из-за нее какой-нибудь беды! Если кто проведает, что помет у нее чистое золото, и донесет об этом царю, я пропал. Лучше уж я сам расскажу ему об этой птице».

Так он и поступил. При виде диковинной птицы царь широко раскрыл глаза. Радость озарила лотос его лица.

Он повелел беречь эту птицу пуше глаза, вдоволь кормить и поить.

— На что она сдалась, эта птица? — усомнился один из царских советников. — Не глупо ли верить словам какого-то презренного охотника, будто помет у нее — чистое золото? Да отпустите вы ее, пусть летит куда хочет.

Птицу выпустили из клетки. Она взлетела на поперечину дворцовых ворот и тотчас же извергла золото, а затем пропела такой стих:

Выходит, мы все сплеховали:
я — дура, охотник — дурак,

И царь и советники вместе
со свитой попали впросак.

Счастливая, она воспарила высоко в небо.
Вот почему я и вспомнил этот стих.

Но и на этот раз не послушал повелитель сов Рактакшу, радевшего о его благе. Не только не послушал, но и приказал кормить ворона лучше прежнего — и отборнейшим мясом, и изысканнейшими яствами. Тогда Рактакша созвал на тайный совет всех своих сродников.

— Великая беда нависла над славной нашей крепостью, — сказал он. — Как подобает верному слуге, я дал нашему повелителю хороший совет, но он не захотел ему внять. Нам надо поискать надежную крепость на горе. Правильно ведь говорится:

Кто худшего ждет, преуспееет —
тому уж бывали примеры.
Признаться, я в жизни ни разу
не слыхивал гласа пещеры.

— Расскажи об этом подробно, — попросили его сродники, и Рактакша поведал такую историю.

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

— В некоей лесной стране обитал лев Кхаранахара — Наделенный Острыми Когтями. Однажды у него подвело брюхо от голода. Но сколько ни рыскал он по окрестным лесам, так и не смог найти никакой добычи. К закату солнца увидел он большую пещеру в склоне горы и, войдя туда, подумал: «Когда стемнеет, в эту пещеру непременно заявится какая-нибудь тварь. Затаюсь-ка я здесь и подожду.

Тем временем к пещере подошел ее хозяин — шакал Дадхипунча — Вислохвостый. По следам, ведущим в пещеру, он догадался, что внутри спрятался лев.

«Как бы мне выяснить, впрямь ли там лев? — задумался шакал. — Не хотел бы я угодить ему в пасть!»

— Эй, пещера, пещера! — завыл он, не входя внутрь. — Ты что, не помнишь, какой у нас с тобой уговор? Как только я подойду, ты должна откликнуться на мой зов словами: «Я тебя жду». Если ты промолчишь, то я, по нашему с тобой уговору, пойду в другую пещеру.

«Эта пещера, должно быть, и вправду приглашает его войти, но сейчас молчит, потому что боится меня, — подумал лев. — Мудро ведь говорится:

Объятые страхом безмерным,
бывает, лишаются речи.
Мучительной дрожью им сводит
и ноги, и руки, и плечи.

Откликнусь-ка я сам вместо пещеры. Тогда он войдет, и я смогу утолить свой голод».

Так порешив, лев громко заревел. Его рев, многократно усиленный стенами пещеры, навел ужас даже на тех зверей, которые обитали в дальних лесах. Шакал же кинулся наутек, повторяя на бегу такой стих:

Кто худшего ждет, преуспеет.
тому уж бывали примеры.
Признаться, я в жизни ни разу
не слыхивал гласа пещеры.

— Приняв в расчет все это, вместе взятое, нам следует немедленно отселиться от прочих, — закончив рассказ, сказал Рактакша и вместе со своими сродниками отправился в другие края.

Его уход очень обрадовал Стхирадживина. «Какое великое благо, что этот Рактакша покинул крепость, уж больно остер его ум, а все прочие совы — тупицы! Повезло мне, что и говорить! Не зря ведь молвлено:

Погибнет — и скоро — владыка,
советников нет при котором —
Разумных, способных проникнуть
в грядущее мысленным взором.

Справедливо также полагают, что:

В советниках, кои являют
свое тупоумье, творя
Бесчинства, разумные видят
врагов наизлейших царя».

Так поразмыслив, стал он каждый день приносить к своему гнезду по веточке, дабы со временем спалить крепость врагов.

«Эти глупые даже не догадываются, что им грозит, — ликовал он. — Верно ведь говорится:

Кто другом врага почитает,
а друга — врагом, кто худое
Возлюбит, а благо отвергнет, —
тот будет погублен судьбою».

Мало-помалу у входа в совиную крепость собралась целая груда хвороста. Однажды днем, когда совы, как известно, утрачивают способность видеть, Стхирадживин слетал на гору Ришьямукха и доложил Мегхаварне:

— О владыка! Все готово для сожжения вражеской крепости. Прилетай же со всеми своими подданными. Пусть каждый возьмет в клюв по пылающей веточке и бросит ее на груду хвороста, около моего гнезда. Обиталище сов превратится в раскаленный горшок, где все они погибнут, как в огненном аду.

— Как ты там жил, почтенный отец? — спросил обрадованный его появлением Мегхаварна. — Мы так давно тебя не видели.

— О сын мой, — отвечал Стхирадживин. — Сейчас не время для разговоров. Я опасаюсь, как бы кто-нибудь из соглядатаев не выследил меня. Если он успеет предупредить сов о моей измене, то, хоть и слепы они днем, все же попробуют ускользнуть. Надобно поспешать. Говорится же:

Кто медлит в делах неотложных —
внушает презренье и смех
Богам — на пути у такого
воздвигнется много помех.

И еще:

Не следует медлить с делами —
да будут исполнены к сроку.
В плодах запоздалых — пусть даже
благими бывают — нет соку.

После того, как ты истребишь своих врагов и с победой возвратишься домой, я подробно поведаю тебе обо всем.

Мегхаварна собрал всех своих подданных, и полетели они к вражеской твердыне. Каждый бросил по горящей веточке на груду хвороста у ворот крепости, вот тут-то слепнущие днем и вспомнили предостережения Рактакши. Они все разом кинулись к выходу, но, сбившись в плотную кучу, так и не смогли выбраться наружу и погибли в своей твердыне, как в раскаленном горшке. Истребив таким образом всех недругов, Мегхаварна вернулся на смоковницу. Усевшись на трон, объятый безмерным ликованием Мегхаварна спросил своего старейшего советника:

— Ну как, о достойный отец, тебе жилось все это время среди наших заклятых врагов? По правде сказать, меня разбирает неодолимое любопытство. Изволь же поведать о случившемся, ибо:

Кто предан добру всей душой,
любое претерпит лишенье,
Чем, хоть на мгновенье, пойдёт
к заклятым врагам в услуженье.

Стхирадживин ответил:

— Кому не известно, сколь дорогой ценой обретается желанный плод?!

Чтоб в деле добиться успеха,
и то, что тебе не по нраву,
Приходится делать — и даже
глотать, улыбаясь, отраву.

Как ты ни могуществен, как ни умен,
но если прикажет судьба,
Ты будешь общаться с врагами, чья речь
твой слух оскорбляет, груба.
Сам Бхима, воитель великий, и тот,
судьбою поверженный в прах,
Мешалкой орудовал и кочергой
у матсьев в простых поварях.

Хорошее дело, дурное ли дело,
удобного случая жди.
Как только дождался — умело и смело
его до конца доводи.
Сам Арджуна, путь пролагая к успеху,
хоть горько в душе оскорбься,
Своим ненавистным врагам на потеху
пуститься был вынужден в пляс.

Превратна судьба — помнит мудрец,
исполненный жизненных сил,
И, цели заветной стараясь достичь,
смиряет излишний свой пыл.

Сын Дхармы, Юдхиштхира, так поступал,
терпя унижение и срам
В дворце у Вираты — один из пяти
пандавов, подобных богам.

Ведь было однажды: пришлось
всем братьям-пандавам пяти,

Сим полным достоинств мужам,
коров у Вираты пасти.

Пришлось и самой Драупади,
хотя и в роду благородном рожденной,
Прекрасной, подобно богине,
однако на муки судьбой осужденной,
Живя во дворце у Вираты,
сандал растирать — и внимать понуканью:
«Эй, живо! За дело, служанка!» —
и, гордой, смиряться с язвительной бранью.

— Да, отец, — согласился Мегхаварна, — жить во вражеском стане — все равно что блюсти «обет меча».

— Воистину так, сын мой, — молвил Стхирадживин, — но, признаться, никогда и нигде до сих пор не случилось мне видеть подобного сборища глупцов. Единственный мудрец среди них — знаток многочисленных шаштр Рактакша. Только он смог разгадать мой тайный умысел, прочие же советники, лишь бессовестно извлекающие доходы из своих должностей, но ничего не смыслящие в делах государственных, оказались полными глупцами. А ведь недаром речется,

Опасен слуга-перебежчик:
он связь сохраняет с врагом,
Ему соглядатаем служит,
прикидываясь простаком.

И еще:

В пути, за едой, на привале,
а также во время ночлега,
Быть надобно войску готовым
всегда к отраженью набега.

Разумный стремится всемерно
обитель трех целей сберечь.
Забывая о собственном благе,
не должен он ей пренебречь

Справедливо и следующее:

Утробе потворство, обжорство
кому не во вред?

С неумным советником царство
спасется ль от бед?
Кто не был в удаче гордыней
безмерной объят?
Кого пощадил наслаждений
губительный яд?

Пагубна скупость для счастья;
алчность — для славы;
Жажда богатства для веры —
горше отравы;
Пагубна низость для дружбы;
а для державы —
Царский советник неумный,
вечно неправый.

Так что ты, государь, совершенно прав, уподобив мое пребывание во вражеском стане «обету меча». Все это я испытал на себе. Истинно сказано:

Глядя в лицо униженью,
честь притаив за спиной,
Цели своей добивайся —
пусть осуждает иной.

Разумный, врагов улещая,
порой достигает удачи.
Коварная кобра не так ли
сожрала весь род лягушачий?

— Расскажи об этом подробно, — попросил Мегхаварна, и Стихирадживин поведал ему такую историю.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

— Недалеко от горы Варуна некогда жила черная, старая змея по имени Мандавиша — Медленно Убивающая Ядом.

«Что бы мне такое придумать, чтобы жить лучше?!» — часто размышляла она.

И вот однажды Мандавиша подползла к большому пруду, где водилось множество лягушек, и, улегшись, замерла в полной неподвижности.

Подплыв к берегу, одна из лягушек любопытствовала:

— Тетушка! Почему ты не добываешь себе пищу, как делала это прежде?

— О чем ты говоришь, милая? — отозвалась змея. — Куда уж мне, горемыке злосчастной, думать об этом?! Сегодня, ползая в поисках добычи, я увидела лягушку и уже приготовилась было ее схватить. Она же, испуганная, усакала, скрывшись среди брахманов, погруженных в благочестивое размышление. Обманутая внешним сходством, я укусила в большой палец сына одного из этих брахманов, и тот сразу же распался на пять изначальных стихий. Его отец, удрученный столь тяжким горем, проклял меня. «Ты укусила, злодейка, моего ни в чем не повинного сына. За этот грех я осуждаю тебя возить на себе лягушек. Питаться же ты будешь тем, что они изволят тебе пожаловать.» Вот я и приползла к вам, во исполнение его проклятья.

Лягушка сразу же рассказала обо всем этом своим сродникам. Возрадовавшись, они доложили о проклятии, наложенном на змею, своему повелителю Джалападе, который восседал в окружении советников.

«Вот чудо-то!» — удивился повелитель лягушек. Выйдя на берег, Джалапада, хотя и не без некоторых колебаний, забрался на самый капюшон к Мандавише. Остальные лягушки расположились ниже своего властителя, по старшинству. Те же, кому не хватило места, поскакали следом за змеей, и, чтобы их потешить, Мандавиша показывала разные способы передвижения. Безмерно обрадованный, Джалапада сказал Мандавише:

— Приятна езда на слоне,
езда на коне, в колеснице,
Однако приятнее мне
верхом на змее прокатиться.

В другой раз Мандавиша поползла медленно-медленно.

— Тебе, видно, неможется сегодня, почтенная? — заботливо спросил Джалапада.

— О богоравный! — ответствовала змея. — Мои силы иссякли от долгого голодания.

— Коли так, поешь маленьких лягушат, — разрешил ей повелитель лягушек.

Мандавиша, обрадованная, вострепетала всем телом.

— Вот это-то проклятие и наложил на меня брахман. Благодарю тебя за милостивое позволение.

Поедая лягушат, змея вскоре обрела былую силу. Она говорила себе, ликуя:

«Мой замысел хитрый удался —
теперь пожинаю плоды!

Надолго ли хватит, однако,
столь лакомой этой еды?»

Очарованный притворно ласковыми речами змеи, Джалапада ни о чем не догадывался.

Однажды туда приползла другая черная змея. Увидев, как Мандавиша возит на себе лягушек, она весьма изумилась.

— Зачем ты, дорогая моя товарка, таскаешь на себе тех, кто должен служить нам едой? Это не дело.

Мандавиша ответила ей:

— Я часа урочного жду,
лягушек возя на спине.
Так брахман жену подловил
с любовником наедине.

— Расскажи об этом подробно, — попросила пришелица, и Мандавиша поведала ей такую историю...

БАНА Деяния Харши

ГЛАВА I

Слава Шиве, великой опоре,
На которой град Трех Миров,
Был воздвигнут, да пребудет он вечно!
Овеваемый опахалом.
Шива главой вознесся до неба,
Никогда ни пред кем не склоняясь.

Слава Уме, приникшей к шее
Мужа, синей от калакуты,
Беспощадно смертельного яда,
И смежившей прекрасные очи,
Словно впад в забытье от яда
Им испитого из Океана.

Слава Вьясе, подобному Брахме,
Он всеведущ, искусен в твореньях!
Сочиненья его орошают
Добродетельных Бхаратов царство,
Как Сарасвати волей своею
Проливает ливнем амриту.

Никудышные есть поэты,
Чьи умы во власти дурного,
А глаза наливаются кровью
И трещат они словно сороки,
Ни о вкусе тонком не зная,
Ни законов поэзии строгих.

И таких, к сожалению, много,
Чуть не в каждом встречаются доме,
Они лают словно собаки,
Многоногим шарабхам подобно.
Их бездарность не меньшей меры,
Чем других, упомянутых выше.

Есть на свете такие поэты,
Что крадут у своих собратьев,
Чтоб заплатой, чужими словами
Дыры скрыть в своих сочиненьях
И клейма воровского позора
Избежать за свои преступленья.

В странах северных есть поэты
Изъясняющиеся намеком...
А на западе, там, пожалуй,
О прямом заботятся смысле.
А в Бенгале живут поэты,
Увлеченные музыкой слова.

Для хорошего сочинения
Надо тему найти поновее,
Никому не известную ране,
Но для всех понятную сразу.
Излагать ее надо словами,
Наслажденье дарящими слуху.

Мало толку от тех сочинений,
Где размеров стихов изобилье,
Но не могут, подобно Вьясе
Охватить Трех Миров панораму,
Повествуя о самых различных
Поединках и битвах.

Так не следует ли восславить
Тех, кто создал великие сказы,
Притчи, повести и рассказы?
Кто Сарасвати вдохновленный,
Поэтические сказанья
Сочиняет, богам подобно!

Легковесных писателей слава
Меркнет в блеске «Васавадатты».
Словно Дроны угасшая слава
От копья жестоких пандавов,
Что со свистом летит угрожая,
Над главою гордою Карны!

Сочинения в прозе блещут,
Словно раджа в наряде пышном!
Вот изящество слов и звуков,
Соразмерно в строках размещенных
Благороднейшим Харишчандрой,
Знавшим тайны искусства слова.

И великий Сатавахана
В заповедной своей шкатулке
Сохранил мириады жемчужин

Драгоценнейших речений,
В глубине души рожденных
И проникнутых чистой любовью.

Словно лотос белоснежный,
Воссияла «Сетубандха» —
Мост, построенный для Рамы
Обезьяньим войском прытким,
И Праварасену славой
Одарив неугасимой.

Бхаса пьесами прославлен,
В них без счета персонажей
И явлений в каждой много,
Словно во дворце балконов.
Громогласный сутрадхара
Нам пролог читает звучно.

Кто из нас не восхитится
Ритмом песен Калидасы
Полных нежности и света
И цветов благоуханья!
Наслаждение для ученых
И для тех, кто прост душою!

«Сказ великий» изумляет
Всех узорами рассказов.
Сотворен он был по просьбе
Гаури великим Шивой.
Сохранен Гунадхьей мудрым
Во всем блеске для потомков.

Добродетелей вершина —
Совершенный Адхьяраджа.
Сочинил для танцев драму.
Наслаждаясь этим перлом,
От великого восторга
Языком пришелкнешь звонко!

Я, конечно, не дерзаю
Состязаться с Адхьяраджей
И достичь его величья.
Все же я свой «стих» бросаю
В волны бурные акхьяик,
Дабы испытать уменье.

Ведь акхьяика, как ложе,
В серебре и самоцветах,
Пробуждаясь на котором
Слышишь сладостные звуки
Слов акхьяики прелестной,
Словно страстный вздох влюбленных!

Да сверкнет над Харшей славным
В доблести огнем Победа!
Защищая этот мир,
Словно стены крепостные,
И, подобно Шрипарвате,
Награждая всех успехом!

Сказывают так: в весьма давние времена Всевышний Господь, находясь на небе и блаженствуя на постоянно расцветающем троне-лотосе, окруженный сонмом небожителей во главе с вечно рвущимся в битву Индрой, устроил однажды ученое собрание, во время которого звучали и суждения Брахмы, и разные повествования. Присутствовали на том собрании и служили Повелителю Трех Миров прародители мира: Ману, Дикши и Чакшуши, — а также все семеро пророков. Одни из них нараспев читали гимны, другие пели славословия или произносили жертвенные заклинания, прочие распевали хвалебные гимны из Самаведы, иные устраивали жертвоприношения и произносили разные заклѣтия. Бывало, они не соглашались друг с другом и яростно и долго спорили.

По природе своей крайне вспыльчивый мудрец Дурвасас, сын великого подвижника Атри, брат повелителя звезд Тарапати, поссорившись с другим мудрецом по имени Мандапала и разгневавшись, допустил нарушение мелодии из Самаведы. Рожденный в Лотосе Брахма не заметил этого, поскольку был увлечен беседой, а все прочие промолчали, опасаясь проклятия. Лишь благословенная юница Сарасвати с еще не заплетенными, распущенными волосами, украшенная свежестью юности, овевавшая Великого Отца опахалом, которое держала в руке, подобной лиане, сверкнула розовыми стопами, которые покраснели от гневного притоптывания из-за ошибки, допущенной Дурвасасом; и ритм ее притоптывания повторялся парными поножами, словно бы шумливыми учениками, слог за слогом твердящими веды; и бедра ее были сверкающе прекрасны, как колонны у врат в Град Веры; бутон ее левой руки покоился на опояске, колокольцы которого перезванивались между собой, подобно клекоту истомленных любовью пар черных лебедей; самое ее тело освящал брахманский шнур, словно свитый из множества добродетелей, обитающих в душе мудрого; шею ее украшало ожерелье, состоявшее из мириад жемчужин с алмазом в центре, который, подобно сияющему солнцу, указывает путь к мокше, конечному спасению; уста ее,

скрывавшие снежно-белые зубы, пылали от киновари, оставленной на губах бесчисленными видьями, проникшими в ее душу; на щеках ее словно отразились шкуры черных коз, на которых сидел на лотосовом троне сам Брахма; словно бы газели на самом Месяце прислушивались к ее сладостному пению; одна бровь ее взметнулась, подобно лиане, в презрении к допущенной Дурвасасом ошибке и из-за оскорбления, нанесенного ее слуху; и как бы смысл из ушей грязь нанесенного им оскорбления поток слез, извергающийся из уголка глаза; за ухом ее красовался пышный цветок синдохуары, вокруг которого вилось множество пчел, жаждущих упиться сладостью шрути, словно каждая из них была священным слогом «ом», за которым Сарасвати как бы скрывала улыбку; все тело ее было облачено в безупречно белые одежды, а сверкание зубов рассеивало по всем странам и сторонам лучи, словно это сама святая поэзия, и громко рассмеялась она, услышав ошибку Дурвасаса.

Но когда тот мудрец увидел, как она расхохоталась, он воскликнул: «А, грешница, возомнившая себя благодаря мнимым знаниям всезнающей, ты смеешься надо мной!» — и так затряс головой, что огненно-красные стянутые в пучок волосы разметались по десяти странам света, словно заливая их пламенем своего гнева, и он в ярости так свел брови, что гладь его лба стала похожей и на шахматную доску, и на нарисованных на щеках жен Ямы крокодилов, и на страшные узоры в его покоях и как бы привела в то собрание самого Вершителя Судеб, а налившийся кровью взор как бы приносил кровавую жертву богине Гнева; в бешенстве прикусил он губу, словно от подобной судьбы желая спастись; речь его оказалась запертой сверканием зубов, и резко вздернул он узел кинутый на него пестрой шкуры, будто развернул испещренную буквами грамоту, на которой начертано проклятие, — и боги, и асуры, и мудрецы как бы застыли в каждом члене своем в страхе перед проклятием и отразились в каплях выступившего на его челе пота, и стискивал он трясущимися от злости пальцами зерна четок, словно это буквы алфавита, умоляющие о пощаде свою покровительницу Сарасвати, и таким образом как бы выцеживал по каплям воду проклятия из своей тыквы-фляжки.

И в этот миг богиня Савитри приняла свой телесный облик и явилась в одежде из нежно-шелковистой коры кальпатару, древа забвения, столь же белой, как пена амриты, с чоли из волокон лотоса, завязанным крестнакрест как раз меж ее полных грудей; и красовались на ее лбу три черты, нанесенные пеплом, словно стяги победы, возвещающие о торжестве подвижничества над Тремя Мирами; с плеча ее свисал белый, как пена амриты, шарф, похожий на изогнувшийся силой подвижничества поток Ганги, свергающийся с небес; держа в левой руке хрустальную чашу, подобную лотосу, в котором родился Брахма, правую длань, украшенную четками и браслетами из раковин, вздела она кверху и, укоряющий перст

направляя, вскричала: «О грешник! Отравленный гневом! Злодей! Не познавший себя! Ничтожнейший из мудрецов! Презревший долг! Как смеешь ты проклинать благостную Сарасвати, истинную мать Трех Миров, достойную восхвалений всех прародителей, богов, мудрецов и асуров!» Так выразив свой гнев, резко поднялись Савитри и четыре веды, обретшие телесную форму, с циновок из куши, неодобрительно покачали головами и произнесли священный слог «Ом!», наполнив им все стороны; от развевавшихся их кос задрожали страны света, от поднятых ими шкур черных коз, которыми были обернуты их чресла, померк дневной свет, и весь мир Брахмы затрепетал от их гневных вздохов; по лицам их струился пот, словно потоки сомы, лбы их были покрыты пеплом от жертвоприношения Агни, облачены они были в одеяния подвижников из стеблей куши, и воинственно подняли они посохи и, казалось, готовы были пустить в ход как оружие свои плошки для воды.

«Смилуйся, почтенный, неуместно это проклятие!» — умоляли Дурвасаса мудрецы; «Прости ей, учитель, этот проступок!» — так просили его собственные ученики, сложив ладони в анджали; сам мудрый Атри уещевал его: «Не утрать, о сын, плод твоего подвижничества!», — но Дурвасас, еще больше ослепленный яростью от таких просьб, только пуше низверг водопад проклятий: «Невежественная, я выбью из тебя эту гордыню, порожденную мнимой ученостью! Ступай вниз, в мир смертных!» — и когда Савитри хотела воспротивиться этому проклятию, то Сарасвати остановила ее: «Умерь свой гнев, подруга! Следует проявлять уважение и к тем невежественным брахманам, кто брахманы лишь по рождению!»

Видя, как была проклята Сарасвати, Величайший из Отцов Господь поднял свое тело, словно сплетенное из волокон того самого лотоса, в котором родился Брахма, и правой дланью, украшенной перстнем с изумрудом, лучи которого походили на пучок травы куши, способной приостановить крушение Троемирья, прекратил шум, поднявшийся из-за проклятия, сверканьем снежно-белых зубов он послал лучи-нити по всем десяти сторонам света, как бы возвещая грядущую кальпу блаженства, и голосом, громыхающим, словно литавры, и предвещающим Сарасвати счастливое отбытие, решительно изрек: «Брахман, путь, избранный тобой, не венчается добром, он ведет к гибели! Пыль, поднятая конями необузданных страстей, затмевает твой взор. Да и далеко ли видит око?! Лишь чистые разумом способны различить меж всех целей доброе и недоброе. Противны природе единения огня и воды, веры и гнева. Что же ты, отвратившись от света, погружаешься в мрак? Ведь терпимость — основа подвижничества! Способный высматривать чужие грехи твой обуянный гневом ум не в состоянии заметить собственные недостатки. Как совмещаешь ты благость подвижничества с тщетой придиричивости? Воистину: человек, обуянный гневом, слеп. Помраченный яростью ум не

способен различать, что не должно делать. У охваченного гневом затмевается разум, и потому свирепо искривляются брови. Вспышка страсти поражает чувства, и очи наливаются кровью; гибнут плоды подвижничества, и из-за этого выступает пот; наступает бесславие, и из-за этого дрожат губы. Сколь опасны для мира твои разметавшиеся косы и лохмотья, подобные ветвям напоенного ядом дерева! Столь же недостойно подвижническому одеянию твое поведение, как жемчужное ожерелье грязному тряпью! Как актер не знает меры сдержанности в страстях, так и ты притворно носишь одежду подвижника. Не зрю я в тебе даже малой доли добродетели — ты лишь скользишь по поверхности океана знаний. Никто из великих мудрецов не глух и не нем, как ты. Не укротив в душе своей греховной ярости, почто накинулся ты на безвинную Сарасвати? Вот случай для неразумного раскаяться в допущенных им прегрешениях из-за своей неосмотрительности!» Затем он обратился к испытывшей проклятие: «Не огорчайся, милая Сарасвати! Будет тебя сопровождать Савитри, дабы скрасить горе твоей разлуки с нами, а проклятие утратит свою силу в то мгновение, когда узришь ты лотос личика собственного сына!» — и так сказав, поспешил он распустить собрание прародителей, богов, мудрецов и асуров, и, опершись на плечо Нарады, поспешившего к нему, поднялся, чтобы совершить назначенные на день обряды. Подвзвргшейся проклятию и понурившей голову Сарасвати показалось, будто черные и белые лучи пронзили ее груди, благоухавшие так, что к ним стремились вереницы пчел; лучи, исходящие от ее ногтей, словно намечали ее скорбный путь в мир смертных; стаи черных лебедей клетотом своим вторили побрякиванию ее поножей и браслетов; и следовали ей скорбящие сердца жителей мира Брахмы.

Тем временем, как бы намереваясь донести весть о нисхождении Сарасвати, Лучистое Светило спустилось в средний мир, будто это сама Сарасвати; день угасал, словно озеро, покрытое закрывающимися чашечками лотосов, и солнце, как бы подгоняемое кокетливо сердитыми глазами красавиц, захмелевших от любовного вина, жаждало прихода ночи. Око мира, багровое, как рот юной обезьяны, опустилось за горные вершины, а округа божественных ашрамов, покрытые стадами коров, из чьих сосцов сочилось молоко, белели, ожидая восхода Месяца, появление которого предвещал прилив Молочного океана, когда по воле своей выходит на вечернее раздолье сам Айравата, ломающий султан на голове и вонзающий звенящие бивни в берега божественной реки; усыпанный звездами полог небес краснеет, как бы истоптанный тысячами окрашенных киноварью ножек видьядхари, спешащих на свидание, и пропитывается сандалом, вылитым на него сиддхами во время предзакатного поклонения Повелителю дня, как будто сама Сандхья покрывается розоватым потом, а лес воздетых анджали из рук мудрецов, совершающих вечернюю жертву, кажется гроздьями лотосов, собравшихся, да-

бы вознести хвалу тому величайшему из них, в котором родился Брахма; и все мудрецы возгласили третий сукта при возлиянии сомы, в храмах семерых мудрецов вспыхнул жертвенный огонь Вайтана, и дворы их заполнились жаждущими благодостной дхармы, словно при обряде мираджа-на ради дарования победы. И по мере того, как Богиня сумерек окутывала покрывалом небеса, на берега Мандакини, заполненные подвижниками, набегали увенчанные белыми гребешками и скрепяющиеся в движении волны, как бы напоминая смех белозубой улыбки Рожденного в Лотосе, и начинали раскрываться ночные лотосы, под зонтами которых таятся речные девы и прячутся, словно в антахпуре, самочки птиц, живущих на воде; стаи фламинго, упившиеся за день медвяным соком растений и жаждущие сна, обмахивают крыльями кущи синих лотосов и ласково обвивают их нежные стебли; и пронесся легкий ветерок, подобный первому вздоху ночи, осыпавший речные воды цветочной пылью и донесший благоухание Царицы ночи до кудрей жительниц Сиддхапура; у закрывшихся на ночь белых лотосов лепестки и тычинки сложились, спрятав в себе на ночлег рои пчел; на небе вспыхивало множество звезд и созвездий, словно вырывались они из заплетенных в косы волос Шивы во время его яростной пляски; и розоватый отблеск заката окрашивал мрак наступающей ночи цветом красной меди, как кожа зрелого (манго, финика), плотного, как туча пралаи; и тогда стали вспыхивать светильники, пытающиеся отогнать народившуюся тьму, подобные гроздьям цветов чампаки, этим серьгам Девы ночи; а когда во владениях Свершившего Сто Жертв небосвод озаряется прохладно-ласковыми лучами собирающегося взойти Месяца, то кажется, что, подобная песчаному берегу Ямуны, светлеющему, когда схлынет с него вода, Дева ночи, вольных кудрей которой цвета вороньего крыла коснулись руки-лучи Нессущего на Себе Газель, и прическа ее рассыпалась и, гордая разгневалась было, но, видя своего Повелителя, залитого красным светом, будто покрытого кровью его газели, пострадавшей от жестоких когтей льва, обитающего в пещерах горы Восхода, покрасневшей словно нижняя губа шабари, и тогда из-за горы, почувствовавшей на себе подобные лунному камню лучи Месяца, хлынули белые воды потоков света, от которых бежит тьма, и словно с помощью стока в виде белозубой пасти крокодила, точащего струю выдоенного из коров молока, Месяц стал заполнять собою Океан, и Ночь утвердилась, Савитри обратилась к Сарасвати, сердце которой было опустошено отчаяньем и которая словно над чем-то задумалась: «Подружка, пред тобою, способной наставлять и поучать все Три Мира, стыдно мне даже пошевелить языком. Ведомы тебе недостойные выходы судьбы, которая, подобно низкородной, непостоянна, безжалостна, как злодей, даже в отношении добродетельных, мгновенно сокрушающая, непреодолимая, нерадующая. Даже ничтожный атом беспри-

чинного оскорбления глубоко удручает души достойных, когда исходит оно от недостойных! Горе его беспрестанно растет, поливаемое слезами, словно дерево, хоть и лишенное листьев, но пускающее все новые и новые побеги. Особо чувствительные души даже от ничтожных крупиц зла увядают, как макати. Для великих и любой мелочи достаточно, чтобы причинить боль; это как анк язвит слона. Трудно покидать место, где родился, подобно тому как горько расставаться с родным человеком, с которым связан узами любви. Не должно быть и разлуки с надежными друзьями, которая терзает сердце, как пила дерево, но ты не должна стать той почвой, на которой растет ядовитое дерево горя. К тому же о чем горевать мудрому, если перед нами и позади нас — могущество наших добрых и недобрых поступков, направляющих нас и приносящих свои плоды. И что же ты, единственный лотос благовестный для Трех Миров, оскверняешь свой лик струями горьких слез? Довольно рыдать! Скажи лучше, какую часть земли ты собираешься украсить? В какую благословленную страну поместишь ты свое сердце? Какие места святых купаний ты жаждешь облагодетельствовать? И в каких благодатных подвижнических обителях хочешь ты побывать, совершая религиозные подвиги? Вот я, искушенная в служении тебе с той поры, когда в детстве мы играли в пыли, преданная тебе подруга, готовая вместе с тобой сойти на землю! И, начиная с сего дня согласись во имя своего благополучия и словом, и делом, и душой не искать иного защитника, кроме творца всех наук и искусств, вседержителя, пыль у стоп которого освящают и тридцать богов, и асуры, украшением уха которого является Чандра, сосуд, полный амриты, наставника Трех Миров Треокого, ибо только он в кратчайшее время способен избавить тебя от бремени проклятия!»

И когда она произнесла эти слова, ответила ей Сарасвати, ронявшая слезы, каждая из которых была подобна жемчужине: «Подруга милая, с тобою вместе не будет мне горести ни из-за разлуки с миром Брахмы, ни из-за бремени проклятия, и единственное, о чем сожалеет мое сердце, так это о невозможности служить Сидящему-на-Троне-из-Лотоса. К тому же тебе ведомы на земле дома, исполненные веры (осененные дхармой), места, где можно углубиться в размышления или предаться прочим упражнениям йоги», — промолвив это, она умолкла и потрясенная всем случившимся, провела ночь не смыкая глаз.

Когда же наступление следующего дня было возведено появлением светила, украшающего собой все Три Мира и поднимающегося над горой Восхода, сверкающего словно рубин или ярко-красный гребень петуха и как бы заливающего ее кровью из морд коней Солнца, загнанных беспощадным бичом его возницы Аруна, то находившийся неподалеку от места ночлега Сарасвати смотритель стаи лебедей, влекущих колесницу Великого Отца, громко прочел стих в размере апаравактра:

«О лебедь черная, обитающая в чистейших водах Мансаровара! Что взгляд твой тревожен? Спустись на пруд, назначенный быть миром смертных, ведь вновь вернешься ты в обитель, полную лотосов, — мир Брахмы!»

И, услышав это, подумала Сарасвати: «Словно это мне предназначено. Да будет так! Должна я уважить слова мудреца так, как если бы он просил меня», — а затем поднялась, исполняясь решимости снизойти на землю, оставляя потрясенными горем разлуки всех ее близких и свиту; не считаясь с родством и трижды вознеся моление Четырехликому, отправила она назад всех сопровождавших, а сама вместе с Савитри покинула мир Брахмы.

Затем пошла она вдоль берушей начало на тверди небесной Мандакини, воистину подобной корове Дхармы с ее белыми, похожими на облака, сосцами и выменем, звенящей и низвергающейся на голову Шивы, словно венчая его венком из жасмина за победу над Андхакой; берега ее были усыпаны тысячами тысяч мудрых балахильев и в водах ее омывала свои одежды добродетельная Арундхати. Высоко вздымающиеся стремительные волны Мандакини перебрасывались яркими брызгами звезд, песчаные отмели сверкали множеством зерен кунжута, приносимого подвижниками в жертву предкам, берега ее были покрыты хлопьями пены, похожими на желтоватые шары из риса, принесенные Брахмой богествам во время купания, на берегах ее была обитель для семерых мудрецов, спавших долгим сном на ложе из жесткой травы куши во имя избавления от нечистоты, вызванной затмением солнца; поток ее нес цветов великолепье, сброшенных во время жертвы Индрой после того, как он сполоснул рот, и венки из цветов мандары, пущенные по реке во время жертвоприношений в городе Шивы; и поток ее был столь могуч, что сокрушал гордые скалы горы Мандары, но трепетно-нежно ласкал чашеподобные груди сонма небесных дев, взволнованный их купанием и гремющий от столкновений с камнями и крокодилами; струи амриты, этого лунного сока, вызванные лучом солнца, обрызгали крутые берега Мандакини, на которых пылала и дымилась жертва Агни, приносимая наставником богов Брихаспати, а видьядхары в страхе носились над лингамами, сооруженными из песка сиддхами; река извивалась словно жаждущая освобождения змея или затейливый знак, нанесенный сандалом на лбу лицедея при дворе Индры, или кривая базарная улица, по обеим сторонам которой в продаже добродетель, или хитроумный запор из слоновьего бивня на воротах ада, или белый шелковый тюрбан самого Шивы, царя Сумеру, или же тонко вышитый стяг могучего слона Кайласы, или хорошо утоптанная дорога к спасению, или истинное колесо критаяуги, времени святости и справедливости, супруги повелителя Семи Океанов; и, следуя всем извивам благородной Мандакини, снизошла Сарасвати в мир смертных.

Сойдя на землю, увидала она мощную реку, зовущуюся Золотым потоком, дочерью Великого Отца, полную вкусной, чистой, прохладной воды, ожерелье самого Варуны; сладостную амриту, стекающую с Лунной горы, искрящуюся подобно лунному камню из гор Виндхья, похожую на поток камфоры, источаемый прославленным лесом Дандака, текущую прелесть стран света, хрустальное ложе Красы Небес, которую смертные называют Шоной. Настолько поразила ее красота этой реки, что решила Сарасвати устроить себе жилье на ее берегу и обратилась к Савитри: «Подруженька, поселимся на берегу этой привольной реки, оглашаемом страстными криками павлинов, украшенном рощами деревьев, под которыми, словно песок, рассыпана пыльца от их цветов, а вокруг которых вьются сладостно поющие, словно вина, упоенные соком цветов рои пчел, ибо затмевает эта река своей красотой саму Мандакини, и так она мне по душе, что давай останемся здесь!» Обрадованная этими словами Савитри молвила: «Так и быть!» — и вместе с Сарасвати поднялись они на западный берег [реки] и приискали в укромном месте нечто вроде беседки, образованной лианами, под которыми лежал плоский камень, и решили устроить там себе жилье. Немного отдохнув, Сарасвати вместе с Савитри нарвали цветы для жертвоприношения и омылись, а затем на песчаном берегу с истовым благочестием соорудили они лингам Шивы, прочитав перед этим *стутти панчабрахма* во славу Садьоджаты, Вамадевы, Татпуруши, Агхоры и Ишаны, а после этого, молитвенно сложив пальцы, вознесли моление *дхрува*, и, поразмыслив об обладающем восемью ипостасями в виде Земли, Ветра, Воды, Огня, Солнца, Месяца и Жертвователя, совершили в его честь жертву восемью цветами, а уже потом подкрепились плодами и кореньями, сочно напоенными амритой и прохладной сладостной водой Шоны; так проведя день, они соорудили в беседке ложе из листьев и уснули. Также провели они и следующие день и ночь.

Время шло в постепенной смене дней, но однажды в пору, когда солнце лишь успело проделать путь одной стражи, из глубины лесной чащи до Савитри донеслось ржанье коней. Любопытство заставило ее выйти из жилья в зарослях лиан, и заметила она облако пыли, серой, словно тыльная сторона листьев, скрывающих распускающиеся цветы кетакис; чем ближе оно становилось, тем яснее обрисовывалось в белесой, как брюшко рыбы шафари, пыли, словно мчащееся в озере кольцо дельфинов, пред которым неслась тысяча юных воинов с развевающимися густыми кудрями, закрывающими лоб, щеками, сверкавшими от блеска серег и задорного смеха, одетых в темные колеты и благоухающих пастой черного алоэ, обративших свои накидки в тюрбаны, украшенных широкими золотыми браслетами на левом предплечье, спрятавших свои кинжалы «бычья морда» в двойные ножны из прочной ткани, крепких телом от постоянных упражнений; что ни миг они взмывали ввысь, слов-

но стадо быстролетных газелей, переносясь через камни, рвы и кусты; в руках они держали копья и мечи, а также разнообразные цветы, плоды и корни, захваченные для жертвоприношений, и так перекликались друг с другом: «Вперед! Вперед! Поспешай! Не тащись! Пустит! Дай дорогу!» — и увидела она конный отряд во главе с предводителем.

В центре его Сарасвати узрела под сенью зонта, вознесенного в небесную высь, расшитого рожденными в водах жемчугами и полумесяцем, украшенного самоцветными и драгоценными камнями, белоснежного подобно пене, раковине и молоку, словно сам Молочный Океан явился, чтобы подарить Шри, юношу, блеск украшений которого заливал все вокруг, словно для того, чтобы не дать небесам любоваться им, украшенным спускавшейся до бедер гирляндой из жасмина, символизировавшей его торжество над всем миром и подчеркивавшей его сверкающую телесную красоту; алые лучи от рубина на его султানে казались опахалами из красноватых листьев, которыми незримые лесные девы смахивали с его могучего тела налипшую в дороге пыль; курчавая голова его, увенчанная венком из цветов бакулы, красотой своей затмевала сияние дня, отблеск которого сверкал лишь в бутонах бакулы; широкий лоб юноши, умащенный сандалом, воистину был похож на полумесяц, запутавшийся в густых косах самого Пашупати, словно обнявшегося со своей сестрой Лакшми, и отбрасывал ответ своей красоты на небесный свод; очи его, пылающие дерзостью юношеских начинаний, бросали на весь мир взор как на какую-нибудь былинку и напоминали прелесть осенней поры, уподобляясь своими белками — кумуде, зрачками — кувалае, красными веками — камале; прямой нос был подобен плотине, разделяющей излучаемые его очами реки света, водопаду красы, обрушивающемуся с высоты прекрасного лба, этого лунного камня; уста и рот его, благоухающие манго, камфарой, какколой, лавандой, париджатой, источали дыхание столь же благовонное, как лес Нандана по весне, порождающий смятение в роях охмелевших от запахов пчел; и простодушные улыбки его, обращенные к друзьям, когда одобряет он их шутки, озаряют все страны света луноподобным мерцанием его зубов, всякий раз заставляя задуматься, не вышла ли луна на небо; его серьга, изумруд которой был обрамлен двумя жемчужинами, слала мерцание, заставлявшее думать, что сделана она из ярко-зеленых листьев кунды и ее молочно-белых цветов; руки его, украшенные затейливыми линиями, нанесенными благоуханной мускусной пастой, с изображениями дельфиньей пасти, напоминали древко стяга бога, знаком которого является веселый дельфин; могучая грудь его была осенена белым брахманским шнуром, подобным Ганге, омывающей гору Мандара и разгневанной вестью о пахтании ее супруга Океана, и походила на широкую песчаную отмель, уготованную для того, чтобы опустились на нее прелестные лебедушки — полные груди буду-

шей супруги, и была окружена мощными дланями, как бы охватившими в своих пределах все страны света; на его животе, пониже углубления пупка, плотно охватывая поясницу, заложен был конец его красивого дхоти, сиреневатого, подобно оперению горлинки, как бы делившего тело на две части: нижняя часть — необычайной твердости умощненные сандаловой пастой бедра, которые уместно сравнивать с каменными колоннами и которые по длине не уступали хоботу Айравате, слона Индры, и колени, скрытые за поножами в виде дельфиновой пасти, — служили надежной опорой для алтаря его груди; ноги казались несколько истощенными, словно от усталости, порожденной подобной тяжестью, но ударяли по бокам коня, в такт его движению рассеивали блеск ногтей, подобно взмахам белых опахал, укрепленных на коне.

Вороной конь, на котором мчался юноша, стремительный, как мысль, вздымался высоко в галопе и, опускаясь на напряженно изогнутые ноги, взрывал копытами землю, поминутно закусывал удила, и звенели, отзываясь, золотые кольца его султана и узды; по обеим сторонам [коня] бежали, придерживаясь за седло, два телохранителя, размахивая белыми опахалами, впереди бежал песнопевец, непрерывно сыпавший столь изящными речениями, что у юноши от удовольствия подымался и пушок на его щеках и, подобные тычинкам, волоски в лотосах его ушей; и луноликий юноша, казалось, вещает собой наступление Анангаюги и словно творит новый мир из амриты лунных лучей, возрождает своей улыбкой к жизни мир живых, вызывая к себе всеобщую любовь творением всего сущего вновь, возвещая восход дней, исполненных страсти, претворяя в быль царство приязни; и был он для очей, словно приворотная мазь для сердец, — подчиняющих их заклятием, для чувств — средством очищения, для любопытства — предметом ненасытной неудовлетворенности, для удачи — неизбежным преуспеянием, для Манматхи — днем возрождения из пепла, для вечной юности — живительной ртутью, для веселости — единственным царственным прибежищем, для красоты — истинной колонной славы, для прелести — главнейшей сокровищницей, для мира — плодом добродетельных деяний, для лианы красоты — первым ее ростком, для Праджапати — первым итогом его упражнений в творении мира, для любовных забав — доблестью, для остроумия — бурным потоком славы.

Поодаль от него скакал на коне некий муж, голову которого украшал белый двойной тюрбан, статный, словно отлитый из золота, хоть и в годах, но, благодаря постоянным упражнениям, крепкий телом, наголо бритый, с грудью, заросшей волосами; выглядел он скромно, но достойно, словно поучал саму старость послушанию, добродетели призывал быть еще основательнее, великодушнее обращал в своего ученика, и благородному поведению сам становился наставником; а одет он был в короткую куртку.

И тому юноше бежавшие перед ним пешие воины, с удивлением увидавшие двух дев божественно-прекрасного облика, доложили об этом; объятый любопытством и жаждущий взглянуть на них, пустил он коня в карьер к той укромной хижине из лиан, но, еще не достигнув ее, соскочил с коня и, оставив свиту свою вдалеке, пошел вместе со своим старшим спутником и почтительно приблизился к беседке. С должным гостеприимством, подобающим лесным обитательницам, встретили их Сарасвати и Савитри, устроили им сиденья из свежих листьев и все прочее, чем полагается встречать гостей, а также цветами и плодами, пригодными для принесения в жертву. Когда оба [гостя] расположились, Савитри обратилась к старшему из них с такими словами: «Почтенный, ведь не пристойно юной деве, с которой вместе родилась ее сестра-стыдливость, начинать разговор первой, особенно такой благородной, не искушенной в тонкостях ведения беседы, как лесная газель. Но благодаря тому, что узрели очи, возбудилось любопытство моих ушей, жаждущих услышать нечто новое. Уже от лицезрения добродетельного человека как бы получаешь подарок. Сердце, столь щедро и великодушно раскрытое достойным, словно вино, располагает к разговору. Без особых усилий простодушный человек доверяется столь же легко, как тетива лука спешит к нему самому. И воистину, когда видишь не зримые ранее создания Творца, столь возвышенные умом, подобно этому юноше, то поневоле дивишься — ведь краса этого достойного превосходит все доселе виденное в Трех Мирах. Но разве может не вызвать жажды узнать о нем побольше высшее благородство этого приятного богам и его изящная любезность, а вовсе не заурядное девичье любопытство. Так поведай, какую несчастную страну повергло в отчаяние разлуки ваше прибытие сюда? И куда намерены вы направиться далее? И кто же этот юноша, словно новый Кама, презревший гневный рев Хары? И как зовут того, богатого подвигами веры, отца, сердце которого он радуется потоками амриты, словно волшебный камень каустубха, ублажающий сердце самого Вишну? И кто его матушка, подарившая рождение этому светочу Трех Миров, словно Сандхья, рождающая дневной свет? И каковы благоприятные начертания букв, из коих слагается его достойное имя? И затем было бы сердцу моему любопытно знать и о вас, благородный государь мой!» И когда Савитри все это высказала в любезных словах, тот так отвечал: «Столь любезные слова, почтенная, — прирожденное знание добродетельных. И не только ваш облик, но и само сердце подобны благодатному Месяцу, ибо слова ваши доставляют блаженство столь великое, как и напоенные амритой его лучи. Право, подобные вам женщины являются в мир словно земли, порождающие добродетели, чтобы с помощью разнообразных искусств образовывать благородных мужей. Не говоря уже о беседе, даже один обмен взглядами с подобными вам людьми высоко возносит человека. Так соблаговолит, достойнейшая, выслушать: вот пред

вами истинное украшение славного рода Бхригу, Дадхича, славный сын Чьяваны, пылание подвижничества которого испепелило демона Пуломана, дерзнувшего покуситься при родах на его супругу, воля которого обратила руку Индры, врага Джамбхи, занесенную над мудрецом, когда тот совершил благодарственную жертву сомой для Ашвинов, избавивших его от дряхлости и слепоты, в столь достойно несущего на лбу своем тилак, означающий Землю, Поднебесье и Небо, эти три из семи миров и который попрал стопами драгоценные камни из корон, венчавшие главы девов и асуров. Матушка же Дадхичи — дочь могущественного царя Шарьяты, покорившего тысячи властителей, красавица, истинное украшение Трех Миров по имени Суканья. Когда отец заметил, что дочь понесла, то перед наступлением десятого месяца, месяца родов, он забрал ее от мужа к себе во дворец, и там-то юная царица и принесла этот дивный плод, этот юный Месяц, Повелителя звезд, у которого не глаза, а лотосы, вот он пред тобою — да будет беспредельна его жизнь! Суканья вернулась в дом мужа, но взоры деда никак не могли насытиться лицемерием внука, доставлявшего наслаждение могущественному Шарьяте. Без усилий одолел царевич все науки и искусства в доме отца его матери.

Время шло, и подумал Шарьята: „Ведь и его отец жаждет, подобно мне, насладиться благостным лицемерием этого лотосоподобного лица“, — и, оторвав от сердца, отправил его к отцу. Что же до меня, то я, госпожа, ничтожнейший из слуг, прилежно исполняющих повеления моего государя, счастливо именуемого Шарьятой, а имя мое Викукти. Повелитель послал меня сопровождать царевича к подножью стоп его отца — таково обыкновение в том царском роду, которому мы наследственно служим, ибо высокие испытывают к тем, кто долго и верно служит, некую привязанность — неистощима щедрость доброты великих!

Осталось нам пути всего два коса, мы переправимся через Шону, на другом берегу которой находится лесное обиталище святого Чьяваны, похожее на дивный сад бога богатств Куберы — Чайтрататху, которому, однако, Чьявана дал свое имя. Туда мы теперь и направляемся и, если вы соблагovolите оказать милость и уделить нам некоторое время, коли нет в вашем сердце какого-либо презрения к нам, и вы сочтете возможным счесть меня достойным милости быть выслушанным, то да не будет подвергнуто осуждению первое проявление нашего любопытства — хотелось бы нам услышать историю обеих почтенных. Ведь такой, как ваш, облик выдает божественность вашего рода, и сердцу нашему желательно слышать и название вашей готры. Да соблагovolит, почтенная, сказать, какой род осчастливлен вашим рождением, и кто эта достойная, стоящая близ почтенной, словно бы сотканная из противных друг другу достоинств — несмотря на иссиня-черные локоны чело ее сияет, подобно солнцу, на лотосоподобном лице стремительно тревожны очи газели;

сверкающая подобно юному дню, улыбается она, как ночной лотос, голос ее подобен клекоту черной лебеди, хотя ее груди набухают подобно облакам, знаменуя пору, когда лебеди молчат, длани нежны, как лотосы, а ягодицы круты, словно снежные скалы Гималая, стройны и бедра, хотя и подобны слоновьему хоботу, и хоть не вышла еще из девичества, но снедаема уже жаждой нежности?»

[Савитри] отвечала ему так: «Послушай, благородный, минуточку. Сердцу нашему приятно провести здесь многие дни, место здесь укромное, и знакомство с ним покажет, сколь оно хорошо. Да не забудь, благородный, этой случайной встречи!» — и после этих слов умолкла. Дадхича же молвил голосом, рокочущим точно бы гром из туч, обремененных водами, издавелека доносящийся и заставляющий павлинов пританцовывать: «Почтенный, ныне благородная вполне явила благосклонность к нам, отправимся же теперь повидать батюшку. Подымайся и двинемся в путь», — и Видукуши, ответив: «Так тому и быть!» — быстро поднялся, попрощался и продолжил путь. Когда же вскочил юноша на коня и поскакал, Сарасвати долго еще, не смыкая ресниц, не двигая зрачками, смотрела ему вслед, словно была она нарисована. Дадхича же, переправившись через Шону, достиг вскоре отцовского ашрама, и хотя он и исчез из виду, она продолжала всматриваться в ту сторону, где он исчез, и никакая сила не могла заставить ее оторвать взгляд.

Так стояла она, вновь и вновь вспоминая и красоту его, и стать, и смятение все более и более охватывало ее сердце, и очи ее жаждали увидеть его, и снова что-то обращало ее взор в ту же сторону, а сердце, хоть и не было послано, но оно ушло с Дадхичей; и, как у лесной лианы, появляется новый росток, так и у нее в душе родилось чувство любви. Провела она тот день как бы во сне, внутренне опустошенная, рассеянная. Когда же устремился к закату диск Солнца, этого возлюбленного лотосовых зарослей, выглядевший сначала словно розовые цветы лангалика, а затем обретший кроваво-красный цвет, как голова старого журавля, и угасло сверкание Рожденного Ведами, и мрачная, подобная черной коре юной тамалы, начала заполнять все поднебесье тьма, и на небесную твердь медленно вышел Месяц, этот лебедь, обитающий на небесной Ганге, привлеченный звоном браслетов красавиц сиддхов. Совершив обряды, надлежащие исполнению при наступлении сумерек, с приходом ночной тьмы Сарасвати, обессиленная телом, пала на ложе из юных побегов. Все вечерние обряды свершила и Савитри и, когда наступило время сна, легла на ложе, сделанное из листьев, и заснула глубоким сном.

Но не шел сон к ее спутнице, то и дело ворочавшейся на ложе, листья которого разлетались от движений ее тела, и как ни старалась она уснуть, все-то думала: «Конечно, мир смертных выше всех прочих миров, ибо лишь в нем рождаются такие драгоценности, украшающие Троемирие, обладающие всеми возможными добродетелями. Да и прав-

да — ведь лик его сравним лишь с источающим прелесть Месяцем, взоры его очей все равно что вереница белых, красных, темно-синих лотов, его припухшая нижняя губа словно распустившийся алый цветок бандхуки, красота Ананги лишь подчеркивает красоту его тела. Сколь благословенны очи, души, сама юность тех красавиц, что могут лицезреть его; видно, в том что я могла видеть его лишь краткий миг, жестокий плод моих деяний в прежних рождениях! Что же теперь делать?» Долго терзаясь подобными думами, она, наконец, смирилась, и немного задремала.

Но во сне видела она лишь Дадхичу с его миндалевидными глазами и как раз во сне, во время этой второй ее встречи, безжалостно поразил ее стрелой, выпущенной из лука, Дельфинознаменный бог. Когда же проснулась она, сраженная стрелой Маданы, то поняла, что за милость оказал ей Лишенный Рати.

И с этого-то все и началось: хоть и не касались ее тела осыпанные пылью лианы, но испытывала она боль; сдуваемая тишайшими порывами ветерка цветочная пыльца не попадала ей в глаза, но она лила слезы; хоть и не достигали ее брызги Шоны, вздымаемые ударами лебединых крыльев, но она была постоянно словно окаченной водой, хоть и не была она на лotosовых прудах, подобно черным лебедям, которые не в силах разлучиться, но всхлипывала, словно брошенная другом лебедушка, и хоть не довелось ей прежде познать боль разлуки, и спытываемой чакраваками, но она мрачнела, словно овеваемая дымом вздохов, и, хоть не жалили ее рои серых от цветочной пыльцы пчел, время от времени она горестно вскрикивала.

Прошло немало ночей, когда, наконец, к их обители той же дорогой прибыл Викукша и точно так же, как в первый раз, оставил неподалеку своих спутников и подошел к их хижине в сопровождении лишь человека, державшего зонт. Еще издали увидав его, поспешающего к ним, Сарасвати приветливо и взволнованно поднялась и устремила на него взор встревоженной газели, словно омывая уставшего в пути своим взглядом, освещающим все десять стран света. Предложив сесть, Савитри любезно спросила его: «Как изволит поживать царевич, здоров ли он?» — и [Викукша] ответил ей: «Здоров царевич, о достойная, и помнит о почтенных. Правда за последние дни он похудел, хотя с чего бы это? Нет никакой видимой причины. А впрочем, сюда должна пожаловать в качестве его посланницы достойная Малати, истинный голос его души». Выслушав эту речь, Савитри спросила снова: «Царевич, конечно, весьма великодушен, оказывая нам честь своим вниманием, хотя и видел-то он нас всего лишь мгновение: как в пути плащ цепляется за придорожные лианы, так и его взор на миг коснулся нас. В сыне вашего повелителя благородство — не пустой звук, оно свидетельствует и о его высоком рождении. Воистину, ленив мир, если не хочет обретать дружбу великих,

столь доступную благодаря их благорасположению. Да, воистину в этом вершина благородства, доступная лишь обладающему великой душой, благодаря которой и процветают Три Мира; не доступна она для прочих людей». Поговорив о разном, Викушки отправился своей дорогой.

На следующий день, когда божественный Жемчуг Небес взошел на небо и тысячью своих лучей разогнал звезды, истребил тьму и раскрыл алые лотосы, издали было видно, как через Шону переправляется Малати, статная, сияющая, словно вобравшая в себя все искрящиеся брызги речной воды; сидела она на гривастом коне, словно сама Гаури на льве, а конь был масти, подобной цвету раскрывшихся соцветий муктаки; ноги ее удобно покоились по бокам коня, который прядал ушами при звоне колокольчиков ее поножей; ноги ее, казалось, и с подошвы, и сверху окрашены ярко-красным лаком из-за того, что залезала ими заросли красной ашоки; на бедрах ее лучился опоясок, звоном бубенцов возглашавший намерение похитить сердца всего живого мира; брошенная на нее шелковая снежно-белая туника, достигавшая пят и более легкая чем змеиная кожа, подчеркивала стройность ее лианоподобного тела; через ткань одежды просвечивали очертания ее тела, умащенного сандалом, как в прозрачной воде пруда виднеются стебли лотоса; ее чоли было красноватым с разбросанными по нему разноцветными пятнами, словно драгоценные камни в рудной породе; шею ее обвивало жемчужное ожерелье, каждое зерно в котором величиной с плод амалаки и которое придавало Малати вид осеннего неба с летящими белыми облаками, закрывающими ярко сверкающие звезды; на чаши ее полных грудией опускалось другое ожерелье, в котором были драгоценные камни, сияющие и красным, и зеленым огнем, подобные охапкам лесных цветов, и приглашающие добродетельного войти в ее сердце; на предплечьях ее были золотые браслеты с замками из изумрудов, выточенных в виде дельфиновых голов и славших лучи во все стороны; и походила она на лотос, выросший на суше, и красотой она превосходила Лакшми; черные следы бетеля на ее нижней губе напоминали о том, что ее луноподобный лик изверг тьму вечера вместе с зноем сумерек; собравшиеся в рой пчелы принимали ее глаза за лотосы и вились вокруг них, закрывая верхнюю часть ее лица и как бы набрасывая на нее вуаль из синего шелка; в левом ее ухе нашла убежище серьга, синяя, как шея павлина, и сверкавшая, словно лиана молнии сквозь черную тучу; подобные плодам бакулы, три жемчужные подвески бросали отсвет на ее нежнейшие руки, словно две склонившиеся девушки лили на них струи воды; в правом ухе вместо серьги у нее был лепесток кетаки, похожий на язык самого Месяца, Повелителя Ночи, возжаждавшего коснуться ее красоты; тилак, темный, словно кора тамалы, и источающий благоухание мускуса, был словно печатью, охраняющей ее лицо, обещающее все богатство Живущего в Сердце; а над тилаком, как раз под началом пробора, свисало на

лоб украшение с драгоценным рубином, пурпурные лучи которого, устремляясь вверх, как бы накрывали голову Малати шалью из розового муслина; и свисала на спину, словно черное опахало, масса свободно уложенных волос, из-за чего Малати казалась истинным знаменем самого Дельфинознаменного, подлинным семейным божеством самого Чандрама-са, Сверкающего Месяца, единственного, способного оживить испепеленного Шивой Цветолукого, истинной волной Океана страсти, подобной сверканью восходящей луны юности, могущественной реке сладостного нектара страсти, раскрытию бутонов древа нежности, мудрости, почерпнутой у учителя, семенем повиновения, доброй беседой добродетелей, наставницей великодушия, неутолимой жадой юности; а за нею, восседая на крупном муле, ехала хранительница ее шкатулки с бетелем, девица, словно сотканная из цветов, с лицом белым, подобно чампам, с дыханием, сравнимым с благоуханием бакулы; руки ее были подобны нежным гирляндам шириши, зубы ее сверкали, словно бутоны кунды, губы краснели, как цветы паталы, а удлинненные очи сияли, как два темно-синих лотоса; а уж потом следовала немногочисленная свита.

Еще только увидав ее вдаль, Сарасвати, движимая любовью к Дадхиче, уже заключила ее в объятия своих сердечных желаний, любопытством прижала к сердцу, сокровенными мечтаниями приветила, устремилась в ее душу, слезами радости омыла, улыбкой одарила, вздохами овеяла, взглядами облачила в нарядные одежды, всем обликом своим, подобным лотосу, как бы совершила во имя ее жертвоприношение и, надеясь обрести в ней друга, устремилась, как полагается, навстречу гостю. Та же, еще не доехав, сошла с коня, приветственно склонила голову и поклонилась им обоим; расположившись, они одарили друг друга взаимными приветствиями и благопожеланиями, и [Малати], склонив голову к анджали, передала порученный ей Дадхичей привет и похитила своими уважительными словами и велеречивыми изъяснениями сердца привыкших к сельской простоте Сарасвати и Савитри.

Когда же незаметно миновала середина дня и Савитри спустилась к реке, чтобы совершить омовение, [Малати] отправила слуг и, приблизившись к возлежавшей на ложе из цветов Сарасвати, молвила: «Есть нечто, божественная, что мне надобно сообщить втайне, и потому хочу я, чтобы ты оказала мне милость, одарив мгновением твоего внимания!». Сарасвати, полагая, что это должно быть весть от Дадхичи и, думая: «Что же она скажет?» — прикрыла краем лубяной накидки грудь, словно пытаясь сдержать нетерпение сердца, как бы прорывавшееся сверканьем ее ногтей, и приникла к лиане, раскачивавшейся от ее горячих вздохов, как к единственной надежде на жизнь; лепестки, украшавшие ее ухо, точно из любопытства, соскользнули вниз, чтобы лучше было слышно; лицо ее, луноподобное, расцвело, заливая потоком прелести и истинной страстью весь живой мир; одолеваемая роями синих пчел, слетевшихся на благо-

ухающие цветы ее ложа, словно воплощенными и опаленными дочерна Маданой ее сердечными желаниями, она поднялась, пронзенная огненно-жаркой стрелой Смары, со своего цветочного ложа и сначала выдохнула: «Так шепни мне» — и, приблизившись к [Малати] так близко, будто бы стыдясь, тихим голосом, а потом твердо проговорила: «Зачем ты спрашиваешь, милая Малати? Кто я такая, чтобы жаловать вниманием? Прекрасный и привлекательный человек, даже и не обращааясь с просьбой, уже повелитель всего, чем мы обладаем. Кем бы ты ни была мне — сестрой, подругой, любящей, подобной самой жизни моей, — повелевай этому ничтожному и обременительному телу и, чтобы ни было назначено, оно это выполнит, и в сердце моем нет ничего, что я могла бы от тебя утаить. Любовь к тебе делает меня послушной твоей рабой. Сблаговоли же сказать, чего ты желаешь!»

Ответила ей Малати: «Нет нужды, божественная, говорить тебе, сколь люди привязаны к сладости мирского, сколь неистребима жажда чувств, хмель юности, беспокойство души. Хорошо известна неотвратимость силы Камы, и потому не должна ты меня осуждать и не сочти все, что я говорю, за болтливость или лицедейство — ведь нет ничего, чего не сделаешь на благо своего повелителя. С того самого мгновения, божественная, как он тебя увидел, единственным его наставником стал Кама, Месяц — повелителем его жизни и главным жрецом, ветер с гор Малая — единственным другом, разделяющим его горестные вздохи, душевные терзания — довереннейшими лицами, страдание — лучшим другом, бессонница — тайным советником, сокровенные желания — посланцами; воздыхания бегут впереди него, смерть — его постоянный спутник, беспокойство — его посол, его домыслы — мудрейшие советники. Что я могу еще сказать? Сказать, что он равен тебе красотой, так это очевидно; сказать, что тверд характером, так это противоречит тому, что он делает сейчас; сказать, что он крепок духом, так это в разладе с его нынешним состоянием, что он счастлив — но это зависит от тебя, постоянен в любви — так это тонкий намек, знает как услужить, но это не подобает его царственному чину; сказать, что он жаждет до самой кончины пребывать твоим рабом — было бы глупой лестью, жаждет, чтобы ты стала хозяйкой в его дворце — напрасный соблазн; сказать, что счастлива та, которая наслаждается таким супругом, — открытая лесть, что без тебя — ему смерть, уж очень неприятно, сказать, что ты не понимаешь ничего в достоинствах — незаслуженный укор, что он постоянно видит во снах тебя, ласкающую его, — недоказуемо, говорить, что умоляет о спасении его жизни — свидетельство трусости, велеть тебе пойти к нему — было бы приказом, намекнуть, что, даже если и не разрешишь, он все равно к тебе придет, — оскорблением — так что не могу я выразить словами меру любви Дадхичи к тебе, а теперь, когда ты все слышала, решать тебе», — и на этом Малати умолкла.

И тогда Сарасвати, чьи широко распахнутые очи лучились любовью, молвила: «Милая, я не в силах много говорить. Вот стою я перед тобой, улыбочиво вещающей, соблаговоли распорядиться моей жизнью и каждым ее дыханием!». Малати, вне себя от радости, произнесла: «Ради высочайшей милости, ты, божественная, повелеваешь мне!» — и, поклонившись, вскочила на резвого коня, помчалась через Шону и достигла ашрама Чьяваны, чтобы привести Дадхичу к вожденной цели; а Сарасвати из любви к подруге поведала Савитри обо всем происшедшем. Душа Сарасвати столь томилась под бременем ожидания, что с трудом провела она остаток дня, столь же длительный, как кальпа, состоящая из четырех миллиардов трехсот двадцати миллионов человеческих лет. Когда величественно сияющее солнце удалилось за гору Заката и сгустилась тьма, и Месяц выбирался с широко улыбающегося Востока, державы самого Индры, словно лев в ореоле рыжеватой гривы, Сарасвати спустилась на берег Шоны, усыпанный песком белым, как китайский шелк, и отглаженный накатывавшими волнами, подобно ложу, и села; на лбу у нее был нанесенный сандалом тилак, словно появившийся, когда, обращаясь во сне с мольбой к Дадхиче, она коснулась лбом его стоп с ногтями, подрезанными в виде полумесяца; отражаясь в зеркале ее щеки, Месяц, оказавшийся вблизи ее уха, словно передавал ей послание самого Маданы: «О прелестно смеющаяся, вот привел к тебе того, кого жаждало твое сердце», — а когда она отирала пот волнения со своих щек, то лучи от ее ногтей образовывали своими полукругами нечто вроде опахала, и на грудь ее упал лотосовый стебелек, словно барьер: «Никому, кроме Дадхичи, не дозволено сюда проникать!» — и томила ее душу мысль: «Если даже я, Сарасвати, обращена в рабу того, кто рождается в сердце, то что уж говорить о мириадах нежнейших томящихся в одиночестве красавиц?»

И тогда словно благоуханно-медовое веяние месяца чайтра, тревожащее любовью, как лебедь, набравший лотосовых стеблей, чтобы умерить жар страсти, как павлин, влюбленный в тучу, несущую дожди, трепещущий умашенным сандалом телом, аромат которого донесен ветром с гор Малая, словно влекомый Повелителем созвездий, схватившим его руками-лучами за длинные волосы, словно распяляемый южным ветром, раздуваемым самим Кандарпой, словно рожденный волнами возбужденных чувств, словно окутанный синей тканью густыми роями пчел, привлеченных благоуханием его тела, словно с отблеском Месяца на щеке, разжигающим любовь, подобным раковине уха безумного слона, с улыбкой, предвещающей наслаждение первой встречи, пришел Дадхичи в сопровождении Малати.

Голосом, прерывавшимся, словно клекот лебеда, услышав позывание браслетов на ногах возлюбленной, вселившейся в его сердце, начал он беседу так, как повелевает сам Манматха и наставляет сама юность,

чему обучает искусность и как подсказывает страсть, и доставил Сарасвати необычайно возвышенную радость; она, исполняясь к нему доверия, поверила ему, что она-то и есть Сарасвати, и провели они вместе более года, и время промчалось будто один день.

Распорядилась судьба, чтобы Сарасвати зачала и во благовремени родила сына, обладающего всеми добрыми приметами; и только явился он на свет, как она напутствовала ему: «Да будет он по моей воле обладать знанием всех вед со всеми их тайнами, всех наук и всех искусств!» — и после этого, храня в сердце облик Дадхичи, как идеального супруга, она вместе с Савитри, как и повелевал Великий Отец, снова вознеслась в мир Брахмы.

Когда она исчезла, Дадхича, глубоко уязвленный в сердце, назначил дочь мудреца и супругу брахмана Бхартри, которую звали Акшамалой, приемной матерью своему сыну, а сам, палимый огнем разлуки, ушел в пустынь и предался подвижничеству. Акшамала родила своего сына в тот же день и час, что и Сарасвати, и обоих младенцев она взращивала равно, вскармливая их без различия одной и той же грудью. Одного из них назвали Сарасвата, а другого, ее собственного, нарекли Ватсой, и дети одаривали друг друга взаимной любовью.

Благодаря щедрости матери с самых юных дней Сарасвата обладал совершенным знанием всех наук и поэтому он своему любимому другу и брату, дорогому, как сама жизнь, передал полностью все, что знал сам; а когда Ватса взял себе жену, то [Сарасвата] выстроил для него дворец, получивший название «Вершина любви», а сам, накинув шкуру черной антилопы, взяв четки и облачившись в лубяные одежды, заплел волосы в косы, уложил их и с посохом в руке отправился к своему отцу в жажде познать тайны подвижничества.

Что же до рода Ватсы, то он непрерывно рос, начатый сыновьями Бхригу, и шум славы его, подобно Ганге, низвергающейся на чело Верховного Бога, беспрестанно распространялся его отпрысками, глубоко познавшими все науки и искусства, достойными великими мудрецами, способными сразить недругов; и чистота славы этого рода, разлившаяся по всей земле, подобно водам Бхагиратхи, всегда оставалась безупречной, и потому рождались в нем миряне-мудрецы, звавшиеся Ватсьянами и обстоятельно совершавшие домашние обряды; они не вели себя подобно заносчивым воронам или лицемерным журавлям, стоящим на одной ноге и будто погруженным в размышления, но не упускающим [возможность] изловить рыбу, подобно блюдущим обет «съедания петуха» или подобно котам, чуряющимся пищи, изготовленной низкими, они были свободны от лицемерия, обмана, прислужничества и лести; они не удалялись в пещеры, но отвергали бесчестье, они были умиротворенными, но осуждающими тех, кто осуждает других; они не вкушали пищу, приготовленную принадлежащими к трем иным *варнам*, отвергающими с помощью

разума свои чувствования, по природе своей надежными, они были благорасположены ко всем ищущим помощи, они привели к единодушию разногласия всех *шакха*, настаивавших на различиях в чтении вед, развязали узлы самых непонятных толкований в священных книгах; они были поэтами и златоустами, лишенными зависти, любящими слушать произнесенные другими изящные речения, ценящими остроумие и шутки, общительными, не чурющимися танцев, пения и игры на музыкальных инструментах; всегда жаждущими слышать исторические предания, чистосердечно правдивыми, гостеприимными, согласными со всеми святыми, их сердца были исполнены благодати ко всем добродетельным, а также обладающими всеми возможными добродетелями, неодолимыми для темных чувств, терпимыми, покровительствующими своим слугам, лишенными мечей и жестокости, умудренными, подобно видьядхарам, знаниями, искушенными в искусствах и живыми умом, лишенными, подобно созвездиям, грехов, сверкающими подобно солнцу, но не опаляющими других, приносящими жертвы, не знающими кривых путей и потому счастливыми, лишенными колонн упрямства храмами добрых деяний и добродетелей, искусными в принесении ничем не нарушаемых жертвоприношений, подобными Шиве, одолевшему Каму, но без его змей, необычайно совершенными дважды рожденными.

В сменявших друг друга поколениях, в непрестанном вращении колеса бытия, в приходивших друг другу на смену югах, бесконечном движении времени, когда годы шли за годами и за одним днем следовал другой, наступило время, когда в разраставшемся благодаря цепи рождений роде Ватсыянов обрел рождение брахман, нареченный Куберой, преданный своему наставнику так, как Вайнатя предан Вишну; а от Куберы родились четверо сыновей — Ачьюта, Ишана, Хара и Пашупата, словно начала четырех юг, продолжателей рода, поражающего мудростью вед, сыновей, подобных рукам Мараяны, держащим палицу, метательный диск Сударшану, меч Нандаку. У четвертого из них, Пашупаты, родился высокoblагородный, чистой души сын, истинное средоточие всех прочих поколений брахманов, несокрушимая вершина славного рода, выдерживающая все бремя земли, столь же глубокий, как и четыре омывающие ее океана, удостоенный имени Артхапати; а от него родилось одиннадцать сыновей, у которых лица были орошены сладостными амритой и сомой, подобно рудрам, а звали их Бхригу, Хамса, Шучи, Кави Махидапита, Дхарма, Джатаведас, Читрабхану... а из них Читрабхану был одарен супругой-брахманкой, звавшейся Раджадеви, и сыном, имя которому было дано Бана. Еще ребенком по воле судьбы лишился он матери, но глубоко любивший его отец заменил ему мать, и мальчик рос, набирая силы, в отцовском доме.

После того как по достижении четырнадцати лет был совершен над ним обряд возложения священного шнура и другие полагающиеся при

этом церемонии и Бана вернулся из дома учителя домой, отец его, пройдя через все полагающиеся для дважды рожденных ашрамы, не дожив до ста лет, скончался. Неизбывное горе по умершему отцу день и ночь неутишимым пламенем жгало сердце сына, и с трудом провел он какой-то срок дома. Со временем ослабло горе, и юноша в силу непокорства, при-сущего его возрасту, независимости и отсутствию присмотра, а может быть чрезмерного любопытства, свойственного юности, озорных и опро-метчивых поступков, неизбежных в молодости, стал беспутным бродягой; и появились у него в приятелях и помощниках подобные ему сверстни-ки — Чандрасена и Матришена, двое сыновей его дяди, родившиеся от матери-шудры; и были закадычными ему приятелями Ишана, сочинявший стихи не на санскрите, а местном языке, Рудра и Нараяна, приживалы, Варабана и Васабана, ученые, Венибхарата, искусный в описательной поэзии, благородный Ваювикара, писавший стихи на пракрите, Ананга-бана и Сучибана, мастера хвалебных песнопений, Чакравакика, вдова по-движника, Чандака, искусный в приготовлении бетеля, Маюрака, изгото-витель лечебных снадобий, Мандарака, ученик лекаря, Судришити, тщец книг, Чамикара, золотых дел мастер, старший над золотых дел мастерами Синдхушена, писец Говиндака, мастер по изготовлению марионеток Ку-марадатта, мастер игры на барабанах Джимута, певцы Сомила и Граха-дитья, мастерица причесок Курангика, флейтисты Мадхукара и Паравата, учитель пения Дардурака, парикмахер Кералика, молодой танцор Танда-вика, игрок в кости Акхандала, содержатель игорного дома Бхимака, юный актер Шикхандака, танцовщица Хариника, последователь Параша-ры подвижник Сумати, джайн Виradeва, сказитель Джаясена, шиваит Ва-крагхона, искушенный в волшебных заклинаниях Карала, искатель кла-дов, оставленных асурами, Лохитакаша, алхимик Вихангама, гончар Дамодара, фокусник Чакоракаша, подвижник Тамрачуда.

Юный Бана, повсюду сопровождаемый ими и подобными ими, легко попадал под их влияние. Загоревшись душой посмотреть другие страны, презрев собранные его предками и родителями приличествующие брах-манам богатства и обуреваемый жадой знаний ушел он из дома. Поки-нув дом, упрямый и ничему, кроме своенравного юношеского сердца, не подчиняющийся, сделал он себя посмешищем для благородных.

Но мало-помалу все больше общаясь с благородными семействами и принимая участие в беседах достойных, полных мудрых суждений, вновь обрел он глубину мыслей, всегда присущую представителям его рода, и, наконец, после долгого отсутствия, вернулся к себе в ашраму рода Ват-сьяянов Брахманадхиваса. Там он вновь обрел давно покинутых друзей и снова полюбил их, и они явили ему свое расположение; и возвращение его, приведшее в круг друзей детства, стало истинным праздником.

ПОСЛАНИЕ

(фрагмент из 2-й главы)

Однажды во время этой нестерпимой жары, после того как Бана покончил у себя дома с полуденной трапезой, вошел Чандрасена, его сводный брат, рожденный женою отца, происходившей из сословия шудр, и сказал: «Прославленный, скороход ждет у дверей, посланный к тебе Кришной, братом царя царей, предводителя всех императоров, повелителя четырех океанов, у которого ногти больших пальцев ног отполированы диадемами всех прочих монархов». Ответил Бана на это: «Почтенный, немедля впусти его!»

И тогда увидел он посланца, впущенного к нему: ноги того были утомлены и налились тяжестью от долгого странствия; одет он был в забрызганную грязью тунику, подпоясанную тряпкой, а за спиной его висел опустевший кошель для денег; на голове же у него была связка писем, туго перевязанная толстым шнурком. И спросил его Бана, когда тот еще только подходил: «Все ли хорошо у моего достойного друга Кришны, бескорыстного друга всего мира?» И тот ответил: «Все хорошо!» А вслед за этим, поклонившись, сел в некотором отдалении и молвил, переведа дух: «Это послание прислано тебе нашим достойным господином», — и он, достав из связки свиток послания, вручил его Бане. С почтением взял свиток Бана и прочел про себя: «Когда господин без промедления узнает вести от Мекхалаки, мудрый, он будет избегать всякой проволоочки — помехи успеху. Это же только уведомление о настоящем послании».

Уяснив содержание письма, Бана отпустил всех слуг своих и спросил у Мекхалаки, какое же послание велено ему передать. Мекхалака ответил ему: «Так обращается мой повелитель к твоей мудрости: „Твоя честь знает, что причиной привязанности может быть принадлежность к одной готре, или к одной касте, или совместное воспитание, или проживание в одном и том же месте, или постоянные встречи, или посылка во время отсутствия подарков, или наслышанность о взаимном тяготении друг к другу, или же сходство настроений, но мое сердце без какой-либо причины нежно поражено прочной любовью к тебе. Хотя я и не видал тебя, ты для меня близкий родственник; хотя на деле ты от меня далеко, я питаю такое же к тебе чувство, как месяц к раскрывшейся чаше лотоса, сколько бы ни был он далек. В твое отсутствие царь по разным поводам был восстановлен против тебя твоими недоброжелателями, но то, что они говорили, не было истиной. Но нет среди добродетельных таких, у кого не было бы друзей, тех, кто и так и сяк, и просто врагов. Недостойное поношение тебя прозвучало из уст завистливого мерзавца по поводу того, что ум твой не был устойчив в юности, а другие подхватили это и стали повторять. Бездумные умы начали таскать эту весть и понесли, как поток, туда и сюда. Что теперь станет делать повелитель земли,

когда он придет к определенному решению после того, как довелось ему выслушать столь много разных предположений? Хотя ты и далеко от нас, но мы немедленно вступились за тебя, ибо ищем одной лишь правды. Мы напомнили суверену, имея в виду тебя, что „юность каждого повинна в некоторых озорствах“, и он сразу же согласился с нами. Поэтому господин должен поспешить к его двору без промедления. Я не могу одобрить того, что ты живешь вдали от повелителя, окруженный своими друзьями, подобно дереву, лишенному плодов и скрытому от лучей солнца. Не должен ты избегать трудов присутствия при дворе или чувствовать какой-либо страх при виде повелителя, хотя могло бы быть справедливым изречение:

Кто не способен просьбу изложить,
Стократ, не к месту и не в срок
Прошеньями властителя тревожит,
Утратит все и, точно Кама, станет пеплом!

И все же одно дело обычные цари, а совсем иное наш нектароподобный повелитель. Он обрекает на стыд таких древних героев, как Нрига, Нала, Нишадха, Нахуша, Амбариша, Дашаратха, Дилипа, Набхага, Бхарата, Бхагиратха и Яяти; не затуманены его глаза смертельным ядом гордости; не прерывается его голос судорогами, вызванными проклятым снадобьем чванства; не утрачивают его позы природного величия из-за внезапных припадков забывчивости, вызванных горячкой гордыни, не осложняется смена чувств у него лихорадочными вспышками непокорного своеволия; не огрубляется его голос резкими словами, произносимыми под влиянием высокомерия, искривляющего губы. Его драгоценная, как жемчуг, мысль прилагается к мужам истинных добродетелей, а не к кускам камня; его вкус получает наслаждение в качествах, подобных жемчугу, а не в горах украшений; его суждение о достойных средствах изощрено в делах щедрости, а не заключено в истекающих амброй висках слонов; самая страстная любовь его устремлена к величественной славе — не к мимолетным суетностям жизни; величие его — в украшении разных стран земли, дань с которых он собирает, а не кукол, которых зовет он своими женами; его понятие о крепкой дружбе связано с хорошо натянутым луком и не касается придворных, живущих крохами с его стола. Естественное побуждение его — помощь друзьям; суверенность означает для него помощь вассалам; ученость предполагает помощь ученым, успех же — помощь его родне; богатство означает помощь несчастным, а все состояние — помощь брахманам. Главная забота его сердца — помнить об оказанных ему благодеяниях, и единственное употребление его жизни — помогать добродетели; единственную пользу от своего тела он видит в служении велениям доблести, земли же — быть аренной для подвигов его меча. Присутствующие при нем цари нужны ему только лишь для

его собственной забавы, а враги — чтобы помочь его величеству проявить себя. Все это могло соединиться в одном человеке только лишь благодаря необычайным заслугам в прежних рождениях, и именно поэтому достиг он столь достославного величия, так что даже тень от его стоп распространяет повсеместно все превосходящий нектар счастья».

Выслушав послание, сказал Бана Чандрасене: «Покорми посланца, дай ему одежду, и пусть он отдохнет». Когда тот ушел и пополуденное сияние солнца, покрасневшего, как клюв вороненка, стало слабеть, будто выпитое чашами пурпурных лотосов, и день начал склоняться к закату, а солнце, кони которого притомились, бледно-розовое, словно гирлянда чайных роз, казалось, уже приготовилось опуститься, но зацепилось за гору Заката, будто ноги его запутались в цветах, произнес Бана вечерние молитвы и удалился на ложе, ибо на востоке ранняя ночь спешила вступить в свои права, и длинные развевающиеся пряди тьмы, казалось, повисли в воздухе, и лицо ночи темнело, словно в печали от разлуки с месяцем. Подумал он про себя: «Что же я буду делать? Воистину царь неправильно понял меня, и совет мне дан бескорыстным родичем Кришной. Служба мне ненавистна. Присутствие при дворе исполнено зла. Двор царя полон опасностей. Мои предки никогда не любили его, и нет у меня потомственных связей с двором — нет у меня ни соображений, связанных с прежними выгодами, ни привязанности, вызванной услугой, оказанной в детстве, или связанной с честью рода, или с добротой, определяющейся старым знакомством, или с очарованием взаимного обмена сведениями, или с желанием больших познаний, или с уважением к чьей-либо прекрасной внешности, или с практикой во всех модуляциях голоса, приличествующих подчиненным, или с сообразительностью, потребной в кругу ученых, или с искусством в приобретении друзей с помощью денег, или с длительными беседами с царскими фаворитами. И все-таки я обязательно должен явиться ко двору».

ДАНДИН

Повесть о красавице из Аванти

ВСТУПЛЕНИЕ

Симхавишну, царь из династии Паллава, царствовал в Канчи, городе, не имеющем себе в Дакшинапатхе равных, освященном стопами пророка Агастьи. Однажды, когда царь сидел в зале совета, к нему явился гандхарва и под аккомпанемент лютни пропел песню в размере арья. Царю понравилась песня, и он спросил, кто ее сложил. Тогда поклонился ему гандхарва и сказал: «О царь, в городе Анандапуре, столице царства Анатра в Гуджарате на северо-западе Арьядеши, есть место, населенное брахманами; некоторое количество семей из готры Каушика переселились в город Ачалapura, основанный Муладевой для его друга Ачалы. У одного из переселившихся туда, Нараянасвамины, был сын по имени Дамодара, который еще в ранней юности был отмечен богиней поэзии. Молодой поэт подружился с великим поэтом Бхарами, а тот помог ему подружиться с царевичем Вишнувардханой. Поехали они однажды на охоту, и Дамодара, брахман, проголодавшись, вынужден был отведать мяса. Поскольку это не было частью жертвоприношения, Дамодара осквернился и для искупления своего греха отправился в паломничество по святым местам и во время странствий встретился с Дурвинитой, царем из династии Ганга, и ныне он счастлив в свите этого царя. Стих, пропетый мной, сочинен этим юным поэтом».

Услышав это, царь Паллава возгорелся желанием увидеть сочинителя песни. Проявив настойчивость, он наконец добился того, что Дамодара явился ко двору и стал его поэтом. Дамодара написал под покровительством этого государя «Гандхамадана» и сочинение по поэтике на санскрите и пракрите. По желанию царя он женился. У него было трое сыновей: Симхавишну, Маноратха и Атилобха. Со временем у Маноратхи родилось четверо сыновей: Дамодара, Бхавадаса, Симхавишну и Вирадатта. Вирадатта женился на Гаури из готры Матхара, этом истинном воплощении женских добродетелей. Гаури родила подряд несколько дочерей, но, к счастью родителей, у них появился и мальчик. Это и был Дандин. Когда исполнилось ему семь лет, у него умерла мать и ее заменила ему богиня учености. Вскоре после того, как над Дандином был совершен обряд посвящения, у него умер и отец.

В это время в царство Паллава вторглись враги, голод и чума опустошали земли Дравиды, Чола и Пандья. Лишенный родного очага и близких, Дандин скитался по стране. Немало лет он провел в городах, прославленных ученостью, и стал знатоком нескольких наук. После того как мир был восстановлен, Дандин вернулся в Канчи и, добившись возвращения ему прав предков, зажил мирно среди друзей и родственников.

Однажды посетил его строитель Лалиталая, сын Мандхаты. Он был опытен в возведении храмов девяноста шести разных типов и шести видов механических устройств и обладал тридцатью шестью качествами, необходимыми для искусного мастера. Когда он сел рядом с Дандином, народ собрался вокруг, восхищаясь его разнообразными делами и говоря: «Этот ачарья сделал механических людей и показал, как они сражаются. Он заставил искусственные облака собраться на небе и пролить дождь. Он показал с помощью механизмов много чудес. Он воин — он сумел расколоть во время боя стрелами, массивными, как пест, лбы боевым слонам. Он писатель — он сочинил на тамили „Жизнь Шудраки“. Его отец превзошел яванов в изготовлении механизмов и поразил царя Дурджаю, изготовив механическое „пожелай-дерево“».

Когда же умолк шум голосов, Лалиталая сказал Дандину: «Почтенный, то что я сделал, — это ведь мелочи, и они вызывают изумление народа: очевидно, наше искусство, прославленное великими достижениями, из-за долгого пренебрежения, пришло в упадок. Но ведь это мало значит для таких ученых, которые, как мы, овладели мудростью искусств Брахмы, Индры и Парашары. Но вот о чем я хотел бы попросить тебя. Ведь ты видел изображение Вишну, возлежащего на змее, в храме на берегу в Махамаллапураме, — я обнаружил, что одна из рук божества сломана, и сделал ее. Взгляни, пожалуйста, достойно ли я исправил это изображение, произведение искусства древних мастеров». Тогда друг Дандина Ранамалла, сын военачальника, сказал: «Почтенный, давай выполним просьбу строителя. Наши друзья Матридатта и Девашарман, которые идут из Кералы, чтобы повидаться с тобой, должны быть сейчас в Махамаллапураме — мы можем их там встретить».

На следующий день они вместе с Джаянтанараяной и другими друзьями отправились посмотреть на изваяние.

На берегу увидели они высокий дворец, весь белый, о подножие которого разбивались бурные валы. Пройдя несколько дальше, они увидели изваяние, подножие которого море ласкало мелкими волнами. Они подошли к изваянию вплотную, но не могли обнаружить какой-либо след скрепления. Тогда спросили они строителя, какую же из рук он исправил, а Лалиталая в ответ на это поклонился и сказал, что труд его достоин вознагражден.

Как раз в это время увидели они, как море принесло большой пурпурный лотос и он медленно подплыл к изваянию и, коснувшись его основания, немедленно обратился в видьядхара, вооруженного и украшенного. Дандин и его друзья были изумлены этим, а видьядхара обошел вокруг изваяния, поклонился ему и исчез в небесах. Рамашарман, уроженец страны Чола, спросил Дандина, не сможет ли тот раскрыть тайну. «Воистину, это тайна, — отвечал на это Дандин. — Но можно представить, что это небесное существо оскорбило пророка в каком-нибудь слу-

чае, связанном с цветами, и тот в гневе проклял его и обратил в лотос, который плавал по океану многие годы и, лишь коснувшись подножия изваяния, принял свою действительную форму. Но давайте вернемся домой».

Изумленная виденным, компания вернулась в Канчи, и друзья стали упрасивать Дандина поведать людям эту тайну. Тогда Дандин подверг себя подвигам, длившимся много дней, и поклонялся Вишну с особым рвением, проводя ночь на ложе из жесткой и острой травы куша. Богиня учености явилась ему во сне и молвила: «Дорогое дитя, доволен тобою бог Вишну. Пусть раскроется тебе жизнь Раджаваханы, повелителя людей и полубогов, озарится ярким светом история, полная рассуждений о целях жизни, рассказов о далеких островах, описаний искусств и вер, сказания о древних царях, богах и асурах».

Занялся новый день. Дандин проснулся на заре и тщательно совершил все обряды. После этого он созвал друзей, любивших слушать сказания, и поведал им историю о красавице из Аванти, заканчивающуюся превращением лотоса в видьядхара.

Приключения десяти принцев

ЦАРСКИЕ ЗАНЯТИЯ

О царь, известно, что когда судьба благоволит к кому-нибудь и дает ему несметные богатства, то разные проходимцы, имея в виду собственные выгоды, стараются напортить ему, соблазняя его разными несбыточными целями. Действительно, некоторые говорят ему, что есть такое сверхъестественное блаженство, которое достигается только после смерти, и возбуждают в нем надежду на достижение его. Он бреет себе голову, одевается в рубище, покрывается антилоповой шкурой, свежим маслом намазывает свое тело и ложится спать без ужина. Тем временем эти наставники отнимают у него все имущество. Еще хуже их сектанты. Те заставляют его жертвовать даже сыновьями, женами, своим телом, своей жизнью. Если же кто-нибудь окажется настолько сообразителен, что не захочет променять на такой мираж наличное благополучие, так к нему являются другие и говорят: «Мы сумеем превратить один грош в сто тысяч золотых рублей. Мы сумеем уничтожить всех врагов без всякого оружия. Мы сумеем из простого человека, одного, без войска, сделать царя вселенной, если только он будет поступать так, как мы ему укажем». Если же он спросит, какой же это путь, то они ему скажут: «Ведь есть четыре главные науки: богословие, технология, философия и политика. Три первые из них, то есть богословие, технология и философия, велики объемом, но мало от них толку. Их побоку. Займись прежде всего политикой. Ведь она уже изложена учителем Вишнугуптой в шести ты-

счах строк для поучения царей из династии Маурья. Вот она-то, будучи изучена и точно проведена в жизнь, может доставить те плоды, на которые мы указали». На это царь скажет: «Хорошо!» — и начнет учиться и внимать учению до тех пор, пока не превратится в старика. Ведь говорят же, что эта наука находится в связи со всеми другими науками и не может быть вполне постигнута, пока не будет изучено все вообще, что изложено в словах.

Но пусть так! Долго ли, коротко ли, он ее изучит, и тогда окажется, что человек, который изучил все тонкости политических наук, не может никому довериться, даже своим сыновьям и своей жене! Даже для наполнения собственного желудка должен он точно знать, сколько нужно рисовой каши, и из какого количества зерен риса она составит, и сколько нужно дров для того, чтобы могло свариться такое количество каши. Затем, когда царь встанет, то, успеет ли он или не успеет выполоскать рот, успеет ли он проглотить горсточку каши, он должен успеть выслушать в течение первой получетверти дня целый доклад о приходах и расходах, а пока он слушает этот доклад, его прожженные чиновники уже успевают украсть вдвое, ибо в учебнике Чанаки указано сорок способов присвоения чужих денег, а своим умом они увеличивают эти способы до тысячи. Во второй получетверти дня жизнь царя становится мукой, его слух оскорбляют угрозы, которыми тяжущиеся между собой подданные осыпают друг друга. Тут также его чиновники оправдывают и осуждают по собственному произволу. Грех и позор они сваливают на царя, а доход кладут себе в карман. Во время третьей получетверти дня ему наконец дается возможность вымыться и поесть. Но лишь он поел, боязнь, что его могли отравить, до тех пор не оставит его, пока не совершится его пищеварение. В четвертой получетверти встает он только для того, чтобы протянуть руку за получением денег. В пятой он несет большой труд совещания с министрами. Тут также министры на первый взгляд кажутся вполне беспристрастными, в действительности же, сговорившись между собой, они выдают дурное за хорошее, переделывают донесения послов и шпионов, превратно истолковывают возможность или невозможность задач, уместность, своевременность и степень подготовленности всякого дела, для того чтобы наживаться через своих друзей, которых они имеют в кругу как союзных, так и враждебных государств. Втайне они интригуют, возбуждая зависть как в стране, так и вне ее, затем выступают явно как повелители и тем держат царя в своих руках. В шестой части дня он может согласно положению либо отдыхать, либо совещаться с министрами. Но какой это свободный отдых! Он не может продолжаться более чем три и три четверти получаса! В седьмой части дня он должен утруждать себя инспекцией всех четырех родов оружия. В восьмой его удручает забота о воинской доблести главнокомандующего, с которым он лично очень дружит. Затем следует вечерняя молитва и сразу вслед за тем —

первая часть ночи, когда он принимает тайных агентов, при посредстве которых определяются задачи самого жестокого свойства, осуществляемые через убийц, поджигателей и отравителей. Во вторую часть ночи, после ужина, он, как ученый брахман, повторяет про себя молитвы. В третьей части, по трубному звуку, он ложится спать и мог бы, согласно правилам, спать в течение четвертой и пятой части ночи. Но где же такому страдальцу действительно думать о сладком сне, когда голова его кружится от бесконечных хлопот и забот? В шестую часть ночи опять начинается забота о делах и забота о соблюдении правил управления. В седьмой — совет министров и отправка посланников. Посланники же эти умеют льстить и нашим и вашим, получают с обеих сторон подарки, провозят их без пошлины и без затруднений через границу, торгуют и обогащаются; поэтому они всегда готовы под малейшим предлогом раздуть несуществующее дело и беспрерывно разъезжать взад и вперед. В восьмую часть ночи, под утро, является придворный жрец с духовенством и говорит: «Сегодня приснился дурной сон, положение планет неблагоприятно, предзнаменования зловещи! Следует совершить искупительные служения. Все жертвенные сосуды должны быть отлиты из чистого золота! Только в таком случае священнодействие будет иметь благоприятный исход!» Эти священнослужители, брахманы, равносильны самому творцу Бrame. Если они пошепчут молитвы, то все совершится к полному благополучию. Несмотря на все свое могущество, эти жрецы страшно бедны и многосемейны. До сих пор никто не мог удовлетворить их, хотя всякий данный им подарок обеспечивает долгую жизнь, переселение на небо и уничтожение врагов. Такими речами придворное духовенство вынуждает царя давать ему много-много денег.

И вот царь, если он знаток всех правил государственного управления, ни днем, ни ночью не имеет ни минуты спокойствия, вечно трудится и постоянно беспокоится. Где ему тут думать о всемирном господстве, которое ему обещано учителями государственных наук. Даже за своим маленьким княжеством он не в состоянии усмотреть. С другой же стороны, раз царь слышит за знатока политики, то все, что он делает: дает ли подарки, осыпает ли почестями, скажет ли ласковое слово, — всегда предполагается, что все это глубоко обдумано, и поэтому никто ему не верит. Всеобщее недоверие есть начало гибели государства. Люди вообще благоденствуют только постольку, поскольку их жизнь идет естественно, вне теории. Для нее не нужны науки. Ребенок, питающийся грудью матери, умеет применять все нужные для этого средства. Поэтому прочь всякие правила и ограничения! Будем всласть наслаждаться чувственными удовольствиями!

Конечно, найдутся министры, которые будут говорить: «Вот так-то нужно обуздывать свои чувства, таким-то образом нужно отделаться от шести своих внутренних врагов — от любви, ненависти, гордости и т.д.,

постоянно нужно применять к своим и чужим методы примирения и другие политические средства, ни на одну минуту не нужно забывать соображения в пользу мира и войны, ни одной минуты не нужно отдавать удовольствиям!» Но льстецы-министры, которые так говорят, в то же время проживают украденные у тебя деньги в домах услужливых женщин. Что говорить об этих маленьких людях! Разве самые твердые из министров — составители законов, такие, как Шукра, Ангирас, Вишалакша, Бахудантипутра, Парашара и другие, — разве они сами покорили своих шесть внутренних врагов? Разве они следовали своему собственному учению? Ведь они также начинали всякие дела, видели и удачу и неудачу, и много есть примеров, что неученые люди прекрасно водят за нос самых ученых.

ХАРИБХАДРА

Повесть о плутах

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть в стране индийской, в земле Аванти, город радостный и цветущий, ни в какой мере грехами не оскверненный, граду небесному подобный. Называется тот город Удджайини, и посетить его достойно всяческой похвалы. В северной его части есть богатый сад, полный, как девственный лес пальм фиговых и пальмировых, деревьев манговых и всяких других. Чудится, будто все они под ветром пляшут, ибо он колеблет их ветви и развеивает свисающие с них гирлянды цветов. И полон этот сад разнообразных плодов, чарующих видом и достойных того, чтобы их отведать.

Случилось однажды так, что в том саду собралось великое множество шельмецов, пройдох, плутов и прочих отменнейших мастеров подобного рода. И кого только не надували они притворством своим, умильно жалостливыми лицами, масками и многими-многими другими способами!

И было среди них пятеро самых отменных, славшихся жожаками, — Муладева, Кандарика, Элашадха, Шаша и Кхандапана, девка пронирыва; с каждым из мужчин было по пятьсот таких же мошенников, а с Кхандапаной пятьсот распутных и хитрых девок. Затянулись в ту пору дожди, и было душно, и тяжелые тучи закрыли небо над всем царством. Целыми неделями шли дожди не переставая, и вся земля покрылась грязью и слякотью.

Голод и холод одолевали шельмецов, и они приставали друг к другу, нет ли чего поесть и не даст ли им кто какой-нибудь пищи. И сказал тогда Муладева то, что пришло ему на ум: «Пусть каждый перед всей братией расскажет, что с ним доподлинно в жизни случилось, и если кто не поверит в правдивость его слов, то придется тому накормить всех собравшихся здесь. Если же кто сможет доказать Сказанием о Бхаратах, пуранах, Рамаяной и прочими священными книгами, что все сказанное истинно, тот — украшение шельмецов и никого не кормит».

I. РАССКАЗ МУЛАДЕВЫ

Так сказал Муладева, и сам первый вызвался рассказать о том, что с ним было в жизни. Вот что он рассказал:

Послушайте, что я расскажу вам о днях своей молодости. Был я совсем юным, когда отправился искать удачи. Взял тыкву для воды, зонтик в руку, через плечо одеяло перекинул, пошел и увидел блистающий золотом храм Сканды, бога войны. Вдруг откуда ни возьмись мчится бешеный от течки слон, подобный ревущему повелителю бурь Парджанье, орошающий землю потоками пота, как тот орошает ее медвяными дождя-

ми. Испугался я отчаянно при виде разъяренного слона. Осмотрелся — деваться некуда, гибель грозит неизбежная. Бросился я со страха в тыкву.

В ярости кинулся слон, злобно трубя, по моим следам и гонялся за мною в тыкке целых шесть месяцев. «Что же это он от меня не отстает?» — подумал я в ужасе и высочил из тыквы, словно из ада. Слепой от гнева слон бросился за мной, да зацепился волосками хвоста, выбираясь из тыквы.

Вновь я увидел небесную реку, подобную женщине, груди которой полны молока, переправился через ее поток, словно через коровий след перешагнул, и добрался, наконец, до храма Сканды. Нагой, голодный, мучимый жаждой, стоял я там целых полгода, принимая на свою голову низвергавшийся с небесной тверди Ганг. Затем совершил я поклонение шестиглавному Сканде и пришел сюда, в Уджайини, и радостно встретился с вами, почтенными повелителями мошенников.

Если все это вымысел недостойный, то придется неверящему для всех прочих устроить угощение .

Возразил ему тогда Кандарика: «Кто ж посмеет упрекнуть тебя во лжи? Кто сведущ в пуранах, кто знает Сказание о Бхаратах и Рамаюну, тот подтвердит, что все это истинная правда. Поведал ты нам, что с тобою и слоном приключилось в тыкке. А вот послушай, что жрецы рассказывают. «Из уст творца родились брахманы, из дланей — кшатрии, из бедер — вайши, из ног — шудры». Уж если из живота Брахмы весь род людской вышел, то почему же ты не мог со слоном играть в прятки внутри тыквы? Или вот рассказывают, что Брахма и Вишну бежали тысячу божественных лет, но так и не могли достичь окончечности мужской силы Хары, умещавшейся, однако, в чреслах Умы. Кто же посмеет упрекнуть тебя во лжи, когда ты рассказываешь о своем приключении со слоном в тыкке?»

А что рассказывает нам почтенный Вьяса о рождении ста кичаков? Вот послушай, что в шастрах и Сказании о Бхаратах говорится. Пошла старшая жена царя Вираты поклониться риши Гагали, ибо не было у нее сына. Дал ей Гагали каши из ячменя, риса и пшеницы и так ей сказал: «Если съешь ты это в беседке, то родится к тебя сто сыновей». Пошла она туда, куда велено было, съела кашу и ушла домой. Гагали же продолжал свои великие подвиги. Случилось ему однажды увидеть, как небесные девы купаются, сбросив свои одежды, и поразили его стрелы Камы, бога любви. Вспыхнуло в нем желание, и изверг он семя, и от первой капли, упавшей на землю, родился Кичака, мощный телом и наделенный мужеством из семени, извергнутого им при виде небесных дев, от капель, в бамбук попавших, родились сто кичаков. Спрятал риши их в колено бамбука, и когда передано было оно царице, то все они стали ее сыновьями. Если сто кичаков ушли в колено бамбука, то никого не удивишь тем, что вы со слоном целый месяц друг за другом гонялись в тык-

ве! Если Ганг тысячу лет не мог выбраться из волос Шивы, то что в это сравнении с какими-то шестью месяцами, когда ты обманывал слона, спасаясь от него в тыкве?! Выбегая из нее, слон зацепился волосками хвоста; спросишь ты, как это могло случиться? Послушай, брат, что в пуранах говорится.

Во времена потопа все сущее погибло в океане, и лишь один Вишну возлежал на его ложе, и когда начал он творить мир, то из пупа его сначала вырос лотос, а на лотосе появился затем Брахма, в руках держащий палицу и тыкву. Так что ж удивительного в том, что ты и слон вышли из тыквы? А если слон и зацепился волосками, выбираясь из тыквы, так что же? Послушай-ка, о чем Сказание о Бхаратах рассказывает.

Великий творец Брахма затеял подвижничество сроком на целую тысячу божественных лет. Обуяла богов зависть, и стали они думать, как бы им нарушить это подвижничество.

«К женщинам страсть — вот вернейшее средство! — сказал Индра. — Ведь даже Шива, когда справлялась его свадьба с Гаури и свершалась жертва огню, заметил Уму и так распалился, что изверглось у него семя, упала капля этого семени в горшок, и из нее родился наставник Дрона. Страсть эта поражает всех риши, богов и царей и даже таких могучих повелителей мира, как Хари и Хара. Разве только величайший герой устоит перед соблазном! Даже те, кто наложил на себя жесточайшие обеты, кто свершает неимоверно тяжкие аскетические подвиги, не могут противостоять этой страсти! Кого только не обращают женщины своими чарами в покорных рабов, пораженных стрелами бога любви! Пошлем же к Брахме, прародителю нашему, Тилоттаму, превзошедшую всех богинь красотой. На том и конец его подвигам!»

Тотчас же по велению Индры в прекрасных одеждах пошла Тилоттама и стала распутывать перед творцом нить танца. И чем больше она танцевала в чудесных нарядах, тем сильнее трепетал он телом своим. Бросил творец все свои дела и не в силах оторвать от необычайно красивого ее тела взор любовался ею. Когда она это почувствовала, то, подобная реке, полной нектара и прелести, прошла в танце направо от него. Он же, очарованный ее красотой и преисполненный пылом любовным, чтобы непрестанно любоваться ее прелестью, сотворил себе другой лик, глядящий к югу, третий, на запад смотрящий, и четвертый, обращенный на север. Когда же пронеслась она в прыжке над его головою, создал он себе и пятый лик, направленный кверху. Рудра, однако, отсек ему своим ногтем, как острым топором, пятый лик. Тогда ужасно разгневался Брахма и в ярости создал Ситакундалина, для того чтобы убить Рудру, супруга Гаури. Рудра в ужасе кинулся в обитель Бадарика и там попросил у Хари, занимавшегося трудными аскетическими упражнениями: «Поддай мне милостыню!» В ответ на это изверг Хари из лба своего поток крови, а Рудра подставил под него череп Брахмы, и не мог этот

череп наполниться целые тысячи божественных лет. Поболтал в крови пальцем Хара, и родился от этого могучий богатырь, которого звали Рактакундалин.

По велению Рудры начал Рактакундалин биться с Ситакундалином, и шла битва у них целую тысячу лет, и была она угодна богам. Об одном говорили, что Бхаскара ему покровительствует, о другом — что благодетельствует ему Рави. В то время сошелся бог солнца Рави с Кунти, и зачала она мужа и вскоре родила его, и звали его Карна, ибо родила она его из уха, и был он уже в доспехах и готов к бою, — совсем так, как ты выскочил из горловины тыквы, он родился из уха».

Тогда спросил Муладева: «А как же сумел переправиться я на другой берег Ганга?»

«Проще простого, дружище! — ответил Кандарика. — Вот как говорит Рамаяна: повелел Рагхава Хануману узнать, верна ли по-прежнему Сита. Хануман с помощью рук пересек океан и оказался в столице Ланки. Разыскал он Ситу и передал ей послание, и была она обрадована вестью от супруга. Потом спросила она Ханумана: „Как ты перебрался через океан?“ Он ответил ей на это так: „Твоею милостью, и милостью твоего супруга, и милостью святого наставника я пронесся через бурный океан“. Если смог он достичь берега, пересекши великий океан, то почему же ты, о лучший из людей, не смог бы перебраться через Ганг? А если ты шесть месяцев принимал поток на свою голову, то вот что брахманы рассказывают: по просьбе богов ради блага людей сошел Ганг с неба на землю. И спросила река: „Кто из вас меня, падающую, примет?“ — „Я!“ — ответил Ишвара и стоял тысячу божественных лет, принимая на свою голову ее бурный поток. Что же удивительного в том, что ты удерживал ее поток какие-то шесть месяцев?!»

Нечего было Муладеву возразить, и сказал он так: «Что же, Кандарика, расскажи нам о чем-нибудь, с тобой случившемся».

II. РАССКАЗ КАНДАРИКИ

Стал Кандарика рассказывать:

Был я в детстве отчаянно озорным, и прогнали меня родители из дому за недостойное поведение. Скитаясь по разным странам, пришел я в деревню, сверкающую лотосовыми зарослями, доставляющими наслаждение, с колодцем, богатую и коровами и буйволицами. Там постоянно всяческими жертвами люди почитали якшу. Кто не почитает подателя желанного плода?! Из любопытства я, поклонившись якше, смешался с деревенскими жителями. Пока забавлялись все всяческими играми, напали на деревню свирепые разбойники, одетые в доспехи, с разнообразным оружием в руках. Тогда все деревенские жители с женами, с детьми ма-

лыми и стариками старыми, со скотом и жильем мгновенно скрылись в огурце. Смотрят разбойники, словно ослепшие внезапно, и не видят деревни — пропала деревня да и только! — будто ее и не было! Так и ушли разъяренные.

Приплелось на то место стадо, и коза из того стада сожрала огурец. Не успела она слопать огурец, как ее проглотил удав, а удава склонул орел, усевшийся после этого на дерево вата. Шел царь с войском и остановился под тем деревом. Погонщик слонов привязал слона к столбу. А тот столб — лапа орлиная! Вздумалось орлу взлететь, и, видя, как слон устремляется в небо, заорали погонщики слонов, что кто-то слона похищает. Услышав эти крики и встревожившись от такого известия, кинулись туда лучшие воины и осыпали орла стрелами. Вот падает он наземь, с головой, отсеченной бесконечным потоком стрел, и звук его падения напомнил удар грома.

Повелел царь рассечь туловище птицы, и оттуда вывалился удав, а из него козу извлекли, а из нее огурец, а уж из огурца все деревенские с их семьями и пожитками появились целы-целехоньки. Все они царю поклонились и разошлись со своими пожитками каждый на свое место, а я тотчас же сюда отправился. Все, что я рассказал, со мною самим приключилось. Кто из вас, плутов, не верит, пусть устраивает угощение!

Элашадха тогда так ему возражал: «Даже и тени сомнения нету у нас». Кандарика его спрашивает: «Да как же это целая деревня могла войти в огурец?» Усмехнулся на это Элашадха. «Видно, не доводилось тебе, брат, слышать о таких же случаях, о которых в Вишну-пуране и Сказании о Бхаратах рассказано!» Говорят, что в начале начал, когда еще не существовало пяти первичных элементов, был только один беспредельный океан, а в нем плавало яйцо, мерно качавшееся на волнах. Расколосось оно, и вышел из него тройной мир — небо, где Индра с богами обитает, земля, людьми, животными и рыбами населенная, и подземные страны, где правит Яма. Если все это в одном яйце уместилось, то почему одной деревне не поместиться в огурце?

Послушай теперь, о чем рассказывал мудрый старец Маркандея сыну Дхармы. Говорят, во время оно, когда одна вода покрывала все безбрежным океаном и волны сплетались гирляндами, среди пустынных вод узрел Маркандея в безлюдном мире одиноко возвышавшееся над водной гладью дерево вата. Рассмотрел Маркандея на его ветвях укрепленное ложе; сидел на нем юноша, прекрасный телом и сверкающий красотой облика своего, будто солнце. Распростер мудрец руки под деревом и сказал: «Смотри, сынок, не свались, не то смерть настанет!» Увидел риши у него в животе целый мир. Пошел туда, вовнутрь, и целую тысячу божественных лет скитался там среди лесов и гор, но, так и не добравшись до конца, вышел, наконец, наружу. Уж если целый мир с горами и лесами мог поместиться в животе юноши, то, подумай, Кандарика, неужели не

уйти целой деревне в огурец? Ты спросишь, как это могло быть, что в утробе птицы поместился удав, а в утробе удава коза, в утробе козы огурец со всем прочим? Так узнай, что брахманы твердят, — я тебе об этом расскажу.

Когда все три мира были в животе у Вишну, он сам еще был в утробе Деваки, стройной, тонкой в поясе. Если справедливо об этом пураны рассказывают, то что же неверного в том, что деревня со всеми жителями и всем, что только в ней было, убралась в огурец?

«Но как же не умерли все, кто был в огурце, попавшем в желудок козы, попавшей в удава, попавшего в орла?» — так спросил Кандарика, а Элашадха ответил: «Они ведь там всего лишь один день пробыли. Мы же не удивлялись тому, что три мира находились в животе Вишну и все, кто там был, продолжали торговать, заниматься ремеслами и хлебопашеством, справлять праздники и свадьбы и вести войны, да и все прочее, что делаем и мы».

Как может быть, спросишь ты, что весь мир попал в живот? Послушай! Во время оно шла ссора между Кешавой и Брахмой. Брахма многоликий сказал Хари: «От меня и весь мир начался и четыре варны пошли!» Возразил ему на это Вишну: «Эх, совсем позабыл ты приличия! Хватит речей несуразных! Как не стыдишься ты, слуга, такое мне говорить! Язык в устах моих — океан, а рот — как твердь земная и небесная. Войди в уста мои и смотри на весь мир живой и неживой! Ведь мною, покоившимся на ложе океана, ты, Брахма, рожден был из лотоса, выросшего из моего пупа. Не хвались же старшинством!»

Сказал тогда Кандарика: «Да сказано ли где в пуранах о том, что птица может столько сожрать?» Напомнил ему тогда Элашадха: «В ту пору, когда Драупади выбирала жениха, обычный лук вместили в себя и землю с горами, и огонь, и змей. Был у великого царя Друпиды лук, богами охраняемый, и огласил царь такое условие, что ежели кто тот лук подымет и поразит цель, то он, царь, тому богатырю отдаст в жены свою смуглую дочь. Прослышав про это, собрались там могучие цари и князья, но кто из них пытался поднять лук, всякий падал. Потешался над ними люд. Вот выходит заносчивый Шишупала, земли повелитель, и начал уже лук от земли отрывать, как Кешава подбросил луку для тяжести вершину Меру, горы, священной, свою дубину, плуг, змей, раковину, гром, диск, утес Мандары, вдобавок луну, огонь всемирный и землю с горами и холмами. Из-за великой тяжести и на полпальца поднять его нельзя было. Из-за обмана упал повелитель чеди Шишупала. Даже земля не могла вынести тяжести этого лука. Тогда поднялся, чтобы лук натянуть, Арджуна, и, пока держал Бхима сам лук за дерево, оттянул Арджуна тетиву и поразил цель. Вот так добыл он славу и взял Драупади в жены.

Уж коли все встать в лук могло, то уж в орла-то и удав и все прочее вполне могло влезть.

Да то ли еще в Рамаяне найти можно! Послушай-ка! Славнейшая из птиц Джатаю с Раваной дралась, когда тот Ситу похищал. Десятиликий, разъяренный, сверкающим мечом отсек, смеясь, птице оба крыла. Джатаю на землю пал, будто гора свалилась. Сказала Сита: «Да отрастут пусть крылья у тебя, когда ты увидишь посланца Рамы!»

Вот наступает день, проходит другой, и сын Дашаратхи посылает Ханумана, тревожась о чистоте своей супруги. Тот, скитаясь по земле, дошел до места, где лежал Джатаю, и говорит: «Вот так гора! Высокая, крутая! Коль заберусь туда, весь круг земной я разом увижу!» Тогда спросил его Джатаю: «Кто ты будешь?» И Хануман ответил: «Посланец Рамы я! О здоровье Ситы пришел узнать!» На это Джатаю отвечал: «Победа Раме! Сита похищена десятиглавым. По этой дороге он увез ее в Ланку! Что ты здесь без толку бродишь? Ступай отсюда, Хануман, скорее и Раме доложи то, что я сказал, — сражался я с Раваной подлым. Своим мечом отсек он мне оба крыла и вот в каком я нынче положении». На это сын ветра ответил: «Коль пострадал ты от борьбы с Раваной, да будет тебе благо, друг!»

Услыша речь посланца Рамы, Джатаю, вновь обретший крылья, взвился и путем небесным улетел на гору Меру, убежище богов. Уж если Джатаю-коршун был горе подобен, то почему бы и твоей птице не быть такой же крупной телом?!

III. РАССКАЗ ЭЛАШАДХИ

Пришла очередь Элашадхе рассказывать, и вот о чем он поведал:

Был я в молодости небывало жаден и искал секрет превращения металлов в золото, странствуя по разным странам в поисках волшебного эликсира. Ради знаний пересекал я необозримые пространства, и каждый шаг мой был равен ста йоджанам. Пришел я однажды в такое место, где стояла скала длиной в йоджану. Приподнял я ее, зачерпнул нужный сок из пруда золотого, под ней скрывавшегося, и поставил скалу на место.

С помощью того сока достиг я несметного богатства и стал хозяином беспредельных владений. Слуги ждали моих повелений, поэты слагали в мою честь хвалебные гимны, а юные девы плясали и пели вокруг меня. Всем, кто был в беде и нужде, раздавал я богатые дары.

Прослышав о моих сокровищах, шайка разбойников, вооруженных до зубов, осадила однажды мой дворец. Я решил, что нужно защищать честно добытое богатство. С луком в руках кинулся я в схватку и многих убил, но оставшиеся в живых разом навалились на меня, отсекали мне голову, зашвырнули ее на дерево бадара и ушли, расхитив все мое достояние. Голова же моя питалась плодами дерева бадара, и многие люди приходили по утрам смотреть, как она ест. Решили добрые люди, что жива

она еще, собрали все мои члены и благодаря этому стою я нынче перед вами. Кто не верит в мои похождения, пусть устраивает угощение.

Но не согласился с ним Шаша и так ему возразил:

Кто же смеет сомневаться в твоей правоте? Все, что с тобой случилось, подтверждается старинными сказаниями, ведами и Рамаяной. Вот к примеру. Давным-давно жил риши, которого звали Джамадагни, и была у него жена Ренука, столь добродетельная и целомудренная, что деревья склоняли к ее ногам вершины, усыпанные цветами. Случилось однажды ей увидеть юного царя Ашвапахриту, прекрасного телом, и вспылала она к нему страстной любовью. Заметил Джамадагни, что не склоняются больше перед ней деревья, поразмыслил и тотчас же приказал своему сыну Парашураме: «Отсеки ты топором голову матери твоей, ибо согрешила она!» Тотчас сын исполнил отцовское повеление. Обрадованный его послушанием, отец ему и говорит: «Рад я! Проси какую хочешь награду!» Парашурама попросил его: «Пусть моя мать оживет». — «Да сбудется!» — согласился Джамадагни, и в тот же миг Ренука ожила. Все это такая же правда, как и то, что ты, братец, жив.

А так ли еще бывало! Жил во времена стародавние царь Джарасандха, составленный нянькой из двух частей, и о нем рассказывается в Сказании о Бхаратах, что повелевал он тысячами царей.

Слыхали мы и истории о Сунде и Нисунде, двух братьях демонах, восставших против богов и неотвратимых, как смерть. Удрунены были их рождением боги, крепко задумались, посоветовались, и, чтобы их сгубить, отдал каждый по кусочку своего тела. И вот из всего этого они создали прекраснейшую из нимф Тилоттаму. И была она прекрасна и телом и лицом, и никто не мог бы в этом усомниться. Поклонилась красавица богам и спросила их медоточивым голосом: «Скажите, о боги могучие, что я должна сделать!» Повелели они ей: «Избавь нас от Сунды и Нисунды!»

Возложила она приказ богов себе на голову и пошла туда, где обитают братья. Убранная всяческими украшениями, ожерельями и золотыми цепочками, браслетами на руках и ногах, с подведенными глазами, с обнаженными грудями, круглыми, как луна в полнолуние, приблизилась она к братьям, бросая на них кокетливые взгляды. Оба сразу же были побеждены обаянием ее чар и начали драться из-за того, кому из них ею обладать. В драке они убили друг друга. Да, брат! Кого только женщины не сгубили!

Потому ведь и говорят: женщины порождают раздоры среди братьев, женщины — корень разрушения дружбы. Не только царские семьи, но и целые царства гибнут из-за женщин! Если Тилоттама могла быть создана из кусочков божественных тел, то почему же нельзя было собрать воедино и оживить твое тело, расчлененное ворами?

Говорят о Ханумане, что однажды спросил он свою мать Анджану: «Если проголодаюсь я, то что мне можно съесть?» Ответила она ему на

это, что все красные плоды годны в пищу. Запомнил он ее слова и, по ошибке приняв восходящее солнце за красное яблоко, прыгнул, чтобы сорвать его. Солнце же разъярилось и разнесло тело Ханумана на мелкие-мелкие крупички. Увидела Анджана случившееся и горько запричитала, заливаясь слезами. Отец Ханумана Ваю, бог ветров, видя горькую участь сына и слыша рыдания безутешной Анджаны, скрылся в Паталу, подземное царство, и в отчаянии ушел от всех мирских дел.

По этой причине смолкли все ветры на земле, и не только люди, но и демоны стали задыхаться и мучиться от удушья, доводившего их чуть ли не до смерти. Со скорбящими лицами пошли боги утешать Ваю, собрали по частичке бездыханное тело Ханумана и вдохнули в него жизнь. Не смогли, однако, боги найти подбородок Ханумана, хотя искали они очень старательно. Ханумана поэтому и зовут «дитя без подбородка». Если сын бога ветра мог быть собран из мелких кусочков, то что же, брат Элашадха, странного в твоём рассказе? Все мы согласны с тобой и считаем твой рассказ правдивым.

В Рамаяне рассказывается о том, что, когда супруга Рамы Сита была похищена, Рама пересек океан и вступил на Ланку. Ужасная битва разгорелась между Рамой и Раваной и их воинами. Воины Раваны низвергали настоящий ливень стрел и копий, метательных дисков и прочих видов оружия, и воины-обезьяны терпели увечья, а Лакшмана, брат Рамы, упал без памяти, сраженный метательным копьем. Все воздушное пространство оглашалось стонами и воплями Рамы и его воинов по этому герою, и сын бога ветра Хануман принес с горы Дрона волшебную траву вишалья, извлекающую стрелы и всякие прочие орудия из тела. И тогда копье извлекали из груди Лакшманы. Разорванные на куски тела воинов обезьян тоже были собраны, и вернулись они к жизни и стали двигаться, как прежде. Если уж обезьяньи тела могли вернуться к жизни, то почему бы не могло ожить твоё тело?! Ты жив, здоров и цел и стоишь перед нами, и это самое лучшее доказательство истинности твоих слов.

Всеми миру известно, как родился Карттикея, бог битв. Ты не слышал этой истории? А она тоже ведь изложена в священных книгах.

Где-то в глубине Гималаев Шива наслаждался любовью со своей супругой Парвати в течение тысячи божественных лет. В ту пору демон Тарака поверг в страх и трепет всех богов. Не могли они с ним справиться и собрались на совет.

«Только потомство от семени Шанкары может сразить этого демона, а Шамбху занят любовными играми на Гималайских вершинах. Никто в такое время не может приблизиться к нему, кроме Агни, бога огня!» Пошли они тогда к Агни и взмолились: «О добросердечный и благосклонный Агни! Ты помогаешь каждому в беде. Неужели ты откажешься помочь в деле, сулящем благо всем богам? Только ты, о Агни, можешь приблизиться к Шамбху ради исполнения долга, на благо всем богам,

низвергнутым в пучину горя тиранией ракшасы Тараки. Молим мы тебя предстать перед носящим трезубец, когда он оторвется от сонития и сможет выслушать о нашем горе».

Агни, возноситель жертв, неохотно отвечал богам: «Кто же может предстать перед Шамбху, шестируким копыеносцем, украшенным гирляндой из человеческих черепов, обитающим на месте погребальных костров? Никто, если хочет себе счастья! Кто посмеет предстать перед ним, ужасным, если желает сохранить жизнь? Кто дерзнет взглянуть в лицо Шивы, когда мчится он в бешеной пляске, размахивая ваджрой? Индра и то трепещет перед ним! Если этот бог-копыеносец убьет меня как раз при входе в пещеру, какова будет моя горькая судьбина? Поэтому не просите, о боги, чтобы я к нему пошел!»

Так отвечали ему на это боги. «Не бойся! Он полностью во власти Парвати — ведь весь мир находится под властью женщин. Недаром говорится: лошадь можно объездить за месяц, дикого слона за год, но мужчину женщина может взнуздать немедленно. Шива делает все, что доставляет удовольствие его супруге Гаури. Разве не замечал ты, о Анала, что Шива постоянно носит ее в половине своего тела и изображают его наполовину женщиной, наполовину мужчиной?! Не страшись же гнева Хары, ибо он будет стремиться доставить Гаури наслаждение».

«Ладно!» — сказал Агни и пошел в пещеру Гималаев, где находился Шива. Он увидел его, сокрушителя Трипуры, в тот самый момент, когда завершалось его и Парвати сонитие. Заметил Шива, что Агни входит в пещеру, пришел в ярость и, несмотря на уговоры Парвати, кинулся к нему с криком «Открой рот и проглоти семя!», заставив Агни таким образом проглотить его семя, пламенеющее, как солнечные лучи. Запылали от проглоченного семени все внутренности Агни, добрался он кое-как до океана и, только извергнув семя, почувствовал облегчение. Люди думают, что от семени Шивы произошли таинственно мерцающие молочно-белые жемчужины.

Очистился Агни, наконец, извергнув остатки семени Шивы в океан, сверкающий как лотос, и почувствовал себя спокойно. И случилось потом так, что криттики, девы небесные, весело плескались, в том месте океана и частицы семени проникли в их лона. Было их шестеро, и, когда прошло положенное время, каждая из них родила по одной части человеческого тела: одна — голову, две другие — по руке, четвертая — торс и две последние — по ноге. Когда каждая из них показала подругам, что она родила, то все части немедленно соединились воедино, и получилось дитя, имя которому Карттикея, то есть рожденный криттиками. Он вел постоянно целомудренную жизнь и одолел ракшаса Тараку. Живет он теперь в южных краях. Если члены Карттикеи, рожденные из разных чресел, могли быть соединены, почему же твои не могли бы соединиться?»

Сказал тогда Элашадха: «Скажи-ка мне, догадливый мудрец, как это отрубленная голова может есть плоды?»

«А разве неизвестно тебе, — отвечал на это Шаша, — как Чакрин отсек диском голову ракшасе Раху и она до сих пор кочует по небу и глотает то луну, то солнце? И потом, что удивительного в том, что ты одним шагом покрыл сто йоджан и достиг горы? Вовсе ничего, ибо известно, что Вишну однажды прикинулся карликом, попросил у царя Бали земли и в три прыжка отмерил себе во владение всю землю с горами и лесами. Итак, если Вишну мог преодолеть в три прыжка всю землю, как же ты за один прыжок не одолел всего ста йоджан?

А что до того, что ты удерживал на своих плечах скалу длиною в йоджану, то разве не слышим мы, когда читают Рамаяну, повествования о том, как был сражен Лакшмана во время битвы между Рамой и Раваной ударом копья?! Хануман взвился тогда в поднебесье и тотчас принес кусок высокой горы Дрона со всеми растениями и травами, необходимыми для извлечения копья. Если обезьяна могла поднять высокую гору, то почему бы ты не поднял скалу длиной лишь в одну йоджану?»

Вот так-то пришлось Элашадхе замолчать под градом вопросов и ответов. «Что же, — обратился он к Шаше, — настала твоя очередь рассказать, с чем в жизни пришлось встретаться!»

IV. РАССКАЗ ШАШИ

Тогда повел речь Шаша:

Случилось так, что жил я в деревне вместе со своей семьей, занимался, когда наступали дожди, земледелием, как надлежит всякому крестьянину. Приближалось холодное время, и пошел я посмотреть поле, находившееся у подножия холма. Шел я медленно, и было у меня хорошо на душе. Внезапно дикий слон, подобный горе, несется с холма прямо на меня, и в глазах его горит огонь бешенства. Насмерть перепугавшись и трепеща всем телом, метался я во все стороны, пытаюсь найти спасение. Увидел я дерево кунжутное величиной с холм и мигом вскарабкался на него. Видя, как карабкаюсь я на ветки дерева, и будучи не в силах поймать меня, слон тряс дерево со страшной силой, как трясет его хозяин, собирая плоды. От такого встряхивания тучи кунжутного семени падали на землю, и оттого что слон топтал его, как опытный маслобой, скоро под деревом потекла река из кунжутного масла, и волны на ней вздымались не меньшие, чем волны океана. Грозный слон, ясное дело, захлебнулся в грязи и масле и издох, как червь без пищи. Избежав, таким образом, страшной опасности и чувствуя себя заново родившимся, слез я утром с кунжутного дерева, содрал со слона шкуру и сделал из нее бурдюк, в который собрал все натекшее масло. От голода начал я есть кунжутные отруби, а чтобы утолить жажду, пил масло десятками ведер. Когда бурдюк был доверху наполнен маслом, взвалил я его на плечи и

поташил легко, как соломинку. Перевалил я через холм и добрался наконец до дому. Придя домой, я послал сына притащить бурдюк, который оставил под деревом. Деревя этого я не видел, но отметил его.

Вырвал сын дерево целиком с корнями и бурдюком, висевшим на нем, и принес слоновий бурдюк полный масла на глазах у всей деревни домой. Я только что прибежал сюда из дому. Если я лгу, устраивайте угощение...

Возразила ему на это пронырливая девка Кхандапана: «Все, что ты рассказал о своей жизни, полностью подтверждают и славная Рамаяна и Сказание о Бхаратах».

Перебил ее тогда Шаша: «Да где же там говорится о кунжутном дереве?» Но Кхандапана остановила его прыть вопросом: «А разве не знаешь ты, что в городе Паталипутра громадный барабан был вырезан из маленького кустика маши? Если это истинно, то почему бы кунжутному дереву не быть такой высоты, как ты рассказываешь?! И почему бы не течь под ним масляной реке? Ведь Сказание о Бхаратах дает моим мыслям надежную опору. Рассказывается в нем, что слоновий пот тек, словно бурная река. Градом пот катился со слонов, в бою уставших, разливался он бурной рекой, волнами покрытой, рекой, что смывает в половодье лошадей, колесницы и слонов в тяжелой сбруе.

Если уж из пота могла получиться такая река, то почему бы не получить ей из масла и не смывать на своем пути деревья?

Ты рассказывал нам, как от голода ты ел кунжутные отруби, а для утоления жажды пил масло. И это полностью подтверждает нам славное Сказание о Бхаратах.

Изгнанный из царства Бхима пошел в город Экачакра, убил в гневе ракшасу Баку и выпил тысячу кувшинов вина и сожрал семнадцать бьюков еды, которые были приготовлены горожанами для ракшасы. Если Бхима мог поглотить такое количество напитков и пищи, то тебе-то нетрудно было съесть столько отрубей и выпить столько масла! Да что там! Ведь мог же Кумбхакарна, брат Раваны, поглощать тысячи сосудов с водой и вином! Что в сравнении с этим выпитые тобой десять горшков масла! Никого ты этим не удивишь!

А пураны? Там рассказывается о том, как риши Агастья, для того чтобы сокрушить демонов, выпил весь горький от соли океан! Кроме этого, знаем мы и то, что Ганг, стекая по сплетенным волосам Хары на землю, донес свои волны до обители риши Джакну, выпившего всю реку без остатка, и — дивитесь! — он продержал ее в себе тысячу лет. Когда же он, наконец, изверг ее из себя, то дали ей имя Джахнави. Уж если, дружище, могли эти риши выпить один — океан, а другой — целую реку, то кто же не поверит тебе насчет жалких десяти горшков масла?

Что же касается того, что ты своими руками донес слоновий бурдюк с маслом до деревни, я напому тебе историю Гаруды. Слушай же!

Две жены были у риши Кашьяпы — Кадру и Вината. Такое было между ними условие, что если кто из них двоих проиграет, то проигравшая навечно останется рабой выигравшей или же, чтоб откупиться, должна будет добыть амриту. Случилось так, что выиграла Кадру, а проиграла Вината, и стала она рабыней у Кадру, и каждый день приходилось ей переносить издевательства и оскорбления. Скорбь одолела Винату из-за жизни в рабстве. Тем временем забеременела она и снесла три яйца. Сильно хотелось ей освободить себя от рабства, и, возлагая все свои надежды на потомство, в нетерпении разбила она одно из яиц. Из него выбежал скорпион, и при виде его загрустила она еще больше. «Если я столь несчастна, — думала она, опечаленная, — что моим потомством может быть только скорпион, то как преодолею я океан рабства?»

Миновало некоторое время, и разбила она другое яйцо, а была она в ту пору в унынии великом и отчаянии и надеялась на лучшее. Родилось из того яйца безногое дитя, горько упрекнувшее мать: «Зачем в тревоге и беспокойстве разбила ты это яйцо? Не разбей ты его преждевременно, не родись я безногим, мог бы осуществить все твои надежды, спас бы я тебя от рабства. Поэтому, матушка, побереги третье яйцо, дай ему вызреть. Сын, который родится из него, устранил все твои горести и избавит тебя от рабства». Потом бог солнца сделал этого безногого возникшим на своей колеснице.

Дотерпела Вината, пока вызреет третье яйцо, разбила его и тогда вышел на свет Гаруда, луна смелых надежд для безбрежного, как океан, сердца Винаты и беспощадный враг змеиного племени, порожденного Кадру. Заскорбела Кадру, видя, как, играючи, Гаруда уничтожает ее потомство, и стала еще пуще мучить и унижать Винату.

Увидел Гаруда материнские слезы, падавшие на землю, и спросил ее, о чем она плачет. Отвечала ему печальная Вината, что ввергнута она в рабство на всю жизнь и должна день и ночь выполнять приказы Кадру. Услышал те слова Гаруда Вайнатейя и спросил, есть ли какой путь к освобождению от рабства. Сказала ему Вината: «Коли достанешь ты амриту, живую воду, то снова могла бы я стать свободной». — «Где она и как найти мне ее?» — спросил Гаруда у Винаты. «Обо всем знает твой отец, находящийся сейчас в обители Бадарика, где свершает он самые трудные подвиги».

Поклонился Гаруда матери и отправился в отцовскую обитель. Склонился сын к ногам отцовским, и дряхлый Кашьяпа при первом же прикосновении узнал своего сына. Попросил Гаруда отца: «Батюшка, мучает меня страшный голод! Дай мне чего-нибудь поесть».

Так отвечал ему Кашьяпа: «Есть недалеко озеро, заросшее лотосом, и живут на нем громадный слон и черепаха двенадцати йоджан в поперечнике. Оба они часто дерутся и словно движущиеся горы мутят озеро. Убей их и утоли свой голод». Пошел Гаруда на озеро, сделал так и наел-

ся. Насытившись этими двумя существами, Гаруда увидел смоковницу, на которой во множестве сидели птицы. Они шумели, словно наступила кончина мира. Под тем же деревом жило множество валакхильев — святых, родившихся из семени Брахмана и предававшихся подвигам. Только Гаруда садится на дерево, как оно трещит и ломается, и он, опасаясь как бы при падении дерево не убило миллионы святых, унес дерево в своем клюве, повергая богов и ракшас в изумление. Величественно парил он в поднебесье на распростертых крыльях, неся в клюве своем смоковницу. В конце концов уронил он ее на лесистый остров среди океана. Люди считают, что дерево это украсило нынешнюю Ланку, где когда-то была столица Раваны.

Снова прилетел Гаруда к отцу в Гималаи и сказал ему, что голод его остался неутоленным, после того как съел он слона и черепаху. Ответил ему Кашьяпа: «Съешь нишадов». Съел Гаруда нишадов и снова спрашивает отца: «Скажи мне: где скрыта амрита?»

Дряхлый Кашьяпа рассказал ему: «Амрита скрыта в седьмом подземном царстве, в пруду, полыхающем свистящим и палящим пламенем, сторожат его все боги, и поэтому, сын мой, не так-то легко добыть амриту».

Тогда спросил его Гаруда: «Ведь есть же наверное способ добыть ее?» И услышал такой ответ: «Добыть можно, если совершишь для этого жертвоприношение огню из большого количества масла, пахты, мела и воды. Но и при этом сомнительно, добудешь ли ты амриту. Если же получишь, то придется тебе преодолеть еще немало препятствий».

Сделал Гаруда так, как советовал отец, и смилостивившийся бог огня показал Гаруде пруд с амритой, и тот похитил оттуда заветный горшок. Удивительно все-таки, как это птица сумела похитить горшок, так бдительно охранявшийся богами и ракшасами! Когда же заметили они похищение, то страшно переполошились и кинулись за птицей, вооруженные всеми видами оружия. Бешеные от ярости, со всех сторон мчались они за Гарудой с проклятиями и воплями: «Режь его на куски!», «Бей его!», «Не выпускай живым!» Тридцать три миллиона богов и ракшасов толпой преследовали его и кричали: «Ах ты, похититель амриты! Как ты смеешь убегать от нас?!»

И начал тогда Гаруда битву, в которой, с одной стороны, был весь мир небожителей, а с другой — одинокая птица. Своими могучими крыльями сбивал он миллионы богов и посылал в обитель смерти. Эта битва из-за амриты между Гарудой и богами была поразительна, удивительна и разрушительна для всех миров. Сражавшийся в одиночку Гаруда Вайна-тея поразил всех богов. Во все стороны разбегались в страхе перед ним боги. Тогда, видя, как удирают боги, потерпевшие поражение, их повелитель Индра метнул в Гаруду пылавшую тысячами огней ужасную громовую стрелу. Но сильнейшее из оружия только пробило Гаруде перья

крыльев. Повезло Гаруде, что не разнесло его на тысячи кусков. Посмеялся Гаруда над богами: «Чего же вы достигли, о боги? Хотели вырвать мне крылья? Ничего у вас не вышло!» И он вырвал клювом несколько перьев из крыльев и помахал ими.

Прослышал о бегстве богов Вишну и пришел в ярость и кинулся, исполненный гнева, на выручку богам. Схватил он свой диск метательный, сверкавший как двенадцать солнц, и замахнулся на птицу. Видя, что Вишну собрался пустить в ход столь страшное оружие, все риши и отшельники кинулись к нему с криком: «Что ты делаешь, о могучий Вишну? Ты же разрушишь весь мир! Ведь ты же повелитель всего мира богов и небожителей! — уговаривали они Вишну. — Что же ты, как низкородженный, гонишься за птицей?» И им удалось его успокоить, наконец, словами: «Ведь Гаруда тебе родственник. Не гневайся, Вишну. Не разрушай, подобно низкородженному, свое потомство!»

Прислушался Вишну к словам риши, глубоко поразмыслил над ними и молвил: «Да, чуть было не свершил я тяжкого промаха. Ведь мог я погубить своего родича Гаруду!»

Справедливо говорится: мудрец во гневе забывает о своем долге и нуждается в совете богов и здравомыслящих людей. Было тогда заключено перемирие у Вишну с Гарудой, и изображение Гаруды было помещено даже на знамени Вишну. Отдал Гаруда амриту Винате, матери своей, и спас таким образом ее от пожизненного рабства.

Так вот, если Гаруда мог поднять и убить слона и черепаху, если мог он нести смоковницу в клюве, кто ж не поверит, что ты содрал шкуру со слона?

Если мог Кришна во время дождей поднять гору Говардхана и нести ее целых семь дней, то, дорогой мой, почему бы ты не смог нести бурдюк слоновий, полный масла?.. Да кроме того, уж если верят истории Ханумана, вырвавшего с корнем дерево ашока, под которым Равана спрятал Ситу, то кто ж не поверит тебе, о превосходнейший из плутов, что твой сын принес слоновий бурдюк с маслом вместе с вырванным сезамовым деревом?

V. РАССКАЗ КХАНДАПАНЫ

После того как доказала Кхандапана правдивость слов Шаши, умолк он и потом обратился к ней со словами: «Ну, мошенница, пришел тебе черед рассказывать о своих похождениях!»

Отвечала она на это, что расскажет обо всем, ничего утаивать не будет про то, что с ней случилось, и устроит им пир, — пусть только они склонятся к ее ногам и признают ее вождем.

Тогда все собравшиеся возразили ей: «Как же это мы, мужчины, да склонимся к твоим ногам? Мы и сами мошенники немалые. Чем же ты

нас превзошла, шлюха?» Ухмыльнулась она в ответ на это и проговорила: «Слушайте же меня внимательно. Вот что я вам расскажу...

Когда достигла я девичества, то стала необычайно красивой и весьма привлекательной и возбуждала страсть, как Рати, супруга бога любви Маданы. И вдруг в эту пору я стала вдовой. Однажды, очистившись после месячных, спала я под чистой лавкой и наслаждалась любовью с самим богом ветра, самым страстным мужчиной. Тотчас же после этого родился у меня сын, который заставил меня разрешить ему уйти и покинул меня, как сон. Теперь скажите мне, высокоумные, мог ли сын родиться у меня так, как я вам рассказала. Если это правда, достойные, то никогда ни одна женщина не могла бы стать вдовой!»

«А что ж, — отвечал ей Муладева, — все это доподлинная правда. Ведь известно, как рассказывается в священном писании, что таким же образом родила Кунти Бхиму, а Анджана — Ханумана. Сочинитель Сказания о Бхаратах Вьяса также был рожден девушкой-рыбачкой благодаря ее союзу с великим риши Парашарой. Только-только появившись на свет, сын оставил ее и ушел в лес, наказав, чтобы вспомнила о нем в случае нужды. По милости риши Парашары эта девушка-рыбачка снова стала девственницей, и была она любимой женой царя Сантану и родила от него Вичитравирью. Но Вичитравирья помер, не дождавшись потомства, и было это горе великое, и Йоджанагандха вспомнила о словах Вьясы, и сын явился перед ней. И тогда сказала она ему так: „Род Куру угаснет без потомства. Сделай так, сын мой, чтоб он продолжался и процветал“. Вьяса создал Панду, Дхритараштру и Видуру, и, таким образом, род Куру не угас. А для этого сошелся он со всеми тремя женами Вичитравирьи и, став отцом, сказал своим чадам: „Ах вы, негодные! Это вы заставили меня согрешить, и вот поэтому я потерял все то, чего достиг своими подвигами!“

Истинно говорят: „Человек, святой и чистый в себе, в пище, в соитии и всех других делах, никогда не согрешит, даже если попадет в отчаянное положение“. Так вот, если рождение Бхимы, сына Анджаны и Вьясы, подтверждено древними шастрами, как можем мы сомневаться в том, что твой сын родился от бога ветра?»

Согласилась Кхандапана с Муладевой и протянула дальше нить своего рассказа: «Однажды крепко подружилась я с Гаури, и доверила она мне мантру, с помощью которой я могла бы по своему желанию вызывать разных богов. С помощью мантры приворожила я яркое, палящее лучами солнце и вскоре понесла от него сына. Вот и скажите теперь: как это солнце, в восемьдесят шесть тысяч раз превосходящее землю, не спалило моего тела своим прикосновением?»

Кандарика возразил ей: «Если царица Кунти могла не сгореть от соития с богом солнца, когда понесла от него Карну, то почему же ты, несчастная вдовица, могла бы сгореть от его объятий?»

И снова продолжила Кхандапана свою историю. «Затем соблазнила я бога Агни и зачала от него сына. Объясните: почему Агни не спалил меня в своих объятиях? Ведь все знают, что солнце палит издалека, а огонь — лишь только пальцем прикоснешься».

Опроверг ее Элашадха: «Нечему здесь удивляться! Разве не знаешь ты стародавней истории о том, как Дхуморна, супруга Ямы, каждодневно совершая жертвоприношения Агни, сходилась с ним? И случилось так, что желание овладеть Ямой как раз в то время, когда не завершилось еще ее соитие с Агни. Никак не могла она освободиться от его объятий и проглотила его, как воду. Не успела она оправить на себе одежду, как явился Яма, проглотил ее и пошел на собрание богов. С насмешкой приветствовали собравшиеся боги Яму: „Привет тебе, о триединный!“ Немедля Яма изрыгнул Дхуморну, а она извергла проглоченного ею Агни. Тотчас же бросился Яма за Агни, а тот укрылся в лесу, спасаясь от Ямы. Спросил бог смерти у слонов, куда укрылся Агни, но не сумели они ему ответить, и за это Яма откусил им языки. Почему же должна была сгореть ты, если не сгорела от объятий Агни супруга Ямы, которая даже проглотила его?»

И снова Кхандапана заговорила: «Потом приманила я Индру, гарцующего на Айравате, и тоже зачала от него сына. Как же так случилось, что предпочел он меня всем небесным нимфам?»

Сказал ей на это Шаша: «Что же ты этому дивишься? Разве не овладел Индра также Ахальей, супругой мудреца Гаутамы? Когда увидел риши свою жену в объятиях незнакомца, то разгневался и, создав на теле Индры тысячи женских органов, велел ученикам изнасиловать его. Вот так-то претерпел бог богов Индра тяжкие унижения от диких и безумных учеников, воспламененных похотью. Взмолились тогда все боги с величайшим почтением и усердием риши Гаутаме, и согласился он превратить всю эту тысячу женских органов в один глаз.

Царица Кунти родила Арджуну от соития с Индрой. Никто из тех, кто сведущ в шастрах, не может усомниться в том, что ты понесла от Индры сына».

Тогда задала вопрос Кхандапана: «А известны ли вам мой род-племя, богатство мое и все прочее?»

«Родилась ты в Паталипутре у брахмана Нагашармана от его супруги Сомашри из рода Гаутамы, а нарекли тебя Кхандой», — ответил на это Муладева.

«Думаю я, что здесь что-то не так, — проговорила Кхандапана. — Видно, тебя смутила красота моя и изящество фигуры. На деле я дочь царской прачки и подлинное мое имя Дагдхика. Дом мой был полон всяким добром, и имела я коляски и колесницы, запрягавшиеся лошадьми и слонами. Хотя и не очень почетна наша каста, но мой дом был подобен дворцу, достойному царя, сверкающему необычайным процветанием,

пышностью и блеском. Я постоянно занималась стиркой белья для всей царской семьи и всех приближенных к ней людей и прочего городского и ремесленного люда. Стирала я одежду неслыханное множество. Однажды велела я погрузить всяческие одежды на вереницы телег и в сопровождении тысяч помощников отправилась на сверкавшую рябью реку, а там слуги мои принялись стирать одежды, и по всей реке разносилось чоп-чоп, шлёп-шлёп.

Случилось так, что разостлали они для просушки на земле одежды, и вдруг свирепый порыв ветра унес невесть куда все стиранное. Тогда велела я всем слугам моим попрятаться, ибо только я, как хозяйка, отвечаю за потерю, и все они мгновенно повиновались.

Опасаясь гнева царя, обратилась я в ослицу и пошла пастись в городской сад, где тень от деревьев была гуще ночной тьмы. Пока я развлекалась там на просторе, на исходе последней четверти ночи меня одолело беспокойство, как бы кто-нибудь из горожан не полестился на мою шкуру и мясо, и тогда я смертельно испугалась. Одолеваемая страхом, металась я по саду. Кому смерть не страшна?

Избавилась я от обличья ослицы и обратилась в манговое дерево, стоявшее около покрытой красными цветами ашоки. Вскоре исчез темный покров ночи, подобно покровам страстной женщины. Скрылась ночь, и возшло на небесную твердь солнце, чьи лучи заставляют раскрываться лотосы.

Дошло до царя, что одежды унесло буйным ветром, и велел он под удары литавр объявить о своем высоком покровительстве прачкам и о том, что нечего им бояться. Услышала я, как провозгласили под удары литавр это царское повеление, и было оно для моих ушей подобно мёду на устах, и сбросила я облик манго и вновь стала такой же прекрасной, как и была.

Обнаружила я, что под покровом ночи шакалы, собаки и парии сожрали полностью всю ременную упряжь. Удалось отцу моему после долгих поисков раздобыть мышиный хвост, из которого мы нарезали упряжи для всех телег и повозок.

Скажите, добродетельные, похоже ли все это на правду?»

И ответил ей на это Шаша: «Что же в этом удивительного? Разве не слышали мы о том, что у Брахмы и Вишну столь велика мужская сила, что ей конца-края не было?! Из Рамаяны нам читали, что Хануман обладал столь длинным хвостом, что, покрыв его пылающей тканью, он окружил и поджог всю Ланку. Если у сына ветра мог быть такой длинный хвост, то почему бы вам не нарезать упряжь из мышиного хвоста?! Священные книги рассказывают нам, как царь Гандхарикавара превратился из человека в дерево курабака. Царь Нагхуша, настолько смелый и доблестный, что сам Индра-громовержец бежал как трус от него в битве,

был проклят наставником богов Брихаспати и превратился в удава неслыханных размеров.

Когда пандавы были изгнаны и отправились в лес, этот удав проглотил Бхиму, второго из пандавов. Услышав об этом Юдхиштхира, старший из них, пошел к удаву и должен был удовлетворительно ответить на семь вопросов, прежде чем удав согласился вернуть Бхиму. Так спасся Бхима, а Нагхуша освободился от проклятия, сбросил шкуру удава, вновь обрел человеческий облик и снова обратился в великого царя, правившем всем миром. И коль скоро все это истина, о Кханда, все твои рассказы о превращении в ослицу, манговое дерево и снова в красавицу никого не могут поразить!»

Тогда снова повела речь Кханда: «О вы, повелители плутов, если вы согласитесь с моими словами и соответственно признаете, что я одолела вас, я готова устроить вам отменное угощение. Подумайте на это счет как следует, ибо победила я вас остроумием».

Заносчиво и хвастливо отвечали ей плуты: «Что ты болтаешь, будто ты нас одолела! Нас не могут одолеть даже верховные боги, такие, как Брахман, Вишну и Шива!»

«Хорошо, умные мои господа! — продолжала Кханда, — слушайте дальше. После того как человеческий облик вновь вернулся ко мне, спросила я у царя разрешения разыскать одежду и слуг моих, где бы они ни были. Раздумывая, где бы мне сыскать моих четырех умнейших слуг, пришла я сюда поздно, когда все вы уже собрались здесь. Теперь слушайте: четверо моих верных слуг — это вы, Шаша, Муладева, Элашадха и Кандарика. Разве вы не украли ту одежду, что на вас одета? Если вы отрицаете это, то, как мы условились, устройте мне угощение!» Так унизила и посрамила она четырех славных мошенников, превзойдя их своим умом.

Пришлось им признать: «Только ты одна нанесла нам поражение, нам, мошенникам, прославившимся по всему миру! О распрекрасная Кханда! Ты во всей земле Бхаратов самая способная и опытная мошенница, поразившая нас, мужчин, гордящихся своей мудростью. Поскольку нанесла ты нам поражение своим врожденным умом и проницательностью, просим мы тебя добыть для всех нас еду и питье». Довольна была Кхандапана, что сбила с них мужскую спесь. Согласилась она на их просьбу и сказала, что угостит их подлинно царским пиром.

Пошла она после этого на кладбище, где собрались все роды злых духов, выли шакалы, ухали и стонали совы. Мерзостная слизь, смешанная с кровью, сочилась из трупов, высоко взметались языки пламени от погребальных костров, коршуны и стервятники испускали душераздирающие крики. Отправилась Кханда в этот лес мертвецов, где тела были пронзены и разодраны, внутренности вывалились и ужасающий смрад отравлял воздух. Ей удалось найти труп младенца, недавно оставленного

родителями на кладбище. Она обмыла тельце, обернула его по всем правилам в пеленки и, держа его, как будто он живой, пошла в дом самого богатого купца Удджайини и увидела его восседающего, как всемогущий Индра, и окруженного другими купцами. Взмолилась она: «Я дочь почтенного брахмана и пришла к тебе из-за горя, низвергнутого на мою голову судьбой. Я чужестранка, и нет никого, кто бы помог мне, все меня покинули. Умоляю тебя, дай мне денег, чтобы прокормить мое дитя!»

Очень был занят купец, и было ему недосуг. Рассердился он на ее непрекращающиеся мольбы и требования и велел слугам выгнать ее. Хотя просьбы и мольбы ее были и жалобны и деликатны, тем не менее слуги купца схватили ее и выставили. Тотчас же упала она на землю и начала кричать еще жалостнее и громче: «О сын мой, сын мой! Ты убит этими жестокими людьми, а я надеялась, что дитя станет поддержкой мне в старости! О подлый купец! Как бешеный слон ломает неможное деревцо, так ты убил мою дорогую крошку! О люди, взгляните на этого богатого купца, убившего дитя чистокровной брахманки!» И она била себя в грудь и раздирала одежды и жалобно причитала: «Этот купец разбил чашу для подаяния!» И кричала все громче и громче. Тогда кинулся к ней со всеми своими слугами купец и стал упрашивать ее не шуметь и говорил ей: «Добрая женщина, возьми вот эту мою серьгу! Успокойся и не предавайся так горю! Я дал тебе достаточные средства, и их хватит тебе надолго».

Получив серьгу, Кхандапана немедленно покинула дом купца, унося с собой ребенка, а купец также немедленно почувствовал облегчение, предотвратив с помощью даяния несчастье.

Кхандапана была довольна тем, как она обстряпала это дельце и, бросив младенца на кладбище, отправилась на базар, в ряды золотых дел мастеров и предложила им полученную ею серьгу, усыпанную драгоценными камнями. Радостно распростилась она с серьгой, накупила всяческих яств и наконец устроила пир для всех собравшихся плутов и мошенников, как устраивают для брахманов богатое поминальное угощение.

Нажрались все мошенники до отвала и дружно восхваляли ее: «О Кханда, только ты и преуспеваешь в жизни. Благодаря твоему умению ты одолела в споре опытных и хитроумных мошенников и наормила всех разными прекрасными и обильными яствами и кушаньями».

Истинно сказано: «Высокоученые и мудрые люди не могут сказать столь умное, как иной раз невежественные женщины скажут без всякой подготовки». И правильно сказано еще: «Даже прочитав все шастры и тщательно разобрав их, мужчина не скажет того, что женщина скажет безо всякой подготовки».

На том и конец «Повести о плутах».

ДРАМАТУРГИЯ

ДРАМАТУРГИЯ

БХАСА

«Пригрезившаяся Васавадатта»

ШУДРАКА

«Глиняная повозка». Фрагменты

ВИШАКХАДАТТА

«Перстень Ракшасы». Фрагменты

МАХЕНДАВИКРАМАВАРМАН

«Хмельные забавы»

ВАРАРУЧИ

«Влюбленные». Бхана

Индийскую драматическую традицию, вероятно, можно считать древнейшей. Еще в «Ригведе» фигурируют так называемые самвада, т.е. драматические диалоги. Они, конечно, отрывочны, но сюжетная основа некоторых из них (например, диалог «Пуруравас и Урваши») воспроизводится в более поздних произведениях индийской литературы (например, в «Шатапатхбрахмане» и других). Ведические самвада — первые реальные свидетельства становления драматургии как самостоятельного рода литературы, впоследствии достигающего расцвета в творчестве Ашвагхоши и Калидасы, Шудраки и Бхавабхути, Харши и Вишаххадатты.

Весьма важно влияние довольно рано сложившейся теории драмы, отраженной в трактате «Бхаратия-натьяшастра». Его можно считать учением о построении спектакля, своего рода предвестием работы актера над собой в процессе творческого перевоплощения. Драматургия — одна из наиболее развитых областей литературы народов Индии. Достаточно указать, что к ней принадлежат многочисленные жанры — от высокого жанра вья́га и натака до сатирического жанра прахасана и оригинальнейшего жанра театра одного актера — бана, полемических пьес, представляющих дискуссии о разных конфессиях. В театральных представлениях принимали участие профессиональные актеры, существовал также и театр марионеток, описанный в «Океане сказаний» Сомадевы (XI в.); в нем наряду с обычными куклами применялись и теневые фигуры. Основой сюжетов пьес были эпизоды из эпоса, основой реквизита являлись культовые предметы, маски, особый грим, изготавливаемый из специальных цветных глин.

БХАСА Пригрезившаяся Васавадатта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сутрадхара, распорядитель труппы
 Царь, царь ватсов Удаяна
 Видушак, брахман Васантака, друг Удаяны
 Яугандхараяна, министр Удаяны
 Брахман-ученик из Лаванаки
 Придворный царя Магадхи
 Придворный царя Удджайни, Райбхья
 Два стражника из свиты Падмавати
 Васавадатта, первая жена Удаяны; она же Авантика
 Падмавати, сестра царя Магадхи
 Отшельница
 Служанка Падмавати
 Мадхукарিকা } служанки Падмавати
 Падминика }
 Привратница во дворце Удаяны, Виджая
 Кормилица Падмавати
 Кормилица Васавадатты, Васундхара

ПРОЛОГ

После вступительной церемонии входит сутрадхара.

Сутрадхара

Пусть защитят вас руки Баларамы,
 Окраской схожие с взошедшим новым месяцем,
 Лишь от вина способные стать слабыми,
 Обитель Лакшми, как весна — прекрасные.

А теперь я хочу сообщить почтенной публике... Что это? Только я начал говорить, как мне послышался какой-то шум. Ну что ж, пойду посмотрю...

За сценой: «Посторонитесь, посторонитесь, почтенные! Уступите дорогу!»

Сутрадхара. А, понимаю!

Слуги верные государя Магадхи,
охраняющие царевну,
Даже в этой мирной обители
прогоняют встречных с дороги.
(Уходит.)

Конец пролога

ПЕРВЫЙ АКТ

Входят два стражника.

Стражники. Посторонитесь, посторонитесь, почтенные! Уступите дорогу!

*Входят Яугандахараяна, переодетый странствующим аскетом,
и Васавадатта в одежде горожанки из Аванти.*

Яугандахараяна (прислушиваясь). Как! Даже здесь нужно уступать дорогу?

Достойные почета люди, покой и твердость
в лесу обретшие,
Кору избравшие одеждой, корни — пищей,
объяты ужасом.
Кто этот баловень судьбы, гордыни полный,
лишенный мудрости?
По чьей вине стал тихий лес отшельников
деревней шумною?

Васавадатта. Почтенный, кто это гонит народ?

Яугандахараяна. Тот, кто гонит от себя добродетель, госпожа.

Васавадатта. Я не о том говорю, почтенный! Неужели и меня хотят прогнать?

Яугандахараяна. Госпожа, даже с богами обходятся свысока, если не узнают их.

Васавадатта. Не так усталость гнетет меня, почтенный, как это унижение.

Яугандхараяна. Ты сама, достоправная, отказалась от всего, в чем раньше находила уладу. Поэтому не печалься:

Почет, которым так ты дорожила,
К тебе вернется вновь с победой мужа.
Со временем беду сменяет радость,
Как в ободе колесном спица — спицу.

Стражники. Посторонитесь, почтенные, посторонитесь!

Входит придворный.

Придворный. Остановись, Самбхашака! Не пристало гнать этих людей. Помни:

Не навлекай упреков на царя,
С отшельниками избегай быть грубым.
От унижений жизни городской
Они укрылись, мудрые, в лесу.

Стражники. Слушаемся, почтенный. (*Уходят.*)

Яугандхараяна. Прекрасно! Он выглядит учтивым человеком. Раз так, подойдем к нему, дитя мое.

Васавадатта. Хорошо, почтенный.

Яугандхараяна (*приблизившись*). Привет тебе! Отчего здесь разгоняют народ?

Придворный. Привет тебе, подвижник!

Яугандхараяна (*про себя*). «Подвижник» — поистине превосходное обращение. Оно только непривычно еще для моего слуха.

Придворный. Слушай же! Сюда идет Падмавати, сестра нашего великого царя, которому наставники дали имя Даршака. Она хочет навестить царицу-мать Махадеви, живущую в этой обители, а затем, с позволения достоправной, отправится в Раджагриху. Но сегодняшний день царевна намерена побыть в лесу для покаяния. И потому:

Берите все в лесу, что нужно для обрядов:
Цветы, траву священную, валежник, воду.
Как принято в ее роду, царевна
Чтит добродетельных и долг свой не нарушит.

Яугандхараяна (*про себя*). Вот оно что! Так это и есть Падмавати, царевна Магадхи, которой, по словам Пушпакабхадры и других прорицателей, предстоит стать супругой нашего государя. Воистину

Расположение наше и вражда
всегда от нас самих зависят:

Желая видеть в ней свою царицу,
заранее ее я почитаю.

В а с а в а д а т т а (*про себя*). Лишь только я услышала, что она царевна, как тут же почувствовала к ней сестринскую любовь.

Входит Падмавати со служанкой и в сопровождении свиты.

Служанка. Сюда, сюда, царевна. Войди в обитель.

Навстречу выходит отшельница.

Отшельница. Добро пожаловать, царевна!

Васавадатта (*про себя*). Так вот какова эта царевна! Поистине красота ее не уступает благородству происхождения.

Падмавати. Позволь приветствовать тебя, почтенная.

Отшельница. Долгой тебе жизни! Входи, дитя, входи. Для гостя лесная обитель — собственный дом.

Падмавати. Да будет так, почтенная! Здесь все мне внушает доверие. Благодарю тебя за приветливые слова.

Васавадатта (*про себя*). Приятен не только вид ее, но и голос.

Отшельница (*служанке*). Скажи, милая, нет ли царя, который хотел бы взять в жены сестру нашего благородного повелителя?

Служанка. В Удджайини есть царь Прадьюта; он сватает за нее своего сына.

Васавадатта (*про себя*). Прекрасно! Теперь она кажется мне вдвойне близкой.

Отшельница. Ее красота достойна такой чести. Оба царских рода, как говорят, очень могущественны.

Падмавати (*придворному*). Не встретил ли ты здесь аскетов, которые могли бы удостоить нас своего расположения? Предложи каждому из них выбрать себе дар, какой только ему нужен.

Придворный. Как госпоже угодно. Эй, отшельники, живущие в лесной обители! Слушайте, слушайте, почтенные! Здесь достославная царевна Магадхи. С доверием, порожденным вашим доверием, она, желая услужить добродетели, предлагает вам принять от нее любой дар.

Кто хочет получить кувшин?

Кому одежда нужна достойная?

Кто, ученичества окончив срок,
наставника вознаградить желает?

Царевна, почитая добродетель,
приязни вашей ищет.

Так говорите, что кому угодно,
выбирайте себе по сердцу дар!

Яугандхараяна (*про себя*). Прекрасно! Теперь я знаю, что делать. (*Вслух.*) Почтенный, у меня есть просьба.

Падмавати. Хвала судьбе! Мой приход в лесную обитель не остался бесплодным.

Отшельница. Должно быть, это пришелец; в нашей обители отшельники ни в чем не нуждаются.

Придворный. Чего ты хочешь, почтенный?

Яугандхараяна. Вот моя сестра. Ее муж уехал на чужбину, и я прошу, чтобы высокочтимая госпожа приняла ее на время под свое покровительство.

Не нужны мне мирские улады,
Ни деньги, ни платье,
И не в поисках пропитанья
надел я одежду аскета.
Благородной царевне открыты
пути добродетели,
Так кому, как не ей, я доверю
сестры благочестие!

Васавадатта. О! Почтенный Яугандхараяна хочет меня здесь оставить. Ну что ж! Он и шагу не сделает необдуманно.

Придворный. Госпожа, просьба его поистине чрезмерна. Как можем мы на нее согласиться? Ибо

Не трудно дать богатство, жизнь,
за покаяние награду;
Куда труднее невидимым
владельцу возвратить заклад.

Падмавати. Если сначала дашь обещание, провозгласив: «Кто и чего пожелает?», не подобает затем колебаться. Сделай то, о чем он просит, почтенный.

Придворный. Госпожа ответила так, как ей и пристало.

Служанка. Долгой жизни тебе, царевна! Ты верна своему слову.

Отшельница. Долгой жизни тебе, милая!

Придворный. Я повинуюсь, госпожа. (*Приблизившись к Яугандхараяне.*) Госпожа берет под свое покровительство твою сестру, почтенный.

Яугандхараяна. Благодарю достославную. Дитя, подойди к госпоже.

Васавадатта (*про себя*). Что делать? Я должна идти, злосчастная.

Падмавати. Да будет так! Теперь для меня она все равно, что родная.

Отшельница. Мне кажется по ее виду, будто она тоже царевна.

Служанка. Почтенная говорит правду: я тоже думаю, что она знавала лучшие дни.

Яугандхараяна (*про себя*). Все хорошо. Я снял с себя половину ноши. Как было задумано вместе с министрами, так я и сделал. А позже, когда мой господин укрепитсЯ на троне и я возвращу ему царицу, высококочтимая царевна Магадхи будет за нее поручительницей. Ибо

Предрекшие беду нам подали надежду:
«Падмавати супругой царской станет».
На это уповаю я. Слова провидцев
Бесплодными судьба не оставляет.

Входит брахман-ученик.

Брахман-ученик (*глядЯ вверх*). Полдень. О, как я устал! Где бы мне отдохнуть? (*Обходит сцену.*) А, вижу! Поблизости должен быть лес для покаяния. Непроста здесь

Доверчивы чуткие лани,
не ведают страха и робости,
Деревья ухожены бережно.
их ветви — в плодах и цветах,
Нигде нет полей возделанных,
коровам — раздолье в травах;
И, вижу я, мирно курятся
над жертвенниками дымки.

Войду, пожалуй. (*Входит.*) О! Мне кажется, что эти люди не из обители. (*Глядя в другую сторону.*) Однако здесь есть и отшельники. Беды не будет, если я подойду к ним. Ах, тут и женщины!

Придворный. Входи без стеснения, не бойся! Эта обитель открыта для всех.

Васавадатта. Кто это?

Падмавати. Вот как! Госпожу пугает вид незнакомца. Мне нужно больше заботиться о моей подопечной.

Придворный. Мы прибыли сюда первыми, почтенный. Позволь оказать тебе гостеприимство.

Брахман-ученик (*отпивая воду из пригорошни*). Спасибо, спасибо! Усталости как не бывало.

Яугандхараяна. Откуда ты, почтенный? Куда идешь? Где твой дом?

Брахман-ученик. Слушай, почтенный. Я родом из Раджагрихи, но, изучая веды, я жил в стране ватсов, в селенье по имени Лаванака.

Васавадатта (*про себя*). Ах, Лаванака! При упоминании о ней вновь оживает мое горе.

Яугандхараяна. Закончил ли ты свое обучение?

Брахман-ученик. Нет еще.

Яугандхараяна. Но если ты не кончил обучения, то зачем сюда явился?

Брахман-ученик. Там случилось ужасное несчастье.

Яугандхараяна. Что такое?

Брахман-ученик. В стране ватсов есть царь по имени Удаяна.

Яугандхараяна. Я слышал о достойном Удаяне. Что с ним?

Брахман-ученик. Говорят, что он очень любил свою жену, Васавадатту, дочь царя Аванти.

Яугандхараяна. Возможно. И что же дальше?

Брахман-ученик. Однажды царь отправился на охоту, и в его отсутствие она погибла в Лаванаке во время пожара.

Васавадатта (*про себя*). Нет, нет, неправда! Я жива, несчастная!

Яугандхараяна. Дальше! Дальше!

Брахман-ученик. Пытался ее спасти министр по имени Яугандхараяна, но и он погиб в пламени.

Яугандхараяна. Он в самом деле умер? Дальше! Дальше!

Брахман-ученик. Затем, когда царь возвратился и узнал об их гибели, он пришел в отчаяние. Царь готов был расстаться с жизнью, хотел броситься в тот же огонь, и лишь с большим трудом его удержали министры.

Васавадатта (*про себя*). Знаю, знаю, как привязан ко мне мой господин!

Яугандхараяна. Дальше! Дальше!

Брахман-ученик. Тогда, прижав к себе уцелевшие при пожаре драгоценности, которые раньше украшали царицу, царь лишился чувств.

Все. Ах!

Васавадатта (*про себя*). Теперь почтенный Яугандхараяна может быть доволен.

Служанка. Взгляни, царевна: эта госпожа плачет.

Падмавати. Должно быть, ей не чуждо сострадание.

Яугандхараяна. Да, да. У моей сестры чувствительное сердце. Дальше! Дальше!

Брахман-ученик. Затем он мало-помалу пришел в себя.

Падмавати. Хвала судьбе — он жив! Когда я услышала, что он лишился чувств, сердце мое словно остановилось.

Брахман-ученик. Рыдая, царь надолго припал к земле, и тело его стало серым от пыли. А когда он наконец поднялся, то начал бесвязно причитать: «О Васавадатта!.. О царевна Аванти!.. О милая!.. О дорогая моя ученица!» Что здесь говорить:

Так одинокая не плачет чакравака,

И верные мужья не страдают так в разлуке.

Счастливица! Любимая супругом,
Она, сгорев, жива в его любви.

Яугандхараяна. Скажи, почтенный, неужели никто из министров не пытался его утешить?

Брахман-ученик. Есть там министр по имени Руманват. Он прилагает много стараний, чтобы успокоить своего господина. Он

Пищу, как царь, отвергает, лицо от слез похудело,
Горе царя разделяя, о теле оставил заботу.
Ночью и днем усердно готов он служить гоподину,
Если бы умер вдруг царь, и он бы с ним вместе умер.

Васавадатта (*про себя*). Хвала судьбе! Царь теперь в надежных руках.

Яугандхараяна (*про себя*). Да, великую ношу возложил на себя Руманват. Ибо

Свою могу я ношу облегчить —
он и на миг не может.
Ведь от кого зависит государь,
на свете все зависит.

(*Вслух.*) Скажи, почтенный, утешился ли наконец царь?

Брахман-ученик. Этого я не знаю. Царь то и дело восклицал, рыдая: «Здесь я смеялся вместе с нею... здесь я с ней разговаривал... здесь мы проводили время... здесь ссорились... здесь спали...» — и с превеликим трудом уговорили его министры покинуть Лаванаку. А когда царь отбыл, деревня утратила свою прелесть, словно небо, лишившееся звезд и луны. Тогда и я ушел оттуда.

Отшельница. Поистине этот царь исполнен достоинств, раз даже пришлый человек так хвалит его.

Служанка. Как ты думаешь, царевна, суждено ли другой женщине стать его супругой?

Падмавати (*про себя*). Будто не она, а мое сердце спросило об этом.

Брахман-ученик (*придворному и Яугандхараяне*). Позвольте проститься с вами. Я должен идти.

Оба. Ступай, и да сбудутся твои желания!

Брахман-ученик. Спасибо. (*Уходит.*)

Яунгдхараяна. Ну что ж. Я тоже хотел бы уйти, с дозволения высококочтимой царевны.

Придворный. Он хочет уйти с твоего дозволения, достославная.

Падмавати. Сестра господина будет скучать без него.

Яугандхараяна. На попечении добрых людей она не будет скучать. (*Придворному.*) Так я пойду.

Придворный. Иди, господин. До новой встречи.
Яугандхараяна. Надеюсь, что так и будет. (*Уходит.*)
Придворный. Пора войти в обитель.
Падмавати. Позволь приветствовать тебя, госпожа.
Отшельница. Желаю тебе найти достойного мужа, дитя мое.
Васавадатта. И я тебя приветствую, госпожа.
Отшельница. И тебе желаю поскорее встретиться с мужем.
Васавадатта. Благодарю тебя.
Придворный. Так идемте же. Сюда, сюда, госпожа. Взгляните:

Птицы в гнезда вернулись, мудрецы омовенье свершают,
Светятся всюду огни, дымом наполнилась роща.
Солнце, лучи подобрав, спускается медленно с неба
И, повернув колесницу, садится на гору Заката.

Все уходит.

Конец первого акта

ВТОРОЙ АКТ

Входит служанка.

Служанка. Кунджарика! Кунджарика! Где царевна Падмавати? Что ты говоришь? «Царевна играет в мяч неподалеку от беседки из кустов жасмина?» В таком случае пойду к ней. (*Обходит сцену и всматривается.*) А вот и царевна. Она и в самом деле играет в мяч, серьги прыгают у нее в ушах, но ее лицо, хотя оно и выглядит усталым, а от напряжения на нем выступили капли пота, по-прежнему прекрасно. Иду к ней. (*Уходит.*)

Конец интермедии

*Входит, играя в мяч, Падмавати
в сопровождении Васавадатты и свиты.*

Васавадатта. Дорогая, вот твой мяч.
Падмавати. Пожалуй, пора уже кончать, госпожа.
Васавадатта. Ты слишком долго играла, дорогая, и руки твои так покраснели, как будто они принадлежат не тебе, а другому.
Служанка. Играй, играй, царевна. Пока еще можно, наслаждайся чудесной порой своего девичества.
Падмавати. Отчего, госпожа, ты смотришь на меня будто с усмешкой?

Васавадатта. Нет, нет, дорогая. Сегодня ты особенно красива, и мне кажется, что твое прекрасное лицо мелькает передо мной повсюду.

Падмавати. Уйди, не смейся.

Васавадатта. Молчу, о будущая невестка Махасены!

Падмавати. Кто такой этот Махасена?

Васавадатта. Он царь Удджайини. Настоящее его имя Прадбхота, но его войско настолько могуче, что он получил прозвище Махасена.

Служанка. Царевна и не думает породниться с этим государем.

Васавадатта. А кто ж ей тогда мил?

Служанка. Есть царь в стране ватсов по имени Удайна. Это его достоинства пленили царевну.

Васавадатта (*про себя*). Царевне нравится мой собственный супруг. (*Вслух.*) Какие же эти достоинства?

Служанка. У него доброе сердце.

Васавадатта (*про себя*). Знаю, знаю. И та, другая, полюбила его потому же.

Служанка. Царевна, а что, если этот царь уродлив?

Васавадатта. Нет, нет, он прекрасен!

Падмавати. Откуда ты это знаешь, госпожа?

Васавадатта (*в сторону*). Из-за любви к супругу я чуть было не выдала себя своим поведением. Что же делать? Пожалуй, вот как отвечу. (*Вслух.*) Так говорят, дорогая, жители Удджайини.

Падмавати. Верно. В Удджайини он всем известен. А красота по сердцу любому человеку.

Входит кормилица.

Кормилица. Слава царевне! Царевна, ты сосватана.

Васавадатта. За кого, госпожа?

Кормилица. За Удайна, царя ватсов.

Васавадатта. Здоров ли царь?

Кормилица. Здоров. Он сам сюда прибыл, и вот ему обещана рука царевны.

Васавадатта. О горе!

Кормилица. В чем же здесь горе?

Васавадатта. Нет, нет, ни в чем. Но только что он так страдал, а теперь утешился.

Кормилица. Сердца больших людей, госпожа, подвластны долгу и переменчивы.

Васавадатта. Сам ли он ее выбрал, почтенная?

Кормилица. Нет, он явился сюда с иной целью. Это великий царь отдал ему царевну, убедившись в его благородстве, знаниях, молодости и красоте.

Васавадатта (*про себя*). В таком случае тут нет вины моего супруга.

Входит другая служанка.

Служанка. Скорей, скорей, госпожа. Сейчас счастливое расположение звезд, и наша царица хочет, чтобы помолвка состоялась сегодня же.

Васавадатта (*про себя*). Чем больше она торопится, тем больше страдает мое сердце.

Кормилица. Идем, идем, царевна.

Все уходят.

Конец второго акта

ТРЕТИЙ АКТ

Входит Васавадатта, погруженная в размышления.

Васавадатта. Я покинула Падмавати на женской половине дворца, где все веселятся в предвкушении свадьбы, и пришла одна в этот парк. Как хочется развеять ниспосланную мне судьбой муку! (*Обходит сцену.*) Какое горе — мой муж принадлежит другой! Счастливица чакравака: она умирает, разлучившись с любимым. А я, злосчастная, не могу решиться на это и живу надеждой вновь увидеть своего супруга.

Входит служанка с цветами в руках.

Служанка. Куда же ушла эта госпожа Авантика? (*Обходит сцену и осматривается.*) А, вот она... С отсутствующим видом, поглощенная своими мыслями, словно серп луны, скрытый туманом, в платье красивом, но без единого украшения, она сидит на каменной скамье, увитой плющом. Попробую подойти к ней. (*Приближается.*) Госпожа Авантика, как долго я тебя искала!

Васавадатта. Зачем?

Служанка. Наша царица говорит, что ты благородного происхождения, добра и умна. Не могла бы ты, госпожа, сплести из этих цветов свадебную гирлянду?

Васавадатта. Для кого же нужно ее сплести?

Служанка. Для нашей царевны.

Васавадатта (*в сторону*). И это должна сделать я! Увы, боги ко мне безжалостны.

Служанка. Не время думать о чем-то другом, госпожа. Царский зять уже совершает омовение в бассейне, выложенном драгоценными камнями. Примись же поскорей за гирлянду!

Васавадатта (*про себя*). Ни о чем другом я и не могу думать.
(*Вслух.*) Видела ли ты зятя царя, милая?

Служанка. Да, я глянула на него из любви к царевне и, признаться, по собственному любопытству.

Васавадатта. Как же он выглядит?

Служанка. Я так отвечу, госпожа: подобного ему я раньше не встречала.

Васавадатта. Скажи, милая, он красив?

Служанка. Он все равно что бог Кама, только без стрел и лука.

Васавадатта. Довольно!

Служанка. Отчего ты меня останавливаешь?

Васавадатта. Не подобает слушать похвалы чужому мужу.

Служанка. Тогда начни поскорей плести гирлянду.

Васавадатта. Я сразу же и начну. Дай мне цветы.

Служанка. Бери, госпожа.

Васавадатта (*разбирая и рассматривая цветы*). Как называется эта трава?

Служанка. «Хранящая-от-вдовства».

Васавадатта (*про себя*). Ее нужно вплести побольше и ради Падмавати, и ради меня. (*Вслух.*) А эта трава как называется?

Служанка. «Убивающая-соперницу».

Васавадатта. Ее я не буду вплетать.

Служанка. Почему?

Васавадатта. В ней нет нужды: жена царя умерла.

Входит другая служанка.

Служанка. Скорей, скорей, госпожа! Замужние женщины уже ведут царского зятя на половину невесты.

Васавадатта. Вот, возьми!

Служанка. Превосходно! Я пойду, госпожа.

Обе служанки уходят.

Васавадатта. Ушли. Какое несчастье — мой муж принадлежит другой! Пойду лягу; может быть, если удастся уснуть, горе мое утихнет.
(*Уходит.*)

Конец третьего акта

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Входит видушака.

Видушака *(радостно)*. Эгей! Милостью судьбы мне довелось дожить до благословенной, желанной счастливой свадьбы достославного царя ватсов. Кто мог подумать, что, брошенные в такой водоворот несчастий, мы снова всплывем? Теперь я живу во дворце, купаюсь в прудах на женской его половине, ем лакомства, сладкие и деликатные, — словом, я блаженствую, будто поселился в небесных садах, правда лишенных апсар. Одна только великая беда: пища плохо переваривается. На ложе, покрытом мягкими простынями, и то уснуть не могу. Все мне кажется, что внутренности мои переворачиваются. Нет, коли уж нападёт на тебя немочь и тебе не до завтрака — это не счастье.

Входит служанка.

Служанка. Куда же делся этот Васантака? *(Обходит сцену и осматривается.)* А вот и он... *(Приблизившись.)* Почтенный Васантака, как долго я тебя ищу!

Видушака *(заметив ее)*. Зачем же, милая, ты меня ищешь?

Служанка. Царица спрашивает, кончил ли царский зять омовение?

Видушака. А почему она спрашивает об этом?

Служанка. Потому что тогда мне нужно принести ему цветы и притирания.

Видушака. Достославный уже умылся. Неси, госпожа, все... но только не еду.

Служанка. Отчего же ты против еды?

Видушака. У меня, несчастного, такое коловращение в брюхе, будто там вертятся глаза кукушки.

Служанка. Поделом тебе!

Видушака. Ступай, ступай! Да и я, пожалуй, пойду к моему господину.

Оба уходят.

Конец интермедии

Входят Падмавати со свитой и Васавадатта, одетая в платье горожанки из Аванти.

Служанка. Зачем царевна изволила прийти в этот парк для увеселений?

Падмавати. Я хочу посмотреть, милая, на кусты шепхалики: расцвели они или нет.

Служанка. Расцвели, царица, и цветы на них словно гроздь жемчужин, усыпанных кораллами.

Падмавати. Так что же медлишь, милая? Нарви их.

Служанка. Присядь на минутку сюда, на каменную скамью, царица, а я тем временем соберу цветы.

Падмавати (*Васавадатте*). Не хочешь ли присесть, госпожа?

Васавадатта. Как тебе угодно.

Обе садятся.

Служанка (*собирая цветы*). Взгляни, взгляни, царица! Ладони мои полны цветов шепхалики, подобных крупинкам красной серы.

Падмавати. Ах, как разнообразны краски этих цветов! Взгляни, взгляни, госпожа!

Васавадатта. О, как прекрасны эти цветы!

Служанка. Довольно ли я собрала, царица?

Падмавати. Да, милая, больше не собирай.

Васавадатта. Отчего ты остановила ее, дорогая?

Падмавати. Я хочу, чтобы мой супруг, когда он придет сюда, смог тоже полюбоваться обилием цветов.

Васавадатта. Так ты любишь своего мужа, дорогая?

Падмавати. Не знаю, госпожа. Но когда его нет рядом, у меня тяжело на сердце.

Васавадатта (*в сторону*). Как горька моя участь! Ведь я могла бы сказать то же самое.

Служанка. Как благородно говорит царица о своей любви к мужу!

Падмавати. Впрочем, есть у меня одно сомнение.

Васавадатта. Какое?

Падмавати. Так же, как и мне, дорог был мой супруг высокочтимой Васавадатте?

Васавадатта (*про себя*). Ох, из любви к супругу я чуть было не выдала себя своим поведением. Пожалуй, вот как отвечу. (*Вслух.*) Если бы она любила меньше, то не покинула бы ради него своих близких.

Падмавати. Наверное, ты права.

Служанка. Царица, не сказать ли тебе мужу, что ты тоже хочешь научиться играть на лютне?

Падмавати. Я уже говорила.

Васавадатта. И что он ответил?

Падмавати. Он ничего не ответил и молчал, глубоко вздыхая.

Васавадатта. Что же ты думаешь об этом?

Падмавати. Я думаю, что, когда он вспомнил о благородной Васавадатте, только воспитанность удержала его от слез.

Васавадатта (*в сторону*). Я счастлива, если это так.

Входят царь и видушака.

Видушака. О! Как прекрасен этот парк для увеселений! Повсюду он усыпан цветами, которые кто-то уронил, собирая с кустов. Пожалуйста сюда, мой господин.

Царь. Иду, друг Васантака.

Когда в Удджайини, смятенный, встретил
я дочь царя Аванти,
Пятью своими стрелами мне сердце
пронзил из лука Кама —
Еще сегодня кровоточит оно.
И вот я снова ранен!
Пять только стрел есть, говорят, у Камы.
Откуда взялась шестая?

Видушака. Куда же скрылась высокочтимая Падмавати? Может быть, она в беседке из лиан? Или же у каменной плиты, прозванной «Жемчужиной холма» и усыпанной цветами асаны, будто ее покрыли тигровой шкурой? Или в пахучих зарослях можжевельника? А может быть, она на деревянной горке, украшенной резными изображениями животных и птиц? (*Глядя вверх.*) Взгляни, господин, на эту цепочку журавлей в чистом осеннем небе. Они летят в ряд, прекрасные, как белые руки Баларама.

Царь. Я вижу, друг.

То слившись в линию, то разделяясь,
то поднимаясь вверх, то опускаясь,
То изгибая строй на поворотах,
Большой Медведицы подобны звездам,
Они летят и будто разрезают
своим полетом надвое гладь неба,
Такого чистого и нежного, как тело
змеи, освободившейся от кожи.

Служанка. Взгляни, взгляни, царевна! Эта цепочка журавлей, летящих друг за другом, прекрасна, словно гирлянда белых лотосов. Ах, вот и царь!

Падмавати. О, мой супруг! Госпожа, чтобы тебя не смущать, попробуем от него скрыться. Войдем в эту беседку из лиан.

Васавадатта. Как тебе угодно.

Входят в беседку.

Видушака. Высокочтимая Падмавати, должно быть, была здесь и ушла.

Царь. Откуда ты знаешь?

Видушак а. А ты взгляни, господин, на кусты шепхалики, с которых кто-то недавно нарвал цветов.

Цар ь. Ах, как разнообразны краски этих цветов, Васантака!

Васавадатта (*про себя*). Когда он сказал «Васантака», мне показалось, что я снова в Удджайини.

Цар ь. Васантака, сядем здесь на каменную скамью и подождем Падмавати.

Видушак а. Что ж, сядем. (*Садится и тут же встает.*) Ну и жара этой осенью, солнце палит невыносимо. Пойдем лучше вон в ту беседку из лиан.

Цар ь. Хорошо. Иди первым.

Видушак а. Как тебе угодно.

Обходят сцену.

Падмавати. Почтенному Васантаке не терпится все расстроить. Что нам делать?

Служанк а. Царевна, я попробую задержать господина: потрясу эту свесившуюся лиану, которую облепили пчелы.

Падмавати. Попробуй.

Служанка трясет лиану.

Видушак а. Ой, ой! Стой, господин, стой!

Цар ь. Что случилось?

Видушак а. Меня искушали эти ублюдки пчелы.

Цар ь. Не смей так говорить! Пчел не нужно бояться. Смотри:

Эти пчелы, опьянев от меда,
к своим милым льнут в порыве страсти;
Вспугнутые нашими шагами,
как и мы, они их вдруг лишатся.

Давай-ка присядем здесь.

Видушак а. Как тебе угодно.

Оба садятся.

Служанк а. Царевна, мы оказались в ловушке.

Падмавати. К счастью, мой супруг сел.

Васавадатта (*про себя*). К счастью, мой супруг выглядит здоровым.

Служанк а. Смотри, царевна, глаза госпожи полны слез.

Васавадатта. Они стали влажными от пыльцы цветов куши, которую подняли в воздух эти неистовые пчелы.

Падмавати. Я вижу.

Видушак а. Господин, парк для увеселений совсем пуст. Я хотел бы спросить тебя кое о чем. Можно задать вопрос?

Царь. Как хочешь.

Видушака. Кто более тебе дорог: царица Васавадатта прежде или Падмавати теперь?

Царь. Зачем ты вынуждаешь меня обидеть одну из тех, кого я почитаю всем сердцем?

Падмавати. В каком трудном положении мой муж, дорогая!

Васавадатта (*про себя*). А я — как несчастная!

Видушака. Говори смело, господин. Одна умерла, другой нет близости.

Царь. Нет, друг, я не хочу говорить. Ты болтлив.

Падмавати. Но этим мой супруг сказал уже многое.

Видушака. Клянусь правдой, господин! Я никому ни слова не сболтну, скорее откушу себе язык.

Царь. Друг, я не решаюсь.

Падмавати. Ах, как он назойлив! Видно, он плохо знает сердце своего господина.

Видушака. Не хочешь говорить? Что же, в таком случае ты и шаг не отойдешь от этой скамьи: я не пущу тебя!

Царь. Как? Силой?

Видушака. Да, силой!

Царь. Это мы еще посмотрим!

Видушака. Будь великодушен, господин, будь великодушен! Ты мне не друг, если не скажешь правды.

Царь. Что поделаешь? Хорошо, слушай:

За красоту, за ум, за нежность
я чту Падмавати всем сердцем...

Нет, сердцем — нет! Оно, как прежде,
принадлежит Васавадатте.

Васавадатта (*про себя*). Вот она, вот награда за мои страдания! Жить неузнанной, оказывается, не так плохо!

Служанка. Твой муж, царица, не очень учтив.

Падмавати. Нет, милая, мой супруг поистине учтив, если он и сейчас помнит достоинства Васавадатты.

Васавадатта. Твои слова, дорогая, подобают твоему высокому роду.

Царь. Я ответил. А сейчас ты мне скажи, кто тебе дороже: Васавадатта прежде или Падмавати теперь?

Падмавати. Мой супруг поменялся ролями с Васантакой.

Видушака. Что толку в моей болтовне? Обе достославные госпожи высоко чтимы мною.

Царь. Глупец! Ты насильно принудил меня говорить, а сам отвечать не хочешь?

Видушака. Может быть, ты тоже прибегнешь к силе?

Царь. Почему бы и нет, прибегну.

Видушака. Раз так, ничего и не услышишь.

Царь. Смилуйся, смилуйся, великий брахман! Скажи по собственной воле.

Видушака. Тогда, господин, слушай! Я всей душой почитал царицу Васавадатту. Царевна Падмавати, конечно, молода, красива, добра, скромна, сладкоречива и благо нравна. Но у Васавадатты было еще одно большое достоинство: она потчевала меня сладостями и беспокоилась: «Куда же пропал благородный Васантака?»

Васавадатта. Так, так, Васантака! Ты еще помнишь меня.

Царь. Так, так, Васантака! Я все расскажу царице Васавадатте.

Видушака. Откуда Васавадатта? Где Васавадатта? Васавадатта давно уже умерла.

Царь (печально). Ты прав, Васавадатты нет больше.

Ты шутками и болтовней своею

смутил мой разум,

И вырвались невольно те слова,

что говорил я прежде.

Падмавати. Учтивая беседа была испорчена невежей.

Васавадатта (про себя). Пусть так, но я утешена. Как хорошо, что незаметно для них я слышала весь их разговор!

Видушака. Мужайся, мужайся, господин! Судьба неумолима. Так и теперь...

Царь. Друг, ты не хочешь понять меня.

Трудно забыть любовь, владевшую нами;

А вспоминая ее, сильнее чувствуешь горе.

Памяти долг можно выплатить только слезами,

Только от слез спокойней становится сердце.

Видушака. Лицо государя мокро от слез. Я принесу воды умыться. (Уходит.)

Падмавати. Госпожа, слезы залили лицо моего супруга, словно прикрыв его вуалью. Не попытаться ли нам уйти?

Васавадатта. Пожалуй... Нет, ты оставайся. Тебе не следует покидать мужа в такой печали. Я уйду одна.

Служанка. Госпожа верно говорит. Подойди к нему, царевна.

Падмавати. Ты думаешь, подойти?

Васавадатта. Конечно, милая. (Сказав это, уходит.)

Видушака (*держа в руках лист лотоса с водой*). О, достославная Падмавати!

Падмавати. Что случилось, почтенный Васантака?

Видушака. Э-э... это, то есть, то...

Падмавати. Говори же, почтенный!

Видушака. Видишь ли, госпожа. В глазах государя попала пыльца куши, принесенная ветром, и потому лицо его залили слезы. Возьми, госпожа, эту воду, чтобы смыть их.

Падмавати (*про себя*). У учтивого господина и слуга учтивый. (*Приблизившись.*) Победа моему супругу! Вот вода умыть лицо.

Царь. Падмавати! (*Видушаке.*) Васантака, это она?

Видушака (*шепотом*). Как будто да.

Царь. Спасибо, Васантака, спасибо. (*Ополоснув лицо.*) Присядь, Падмавати.

Падмавати. Как прикажешь, супруг мой.

Царь. Падмавати!

Меня заставил плакать ветер.

С цветов садовых

Он бросил мне в глаза пыльцу,
как месяц белую.

(*Про себя.*)

Не буду юную жену печалить

я правдой горькою.

Ведь, как ни стоек женский разум,
сердца их хрупки.

Видушака. Достославный царь Магадхи пожелал сегодня после полудня встретиться с тобою в кругу друзей. Почет, принятый с почетом, всегда рождает приязнь. Нужно идти, господин.

Царь. Ты прав. Это мой первейший долг. (*Вставая.*)

Людей достойных и гостеприимных
ты без труда отыщешь в этом мире;

Куда труднее встретить человека,
который бы ценил таких людей.

Все уходят.

Конец четвертого акта

ПЯТЫЙ АКТ

Входит Падминика.

Падминика. Мадхукарика, Мадхукарика! Иди скорее сюда.

Входит Мадхукарика.

Мадхукарика. Вот я, подружка. В чем дело?

Падминика. Разве ты не знаешь, подружка, что царица Падмавати мучается головной болью?

Мадхукарика. Какая жалость!

Падминика. Ступай скорее, милая, и позови госпожу Авантику. Впрочем, если ты скажешь ей, что у царицы болит голова, она сама придет.

Мадхукарика. А что она сможет сделать, подружка?

Падминика. Она расскажет царице забавные истории и, думаю, облегчит ее страдания.

Мадхукарика. Верно. А где приготовили постель для царицы?

Падминика. Постель ей приготовили в «Морском павильоне». Иди же. А я постараюсь разыскать почтенного Васантаку, чтобы он дал знать своему господину.

Мадхукарика. Я все сделаю. (*Уходит.*)

Падминика. Где же мне найти почтенного Васантаку?

Входит видушак.

Видушак. Сегодня в сердце достопочтенного царя ватсов, удрученном потерей царицы, повсюду разгорелся пожар любви. А торжественная и радостная церемония обручения с Падмавати еще больше разожгла пламя. (*Заметив Падминика.*) Эй, Падминика, Падминика, что нового?

Падминика. Разве ты не знаешь, почтенный Васантака, что царица Падмавати мучается головной болью?

Видушак. Я в самом деле не знаю, госпожа.

Падминика. Так извести об этом государя, а я поспешу принести лечебную мазь.

Видушак. Где приготовили постель для Падмавати?

Падминика. Постель приготовили в «Морском павильоне».

Видушак. Иди же, госпожа. А я дам знать государю.

Уходят.

Конец интермедии.

Царь.

С недавних пор я снова связан брака узами
Но не могу забыть царя Аванти дочери.

Не пощадило пламя ее тело нежное,
Как не щадит мороз прекрасный лотос.

Входит в и д у ш а к а .

В и д у ш а к а . Скорее, господин, скорее!

Ц а р ь . Что случилось?

В и д у ш а к а . Царица Падмавати мучается головной болью.

Ц а р ь . От кого ты узнал об этом?

В и д у ш а к а . Мне сказала Падминика.

Ц а р ь . Увы, увy!

Лишь только обрел я вновь супругу прекрасную
И будто стала слабеть печаль по царице,
Как новым ударом судьба угрожает безжалостно:
Неужто участи той же не избежать и Падмавати?

Где же мне найти Падмавати?

В и д у ш а к а . Говорят, ей приготовили постель в «Морском павильоне».

Ц а р ь . Так покажи мне туда дорогу.

В и д у ш а к а . Иди за мной, господин. *(Оба обходят сцену.)* Вот «Морской павильон». Входи, господин.

Ц а р ь . Входи первым.

В и д у ш а к а . Ладно. *(Войдя.)* Ой, ой! Стой, господин, стой!

Ц а р ь . Что случилось?

В и д у ш а к а . Вон там, на полу, змея извивается. Я разглядел ее при свете лампы.

Ц а р ь *(входит и, осмотревшись, смеется)*. Змея тебе, дураку, помешалась.

У притолоки здесь висел венок цветочный,
Он развязался и свалился на пол;
Когда же шевельнул его легонько ветер,
Тебе, глупец, змея почудилась со страху.

В и д у ш а к а *(всматриваясь)*. Ты прав, господин. В самом деле, это не змея. *(Входит и оглядывается.)* Достославная Падмавати, должно быть, была здесь и ушла.

Ц а р ь . Нет, друг. Она, наверное, и не приходила.

В и д у ш а к а . Откуда ты знаешь?

Ц а р ь . А что здесь знать! Смотри:

Постель не тронута, на покрывале —
ни бугорка, ни вмятины,

Бела подушка, от целебных мазей
Не видно пятен,
На стенах нет картин и украшений,
приятных взору,
Да и едва ли сам больной так быстро
покинет ложе.

Видушак а. В таком случае пусть государь приляжет здесь на несколько минут и подождет ее.

Цар ь. Хорошо. *(Ложится.)* Друг, меня клонит ко сну. Расскажи какую-нибудь историю.

Видушак а. Изволь, расскажу. Только подай знак, государь, когда захочешь слушать.

Цар ь. Рассказывай!

Видушак а. Есть город по названию Удджайини. В нем, говорят, имеются превосходные купальни.

Цар ь. Как? Удджайини?

Видушак а. Если тебе не нравится этот рассказ, слушай другой.

Цар ь. Нет, друг, дело не в рассказе.

Но вспомнилась мне дочь царя Аванти,
Как из дому она со мной бежала
И, плача по покинутой родне,
К груди моей прильнула со слезами.

И еще:

Когда, играя на лютне, она
глаз с меня не спускала,
В воздухе вдруг застывала рука,
струны лютни теряя.

Видушак а. Ладно, расскажу что-нибудь другое. Есть город по названию Брахмадатта. В нем, говорят, был царь по имени Кампиля...

Цар ь. Как, как?

Видушак а. *(повторяет то же самое.)*

Цар ь. Невежда! Тебе надо было сказать: царь Брахмадатта и город Кампиля.

Видушак а. Неужели? Царь Брахмадатта и город Кампиля?

Цар ь. Вот именно.

Видушак а. Тогда погоди немного, господин, пока я как следует затвержу это. Царь Брахмадатта, город Кампиля... Царь Брахмадатта, город Кампиля... *(Повторяет несколько раз.)* Теперь слушай! Да что же это? Он заснул. Становится довольно холодно. Пойду принесу себе плащ. *(Уходит.)*

Входят Васавадатта в платье горожанки из Аванти и служанка.

Служанка. Идем, госпожа, идем. Царевну измучила головная боль.

Васавадатта. Увы, увы! Где приготовили постель для Падмавати?

Служанка. Говорят, что в «Морском павильоне».

Васавадатта. Так води меня туда.

Обходят сцену.

Служанка. Вот «Морской павильон». Войди, госпожа. А я поспешу принести целебную мазь. *(Уходит.)*

Васавадатта. Как боги безжалостны ко мне! Теперь заболела Падмавати, которая поистине стала утешением для страдающего в разлуке со мной супруга. Войду, пожалуй. *(Входит и осматривается.)* О не-радивые слуги! Они покинули больную, оставив ее наедине с лампой. А вот и Падмавати; она, видно, уснула. Не присесть ли мне? Но если я сяду поодаль, будет казаться, что я не очень к ней привязана. Поэтому сяду-ка я к ней на ложе. *(Садится.)* Отчего, как только я села с нею рядом, сердце мое наполнилось блаженством? К счастью, ее дыхание спокойно и ровно. Должно быть, болезнь оставила ее. Царевна занимает лишь половину постели и словно бы просит обнять себя. Прилягу, пожалуй, и я. *(Изображает сон.)*

Царь *(воскликает во сне)*. О Васавадатта!

Васавадатта *(сразу поднимаясь)*. Ах, это супруг мой, я не Падмавати! Что, если он увидит меня и, конечно, узнает? Тогда тяжкий обет благородного Яугандхараяны окажется бесплодным.

Царь. О дочь царя Аванти!

Васавадатта. К счастью, мой господин грезит. Здесь нет никого. Что, если я останусь ненадолго и порадую себе взор и сердце?

Царь. Милая! Дорогая моя ученица! Ответь мне.

Васавадатта. Я говорю с тобою, супруг мой, говорю.

Царь. Ты сердишься?

Васавадатта. Нет, нет, мне просто грустно.

Царь. Если не сердишься, то отчего на тебе нет украшений?

Васавадатта. Что изменилось бы от них?

Царь. Не припомнила ли ты мне Вирачику?

Васавадатта *(гневно)*. Довольно! И здесь о Вирачике!

Царь. Прости мне ее. *(Протягивает к ней руки.)*

Васавадатта. Я пробыла здесь слишком долго. Что, если кто-нибудь меня увидит! Уйду поскорей. Ах, рука моего господина свесилась вниз: положу ее на постель и пойду. *(Делает, как сказала, и уходит.)*

Царь *(сразу поднимаясь)*. Стой, Васавадатта, стой! О горе!

Я, кинувшись ей вслед поспешно,
ударился о створку двери

И сам теперь не знаю: наяву
или во сне ее я видел.

Входит видушака.

Видушака. О, государь проснулся!

Царь. Друг, слушай радостную весть: Васавадатта жива!

Видушака. Откуда Васавадатта? Где Васавадатта? Васавадатта давно уже умерла.

Царь. Нет, нет, друг.

Я спал здесь, и она ушла, как только я проснулся.

Руманват мне солгал: царица не сгорела!

Видушака. Увы, это невозможно! Когда я упомянул о купальнях в Удджайини, ты, должно быть, начал думать о царице и вот увидел ее во сне.

Царь. Так это был сон?

Если видел я сон, счастьем было бы не просыпаться;

Если грезил я наяву, не хочу, чтобы кончилась греза!

Видушака. Послушай, друг. В этом городе, говорят, живет якшини по имени Авантисундари. Уж не ее ли ты видел?

Царь. Нет, нет.

Когда я взглянул на нее, на лице ее не было краски

И волосы были распущены, как положено женам в разлуке.

И еще, смотри, друг, смотри:

Испугавшись, царица невольно мне руку пожала, —

Волоски на руке до сих пор еще не опустились.

Видушака. Брось, господин, свои фантазии! Пойдем лучше на женскую половину дворца.

Входит придворный.

Придворный. Победа государю! Наш великий царь Даршака приказал сообщить тебе: «С могучим войском прибыл сюда, чтобы напасть на Аруни, твой министр Руманват. Готова к бою и моя победоносная армия: слоны, кони, колесницы и пешие воины. Ты можешь выступить, господин. И еще:

Враги в смятенье; зная твою доблесть,

народ воспрянул духом;

Не угрожают дальнему походу

волнения и смуты;

Для полного врагов твоих разгрома
я не щадил усилий.
Пересеки в трех направленьях Ганг —
и ты владыка ватсов!»

Ц а р ь (*вставая*). Прекрасно!

Я с Аруни, в злодействах искушенным,
сойдусь на поле боя.
Подобна океану будет битва,
ливень стрел напомнит
Шум волн могучих; царскими слонами,
конями боевыми
Я вскоре этот океан заполню
и потоплю врага!

Все уходят.

Конец пятого акта

ШЕСТОЙ АКТ

Входит придворный.

Придворный. Эй, кто здесь на страже у Золотого портала?

Входит привратница.

Привратница. Это я, почтенный, Виджая. В чем дело?

Придворный. Госпожа, уведоми поскорей Удаяну — да не оставит его удача впосле освобождения царства ватсов, — что от Махасены прибыл придворный по имени Райбхья, а вместе с ним Васундхара, кормилица Васавадатты, присланная царицей Ангаравати. Оба просят принять их.

Привратница. Сейчас не время и не место для приема, почтенный.

Придворный. Почему не время и не место?

Привратница. Слушай, почтенный. Сегодня перед дворцом государя кто-то играл на лютне. Государь услышал и сказал: «Мне кажется, я слышу звуки Гхошавати».

Придворный. И что же дальше?

Привратница. Тогда пошли к этому человеку и спросили: «Откуда у тебя лютня?» Он ответил: «Я нашел ее в зарослях тростника на берегу Нармады. Если она нужна государю, возьмите ее». Когда лютню принесли и государь возложил ее себе на колени, он лишился чувств.

Затем, очнувшись, с лицом, залитым слезами, он проговорил: «Тебя я вижу, Гхошавати, а ее не могу увидеть». Вот почему, почтенный, время сейчас неподходящее. Как я явлюсь к государю с докладом?

Придворный. И все-таки, госпожа, доложи. Ведь мое поручение как раз касается беды государя.

Привратница. Ну что ж, доложу, почтенный. Вот государь выходит из дворца. Сейчас доложу ему.

Придворный. Хорошо, госпожа.

Оба уходят.

Конец интермедии

Входят царь и видушака.

Царь.

Звучащая сладко, ты раньше покоилась
На бедрах царицы, касаясь груди ее.
Теперь, перепачканная нечистотами,
Ты в чаще лесной оказалась, несчастная.

И еще. Ты непостоянна, Гхошавати. Ты забыла о бедной Васавадатте.

Как бережно тебя она держала на коленях,
Как, уставая, прижимала к сердцу,
Как плакала, когда мы разлучались,
Как, перестав играть, шутила и смеялась!

Видушака. Брось, господин, так себя мучить.

Царь. Нет, друг, нет.

Мою любовь, дремавшую так долго,
Гхошавати внезапно пробудила,
Но нет со мной — увы! — моей царицы,
которая любила эту лютню.

Васантака, пусть искусный ремесленник приведет лютню в порядок и поскорей мне ее возвратит.

Видушака. Как прикажешь, господин.

Взяв лютню, уходит. Входит привратница.

Привратница. Победа государю! Там, у входа, дожидаются приема придворный Махасены Райбхья и почтенная Васундхара, кормилица Васавадатты, присланная царицей Ангаравати.

Царь. Раз так, позови сюда Падмавати.

Привратница. Как прикажет государь. (*Выходит.*)

Царь. Откуда Махасена так быстро узнал о случившемся?

Входят Падмавати и привратница.

Привратница. Сюда, сюда, царевна.

Падмавати. Победа моему супругу!

Царь. Падмавати, слышала ли ты, что к нами прибыли придворный Махасены Райбхья и кормилица Васавадатты Васундхара, которую прислала царица Ангаравати? Они просят принять их.

Падмавати. Я рада буду, супруг мой, услышать добрые вести о родной мне семье.

Царь. Это достойно госпожи сказать, что семья Васавадатты — ее семья. Садись, Падмавати; отчего ты не сядишься?

Падмавати. Разве супруг мой хочет, чтобы я была рядом с ним, когда придут эти люди?

Царь. Что же здесь дурного?

Падмавати. Не покажется ли им обидным, что господин взял себе другую жену?

Царь. Было бы хуже скрывать свою жену от тех, кому надлежит ее видеть. Поэтому — сядь!

Падмавати. Как прикажешь, супруг мой. (*Садится.*) Я что-то тревожусь, господин мой, не зная, что собираются сообщить тебе отец и матушка.

Царь. Я тоже, Падмавати.

Что скажут мне они? — трепещет сердце;

Похитив, не сумел я уберечь их дочь.

Судьбой непостоянной обесславлен,

Я в страхе, будто сын, прогневавший отца.

Падмавати. Что можно уберечь, когда придет назначенный срок!

Привратница. Придворный и кормилица ждут у входа.

Царь. Скорее приведи их.

Привратница. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

Входят придворный, кормилица и привратница.

Придворный. Увы!

Я радоваться должен, в край друзей явившись,

Но не могу забыть Васавадатты гибель.

Зачем судьбе жестокой не было довольно

Страну врагам отдать, но пощадить царицу?

Привратница. Вот государь! Подойди, почтенный.

Придворный (*приблизившись*). Победа моему господину!

Кормилица. Победа государю!

Царь (*почтительно*). Скажи, господин,

Здоров ли государь, меня родством почтивший,
Кто на земле вершит династий царских судьбы?

Придворный. Да, да, Махасена здоров. И всем вам он тоже желает здоровья.

Царь (*вставая*). Что повелевает Махасена?

Придворный. Вот слова, достойные сына Вайдехи. Но ты не должен вставать, чтобы выслушать его послание.

Царь. Как прикажет Махасена. (*Садится*.)

Придворный. Махасена рад, что твое царство, захваченное было врагами, теперь возвращено тебе обратно.

У тех, кто немощен и слаб, не может быть и мужества;
А только мужество одно — опора счастью царскому.

Царь. Я всем обязан великодушию Махасены. Ибо

Меня, побежденного, Махасена
принял с любовью, как сына родного;
Похитил я дочь его, и случилось,
что уберечь ее не был в силах;
Но, даже о смерти ее услышав,
ко мне государь не переменялся.
И в том, что обрел я царство ватсов,
только его одного заслуга.

Придворный. Таково послание Махасены. А послание царицы перескажет эта достопочтенная госпожа.

Царь. О моя мать!

Здорова ль та, кого я огорчил побегом,
Удджайини святыня, старшая царица?

Кормилица. Царица здорова и справляется о здоровье государя и всех его близких.

Царь. Все мы здоровы, матушка, если это можно считать здоровьем.

Кормилица. Не терзай себя, государь, так сильно.

Придворный. Мужайся, мой господин. Даже умерев, не умерла дочь Махасены, если ее так оплакивает супруг.

Как уберечь другого в смертный час?
Как удержать кувшин, коль лопнула веревка?
У человека с деревом одна судьба:
Есть время им расти и время гибнуть.

Царь. Нет, не говори так, почтенный.

Дочь Махасены — моя ученица, супруга любимая!
Даже в грядущих рожденьях ее не забуду!

Кормилица. Царица сказала: «Васавадатты нет в живых. Но так же, как дороги Махасене и мне Гопалака и Палака, дорог нам и ты, которого мы сразу же избрали в зятя. Ради этого ты и был приведен в Удджайини. Под предлогом обучения игре на лютне мы отдали тебе дочь, даже не призвав в свидетели Агни. Однако в своем нетерпении ты бежал с нею, не дождавшись брачного обряда. Тогда мы приказали нарисовать на досках портреты, твой и Васавадатты, и перед ними отпраздновали вашу свадьбу. Теперь эти доски с портретами мы посылаем тебе».

Царь. Ах, сколько любви в словах государыни и как они меня утешают!

Ее послание дороже мне победы над сотней царств;
Меня за все проступки не лишила она своей любви.

Падмавати. Супруг мой, я хотела бы посмотреть на портрет моей старшей сестры и почтительно ее приветствовать.

Кормилица. Смотри, смотри, царевна. *(Показывает ей портрет.)*

Падмавати *(всматриваясь, про себя)*. О, она вылитая госпожа Авантика! *(Вслух.)* Скажи, супруг мой, похож ли этот портрет на благородную Васавадатту?

Царь. Не просто похож. Мне кажется, это она сама. О горе!

Как мог жестокий рок такую красоту разрушить!
Как мог огонь сгубить лица такого прелесть!

Падмавати. Если бы я взглянула на портрет моего супруга, то по нему могла бы судить, похожа благородная госпожа или нет.

Кормилица. Смотри, смотри, царевна.

Падмавати *(всматриваясь)*. На этом портрете супруг мой словно живой. Значит, и портрет госпожи должен быть верен.

Царь. Мне кажется, с тех пор как ты увидела портреты, тебя что-то радует и заботит одновременно. В чем дело?

Падмавати. Супруг мой! Здесь живет женщина, с которой этот портрет как будто списан.

Царь. Чей? Васавадатты?

Падмавати. Да.

Царь. Так пусть приведут ее поскорее.

Падмавати. Послушай, господин мой. Когда я не была еще замужем, некий брахман представил ее как свою сестру и оставил на моем попечении. Ее супруг уехал на чужбину, и она избегает мужских взоров. Но если она придет сюда вместе со мной, государю можно будет на нее взглянуть и сравнить с Васавадаттой.

Царь.

Но если она брахмана сестра,
она, конечно, не Васавадатта,
А сходство лиц, осанки, говорят,
встречается нередко в этом мире.

Входит привратница.

Привратница. Победа государю! Прибыл некий брахман из Удджайини. Он утверждает, что оставил на попечении царицы свою сестру, и ждет, что ему возвратят ее.

Царь. Не тот ли это брахман, Падмавати?

Падмавати. Должно быть, тот.

Царь. Так пусть со всеми положенными почестями этого брахмана поскорее приведут во дворец.

Привратница. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

Царь. А ты, Падмавати, приведи эту женщину.

Падмавати. Как прикажешь, супруг мой. (*Уходит.*)

Входят Яугандхараяна и привратница.

Яугандхараяна (*в сторону*).

Я скрыл супругу царскую, заботясь
о счастье государя;
По воле собственной решение принял,
сочтя его за благо.
Теперь, однако, когда план мой дерзкий
успехом завершился,
Трепещет все же сердце в ожиданье,
что государь мне скажет.

Привратница. Вот государь. Подойди к нему, почтенный.

Яугандхараяна (*приблизившись*). Победа тебе, победа!

Царь. Его голос мне как будто знаком. Скажи, брахман, это ты оставил свою сестру на попечение Падмавати?

Яугандхараяна. Да, я.

Царь. Так приведите же скорее его сестру.

Привратница. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

Входят Падмавати, Авантика и привратница.

Падмавати. Сюда, госпожа, сюда. У меня для тебя приятная новость.

Авантика. Какая?

Падмавати. Вернулся твой брат.

Авантика. Хвала судьбе! Наконец-то он обо мне вспомнил.

Падмавати (*приблизившись*). Победа моему супругу! Вот моя попечная.

Царь. Возврати ее брату, Падмавати. Впрочем, заклад должен быть возвращен в присутствии свидетелей. Пусть свидетелями будут достопочтенный Райбхья и достопочтенная кормилица.

Кормилица (*пристально взглядываясь в Авантику*). О! Васавадатта! Царевна!

Царь. Как? Дочь Махасены? Царица, пройди с Падмавати во внутренние покои.

Яугандхараяна. Нет, нет! К чему ей уходить? Она — моя сестра.

Царь. Зачем ты так говоришь? Она дочь Махасены.

Яугандхараяна. О царь!

Рожденный в роде бхаратов, учтивый, добродетельный,
Не нарушай свой царский долг и силой не держи ее.

Царь. Хорошо. Посмотрим, кто она. Откинь вуаль!

Яугандхараяна. Победа господину!

Васавадатта. Победа моему супругу!

Царь. О! Вот Яугандхараяна! Вот дочь Махасены!

Что это? Правда или снова сон? Ее я вижу!

Но так же видел я ее и прежде — и был обманут!

Яугандхараяна. Господин! Скрыв царицу, я провинился перед тобой. Умоляю тебя, господин, прости меня. (*Падает к его ногам.*)

Царь (*поднимая его*). Ты воистину Яугандхараяна!

Притворившись безумцем, сея раздоры,
Мудрым замыслом, достойным министра, —
Это ты меня спас своим усердием,
Из воды меня вытащил, когда я тонул.

Яугандхараяна. Я лишь следовал счастливым предначертаниям судьбы своего господина.

Падмавати. О! Так она царица! Госпожа, по неведению я обращалась с тобой как с подругой и не вела себя, как мне положено. Склонив голову, умоляю тебя о снисхождении.

Васавадатта (*поднимая Падмавати*). Встань, встань, счастливая в своем муже! Ты виновна лишь тем, что просишь у меня прощения.

Падмавати. Благодарю тебя.

Царь. Яугандхараяна, друг! Что за замысел был у тебя, когда ты скрыл царицу?

Яугандхараяна. Я хотел спасти Каушамби.

Царь. А зачем ты оставил ее на попечении Падмавати?

Яугандхараяна. Пушпакабхадра и другие ясновидцы предсказали, что Падмавати суждено стать супругой нашего господина.

Царь. Знал ли обо всем Руманват?

Яугандхараяна. Он знал все, мой господин.

Царь. Ну и плут этот Руманват!

Яугандхараяна. Государь, прикажи достопочтенному Райбхье и достопочтенной кормилице немедля возвратиться в Удджайини, дабы там узнали, что Васавадатта жива.

Царь. Нет, нет, мы все отправимся туда вместе с царицей Падмавати.

Яугандхараяна. Как прикажет государь.

Бхаратавакья:

Опоясанную океаном, в Гималаях и Виндхья — серьгах
Да хранит государь эту землю под одним державным зонтом!

Все уходят.

Конец шестого акта и пьесы

ШУДРАКА

Глиняная повозка

Драма в десяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.
Актриса, играющая Васантасену.

В ДРАМЕ:

Мужчины:

Чарудатта, разорившийся брахман-купец.
Рохасена, сын Чарудатты.
Майтрея, друг Чарудатты.
Вардхаманака, слуга Чарудатты.
Арьяка, сын царя Гопалы, смещенного на троне его братом Палакой.
Шарвилака, брахман-вор, друг Арьяки.
Самстханака, шурин царя Палаки.
Приживал из свиты Самстханаки.
Стхаварака, слуга Самстханаки.
Массажист, впоследствии буддийский монах.
Матхура, хозяин игорного дома.
Игрок.
Дардурака, игрок и друг Шарвилаки.
Приживал, приближенный Васантасены.
Вирика, начальник городской стражи.
Судья.
Старейшина.
Писец.
Служитель суда.
Первый палач.
Второй палач.

Женщины:

Васантасена, знаменитая гетера города Удджайини.
Старуха, мать Васантасены.
Маданика, служанка Васантасены.
Служанка Васантасены.
Дхута, супруга Чарудатты.
Раданика, служанка Чарудатты.

Место действия — столичный город Удджайини
и запущенный парк Пушпакарандака в его предместье.

Время действия — четыре дня.

ПРОЛОГ

МОЛИТВА

Чтоб ноги, под себя поджатые, связать,
Двойным сплетеньем змей обвил их Шамбху.
Дыхание прервав, он успокоил
Все чувства, что препятствуют познанию.
И, мудрым взглядом к истине приблизясь,
Рассматривает душу он в себе,
Свободную от всех мирских желаний.
Так в созерцанье Шамбху растворился,
Усилием постигнув пустоту,
И тем с душой всемирною слился.
Пусть же хранит вас созерцанье Шамбху!

И еще:

И да хранит вас шея Нилакантхи,
Она подобна темно-синей туче,
И Гаури рука, лианы гибче,
Сверкает, словно молния, на ней!

Руководитель труппы. Довольно медлить! Ведь мы злоупотребляем терпением зрителей, которых томит любопытство! Сейчас, поклонясь почтенным ценителям нашего искусства, я объявляю, что мы решили показать им драму «Глиняная повозка». Известно, что ее создатель

Величественной обладал походкой —
Царю слонов он в этом был подобен;
Имел глаза, как у чакоры-птицы;
Лицом был светел, словно полнолуние,
И телом был и строен, и прекрасен;
Поэтом лучшим среди рожденных дважды
Считался он, блистал умом глубоким
И Шудракою звался среди людей.

А также:

Он изучил Ригведу, Самаведу,
Он математикой владел отменно,
А также изучил гетер искусства
И тайны обучения слонов;
Утратив зренье, стал он снова зрячим —
Был Шарва мудрый милостив к нему;

Он сына вырастил и посадил на трон;
Он жертвоприношение коня
Под старость совершил с успехом полным;
Сто лет и десять дней он жил на свете
И, жизнь свою прервав, вошел в костер.

И далее:

Покая и беспечности не зная,
Царь Шудрака был смел, любил войну он;
Средь мудрецов всех лучше знал он веды
И аскетизма подвиги творил;
Царь Шудрака на вражеских слонов
Не раз кидался в рукопашной схватке.

В этой драме

Владыкой Шудракой изображен
И брахман Чарудатта молодой —
Купец, по воле рока обедневший,
Что жил в старинном городе Аванти;
И юная прекрасная гетера,
подобная весны великолепью, —
не зря она звалась Васантасеной, —
Она героя драмы полюбила
За многие достоинства его;
И благородное их поведение,
Что к окончанью пьесы увенчалось
Счастливою взаимною любовью;
И судопроизводства произвол,
И нрав злодея, и веленья рока.

(Расхаживая и осматриваясь кругом.)

Гм! Наша сцена пуста.

Куда же ушли актеры? *(Задумывается.)* А, понял!

Пуст дом того, кто не имеет сына;
Подолгу пуст бывает дом того,
Кто не имеет истинного друга;
Пуст целый белый свет для дурака,
Для бедняка ж — весь мир пустей пустого!

Я только что окончил представленье. Оно так долго длилось, что теперь у меня от голода глаза готовы лопнуть, и из них сыплются искры, как в летнее время семена из лотоса, иссушенного лучами знойного солнца. Поэтому самое лучшее сейчас — это позвать хозяйку и спросить у нее, нет ли чего поесть. *(Зовет.)* Эй, хозяйка! Вот и я!.. Для пользы

дела перейду-ка я лучше на пракрит — ведь с женщинами у нас принято говорить на этом языке. Ну и ну! Затянулось же это представление! От голода руки и ноги мои обвисли, как стебли увядших лотосов. Войду-ка я теперь в дом и узнаю, приготовила ли хозяйка чего-нибудь поесть. *(Идет и осматривается вокруг.)* Вот он, наш дом, войду в него. *(Входит и смотрит по сторонам.)* Странно! Мне показалось, что в нашем доме готовятся к какому-то празднику. Длинные ручейки воды, в которой мыли рис, стекают по улице. Мостовая, покрытая пятнами копоти — на ней чистили чугунный котел, — выглядит словно насурьмившаяся красавица. Но разжигаемый приятными запахами голод становится нестерпимым. Что это? Может быть, нашли спрятанный клад? Или же просто мне, голодному, весь мир чудится наполненным пищей? А у нас в доме чего доброго, и вовсе нечего есть. Этак я умру с голоду. Нет, здесь, как видно, готовятся к чему-то необычайному. Вот женщина растирает благовония; другая плетет венки из цветов. *(В раздумье.)* Что же тут такое творится? Позову-ка я хозяйку и узнаю, в чем дело. *(Заглядывая за сцену.)* Почтенная, поди-ка сюда.

Актриса *(входя)*. Вот я, почтенный.

Руководитель труппы. Привет тебе, почтенная.

Актриса. Приказывай, почтенный, что я должна для тебя сделать?

Руководитель труппы. Почтенная! *(Повторяет: «Ну и ну! Затянулось же это представление...» и так далее.)* Есть ли у нас в доме что-нибудь пригодное в пищу?

Актриса. Все есть.

Руководитель труппы. Но что же, собственно?

Актриса. Есть сладкая рисовая каша, топленое масло, простокваша, рассыпчатый рис и напиток, который утолит твою жажду и подкрепит твои силы. Все есть. Пусть твои божества лишь выразят свои желания.

Руководитель труппы. И все это есть в нашем доме? Нет, ты надо мной смеешься!

Актриса *(про себя)*. И впрямь посмеюсь. *(Руководителю труппы.)* Почтенный, все это есть, но на рынке.

Руководитель труппы *(гневно)*. Ах бесчестная! Пусть рухнут твои надежды, как рухнули мои ожидания, когда я на миг вознесся в мечтах, словно груз на колодезном журавле. Так пропади ж ты!

Актриса. Помилуй, почтенный! Это ведь шутка.

Руководитель труппы. Но что это за необычные приготовления? Вот женщина растирает благовония, другая плетет венки. Почему пол здесь украшен жертвенными цветами пяти различных сортов?

Актриса. Сегодня я устраиваю пост.

Руководитель труппы. Что это за пост? Как его называют?

Актриса. Пост во обретение красивого мужа.

Руководитель труппы (*сердито*). Взгляните, взгляните, почтенные знатоки искусства! Тратят мои припасы, чтобы получить на том свете мужа!

Актриса. Успокойся, успокойся, почтенный! Все это я делаю для того, чтобы в следующем нашем рождении именно ты стал моим мужем.

Руководитель труппы. Кто присоветовал тебе этот пост?

Актриса. Твой дорогой друг Джурнавриддха.

Руководитель труппы (*гневно*). Ах ты, Джурнавриддха, сын рабыни, надушенный, как коса новобрачной! Дождусь ли я того благословенного дня, когда рассерженный царь Палака прикажет разрубить тебя на куски?!

Актриса. Смилуйся, почтенный! Ведь этот пост совершается ради тебя, ради твоей будущей жизни! (*Падает к его ногам.*)

Руководитель труппы. Встань, почтенная! Скажи, кто же возглавит трапезу разрешения от поста?

Актриса. Достойный брахман, которого нам следует пригласить.

Руководитель труппы. Ну хорошо, ступай, почтенная! Я же пойду приглашу брахмана, который подходил бы людям нашего круга.

Актриса. Как угодно почтенному. (*Уходит.*)

Руководитель труппы (*расхаживая*). Вот задача! Как мне найти в таком богатом городе, как Удджайини, подходящего для нас брахмана? (*Всматриваясь.*) А, сюда идет друг Чарудатты Майтрея. Вот кстати! Приглашу-ка его. Почтенный Майтрея! Возглавь сегодня трапезу в нашем доме!

Голос за сценой. Пригласи другого брахмана, господин, я сейчас занят.

Руководитель труппы. Почтенный, трапеза будет обильной, и на ней ты не встретишь соперника. Кроме того, ты получишь подарок.

Голос за сценой. Ведь я только что отказался, почему же ты преследуешь меня так упорно? С какой стати ты пристал ко мне?

Руководитель труппы. Этот отказался. Ну что же, поищу другого брахмана. (*Уходит.*)

Конец пролога

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ВРУЧЕНИЕ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ НА ХРАНЕНИЕ

Входит Майтрея с плащом на руке.

Майтрея (*повторя сказанное им ранее: «Пригласи другого брахмана...» и так далее*). Пожалуй, все-таки мне, Майтрее, стоило бы принять приглашение этого незнакомого мне человека. О судьба! С чем тебя

сравнить? Ведь раньше, благодаря благосостоянию почтенного Чарудатты, я был сыт с утра до ночи. Ел я только искусно приготовленные лакомства, дразнящие приятным ароматом. Частенько сидел я во внутреннем дворе под навесом, окруженный сотней блюд, как художник — банками с краской, и, едва коснувшись пальцами одного или другого, отворачивался от них. Пережевывал пищу я медленно, как священный бык на городской площади. Ну а теперь, из-за того что обеднел Чарудатта, я скитаюсь целыми днями, а сюда прихожу только ночевать, как домашний голубь, возвращающийся вечером на свою голубятню. Этот плащ, благоухающий цветами жасмина, вручил мне милый друг почтенного Чарудатты — Джурнавриддха, чтобы я передал его Чарудатте, когда он окончит поклонение богам. А пока что я пойду посмотрю, где почтенный Чарудатта. (*Ходит и осматривается.*) Вот как раз идет сюда и сам Чарудатта. Он кончил поклонение богам и несет жертвы для божеств — покровителей его дома.

Входит Чарудатта, за ним Раданика.

Чарудатта (*смотрит на небо и печально вздыхает*).

Бывало, жертвою у моего порога
Кормились гуси, стан журавлей,
А ныне мой порог травой порос,
И падает печально на него
Лишь пригоршня зерна, — и только черви
Сползаются на жертвоприношение...

(Очень медленно идет и садится.)

Майтрея. Вот почтенный Чарудатта. Подойду-ка я сейчас к нему. (*Подходит.*) Здравствуй, почтенный! Да преуспеешь ты во всех своих делах!

Чарудатта. А, вот ты и явился, Майтрея, друг в счастье и в беде. Добро пожаловать, приятель. Изволь сесть.

Майтрея. Как прикажешь, почтенный. (*Садится.*) О друг! Этот плащ, благоухающий цветами жасмина, прислал тебе милый друг Джурнавриддха, чтобы я передал его тебе, Чарудатта, когда ты окончишь поклонение богам.

*Вручает ему плащ. Чарудатта берет его
и погружается в раздумье.*

О чем изволил задуматься?

Чарудатта.

Друг, после длинной цепи неудач
Нам радостно увидеть проблеск счастья

Как лампы свет среди крошечной тьмы.
А у того, кто долго жил в богатстве,
А позже впал в безвыходную бедность,
Лишь тело живо, но душа мертва;
Не человек он — он мертвец ходячий.

Майтрея. Что тебе больше нравится, друг, — смерть или бедность?

Чарудатта. О друг,

Из двух несчастий — бедности и смерти —
Признаться, я предпочитаю смерть:
Не долги, друг, предсмертные мученья —
От нищеты ж до смерти нет спасенья!

Майтрея. Довольно горевать, друг! Твои богатства перешли к твоим друзьям, и поэтому разорение делает тебя еще более привлекательным, подобно тому как месяц молодеет и хорошеет, когда боги выпивают из него амброзию.

Чарудатта. Друг, я сожалею не о деньгах. Видишь ли,

Меня печалит то, что дом наш обедневший
Не посещают гости с давних пор, —
Так на щеке слона, когда на ней
Просохнет полоса любовной течки,
Ты больше не увидишь диких пчел,
Что прежде дружным роем прилетали.

Майтрея. О друг! Ведь эти сыновья рабынь, владеющие ничтожным состоянием, в страхе за свой карман идут только туда, где им не грозит ущерб. Так пастухи-подростки, которые боятся оводов, идут в лесу туда, где те их не кусают.

Чарудатта.

Верь, друг, не об утраченном богатстве
Я сокрушаюсь. Знаю я, что деньги
Приходят и уходят по веленью
Судьбы...
Меня ж печалит только то,
Что с той поры, как я свою опору—
Свое богатство — навсегда утратил,
Ко мне друзья внезапно охладели.

И вот еще:

Знай: если нищета вступила в дом —
Достоинство разрушено стыдом;
Тому же, кто достоинство утратит,

Пренебреженьем друг недавний платит;
К унынию ведет пренебреженье;
Отчаянье — унынья порожденье;
Безумие — отчаяния плод,
Оно нас к верной гибели ведет.
От гибели спастись не в нашей власти,
Знай: нищета — основа всех несчастий!

Майтрея. О друг, помни, что те, кто отвернутся от тебя, — это ничтожные скряги. Перестань горевать.

Чарудатта. Друг, ведь бедность человека — это

Обитель забот и источник
Пренебреженья тобой;
Твоя нищета вызывает
К тебе отвращение друзей,
И злобу родных и знакомых,
И смех и злорадство чужих.
Зовет нищета человека
Отшельником скрыться в лесу —
Ведь даже жена презирает
Того, кто унижен и нищ;
И пламя отчаянья в сердце
Бросает ему нищета
И медленно жжет его душу...

Так вот, друг, я уже воздал жертву божествам своего дома. Иди теперь ты, отнеси на перекресток жертву для богинь-матерей.

Майтрея. Не пойду.

Чарудатта. Почему?

Майтрея. Да очень просто! Если божества, столь усердно почитаемые тобой, не оказывают тебе милости, то какой же прок в поклоненье богам?

Чарудатта. Друг, не говори так! Это — правило жизни мирян.

Поверь, что вечно после их кончины
К ним будут боги милостивы, если
Они при жизни им достойно служат
Словами, мыслью, укрощеньем плоти
И жертвы им приносят, не скупясь...
Какие в этом могут быть сомненья!

А потому иди принеси жертву матерям.

Майтрея. Нет, не пойду. Пусть это сделает кто-нибудь другой. Хоть я и брахман, у меня все выходит наизусть, как у отражения в зеркале правая сторона оказывается слева, а левая — справа. Кроме того,

сейчас уже поздно, и по главной улице шатаются гетеры, приживалы, слуги и царские прихвостни. Не встретить бы мне гибель, подобно мышам, погнавшейся за лягушкой, но наскочившей на черную змею. А ты что собираешься делать, сидя здесь?

Чарудатта. Ладно, оставайся пока тут. Я погружусь в созерцание. Голос за сценой. Стой, Васантасена, стой!

*Появляется Васантасена, преследуемая приживалом,
Самстханаккой и слугой последнего — Стакхавараккой.*

Приживал. Васантасена! Стой, стой!

Зачем ты убегаешь, как газель,
Гонимая охотником жестоким?
Скрывает страх твою красу и нежность,
А ноги, столь искусные в движении,
В круженье плавном танца, ныне резко
Стучат по этой грубой мостовой,
И, созданные для призывных взглядов,
Глаза в испуге мечутся твои.

Самстханака. Стой, Васантасена, стой!

К чему убегать, бежать, торопиться,
К чему уходить, скакать, спотыкаться —
Девушке доброй надо быть, доброй.
Эй, да постой же, постой, красотка!
Ты ж не помрешь — так постой, послушай:
Сердце мое от любви сгорает,
Жарится сердце мое от страсти,
Будто кусок хорошего мяса,
В груди горячих углей упавший!

Стакхавака. Почтенная, стой, стой!

Почему ты бежишь в испуге,
Будто пава летней порою,
Широко растопырив крылья?
За тобой ведь гонится славный
Господин мой, — взгляни, не бойся:
Как павлин молодой на воле,
За тобою он поспешает!

Приживал. Васантасена, стой, стой!

Зачем ты убегаешь? Ты дрожишь,
Как молодой платан; играет ветер
Кистями платья алого — и мнится,

Что алых нежных лотосов бутоны
Ты на бегу роняешь. А сама
Подобна ты таинственной пещере,
Что вырублена в красном мышьяке.

Самстханака. Стой, Васантасена, стой!

Ты разжигаешь любовь, вожделение,
Страсть раскаляешь ты; ночью в постели
Спать не даешь мне — снишься все время!
Не убегай! Эй, постой, постой-ка!
Что ты бежишь, спотыкаясь в страхе,
В ужасе ты бежишь, оступаясь, —
Все ведь напрасно — будешь моею,
Вроде как Кунти у Раваны в лапах!

Приживал. Васантасена!

Зачем бежишь ты впереди меня?
Ты — как змея, охваченная страхом
Пред Гарудою, властелином птиц.
А я так быстро бегаю, что ветер
Порою догоняю на лету, —
Тебя же, стройная, поймать не в силах...

Самстханака (*приживалу*). Умнейший! Умнейший!

Васантасена — плоть бога любви,
Которой он деньги у нас вымогает;
Она — пожирательница рыб;
Она — губительница семей;
Продажная, курносая плясунья,
Копилка бога любви, гетера,
Она потаскуха, модница, шлюха!..
Я, видно, напрасно перечислял
Все десять ее наименований —
Она меня так и не полюбила!

Приживал.

Зачем же бежишь ты,
Объятая страхом,
И серьги, качаясь,
Царапают щеки?
Дрожишь ты, как вина,
Задетая пальцем,
Ты, как журавлиха,

Что гром услыхала,
От страха трепещешь!

Самстханака.

Зачем ты бежишь, бренча драгоценностями,
Как Драупади от Рамы мчишься?
Сейчас поймаю тебя, как Хануман
Субхадру поймал, сестру Вишнавасу!

Стхаварака.

Отдайся, отдайся любимцу царя!
Накормлена досыта будешь за это
И рыбой, и мясом! Решайся скорей!..
А рыба-то свежая!
А мясо хорошее!
При виде их даже собака
Про падаль забудет!

Приживал. Почтенная Васантасена!

Зачем ты в страхе и негодованье
Бежишь, подобно города богине,
Решившей вдруг покинуть город свой?
На бедрах у тебя широкий пояс
Сияет драгоценными камнями,
Переливается цветами всеми,
Как звезды в небе. А лицо твоё
Так и пылает красным мышьяком,
Припудрено его мельчайшей пылью!

Самстханака.

Стремительно мы мчимся за тобой —
Так в чаще псы преследуют шакала.
А ты бежишь поспешно, быстро, скоро —
Мое ты сердце от меня уносишь
И внутренности, близкие к нему!

Васантасена. Паллавака, Паллавака! Парабхритика! Парабхритика!

Самстханака (*в страхе*). Умнейший, умнейший! Люди, люди!

Приживал. Не бойся! Не бойся!

Васантасена. Мадхавика! Мадхавика!

Приживал (*со смехом*). Глупец, она зовет свою прислугу.

Самстханака. Умнейший, умнейший! Ведь она зовет женщину.

Приживал. Кого же еще?

Самстханака. Я могу перебить сотню женщин. Я ведь герой.

Васантасена (*смотря в пространство*). О, горе! О, горе! Куда запропастились мои слуги? Придется мне самой защищать себя.

Приживал. Зови их! Зови их!

Самстханака. Васантасена! Зови, зови кукушку — Парабхритику, зови росток — Паллаваку, зови же сразу всю весну! Кто спасет тебя от моего преследования?

Тебя спасет лишь только Бхимасена,
Иль Кунти сын, иль отпрыск Джамадагни,
Иль десятиголовый.

Но подобно
Духшасане с тобой я поступлю —
Я за волосы вмиг тебя поймаю!

Смотри-ка, смотри-ка,
Меч острый, голова пред ним склонилась, —
Оттяпать или выбрать казнь иную?
Довольно же бежать, Васантасена, —
Кто смерти обречен — не быть тому в живых!

Васантасена. Почтенный, я ведь слабая женщина.

Приживал. Потому-то ты и останешься в живых.

Самстханака. Потому-то тебя и не убили.

Васантасена (*про себя*). Что такое? даже любезность его нагоняет на меня страх. Ну что ж, поступлю пока что так. (*Громко.*) Почтенный, вы хотите отнять у меня мои украшения?

Приживал. Помилуй, почтенная Васантасена! Ведь садовую лиану нельзя лишать ее цветов. За украшения не бойся.

Васантасена. Так в чем же тогда дело?

Самстханака. Нужно, чтобы ты полюбила меня, ибо я — божество в образе мужчины, воплощенный Васудева.

Васантасена (*гневно*). Оставь меня, оставь! Убирайся! Ты говоришь непотребное!

Самстханака (*захлопав в ладоши и рассмеявшись*). Умнейший, умнейший, посмотри-ка! Теперь эта гетера стала любезна и почтительна. Она сказала мне: «Устал, милый, устал». Но ведь я никуда далеко не ходил: ни в деревню, ни в город. Почтенная, клянусь собственными ногами вместе с головой моего умнейшего друга, которая к ним припадает, что я устал и утомился только оттого, что преследовал тебя, не отставая ни на шаг.

Приживал (*про себя*). Вот так так! Этому дураку сказали «отстань», а он понял «устал». (*Громко.*) Почтенная Васантасена! То, что ты сказала, противоречит порядкам дома гетер.

Запомни — дом гетер открыт для всех, кто хочет.
О том подумай, что тебя, гетеру,
Сравнить с лианой придорожной можно.
Знай: тело, что считаешь ты своим, —
Товар, который продается многим.
Поэтому, прекрасная, должна ты,
Приятен человек или противен,
Всех принимать, любезной с каждым быть!

И вот еще:

Мудрец великий и глупец ничтожный
Порой в одном купаются пруду.
Ворона, отдохнуть присев, порою
Сгибает ту же ветку, на которой
Сидел павлин прекрасный до нее.
Купец, и брахман, и отважный воин
Переезжают через реку в лодке,
В которой ездит и простой народ.
А ты подобна и пруду, и ветке,
И лодке тоже — вот и сделай вывод:
Всех услаждай ты, ибо ты — гетера!

Васантасена. Ведь любовь порождается достоинствами, а не насилием.

Самстханака. Умнейший, умнейший! Она — отродье рабыни, — встретившись с нищим Чарудатой в саду у храма бога любви Камадевы, влюбилась в него, а ко мне равнодушна. Здесь налево его дом. Устрой так, умнейший, чтобы она не ушла из наших рук.

Приживал (*про себя*). Дурак болтает о том, что следовало бы скрывать. Так, значит, Васантасена любит почтенного Чарудатту! Недаром говорится: «Жемчужина идет к жемчужине». Так пусть она идет к нему. Что мне до этого дурака? (*Громко.*) Ублюдок, ты говоришь, что дом этого купца налево?

Самстханака. А как же! Вот его дом. Он стоит слева.

Васантасена (*про себя*). Удивительно! Слева и вправду его дом. Этот злодей хоть и оскорбил меня, но оказал мне услугу, приведя на свиданье с любимым.

Самстханака. Умнейший, умнейший, как потемнело вдруг! Только что я видел Васантасену, а сейчас она исчезла, словно черный шарик в куче черных бобов.

Приживал. Какая страшная темнота! Воистину,

Глаза мои, еще совсем недавно
Все ясно различавшие вдали,
Поражены наставшей темнотою.
И кажется, что это тьма сама
Мне закрывает их, хоть я стараюсь
Открытыми все время их держать.

К тому же

Мне чудится теперь, что даже тело
Чернит густая эта темнота,
А с неба дождь идет из черной мази!
Глаза теперь мне столь же бесполезны,
Как служба у дурного человека.

Самстханака. Умнейший, умнейший! Я ищу Васантасену.

Приживал. Ублюдок, есть ли у нее какие-нибудь особые приметы,
по которым ты мог бы распознать ее?

Самстханака. Умнейший, умнейший! Что ты имеешь в виду?

Приживал. Звон украшений или благоуханный аромат венка.

Самстханака. Я слышу аромат венка, но звона украшений я не
вижу отчетливо, потому что нос мне затыкает густая темнота.

Приживал (*тихо Васантасене*).

Ты мне во тьме глубокой не видна,
Как молния, что тихо спит в объятьях
Возлюбленного — облака. Но все же
Тебя, трепещущую, выдает
Венок своим дыханием душистым
И звон браслетов на твоих ногах.

Ты слышала, Васантасена?

Васантасена (*про себя*). Услышала и поняла. (*Снимает ножные браслеты, сбрасывает венок и, отойдя немного, ощупывает стену рукой.*) Ах, ощупывая стену, я нашла здесь боковую дверь, но, тронув ее, я убедилась, что она заперта.

Чарудатта. Друг, я окончил молитву. Пойди же, принеси жертву матерям.

Майтрея. Не пойду.

Чарудатта. О, горе!

Бедность к тому человека приводит,
Что и родные не внимлют ему.
Лучших друзей, обеднев, он теряет,
Множество падает, беды растут.

Светлой луне его нрав был подобен —
С горя тускнеет и портится он,
И злодеянья чужие отныне
Люди готовы ему приписать!

И вот еще:

С ним, бедняком, не общаются люди,
Все без почтения с ним говорят,
В дом к богачу он на праздник заглянет —
Пренебрежение лишь видит к себе.
Он от людей, от толпы сторонится,
Жалкой одежды стыдится своей...

Я считаю, что бедность — шестой величайший порок. И далее:

О бедность, в тело ты мое вселилась,
Как друг, — и я, бедняк, тебя жалею:
Куда пойдешь ты, — думаю со страхом, —
Когда умру и тело станет прахом.

Майтрея (*смущенно*). О друг, если я пойду, то пусть Раданика будет моей спутницей.

Чарудатта. Раданика, иди с Майтреей.

Раданика. Как прикажешь, почтенный.

Майтрея. Почтенная Раданика, возьми жертву и светильник, а я открою боковую дверь. (*Делает это.*)

Васантасена. Словно нарочно, чтобы помочь мне, открылась дверь. Что ж, я войду. (*Смотрит.*) Беда! Беда! Здесь свет! (*Тушит светильник краем одежды и входит.*)

Чарудатта. Майтрея, что это такое?

Майтрея. Это ветер, который налетел, когда открылась боковая дверь; он потушил светильник. Почтенная Раданика, выйди через эту дверь, а я вернусь в дом, зажгу светильник и опять приду сюда. (*Уходит.*)

Самстханака. Умнейший, умнейший! Я ищу Васантасену!

Приживал. Ищи, ищи!

Самстханака (*продолжая поиски*). Умнейший, умнейший! Я ее поймал, поймал!

Приживал. Дурак, да ведь это же я!

Самстханака. Отойди отсюда и стань в стороне. (*Снова ищет, а затем хватается Стхавараку.*) Умнейший, умнейший! Поймал! Поймал!

Стхаварака. Господин, это же я!

Самстханака. То умнейший друг, то слуга. Умнейший друг, слуга! Слуга, умнейший друг! Станьте-ка вы в сторону! (*Снова ищет, затем хватается за волосы Раданику.*) Умнейший, умнейший! Теперь-то я поймал ее! Поймал Васантасену!

Во тьму убегала она,
Но запах венка ее выдал, —
Ее — как Чанакья Драупади —
Схватил я за шапку волос!

Приживал.

Ты, молодостью гордая своей,
За сыном рода знатного спешила,
Но за волосы поймана была —
За те благоухающие кудри,
Которым нужен тщательный уход.

Самстханака.

За волосы, что на твоей голове,
За косы, растущие из головы,
Схватил тебя, девушка, я наконец!
Кричи теперь, жалуйся, громко зови
И Шамбху и Шиву на помощь себе,
И Шанкару с Ишварой громко зови!

Раданика (*в страхе*). Что вы собираетесь делать, почтеннейшие?

Приживал. Ублюдок, да это же совсем не ее голос.

Самстханака. Умнейший, умнейший! Эта дочь рабыни переменила голос, совсем как кошка, почуявшая сметану!

Приживал. Как! Она изменила голос? Странно! А впрочем, чего же тут странного —

Немудрено! На сцене выступая,
Искусства изучив, Васантасена
Приобрела умение притворяться
И как угодно голос изменять.

Входит Майтрея.

Майтрея. Странно! Легкий вечерний ветерок колышет пламя светильника, и оно дрожит, как сердце козла, которого привели, чтобы заколоть у жертвенника. Эй, Раданика!

Самстханака. Умнейший, умнейший! Здесь человек! Человек!

Майтрея. Это не годится! Нехорошо, воспользовавшись тем, что почтенного Чарудатту постигла бедность, ломиться в его дверь.

Раданика. Почтенный Майтрея, видишь, как надо мной издеваются?

Майтрея. Над кем издеваются? Над тобой или надо мной?

Раданика. Да и над тобой тоже.

Майтрея. Не чинят ли здесь насилия?

Раданика. А как же иначе?

Майтрея. Правда?

Раданика. Правда.

Майтрея (*в гневе поднимая палку*). Прекратите! Даже собака придет в ярость, если увидит такое у себя во дворе; что же говорить обо мне, брахмане? Я разможжу твою голову, словно дрянной иссохший тростник, ударами этой палки, суковатой, как судьба человека, подобно-го мне!

Приживал. Благородный брахман, прости!

Майтрея (*глядя на приживала*). Виноват не этот. (*Глядя на Самстханаку.*) Вот кто виноват! Ах ты, Самстханака, царский шурин! Ах, злодей и подлец! Так не годится! Хоть славного почтенного Чарудату и постигла бедность, разве его достоинства перестали быть украшением города Удджайини? Как же посмел ты, ломаясь в его дом, так издеваться над его слугами?

В несчастье нет позора. Знай; до смерти

Нельзя считать несчастным никого;

Утратив же привычный образ жизни,

Становится несчастным и богач.

Приживал (*смущенно*). Благородный брахман! Прости, прости! Ведь мы так поступили с ней не преднамеренно, а только потому, что спутали ее с другой женщиной.

Ведь ту искали мы, которая бы нас

Любовью одарила...

Майтрея. Кого же? Ее? Эту?

Приживал. Избави нас от такого греха...

Мы искали

Ту, что хозяйка юности своей.

Она исчезла — мы же обманулись

И приняли другую за нее —

Ту женщину, которую схватили...

Возьми за это все, что у нас есть! (*Бросает меч и падает к ногам Майтреи.*)

Майтрея. Добрый человек, встань, встань! Я обвинил тебя, не разобравшись. Теперь, узнав, в чем дело, я отношусь к тебе с почтением.

Приживал. Это к тебе следует относиться с почтением! Я встану, но при одном условии.

Майтрея. Скажи, почтенный!

Приживал. Если ты не расскажешь ничего обо всем этом почтенному Чарудатте.

Майтрея. Не расскажу.

Приживал.

Твое великодушие, о брахман,
Всего дороже! И недаром нас
Ты победил оружием достоинств,
Хоть с нами были острые мечи!

Самстханака (*недовольно*). Зачем ты, умнейший, сложив ладони,
упал ниц к ногам этого негодного молодого брахмана?

Приживал. Я испугался.

Самстханака. Чего ты испугался?

Приживал. Достоинств Чарудатты.

Самстханака. Какие ж у него достоинства, если ему нечего
есть?

Приживал. Не говори так!

Он бедным стал из-за того,
Что добрым был к таким, как мы,
И никого не унижал
Своим богатством никогда.
Подобен водоему он,
Что, утолив своей водой
Немало жаждущих людей,
Порою летней высох сам.

Самстханака (*недовольно*). Он, это отродье рабыни?

Нашелся тоже доблестный герой!
Он Пандава? Иль Шветакету славный?
Он Индрадатта? Или Радхи сын?
Он Равана? Он Кунти сын и Рамы?
Ашваттхаман? Сын бога правосудья?
Иль он Джатау? Отвечайте мне!

Приживал. Дурак, ведь это почтенный Чарудатта!

Он древом был, покорно исполнявшим
Желанья бедняков — и вот согнулся
Под тяжестью плодов своих заслуг.
Знай: он глава семьи людей добрейших,
Он — зеркало для мудрецов ученых,
А также пробный камень добронравья;
Он — океан душевной доброты,
Он — благодетель, ни к кому презренный
Ни разу в своей жизни не питавший,
Он — кладезь человеческих достоинств!
Всегда он благороден и любезен, —

Лишь он один достоин всех похвал,
Так как, воистину, живет в избытке
Несчетных добродетелей своих!
Знай: по сравнению с ним другие люди
Лишь прозябают. Он один — живет!

Так пойдем отсюда!

Самстханака. Не поймав Васантасены?

Приживал. Васантасена исчезла.

Самстханака. Как так?

Приживал.

При встрече с тобою исчезла она,
Как радость при встрече с врагом исчезает,
Как зрение слепца покидает навек,
И ум — дурака, и здоровье — больного;
Исчезла она, как успех от ленивца,
Как знание и память бегут от того,
Кто низменным, чувственным предан утехам...

Самстханака. Не поймав Васантасены, я не уйду.

Приживал. Разве ты не слышал, что

Слона привязывают к столбу,
Уздой сдерживают коня —
Ты ж сердцем женщину привлеки,
А сердца нет — уходи скорей!

Самстханака. Если ты собрался уйти, то уходи. А вот я не уйду.

Приживал. Хорошо, я ухожу. (*Уходит.*)

Самстханака. Ушел умнейший, как в воду канул. (*Обращаясь к Майтрее.*) Эй ты, негодный молодой брахман, череп твой напоминает мне воронью лапу. Садись, садись!

Майтрея. Меня уже усадили.

Самстханака. Кто усадил?

Майтрея. Судьба.

Самстханака. Тогда вставай! Вставай!

Майтрея. Я встану потом.

Самстханака. Когда?

Майтрея. Когда судьба вновь будет ко мне милостива.

Самстханака. Так ты поплачь!

Майтрея. Меня уже заставили плакать.

Самстханака. Кто?

Майтрея. Несчастье.

Самстханака. Тогда смейся! Смейся!

Майтрея. Я буду смеяться потом.

Самстханака. Когда же?

Майтрея. Когда вновь разбогатеет почтенный Чарудатта!

Самстханака. Эй, негодный молодой брахман, передай от меня нищему Чарудате такие слова: «Эта юная гетера по имени Васантасена, вся в золоте и богатая золотом, подобная главной и первой актрисе, играющей первый раз в новой пьесе, влюбилась в тебя, когда встретила с тобой в саду у храма бога любви. Когда же мы пытались насильно заставить ее полюбить меня, она скрылась в твоём доме. Так вот, если ты пришлешь и передашь ее в мои руки, не доводя дело до суда и разбора, между мной и тобой установится крепкая дружба. В противном случае между нами возникнет смертельная вражда. Имей при этом в виду,

Что тыква, черенок которой
В коровьем вымазан навозе,
А также овощи сухие,
И жареное мясо тоже,
И рис, что зимней ночью сварен,
Да вот еще долги и ссоры —
Совсем не портятся с годами!»

Скажи это красиво! Скажи это четко! Скажи так, чтобы я мог услышать это, даже сидя на своей голубятне на самой верхушке дворца. Если ты скажешь иначе, я размозжу твою голову, как давят лесной орех между косяком и створкой двери!

Майтрея. Я скажу.

Самстханака (*отворачиваясь от него*). Слуга! Умнейший друг действительно ушел?

Стхаварака. А как же!

Самстханака. Тогда идем скорее отсюда.

Стхаварака. Возьми меч, господин!

Самстханака. Нет, пусть он будет у тебя в руке.

Стхаварака. Господин, у меня уже есть один меч. А этот, господин, изволь взять ты.

Самстханака (*берет меч, но не за рукоять, а за другой конец*).

Мой спящий в ножнах меч кладу я на плечо,
Меч, цветом столь похожий на редиску, —
И как шакал, которого со зла
Облаяли и кобели, и суки,
Иду я восвоюсь!..

Оба обходят сцену и удаляются.

Майтрея. Почтенная Раданика! Не говори почтенному Чарудатте о том, что тебя так оскорбили. Мне кажется, что ему, удрученному бедностью, от этого станет еще тяжелее.

Раданика. Почтенный Майтрея! Ведь я — Раданика, я умею держать язык за зубами!

Майтрея. Да, это так.

Чарудатта (*обращаясь к Васантасене*). Раданика, Рохасена выбежал проветриться. От вечерней прохлады он, наверно, озяб. Поэтому уведи его в дом и накинь на него этот плащ. (*Отдает ей плащ.*)

Васантасена (*про себя*). Как? Он принял меня за служанку! (*Берет плащ, нюхает его, затем мечтательно говорит про себя.*) О, плащ благоухает цветами жасмина. Выходит, что молодой Чарудатта далеко не ко всему безразличен. (*Незаметно надевает плащ на Рохасену.*)

Чарудатта. Ну, Раданика, возьми Рохасену и отведи его в дом.

Васантасена (*про себя*). Войти в твой дом я недостойна.

Чарудатта. Раданика! Ты даже не отвечаешь мне! О, горе!

Когда велением судьбы
В несчастья ввергнут человек,
Он видит — прежние друзья
Его встречают как враги,
И все приятели его
Отныне холодны к нему!

Входят Майтрея и Раданика.

Майтрея. Вот Раданика.

Чарудатта. Это Раданика? А кто же та, другая?

Кто незнакомка та, которую
Я обесчестил по неведению
Прикосновением плаща?..

Васантасена (*про себя*). Скорее оказал честь!..

Чарудатта.

На серп луны, слегка подернутый
Осенней, легкой дымкой облачной,
Похожа незнакомка та...

Однако не подобает смотреть на чужую жену.

Майтрея. Незачем опасаться, что тымотришь на чужую жену. Это Васантасена, которая полюбила тебя, когда встретила с тобой в саду у храма бога любви.

Чарудатта. Это Васантасена! (*Про себя.*)

Я разорен, увы, — и та любовь,
Которую зажгла она во мне,
Должна лишь в сердце теплиться моим,
Нигде ничем себя не выдавая, —

Так человек злопамятный, дурной
Свой гнев таит до времени...

Майтрея. О друг, шурин царя просил передать тебе...
Чарудатта. Что?

Майтрея. Он сказал: «Эта юная гетера по имени Васантасена, вся в золоте и богатая золотом, подобная первой и главной актрисе, играющей первый раз в новой пьесе, влюбилась в тебя, когда встретилась с тобой в саду у храма бога любви. Когда же мы пытались насильно заставить ее полюбить меня, она скрылась в твоём доме...»

Васантасена (*про себя*). «Заставить ее полюбить меня насильно!» Это верно. Эти слова делают мне честь.

Майтрея. «Так если ты, — продолжал он, — прийдешь и передашь ее в мои руки, не доводя дела до суда и разбора, между мною и тобой установится крепкая дружба. В противном случае между нами обоими возникнет смертельная вражда».

Чарудатта (*презрительно*). Он невежа! (*Про себя*.) О, эта молодая женщина достойна поклонения, словно богиня! Ведь,

Услышав слова: «Войди в мой дом»,
Не тронулась с места она —
Она поняла, что произошла
Ошибка волей судьбы.
И, хоть в разговорах искушена
И не страшится мужчин,
Хоть говорлива всегда, — но здесь
Смолчала она в ответ!..

(*Вслух.*) Почтенная Васантасена! Я виноват, что говорил с тобой непочтительно, приняв тебя за служанку. Склоняю перед тобой повинную голову! Прошу тебя, почтенная, прости меня!

Васантасена. Я сама виновата. Я вошла сюда неподобающим образом. Склоняю голову перед тобой и прошу тебя быть милостивым.

Майтрея. Вы оба склонились головами друг к другу, как колосья зрелого риса с двух соседних полей. Я тоже склоняю перед вами обоими свою голову, похожую на колено верблюда, и прошу вас оказать мне милость и выпрямиться. (*Выпрямляется.*)

Чарудатта. Довольно извинений, да воцарится между нами полное доверие!

Васантасена (*про себя*). Как изящен он! Как любезны его речи! Сегодня я попала сюда таким путем, что оставаться здесь на ночь на этот раз мне не следует. Поэтому скажу-ка я вот что. (*Громко.*) Почтенный, если ты будешь столь любезен ко мне, я бы оставила в твоём доме свои драгоценности. Эти злодеи преследовали меня из-за моих украшений.

Чарудатта. Наш дом непригоден для хранения драгоценных вещей.

Васантасена. Ты не прав, почтенный! Их оставляют на хранение людям, а не домам.

Чарудатта. Майтрея, возьми украшения!

Васантасена. Ты очень любезен. (*Отдает драгоценности.*)

Майтрея (*берет драгоценности*). Благодарю за подарок, почтенная!

Чарудата. Тьфу, дурак! Да ведь их отдают тебе только на хранение.

Майтрея (*в сторону*). Если это так, то пусть унесут их воры.

Чарудатта. И очень скоро...

Майтрея. Они станут нашими.

Чарудатта. ...я верну их.

Васантасена. Почтенный, я хочу, чтобы меня проводил домой вот этот почтенный человек.

Чарудатта. Майтрея, проводи почтенную гостью!

Майтрея. У нее лебединая поступь, и если ты пойдешь сам провожать ее, то ты будешь красоваться рядом с ней, как фламинго. Мною же, брахманом, люди всюду брезгуют, как жертвой, брошенной на перекрестке на съедение собакам.

Чарудатта. Пусть будет так. Я сам пойду провожать почтенную гостью. Так пусть зажгут фонари — с ними можно ходить по главной улице без опасений.

Майтрея. Вардхаманака, зажги фонари!

Вардхаманака (*тихо Майтрее*). Что? Зажечь фонари без масла?

Майтрея (*тихо Вардхаманаке*). Да, мудрено! Теперь наши фонари не знают, что такое масло, подобно тому как гетеры, презирующие бедных любовников, не знают, что такое любовь.

Чарудатта. Ладно, Майтрея, не нужно нам фонарей! Посмотри —

Бледна, как щека возлюбленной,
Восходит луна, окруженная
Бессчетной толпою звезд, —
Пусть будет на главной улице
Она фонарем для нас.
Лучи ее беловатые
Во тьму этой ночи падают,
Словно в болото иссохшее —
Капельки молока...

(*Нежно.*)

Почтенная Васантасена! Вот твой дом. Войди в него, почтенная!

Васантасена, нежно взглянув на него, уходит.

Друг, Васантасена ушла! Так пойдем же домой.

Ведь пуста эта главная улица,
Только стражники бродят вокруг.
Ведь полна эта ночь опасностей —
Надо промахов избегать!..

(Идет.)

Эти золотые украшения ты будешь оберегать ночью, а Вардхаманака — днем.

М а й т р е я . Как прикажет почтенный.

Конец первого действия

ДЕСЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ВОЗМЕЗДИЕ

Входит Чарудатта в сопровождении двух палачей.

Об а п а л а ч а .

Разве мы не знаем, как нам быть!
Справимся с преступником любым!
Мастера мы головы рубить
И сажать их на кол — мастера!

Расступитесь! Убирайтесь с дороги, почтенные! Расступитесь! Это идет почтенный Чарудатта.

Венок душистый олеандровый
Уже возложен на преступника,
И держим крепко осужденного
Мы, опытные палачи!
И, уподобленный светильнику,
В который мало масла налили,
Он гаснет на глазах у нас.

Ч а р у д а т т а *(в ужасе)*.

Вороны, каркая зловеще,
Сожрать готовы, словно жертву,
Мое истерзанное тело
В следах сандала ярко-красных,
Облитое слезами тело,
Осыпанное серой пылью,
Цветами убранный тело,

Цветами, что росли, красуясь,
На месте, где сжигают трупы!..

Оба палача. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Что вы устались, почтенные,
На человека благородного,
Которого разрубим скоро мы
Смерть приносящим топором!
Был этот муж подобен дереву,
И, словно птицы, люди добрые
Кров находили у него!

Иди, Чарудатта, иди!

Чарудатта. Нельзя понять, что определяет судьбу человека. Попал же я в такое положение!

Все тело мое — в отпечатках ладоней,
Ладоней, измазанных красным сандалом;
Мукою и пудрою весь я осыпан,
И хоть человек я, но, волею рока,
Животному жертвенному уподоблен!
(Смотрит перед собой.)

О, как разнятся люди! (Горестно.)

«Позор! Позор!» — горожане кричат,
Из глаз у них слезы льются.
Они мне желают небес достичь,
Спасти же меня — бессильны...

Оба палача. Расступитесь, почтенные, расступитесь! Что смотрите?

Нельзя смотреть вам на четыре вещи:
На Индры опускаемое знамя,
И на корову в час ее отела,
И на паденье звезд с небесной выси,
И на плохую смерть людей хороших!

Первый палач. Посмотри-ка, друг Ахинта, посмотри!

Не лучшего ли человека в мире
Ведем на казнь сегодня мы с тобою?
Не плачет ли в печали горькой небо,
Не блещет ли в нем молния без туч?

Второй палач. Гоха!

Нет, небо не плачет в печали своей,
Не падает молния с ясного неба, —

Слезами исходит женщин толпа,
Как туча исходит потоками ливня!

И далее:

В то время как приговоренный к смерти
Идет на казнь — кругом все люди плачут,
И, смоченная этими слезами,
Не может пыль подняться над дорогой.

Чарудатта (*смотрит, горестно*).

Из дворцовых высунувшись окон,
Женщины кричат мне: «Чарудатта!»,
Слез потоки в горе проливая...

Оба палача. Иди, Чарудатта, иди! Вот место, где объявляется приговор. Бейте в барабан, объявляйте приговор! Слушайте, почтенные, слушайте! Это внук купца Винаятатты, сын Сагарадаты, именуемый почтенным Чарудаттой. Этот преступник привез гетеру Васантасену в безлюдный запущенный парк Пушпакарандаку и убил ее там, задушив, чтобы снять с нее украшения. Он был пойман с краденым и сам признал свое преступление. Тогда царь Палака приказал нам казнить его. Если кто-нибудь совершит такое преступление, осуждаемое как на этом, так и на том свете, то его и тоже царь Палака накажет подобным образом.

Чарудатта (*жалобно, про себя*).

Мой знатный род, очищенный от скверны
Ценою сотен жертвоприношений,
Молитвами, которые читались
У жертвенников среди толп народа, —
Мой знатный род сегодня упомянут
В позорном и жестоком приговоре
Людьми, которые в грехе погрязли
И род мой недостойны называть!
(*Смотрит вверх и хватается за голову.*)

О, милая Васантасена!

Белы твои зубы, как лунного света лучи,
И губы твои, как кораллы, прекрасны и алы,
Из уст твоих пил я нектар в свои лучшие дни, —
Как выпить мне чашу с убийственным ядом позора?

Оба палача. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Сокровищницу благородных дел;
Мост через все несчастья, что воздвигнут
На благо добрым людям; человека,

Который краше золота душой, —
Выводим мы из города для казни!

А также:

На этом свете почему-то все
Забьются лишь о счастливых людях;
Но где найдешь такого, кто б помог
Попавшему в несчастье человеку?

Чарудатта (*осматривается по сторонам*).

Недавние друзья, прикрыв одеждой лица,
Уходят далеко, чтобы навеки скрыться, —
Ведь первый встречный дружбу предлагает
Тому, кто счастлив, кто преуспевает;
Но вот не повезет, придется туго —
И нет тебе ни помощи, ни друга!..

Оба палача. Люди разошлись. Главная улица опустела. Так ведите же его, запятого знаком смертного приговора!

Чарудатта (*повторяет со вздохом*: «О друг Майтрея, что за день несчастный!..» и так далее).

Голос за сценой. О отец! О дорогой друг!

Чарудатта (*прислушиваясь, горестно*). О глава своей касты, я хочу попросить тебя кой о чем.

Оба палача. Ты хочешь что-то взять из наших рук?

Чарудатта. Избавьте от греха! Ведь чандалы не столь неосмотрительны и жестоки, как Палака. Я прошу вас дать мне увидеть лицо сына, чтобы мне достичь покоя на том свете.

Оба палача. Да свершится это!

Голос за сценой. О отец, отец мой!

Чарудатта, услышав это, повторяет жалобно:

«О глава своей касты...» и так далее.

Оба палача. Эй, горожане! Очистите на время место. Пусть этот почтенный Чарудатта посмотрит на своего сына! (*За сцену.*) Сюда, сюда, почтенный! Иди сюда, мальчик, иди!

Входят Майтрея с мальчиком.

Майтрея. Быстрее, быстрее, мой дорогой, твоего отца ведут на казнь.

Рохасена. О отец! О отец мой!

Майтрея. О дорогой друг, где я теперь тебя увижу!

Чарудатта (*увидев сына и Майтрею*). О, сын! О, Майтрея! (*Горестно.*) О, горе!

Когда уйду в потусторонний мир,
Я долго буду там страдать от жажды —
Ведь слишком мал пока что тот сосуд,
В котором будут подавать мне воду!..

Что я могу дать сыну? (*Осматривает себя, замечает жертвенный шнур.*)
Это пока у меня еще есть.

Это — брахманов украшение,
Не жемчужное, не золотое,
С его помощью воздается
Дань богам и душам усопших.
(*Дает Рохасене жертвенный шнур.*)

Первый палач. Иди, Чарудатта, иди!
Второй палач. Ты обращаешься к почтенному Чарудатте просто
по имени? Смотри:

В несчастье и счастье, и ночью и днем
Судьба беспрепятственно шествует в мире,
Как волю почуявший конь молодой!

И еще:

Что ж, что померкла слава Чарудатты,
Но головы свои мы, как бывало,
Должны пред ним с почтеньем преклонять —
Луну хоть и проглатывает Раху,
Но для луны позора в этом нет!

Рохасена. Эй, палачи, куда вы ведете моего отца?
Чарудатта. Дитя!

Олеандров душистых гирлянд
Сегодня несу я на шее,
Кол несу на плече,
Груз печали на сердце несу.
К месту казни ведут меня,
Словно козла на закланье,
Словно в жертву богам
Жизнь мою принесут палачи!..

Первый палач. Мальчик!

Ты злодеями нас не считай,
Хоть и чандалы мы по рождению;
Мальчик, знай, что злодей — это тот,
Кто хороших людей притесняет!

Рохасена. Зачем вы хотите убить моего отца?

Первый палач. Да будет твоя жизнь долгой. Это мы делаем по приказу царя, а не по нашей охоте.

Рохасена. Убейте меня, но отпустите отца!

Первый палач. Раз ты так говоришь, я желаю тебе, чтобы жизнь твоя была долгой.

Чарудатта *(со слезами обнимает сына)*.

Любовь — сокровище, доступное
Равно богатому и бедному,
Она — бальзам всеисцеляющий
Для сердца, хоть и не примешаны
К ней ни ушира, ни сандал!..

(Повторяет: «Олеандров душистых гирлянду...» Смотрит, затем повторяет про себя: «Недавние друзья, прикрыв одеждой лица...» и так далее.)

Майтрея. Эй, добрые люди, отпустите дорогого друга Чарудатту, казните меня!

Чарудатта. Что ты, это грех! *(Смотрит вокруг, про себя.)* Теперь я понимаю. *(Повторяет: «Недавние друзья, прикрыв одеждой лица...» и так далее. Вслух повторяет: «Из дворцовых высунувшись окон...» и так далее.)*

Первый палач. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Довольно вам глазеть на Чарудатту,
На благороднейшего человека,
Надежду потерявшего на жизнь
Из-за того, что был он обесславлен!
Подобен он кувшину золотому,
Что из-за оборвавшейся веревки
В колодце погружается на дно...

Чарудатта грустно повторяет:

«Белы твои зубы, как лунного света лучи...» и так далее.

Второй палач. Огласи приговор вновь!

Первый палач вновь оглашает приговор.

Чарудатта.

В печальное попал я положение,
И смертью увенчается оно,
И этот приговор мне мучит душу —
Я слышу в нем, что я ее убил!

С т х а в а р а к а находится во дворце, закованный в цепи.

Стхаварака (*услышав приговор, удрученно*). Как! Безвинный Чарудатта будет казнен, а я закован в цепи моим господином. Ладно, я закричу громко. Слушайте, почтенные, слушайте! на самом деле этот так: я, злосчастный, привез Васантасену в запущенный парк Пушпакарандаку из-за того, что она перепутала повозки. После этого мой господин убил ее — задушил за то, что она не отвечала взаимностью на его любовь. Как? Меня никто не слышит — все слишком далеко от меня! Так я прыгну вниз. (*Раздумывает.*) Если я это сделаю, то почтенный Чарудатта не будет казнен. Хорошо, я выпрыгну из голубятни отсюда с верхушки дворца через это ветхое оконце. Пусть лучше я разобьюсь, чем погибнет почтенный Чарудатта. Ведь он — защитник добрых людей — подобен дереву, на котором находят приют птицы. Если я убьюсь, при падении, то, безусловно, попаду в иной мир. (*Выпрыгивает.*) Странно, я не убился. Оковы же мои разбиты. (*Смотрит и подходит к палачам.*) Эй вы, палачи, расступитесь, расступитесь!

Оба палача. Кто это зовет нас расступиться?

Стхаварака повторяет сказанное им ранее.

Чарудатта.

О, кто явился в этот горький час,
Когда я нахожусь в преддверье смерти?
Сравню пришельца с тучей дождевой
Над нивой, от зноя изнемогшей!

Вы слышали, почтенные, —

Я смерти не боюсь, мне только жаль,
Что клеветой род мой опозорен.
Будь я оправдан — смерть приму свою
С отрадой, словно первенца рождение!

А также

Мне жаль, что полоумным подлецом
Погублен я, хоть зла ему не делал;
Подобен он отравленной стреле:
Убийца он — и он же обвинитель!

Оба палача. Стхаварака, ты говоришь правду?

Стхаварака. Правду. Чтобы я не рассказал ее никому, меня заковали в цепи и поместили в каморке на самой верхушке дворца.

Входит Самстханака.

Самстханака (*радостно*).

Я пообедал в собственном доме,
Мяса отведал в соусе острым,

Ел я похлебку, овощи, рыбу,
Рис по-домашнему, рис подслащенный...

(Прислушиваясь.)

Речь палачей звучит как надтреснутый медный рог. Я слышу также бой барабанов, извещающий о смертной казни. Из этого я заключаю, что нищего Чарудатту ведут к месту казни. Так пойду туда посмотреть! Гибель врага — огромная радость для моей души. Я слышал также, что тот, кто увидит, как убивают его врага, в следующем рождении будет избавлен от глазных болезней. Я полз, как червь в стебле лотоса, и искал уязвимое место. Я добился гибели Чарудатты. Теперь я поднимусь на мою голубятню на самой верхушке дворца, чтобы испытать свое мужество. *(Поднимается и смотрит.)* Ха-ха! Если сейчас, когда ведут на казнь этого нищего Чарудатту, собралась такая большая толпа, то какое же множество народа соберется в тот час, когда поведут на казнь такого превосходного человека, как я?! *(Всматривается.)* Как? Его ведут в южную сторону, украсив как быка? Но почему же, поровнявшись с моей голубятней на самой верхушке дворца, начали читать приговор, но до конца не дочитали? *(Осматривается по сторонам.)* Как, здесь нет моего слуги Стхавараки? Только бы он не убежал и не выдал бы тайну! Я его поищу. *(Спускается и направляется к толпе.)*

Стхаварака *(увидев Самстханаку)*. Добрые люди, вот он явился!
Оба палача.

Расступитесь! Дорогу! Дорогу!
На запор закрывайте ворота!
Берегитесь! Злой бык сюда мчится,
И рога его острые — грубость!

Самстханака. Эй, эй! Расступитесь, расступитесь. Сыночек, слуга Стхаварака, иди ко мне! Уйдем отсюда!

Стхаварака. Ах, недостойный, ты не удовлетворился тем, что убил Васантасену. Теперь ты стараешься убить еще и почтенного Чарудатту — это волшебное дерево, исполняющее все желания друзей.

Самстханака. Я, подобный кувшину с драгоценностями, не убиваю женщин!

Все. Так это ты убил, а не почтенный Чарудатта!

Самстханака. Кто это сказал?

Все *(показывая на Стхавараку)*. Вот этот достойный человек.

Самстханака *(в испуге, про себя)*. О, горе, горе! Разве я не заковал слугу Стхавараку в цепи? Ведь он — свидетель преступления. *(Раздумывая.)* Вот как я поступлю! *(Громко.)* Это ложь, господа! Этого слугу я уличил в краже золота. Тогда я его избил, побил и отколотил и заключил в оковы. Поэтому он на меня зол. Разве может быть правдой

то, что он говорит? *(Незаметно передает Стхавараке золотое ожерелье. Тихо Стхавараке.)* Сыночек, слуга Стхаварака, возьми это и скажи, что все было по-другому.

Стхаварака *(берет ожерелье)*. Смотрите, смотрите, добрые люди, он хочет соблазнить меня золотом.

Самстханака *(вырывая у него золотое ожерелье)*. Вот это золото, за которое я заковал его в цепи. *(Гневно.)* Эй, палачи, я назначил его охранять мою сокровищницу, и, когда он стал воровать золото, я его побил и избил и отколотил. Если не верите этому, посмотрите на его спину.

Оба палача *(поглядев на спину Стхавараки)*. Великолепно сказал! Почему бы наказанному слуге не солгать?

Стхаварака. Увы, таков удел слуг, что они никого не могут убедить в правоте своих слов. *(Горестно.)* Почтенный Чарудатта, это все, что я мог сделать. *(Падает к его ногам.)*

Чарудатта *(горестно)*.

Встань, бескорыстный друг, пришедший мне на помощь,

Встань, сострадательный и честный человек!

Чтобы спасти меня, ты сделал все, что мог,

Но ты бессилён — и всесильен рок!..

Оба палача. Господин, избежь этого слугу и прогони его.

Самстханака. Убирайся! *(Отталкивает его.)* Эй, палачи! Что вы медлите? Казните его!

Рохасена. Эй, палачи! Казните меня, отпустите отца!

Самстханака. Казните же его вместе с сыном!

Чарудатта. От этого дурака всего можно ждать. Сынок, иди к маме!

Рохасена. Что же я буду делать, если уйду?

Чарудатта.

Дитя, не медли! С матерью своей

Из города беги в места глухие —

Чтоб по вине безвинного отца

Тебя судьба такая ж не постигла!

Майтрея. О друг, ты ведь знаешь, что без тебя я не смогу жить.

Чарудатта. Жизнь твоя зависит от тебя. Тебе не следует оставлять ее.

Майтрея *(про себя)*. Не следует делать этого. Однако без моего доброго друга я не смогу жить. Поэтому я вручу мальчика матери и покину эту жизнь, чтобы следовать за своим дорогим другом. *(Вслух.)* Друг, я сейчас уведу его. *(Обнимает Чарудатту и падает к его ногам. Рохасена тоже плачет и падает.)*

Самстханака. Ведь я же сказал, казните Чарудатту вместе с сыном.

Чарудатта испуган.

Оба палача. У нас нет на то царского приказа, чтобы казнить Чарудатту вместе с сыном. Уходи, мальчик, уходи! *(Рохасену уводят.)* На этом месте приговор должен быть прочитан в третий раз. Бейте в барабан! *(Снова читают приговор.)*

Самстханака *(про себя)*. Почему эти горожане не верят? *(Вслух.)* Эй, парень Чарудатта, не верят горожане, поэтому ты скажи собственными устами, что ты убил Васантасену.

Чарудатта молчит.

Эй вы, люди, палачи, парень Чарудатта не говорит. Бейте его расщепленной бамбуковой палкой и заставьте говорить.

Первый палач *(собираясь ударить)*. Эй, Чарудатта, говори!

Чарудатта *(горестно)*.

Низвергнутый судьбой в несчастий океан,
Не знаю больше я ни горестей, ни страха,
И лишь одна меня смущает мысль —
Боюсь, всеобщей ненависти пламя
Сожжет меня, едва произнесу,
Что это я убил Васантасену!

Самстханака повторяет сказанное им.

Чарудатта. О горожане! *(Снова повторяет: «Друг, я, как видишь, человек жестокий...» и так далее.)*

Самстханака. Говори: «Я убил ее сам».

Чарудатта. Ну что ж!

Первый палач. Ты должен казнить его!

Второй палач. Нет, ты!

Первый палач. Тогда давай бросим жребий.

Несколько раз бросают жребий.

Если я должен казнить его, то пусть он немного подождет.

Второй палач. Зачем?

Первый палач. Когда мой отец умирал, он наказывал мне: «Если тебе придется казнить, не убивай приговоренного сразу же».

Второй палач. Почему?

Первый палач. Может быть, найдется какой-нибудь добрый человек, заплатит деньги и выкупит приговоренного к казни. Или у царя

родится сын, и по поводу такой большой радости все приговоренные к казни будут помилованы. Или сорвется с цепей пойманный слон, и тогда во всеобщем смятении приговоренный сбежит, или произойдет смена царя, благодаря чему все приговоренные к казни будут помилованы.

Самстханака. Что? Что? Произойдет смена царя?

Первый палач. Это мы здесь бросаем жребий и толкуем между собой.

Самстханака. Быстрее убивайте Чарудатту. *(Отходит со слугою в сторону.)*

Первый палач. Почтенный Чарудатта! Тебя казнит воля царя, а не мы, чандалы. Вспомни о том, о чем ты хочешь вспомнить.

Чарудатта.

Пусть я унижен силой власть имущих
По воле злой несправедной судьбы,
Но если до сих пор имеют силу
Те добрые дела, что я творил, —
Пусть та, что ныне в неизвестном крае
Иль во дворце царя богов живет,
Позор с меня своею властью смоем
И роду славу добрую вернет!..

Куда мне идти?

Второй палач. Вон виднеется на юге поле, где сжигают трупы. Стоит только осужденному на смерть ступить туда, как он без промедленья расстается с жизнью. Смотри, смотри —

Ты видишь? Половину трупа
Терзают тощие шакалы;
Его другая половина,
Что на колу торчит, похожа
На маску с дикою усмешкой...

Чарудатта. Погиб я, несчастный! *(В волнении садится.)*

Самстханака. Я пока что не уйду. Я посмотрю, как будут казнить Чарудатту. *(Идет и смотрит.)* Как, он сел?

Первый палач. Чарудатта, ты испугался?

Чарудатта *(быстро встав)*. Глупец! *(Снова повторяет: «Я смерти не боюсь, мне только...» и так далее.)*

Первый палач. Почтенный Чарудатта, даже солнцу и луне, чье место в небе, не избежать беды. Что же говорить о нас, смертных! Каждый, кто родился на земле, тем самым обречен на гибель, а каждый умерший должен вновь родиться. Для души возникновение и гибель тела подобны смене платья. Помни это и крепись. *(Второму палачу.)* На этом месте приговор должен быть оглашен в четвертый раз. Огласи его!

Снова повторяют приговор.

Чарудатта. О милая Васантасена! (*Снова повторяет: «Белы твои зубы, как лунного света лучи...» и так далее.*)

Входят в смятении Васантасена и монах.

Монах. Удивительно! Как кстати стал я странствующим монахом, раз мне довелось вести и ободрять столь измученную Васантасену. Куда вести тебя, последовательница Будды?

Васантасена. Только в дом почтенного Чарудатты. Дай мне хоть взглянуть на него! Я буду счастлива как лотос, увидевший луну.

Монах (*про себя*). По какой дороге мне идти? (*Раздумывая.*) Пойду главной улицей. Последовательница Будды, пойдем вот здесь, по главной улице. (*Прислушиваясь.*) Что там за страшный шум на главной улице?

Васантасена (*смотрит вперед*). Почему перед нами такая огромная толпа народа? Почтенный, узнай, что там происходит. Кажется, под тяжестью толпы сам город Удджайини склонился набок, как неравномерно нагруженный корабль.

Второй палач. На этом месте приговор должен быть оглашен в последний раз. Бейте в барабан! Оглашайте приговор!

Раздается барабанный бой, и палач читает приговор.

Ну, держись, Чарудатта! Не бойся. Твоя смерть будет мгновенной!

Чарудатта. О, великие божества!

Монах (*услышав это, взволнованно*). Последовательница Будды, здесь говорят, что Чарудатта убил тебя, и за это его ведут на казнь.

Васантасена (*взволнованно*). О, горе! О, горе! Как, из-за меня, несчастной, хотят казнить почтенного Чарудатту?! Скорее, скорее покажи мне дорогу!

Монах. Спеши, последовательница Будды, спеши утешить почтенного Чарудатту, пока он жив. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Васантасена. Расступитесь! Расступитесь!

Первый палач. Почтенный Чарудатта! Тебя казнят по приказанию царя. Вспоминай, о чем ты хочешь вспомнить.

Чарудатта. К чему быть многословным? (*Повторяет: «Пусть я унижен силой власть имущих...» и так далее.*)

Первый палач (*вынимая меч из ножен*). Почтенный Чарудатта, будь спокоен и стой прямо! Одним ударом мы лишим тебя жизни и отправим на небо.

Чарудатта выпрямляется. Палач хочет нанести удар, но меч выпадает у него из рук.

Как!

Хоть рукоять я крепко сжал в руке,
Но почему-то меч мой смертоносный
На землю, словно молния, упал!..

Из этого я заключаю, что почтенный Чарудатта не будет казнен. О богиня, обитательница гор Сахья, смилуйся, смилуйся, пусть Чарудатта будет спасен! Окажи эту милость нашему роду палачей!

Второй палач. Давай поступим, как нам было приказано.

Первый палач. Хорошо, мы сделаем это.

Оба палача хотят посадить Чарудатту на кол.

Чарудатта снова повторяет:

«Пусть я унижен силой власть имущих...» и так далее.

Монах и Васантасена (*увидев это, вместе*). Почтенные, погодите, погодите!

Васантасена. Почтенные! Это — а несчастная, из-за которой он приговорен к казни.

Первый палач (*увидев Васантасену и монаха*).

Кто эта женщина, спешащая
С распущенными волосами?
Бежит она с руками поднятыми,
Кричит: «Помедлите! Помедлите!»

Васантасена. Почтенный Чарудатта! Что это? (*Падает на землю.*)

Монах. Почтенный Чарудатта, что это? (*Падает к ногам Чарудатты.*)

Первый палач (*испуганно подходит к ним*). Как? Это Васантасена! Мы чуть не казнили ни в чем не повинного человека!

Монах (*встает*). Чарудатта жив!

Второй палач. Он будет жить сто лет!

Васантасена (*радостно*). И я ожила вновь.

Оба палача. Мы пойдем и доложим об этом событии царю, который пребывает сейчас в саду, где совершаются жертвоприношения.

Оба палача собираются уходить.

Самстханака (*увидев Васантасену, в страхе*). О горе! Кто воскресил эту рабыню по рождению? Жизнь покидает меня. Что же, надо мне спастись бегством. (*Убегает.*)

Оба палача (*приблизившись*). Нам приказано царем казнить того, кто убил ее. Поэтому мы поймаем царского шурина.

Оба палача уходят.

Чарудатта (*изумленно*).

Кто ты, пришедшая сюда, подобно ливню
На засухой иссушенную ниву,
Пришедшая в тот страшный миг, когда
Был поднят меч и был я в пасти смерти?

(*Всматриваясь.*)

Кто это, кто? Двойник Васантасены?
Или сама она спустилась с неба?
Иль это только краткое виденье,
Рожденное мятущейся душой?
Иль это прежняя Васантасена —
И никогда она не умирала?

Или, может быть,

Сошла она с неба, чтоб жизнь мне спасти?
Иль это другая небесная дева
Явилась на землю, приняв ее облик, —
И схожи они как две капли дождя?

Васантасена (*встает и, плача, падает к его ногам*). Почтенный Чарудатта, это я, греховная, я, из-за которой ты оказалъся в таком плачевном положении.

Голос за сценой. О, чудо, чудо! Васантасена жива!

Все повторяют это.

Чарудатта (*услышав это, быстро встает; глаза его закрыты, лицо выражает счастье. Он радостно и быстро говорит*). Милая Васантасена, это ты?

Васантасена. Да, это я, несчастная!

Чарудатта (*рассматривая ее, обрадованно*). Так это же Васантасена! (*Радостно.*)

Потоком слез твоя омыта грудь...
Любимая моя, ответь, откуда
Явилась ты, подобно заклинанию,
И гибель отвратила от меня?!

Милая Васантасена!

Спасла ты жизнь мою! Она могла
Из-за тебя угаснуть. Что за сила
Таится в этой встрече двух влюбленных!
Кто и когда из мертвых воскресал?!

А также, милая,

Смотри, и этот красный плащ,
И осужденного венки
Ты в украшенья жениха
Своим приходом превратила!
Ты слышишь барабанов бой?
О казни он оповещал,
Но ты явилась — и теперь
О свадьбе он оповещает!

Васантасена. Почтенный, в какую беду ты попал по своему редкостному великодушию?

Чарудатта. Милая, ведь здесь сказали, что я тебя убил!

Могущественный враг, достойный ада,
Давно возненавидевший меня,
Едва меня сейчас не уничтожил!..

Васантасена (*хватаясь за голову*). Прочь от греха! Ведь этот царский шурин едва не убил меня.

Чарудатта (*увидев монаха*). А это кто?

Васантасена. Тот злодей меня убил, но этот добрый человек вернул мне жизнь.

Чарудатта. Кто ты, бескорыстный друг?

Монах. Ты не узнаешь меня, почтенный? Я — тот массажист, который всегда заботился о том, чтобы растереть ноги тебе, почтенный! Я был схвачен игроками за долги, но меня выкупила эта почтенная женщина, потому что я принадлежал тебе. Пресытившись игрой, я стал монахом-созерцателем. А эту почтенную женщину я вновь увидел уже после того, как она, перепутав повозки, приехала в парк Пушпакарандаку и была задушена тем негодяем.

Голос за сценой.

Да здравствует, да будет славен тот,
Кто ныне жертвоприношение Дакши
Навеки ниспроверг и уничтожил!
И зная то, где был изображен!
Враг Краунчи будь славен шестиустый,
Что разрубил его! Да будет славен
Царь Арьяка, пусть землю завоеует!
На знамени его не зря сияет,
Белея, Кайласа гора! Отважно
Врагов могучих он сразил в бою!

Быстро входит Шарвилака.

Шарвилака.

Палаку — злого царя — я убил,
Арьяку быстро на царство помазал,
И, возлагая себе на главу,
Словно венок, приказанье владыки,
Я к Чарудатте на помощь спешу!

А также:

Сразив врага, оставленного войском,
Покинутого всей придворной кликой,
И успокоив горожан Аванти,
Стал Арьяка владыкой всей земли —
Как Индра, он вознесся над врагами!
(Смотрит вперед.)

Хорошо! Он, наверное, там, где собралась эта толпа народа. О, если бы начало царствования Арьяки ознаменовалось спасением почтенного Чарудатты! (*Быстро подбегает к толпе.*) Разойдитесь, негодяи! (*Увидев Чарудатту, радостно.*) Чарудатта с Васантасеной живы! Желание нашего владыки исполнилось!

Какое счастье — вновь его я вижу!
Благополучно выплыл Чарудатта
Из океана горя и печали
При помощи подруги бескорыстной
И полной многочисленных достоинств!
Она его спасла, подобно лодке,
Которую тянули на канате!
Он вновь сверкает перед нами, словно
Освобожденный от затмения месяц!

Ведь я совершил великий грех, как же я подойду к нему? Впрочем, откровенность нравится всем. (*Подходит, почтительно складывает ладони, вслух.*) Почтенный Чарудатта!

Чарудатта. Кто ты, почтенный?

Шарвилака.

Я тот, кто, проломав дыру в стене,
Проник в твой дом и утащил оттуда
Шкатулку с драгоценными вещами,
Которую ты принял на хранение...
И, совершив великий этот грех,
К тебе же обращаюсь за защитой!

Чарудатта. Это не так, мой друг, ты оказал мне этим только доверие. (*Обнимает его.*)

Шарвилака. И кроме того,

Знай, благородный Арьяка,
Хранитель чести рода,
Царя-злодея Палаку
Убил у алтаря,
У алтаря, где в жертву
Животные приносятся!

Чарудатта. Как?!

Шарвилака.

Тот, кто в твоей повозке укрывался,
Кто в трудный час к твоей прибеж защите,
Убил сегодня Палаку-злодея,
Как жертвенных животных убивают!

Чарудатта. Шарвилака, это ты освободил Арьяку, когда Палака велел привезти его из деревни и безвинно посадил в тюрьму?

Шарвилака. Все так, как ты сказал, почтенный.

Чарудатта. Приятно мне слышать приятное.

Шарвилака. Как только друг твой Арьяка пришел к власти в Удджайини, он назначил тебя правителем города Кушавати, что на берегу реки Вены. Изволь принять это первое проявление дружеской любви. (Оборачиваясь.) Ведите сюда этого злого и хитрого царского шурина.

Голос за сценой. Делайте, как приказывает Шарвилака.

Шарвилака. Почтенный, теперь царь Арьяка велит сказать тебе, что он добился власти благодаря твоим достоинствам. Поэтому не стесняйся принять его милость.

Чарудатта. Разве он получил царство благодаря моим достоинствам?

Голос за сценой. Эй, царский шурин, иди, иди, вкуси плод своего злодеяния!

*Входит Самстханака с руками, связанными за спиной,
в сопровождении толпы.*

Самстханака. Удивительно!

Казалось мне, я убежал далеко,
Как с привязи сорвавшийся осел,
А получилось, что меня обратно,
Как злого пса, приводят на цепи!..
(Осматривается по сторонам.)

Меня, родственника царя, окружили со всех сторон. Так к кому же я, беззащитный, обращусь теперь за защитой? (Раздумывает.) Ладно, я

могу обратиться только к тому, кто милостив к просящим защиты.
(Подходит к Чарудатте.) Почтенный Чарудатта, спаси меня, спаси!

Голос за сценой. Оставь его, оставь, мы казним его!

Самстханака (Чарудатте). О опора беззащитных, спаси меня!

Шарвилака (сердито). Уведите его от Чарудатты! (Чарудатте.)
Изволь сказать, что сделать с этим злодеем:

Связать его и по земле влечить,
Или отдать собакам на съеденье,
Или немедля на кол посадить,
Иль распилить его пилой прикажешь?

Чарудатта. Сделаете ли вы с ним то, что я скажу?

Шарвилака. Какое в этом может быть сомнение!

Самстханака. Владыка Чарудатта! Я обратился к тебе за защитой, так спаси меня, спаси! Сделай то, что достойно тебя! Я не буду делать такого вновь!

Голос за сценой. Казните его, зачем оставлять в живых этого грешника?

*Васантасена снимает венок приговоренного к смертной казни
с шеи Чарудатты и надевает его на Самстханаку.*

Самстханака. Дочь рабыни по рождению! Я не буду больше убивать! Спаси меня!

Шарвилака. Эй, уведите его! Почтенный Чарудатта, изволь приказать, что сделать с этим злодеем.

Чарудатта. Сделаете ли вы, как я скажу?

Шарвилака. Какое может быть в этом сомнение?

Чарудатта. Это правда?

Шарвилака. Правда.

Чарудатта. Раз так, пусть он скорее будет...

Шарвилака. Убит?

Чарудатта. Нет! Нет! Отпущен.

Шарвилака. Зачем?

Чарудатта.

Врага преступного, просящего защиты,
Припавшего к ногам, нельзя казнить мечом...

Шарвилака. Правильно, его следует отдать на съеденье собакам!

Чарудатта. Нет.

Его казнь я милостью своей!

Шарвилака. Странно! Что же делать мне с ним? Скажи, почтенный!

Чарудатта. Изволь его отпустить.

Шарвилака. Да будет он свободен.

Самстханака. Удивительно! Я ожил снова! (*Уходит вместе с толпой.*)

Шарвилака. Почтенная Васантасена! Царь доволен тобой и разрешает именовать тебя его супругой.

Васантасена. Почтенный, мое желание исполнилось.

Шарвилака (*набрасывает на Васантасену покрывало, затем обращается к Чарудатте*). Почтенный, а как отблагодарить этого монаха?

Чарудатта. Монах, что тебе милее всего?

Монах. Когда я только что еще раз увидел, как изменчиво все земное, доля монаха-подвижника мне стала вдвое дороже.

Чарудатта. Друг, его решение непоколебимо. Поэтому пусть он станет главою всех буддийских монастырей в нашей стране.

Шарвилака. Да будет так, как ты сказал, почтенный!

Монах. Приятно мне слушать приятное.

Васантасена. Мне кажется, что жизнь вновь вернулась ко мне.

Шарвилака. А что сделать со Стхаваракой?

Чарудатта. Этого достойного человека следует сделать свободным. Те палачи пусть станут старшими над всеми чандалами. Чанданака пусть будет начальником над всеми стражниками, и пусть ему поручат те дела, которыми ведал царский шурин.

Шарвилака. Почтенный, да будет все, как ты сказал, но Самстханаку-то ты мне обязательно отдай. Я убью его.

Чарудатта. Да спасется тот, кто просит у меня защиты. (*Повторяет: «Врага преступного, просящего защиты...» и так далее.*)

Шарвилака. Тогда изволь сказаать, что еще приятное я могу для тебя сделать.

Чарудатта. Разве есть что-нибудь более приятное, чем это?

Вернул себе я славу человека,
Ведущего достойный образ жизни,
И враг, который пал к моим ногам,
Сегодня мной отпущен на свободу!
Царь Арьяка — мой драгоценный друг —
Своих врагов навеки вырвал с корнем
И получил господство над страной,
А я опять обрел Васантасену,
Возлюбленную верную свою!
И ты, почтенный, снова встретил друга.
Чего ж еще достичь мне остается,
Чего бы в мире мог я пожелать,
О чем бы мог просить тебя, почтенный?

А также:

Одних разоряет бесстыдно судьба,
Других одаряет богатством чрезмерным;
Одних возвышает над всеми людьми,
Других же приводит к позору, к паденью;
Но вновь она милость им дарит, когда
Они безысходно отчаялись в жизни.
Она поучает, что все на земле —
Всего лишь случайное соединенье
Враждебных друг другу мятущихся сил,
И нами играет она; без разбору
Нас вертит и крутит, как будто бы мы —
Кувшины на водочерпальных колесах!..

Но все-таки пусть совершится в заключение вот что:

Пусть коровы дают молоко в изобилие!
Пусть богатые будут у всех урожаи!
Пусть Парджанья нам вовремя дождь посылает!
Пусть все ветры нам будут благоприятны!
Пусть живут в вечной радости и ликование
Все, кому в мире выпала доля родиться!
Каждый брахман в своем благочестии добром
Уважаем пусть будет и здравствует долго!
Пусть цари, соблюдая во всем справедливость,
Берегут свои земли, врагов устрашая!

Все уходят.

Конец десятого действия и пьесы

ВИШАКХАДАТТА

Перстень Ракшасы

Драма в семи действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.

Актриса.

В ДРАМЕ:

Чандрагупта Маурья Низкорожденный, царь Магадхи.

Вишнугупта Чанакья Каутилья, его наставник и главный советник.

Малаякету, царевич, сын Парватешвары, правитель Горной Страны.

Ракшаса, главный советник династии Нанда.

Бхагураяна.

Индушарман, он же нищенствующий монах Дживасиддхи.

Нипунака.

Сиддхартхака, он же палач Ваджраломан.

Самиддхартхака, он же палач Бильвапатра.

Человек с веревкой.

Шарнгарав, ученик Чанакьи.

Чанданадаса, старейшина цеха золотых дел мастеров.

Шакатадаса, писец.

Вирадхагупта, он же заклинатель змей Джирнавиша.

Карабхака.

Прямвадака, слуга Ракшасы.

Вайхинари, дворецкий Чандрагупты.

Джаджали, дворецкий Малаякету.

Бхасурака, слуга Бхагураяны.

Шоноттара, привратница Чандрагупты.

Виджая, привратница Малаякету.

Жена Чанданадасы.

Маленький сын Чанданадасы, два певца (за сценой), слуги и так далее.

} Сторонники
и соглядатаи
Чанакьи.

} Сторонники
и соглядатаи
Ракшасы.

Действия 1-е и 3-е происходят в Паталипутре,
действия 2-е и 4-е — в столице Горной Страны,

действие 5-е — в лагере Малаякету,

действие 6-е — в саду у ворот Паталипутры,

действие 7-е — частью в Паталипутре, частью за городом.

ПРОЛОГ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Парвати.

Что за счастливцу, супруг, несешь ты на своем челе,
Тогда как мне, своей жене, лишь на бедре назначил место?

Шива. Всмотрись — ведь это серп луны!

Парвати. Ах, Серплуны?! Вот это имя!

Шива. Что удивительного тут? На голове у Шивы — месяц.

Парвати. Ну, не хитри! Вся суть в подруге, тут месяц вовсе ни при чем!

Шива. А если Месяц-Шива ни при чем, так и болтай с подружкой Виджайей!

Пусть хитрость Шивы, скрывшего название
Реки богов, спадающей с небес
На голову его, — пусть хитрость эта
Опорой и порукой будет вам!

И еще:

Шива танцует, движения в танце смиряя,
Чтобы под тяжелой стопой земля не погибла;
Руки разводит он дальше просторов вселенной,
Чтобы создание богов не смести ненароком;
Шива танцует, смежив тяжелые веки,
Чтобы не вспыхнул пожар от его искрометного взгляда.
Пусть же его осторожный и сдержанный танец
Будет огнине опорой вам и порукой!

*По окончании благословения входит
руководитель труппы.*

Руководитель труппы. Довольно многословия. Публика мне повелела, чтобы сегодня была представлена мною новая пьеса под названием «Перстень Ракшасы», сочиненная поэтом Вишакхадаттой, сыном Махараджи Бхаскарадатты, внуком Саманты Ватешварадатты. Поистине, великое наслаждение — играть перед публикой, умеющей оценить достоинства поэтического произведения. Ибо,

Если поле плодородно — каждый год обильны всходы:
Дело тут не в земледельце, но в самой земле.

Так я пойду домой, позову хозяйку и сейчас же со своими домохозяками начну представление. *(Обходит сцену и осматривается.)* Вот наш дом. Войду-ка я. *(Делает вид, что входит, и осматривается.)* О, что

это? Похоже на то, что у нас в доме сегодня большой праздник. Больше обычного хлопочут служанки, каждая занята своим делом. Вот так.

Та готовит благовонья, эта воду в дом несет,
Третья пестрые гирлянды из цветов сплетает,
А четвертая усердно рис толчет в железной ступке,
Раздается звон ударов — это праздник в дом стучится!

Ладно. Позову хозяйку и спрошу у нее. *(Обращается за сцену.)*

О правительница дома,
Охранительница блага,
Ты в себе соединила
Веру, пользу и любовь!

Актриса *(входя.)* Я здесь, господин. Да соизволишь ты отдать мне приказание.

Руководитель труппы. Не говори о приказаниях, госпожа. Скажи, зачем затеяли эту необычную стряпню? Осчастливлен ли нынче наш очаг посещением благочестивых брахманов или в доме принимают желанных гостей?

Актриса. Господин, я пригласила благочестивых брахманов.

Руководитель труппы. А по какому поводу?

Актриса. Да, ведь, говорят, месяц затмился.

Руководитель труппы. Кто это сказал?

Актриса. Да народ в городе об этом толкует.

Руководитель труппы. Госпожа, я со тщанием изучил науку о небесных светилах во всех ее шестидесяти четырех разделах. Пусть готовится эта особая трапеза для благочестивых брахманов. Но что касается затмения Месяца — Чандры, тебя кто-то ввел в заблуждение. Смотри:

Злобный вор вместе с Кету врасплох нападает на Чандру,
Проглотить светлый месяц он хочет...

(Прерывает речь.)

Голос за сценой. Эй, кто это хочет захватить Чандру, когда я здесь?

Руководитель труппы.

...Но спасет того с Будхой союз.

Актриса. О, кто же это, господин, из живущих на земле хочет защитить Месяц от похитителя?

Руководитель труппы. По правде говоря, госпожа, я его не вижу. Ладно! Буду внимательней и узнаю его по голосу. *(Повторяет: «Злобный вор вместе с Кету...» и так далее.)*

Голос за сценой. Эй, кто это хочет захватить Чандрагупту, когда я здесь?

Руководитель труппы (*прислушиваясь*). Теперь я узнал, гос-пожа.

Каутилья...

(Актриса выказывает страх.)

...сей коварный истребитель рода Нанды,
Гневом яростным пылая, направляется сюда.
И спешит теперь Чанакья повелителю на помощь.
Так уйдем же отсюда.

Оба уходят.

Конец пролога

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ОБРЕТЕНИЕ ПЕРСТНЯ

*Входит гневный Чанакья,
касаясь рукой пряди волос на голове.*

Чанакья. Отвечайте! Кто это хочет захватить Чандрагупту, когда я здесь?

Чандрагупта — львиный клык, обгаренный свежей кровью, —
Словно месяц в небесах, озаренный краской утра.
Каутилья — львиный зев, где возрос резец багряный.
Кто посмеет вырвать зуб из разверстой пасти льва?

И еще:

Тот сам на смерть себя обрек, кто хочет зреть и впредь
Волос развязанную прядь на голове моей.
Как кобра, тянется она, колыхнется, как дым,
Над тем пожаром, что спалил величье рода Нанды!

И еще:

Кто не дрогнет перед пламенем гнева
Моего, испепелившего Нандов?
Кто, бессильный перед силой пожара,
В пламя бросится слепой саранчою?

Шарнгарава! Шарнгарава!

Ученик (*входит*). Приказывай, о учитель.

Чанакья. Сын мой, я хочу сесть.

Ученик. Учитель, ведь в покое у главного входа есть тростниковые сиденья. Да соизволит учитель отдохнуть на них.

Чанакья. Сын мой, я упрекаю тебя не из суровости, присущей наставнику; я поглощен государственными делами и потому раздражен. *(По уходе ученика садится. Про себя.)* В гневе из-за гибели рода Нанды Ракшаса заключил союз с Малаякету, сыном Парватаки; тот не может простить убийства своего отца, и к тому же его соблазнило предложение завладеть всем царством Нанды. С его поддержкой, собрав огромное войско иноземных царей, Ракшаса готовится напасть на Низкорожденного. Как это стало известно горожанам? *(Размышляет.)* Что ж, некогда я поклялся перед всеми уничтожить род Нанды, и я переправился через этот трудноодолимый поток — я исполнил клятву. Так неужели я теперь не сумею отразить это ожидаемое нападение? Отчего бы нет?

Гнев мой подобен лесному пожару:
Дым поднялся до небес, заслоня светила, —
Это вдовы врагов закрывают скорбные лица.
Ветром злоумных интриг раздувается пламя —
Это вспыхнули ветви — советники Нанды.
В страхе крича, с деревьев срываются птицы —
Это подданным Нанды не скрыться от жаркого гнева.

Только весь лес уничтожив, утихнет огонь.

И еще:

Тот, кто в страхе ниц клонился,
Кто таил слова укора,
С грустью видя Вишнугупту
Злостью ввергнутым во прах,
Тот узрел и гибель Нанды,
Всех друзей его и близких.
Пусть глядит, как слон могучий
Сброшен в пропасть мудрым львом!

И теперь, уже исполнив обет, не оставляю меча ради Низкорожденного. То я,

Словно корни зловредной болезни,
Выкорчевал всех потомков Нанды.
Словно лотос, заботой взращенный,
Мною выращена слава Чандрагупты.
Поделил я справедливо и щедро
Двуединный плод души между ними:
Сколько ненависти первому досталось,
Ровно столько же второму — любви.

Однако можно ли говорить об искоренении рода Нанды и утверждении власти Чандрагупты, пока Ракшаса на свободе? (*Размышляет.*) Увы, по-прежнему непоколебима верность Ракшасы дому Нанды. Поистине, невозможно убедить его занять должность советника при Низкорожденном, пока жив хоть кто-то из рода Нанды. Можно было попытаться обуздать его рвение, и потому-то мы и умертвили несчастного Сарвартхасиддхи из рода Нанды, невзирая на то, что Ракшаса, войдя в союз с Малаякету, с еще большим усердием стремится разгромить нас. (*Обращаясь в пространство, к отсутствующему.*) Хвала тебе, советник Ракшаса, хвала! Хвала, мудрый брахман! Хвала, о Брихаспати среди царских советников, хвала! Ибо

Не предаст слуга господина,
Если тот обладает властью,
И в несчастье властелина не бросит,
Если верит в его возвышенье.
Но когда уже умер властитель,
Кто продолжит бескорыстную службу
В благодарность за минувшую милость?
Честь и слава такому слуге!

И потому, стремясь захватить тебя в плен, мы преследуем одну цель: заставить тебя принять должность советника при Низкорожденном! Ибо

Верность труса иль глупца — не опора господину.
Ум и храбрость — звук пустой, если преданность забыта.
Кто не смог объединить в сердце доблесть, ум и верность,
Те — наложницы царей, а не истинные слуги!

Я же неусыпно тружусь ради достижения этой цели и изо всех сил стараюсь взять его в плен. Как именно? В свое время я распустил о нем в народе недобрые слухи: будто бы это Ракшаса умертвил нашего верного союзника и друга, несчастного Парватаку, подослав к нему ядовитую девушку; якобы рассчитывал он, что гибель либо Низкорожденного, либо Парватаки будет ударом по Чанакье. Чтобы сделать этот навет более правдоподобным, я побудил к бегству Малаякету, сына Парватаки. Для этого я поручил Бхагураяне устроить его, передав ему тайно, что отец его Чанакьей умерщвлен. Можно было, конечно, захватить его хитростью в плен, чтобы не дать ему возрасти в силе, объединясь с Ракшасой. Но я не хочу избавить Ракшасу от бесчестия, которое кладет на него обвинение в убийстве Парватаки; а если бы мы пленили Малаякету, все вышло бы наружу... Затем, чтобы выявить, кто в народе верен нашему стану, а кто склоняется ко врагу, были разосланы соглядатаи во всякого рода обличьях, хорошо знающие языки, одежду и нравы жителей разных краев. И теперь идет непрерывная слежка за каждым шагом жи-

вущих в Кусумапуре друзей советника царя Нанды... Я заставил Бхадрабхату и других сановников, обязанных своим возвышением Чандрагупте, притвориться недовольными, дав для того каждому тот или иной повод... Противодействовать проискам подосланных врагом убийц и отравителей назначены к царю доверенные телохранители, бдительные, испытанной преданности. Далее: есть у меня школьный товарищ и друг, брахман по имени Индушарман, достигший совершенства в науке Ушана-наса о политике управления и во всех шестидесяти четырех разделах науки о небесных светилах. Я послал его в Кусумапуру сразу же после того, как дал обет уничтожить род Нанды. Под личиной нищенствующего монаха он завел там дружбу с приближенными Нанды; особенное же расположение снискал он у Ракшасы. Теперь ему предстоит выполнить поручение великой важности... Таким образом, с моей стороны ничто не упущено. И только сам Низкорожденный остается безучастен ко всему этому, возлагая бремя государственной политики на меня, своего главного советника. И действительно, ведь тогда лишь счастливо царствование, когда сам властитель избавлен от тягчайших забот, связанных с личным участием в делах государства. Ибо

Есть цари у слонов, есть цари у людей.
Безмятежна их жизнь, необъятна их мощь,
Но лишатся забот исполнительных слуг —
Сразу станут несчастней последних рабов.

Входит соглядатай в обличье разносчика картин, изображающих бога Яму.

Соглядатай.

Склонитесь к ногам бога Ямы,
О прочих богах забудьте:
Бог Смерти уносит души
Тех, кто свои молитвы
Возносит к другим богам!

И еще:

Бог Смерти, мольбам внимая,
Жизнь продлевает людям.
Живем мы по милости Ямы,
Несущего гибель жизни.

Войду в этот дом, покажу там изображения Ямы и спою свои песнопения. *(Обходит сцену.)*

Ученик *(замечает его)*. Эй, любезный, сюда входить нельзя!

Соглядатай. О брахман, чей этот дом?

Ученик. Нашего учителя, достославного и благородного Чанакьи.

Соглядатай (*улыбаясь*). О брахман, так ведь это дом истинного моего брата в вере. Потому дай мне войти, я покажу твоему учителю изображения Ямы и преподам ему вероучение.

Ученик (*с гневом*). Жалкий глупец, уж не думаешь ли ты, что более сведущ в вероучении, чем наш учитель?

Соглядатай. О брахман, не гневайся! Ведь нет человека, который знал бы все. Есть вещи, о которых знает твой учитель, есть вещи, о которых знают такие люди, как мы.

Ученик. Глупец, ты хочешь отказать учителю во всеведении!

Соглядатай. О брахман, если твой учитель знает все, он должен знать и о тех, кто Месяцу — Чандре не предан.

Ученик. Глупец, что из того, знает он о них или не знает?

Соглядатай. А вот твой учитель и узнает, что из того. Тебе, между тем, достаточно знать, что дневные лотосы не преданы Месяцу. Видишь ли:

Красота этих лотосов — хитрый обман и притворство:
Ведь от Месяца — Чандры они отвращаются в злобе.

Чанакья (*прислушиваясь, про себя*). Ага, он хочет сказать, что знает недоброжелателей Чандрагупты.

Ученик. Что означает эта бессмыслица?

Соглядатай. О брахман, именно в этом был бы смысл.

Ученик. Если бы что было?

Соглядатай. Если бы встретился мне понимающий слушатель.

Чанакья. Любезный, входи без тревоги. Будет тебе такой слушатель.

Соглядатай. Я войду. (*Входит и приближается к Чанакье.*) Победа господину!

Чанакья (*вглядываясь в него, про себя*). А! Это Нипунака, назначенный ведать души подданных. (*Вслух.*) Привет тебе, любезный. Садись.

Соглядатай. Как прикажет господин. (*Садится на землю.*)

Чанакья. Теперь, любезный, рассказывай о том, что должен ты был разузнать. Любят ли подданные Низкорожжденного?

Соглядатай. Может ли быть иначе? С тех пор как ты, господин, устранил все причины для недовольства, подданные привержены неколебимо достославному государю Чандрагупте. Но есть здесь в городе трое людей, которые связаны с советником Ракшасой давней дружбой и преданы ему. Им ненавистна власть государя Чандры.

Чанакья (*с гневом*). Пожалуй, скажи лучше, что им ненавистна собственная жизнь! Известны ли тебе их имена, любезный?

Соглядатай. Стал ли бы я говорить о них господину, не зная имен?

Чанакья. Ну, так я хочу их услышать.

Соглядатай. Слушай, о господин. Во-первых, приверженец твоих врагов — некий нищенствующий монах...

Чанакья (*про себя*). Приверженец моих врагов — нищенствующий монах? (*Вслух.*) Как его имя?

Соглядатай. Имя его — Дживасиддхи. Это тот человек, который по поручению советника Ракшасы свел ядовитую девушку с государем Парватешварой.

Чанакья (*про себя*). Дживасиддхи! Да это наш человек! (*Вслух.*) Кто же другой?

Соглядатай. Господин, другой — закадычный друг советника Ракшасы, писец по имени Шакатадаса.

Чанакья (*про себя, с усмешкой*). Невелика важность — писец. Однако врагом, хотя бы и незначительным, не следует пренебрегать. К нему я подослал Сиддхартхаку под личиной друга. (*Вслух.*) Любезный, я хочу слышать имя третьего.

Соглядатай. Третий — это вторая душа советника Ракшасы, старейшина цеха золотых дел мастеров в Пушпапуре по имени Чанданадаса. В его доме оставил советник Ракшаса свою жену, когда бежал из города.

Чанакья (*про себя*). Поистине, это его ближайший друг. Не оставит Ракшаса свою жену у того, кто не близок ему, как собственная душа. (*Вслух.*) А как убедиться, любезный, что Ракшаса оставил свою жену в доме Чанданадасы?

Соглядатай. Господин, этот перстень с печатью убедит тебя. (*Подает перстень.*)

Чанакья (*взяв перстень, рассматривает печать и читает вслух имя Ракшасы. С радостью, про себя*). Ну, можно сказать, вышло так, что сам Ракшаса пришел ко мне в руки! (*Вслух.*) Любезный, я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне, как добыл ты этот перстень.

Соглядатай. Слушай, господин. Посланный тобою, господин, для тайного наблюдения за поведением горожан, я бродил, взяв с собою эти изображения Ямы, чтобы, не возбуждая ни у кого подозрений, иметь повод входить в частные дома. И случилось мне зайти в дом старейшины золотых дел мастеров Чанданадасы. Там развернул я изображения Ямы и принялся петь песнопения.

Чанакья. Что же потом?

Соглядатай. Потом из какого-то внутреннего покоя выглянул мальчик лет пяти, прехорошенький, с глазами, широко раскрытыми от детского любопытства. Тогда: «Ой, вышел, ой, вышел!» — раздался из глубины того покоя тревожный гомон женских голосов. Из-за двери показалась женщина и мальчика, хотевшего выйти, схватила, укоряя, нежно рукой, подобной лиане. С одного из пальцев ее, дрожавших в поспешном стремлении схватить ребенка, соскользнул этот перстень, явно не женский, но предназначенный размером для мужской руки. Не заме-

ченный ею, он упал на порог, покатился и лег к моим ногам, как добрая жена, застывшая в низком поклоне. Этот перстень, на котором вырезано имя советника Ракшасы, я и доставил теперь к твоим стопам, господин. Вот как я достал его.

Ч а н а к ъ я . Понятно, любезный. Ступай, ты немедленно получишь награду, которую заслужил своими трудами.

С о г л я д а т а й . Как прикажет господин. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я . Шарнгарава! Шарнгарава!

Входит ученик.

У ч е н и к . Приказывай.

Ч а н а к ъ я . Сын мой, принеси чернила и листок для письма.

У ч е н и к . Как прикажет учитель. (*Уходит, потом возвращается.*)
Учитель, вот чернила и лист.

Ч а н а к ъ я (*берет листок*). Что написать мне здесь? Ведь этим письмом должен быть побежден Ракшаса.

Входит привратница.

П р и в р а т н и ц а . Победа господину!

Ч а н а к ъ я (*с радостью, про себя*). Мне слышится в этих словах предзнаменование победы! (*Вслух.*) Шоноттара, что привело тебя сюда?

П р и в р а т н и ц а . О господин, воздев к лицу сложенные вместе ладони, подобные бутонам лотосов, высокочтимый государь Чандра повелел сказать тебе так: «С твоего дозволения, благородный, я хочу позаботиться о посмертных обрядах для государя Парватешвары. Я дарую брахманам драгоценности, которые носил он при жизни».

Ч а н а к ъ я (*про себя, с радостью*). Прекрасно, Низкорожденный! Отдавая это приказание, ты угадал желание моего сердца! (*Вслух.*) Шоноттара, передай от нашего имени Низкорожденному: «Прекрасно, сын мой, поистине, ты сведущ в мирских обычаях. Да будет исполнено твое намерение. Но драгоценности, которые носил при жизни Парватешвара, — высокого достоинства, и дарованы они должны быть достойным людям. Поэтому я сам пришлю брахманов, достоинства которых испытаны».

П р и в р а т н и ц а . Как прикажет господин. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я . Шаригарава, передай от нашего имени Вишваvasу и обоим его братьям, чтобы они приняли драгоценности от Низкорожденного; а затем я должен увидеться с ними.

У ч е н и к . Слушаю. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я . Главный смысла будет содержаться в конце письма. Но как начать? (*Размышляет.*) А! Знаю. Мои лазутчики дали мне знать, что в том войске иноземных царей особенно тесною дружбою с Ракшасой

связаны следующие его предводительству пятеро государей, они же главнейшие из всех, а именно:

Читраварман Кулутский, Пушкаракша Кашмирский,
Синдхушена Синдхийский, малайский царь Синханада
И Мегхакхья персидский — пять воителей грозных,
Смелые львы сражений силы объединили.
Пять имен напишу я недрогнувшею рукою —
И пусть их сотрет Читрагупта!

(Размышляет.) Или нет, не напишу. Пусть начало письма будет неопределенным. (Пишет.) Шарнгарава!

Входит ученик.

Ученик. Приказывай, о учитель.

Чанакья. Сын мой, почерк ученых неразборчив, даже когда пишут они со старанием. Передай от моего имени Сиддхартхаке: пусть доставит он мне копию этого письма, поручив переписать его Шакатадасе, но не называя имени того, кому оно предназначено, будто бы это ему самому некто поручил передать его содержание на словах. И пусть он не говорит Шакатадасе, что это письмо велел переписать Чанакья.

Ученик. Слушаю. (Уходит.)

Чанакья (про себя). Ну, теперь Малаякету побежден!

Входит Сиддхартхака с письмом в руке.

Сиддхартхака. Победа господину! Почтенный, вот письмо, переписанное Шакатадасой.

Чанакья (берет письмо). Прекрасный почерк! (Прочитав письмо, про себя.) Любезный, запечатай его этим перстнем. Шарнгарава! Шарнгарава!

Входит ученик.

Ученик. Приказывай, о учитель.

Чанакья. Да передадут с наших слов Калапашике, начальнику городской стражи: «По повелению Низкорожденного нищенствующий монах Дживасиддхи, подосланный Ракшасой и с помощью ядовитой девушки умертвивший Парватаку, да выслушает свой приговор и да будет изгнан из города с позором...»

Ученик. Слушаю. (Направляется к выходу.)

Чанакья. Погоди, погоди, сын мой! «...Другой же тайный агент Ракшасы, писец Шакатадаса, постоянно злоумышляющий против нашей жизни, да будет, по прочтении ему приговора, посажен на кол. Семью же его следует заключить в тюрьму».

Ученик. Слушаю. *(Уходит.)*

Сиддхартхака. Господин, вот запечатанное письмо. Что еще нужно исполнить?

Чанакья. Любезный, я хочу поручить тебе некое дело, для исполнения которого нужен надежный человек.

Сиддхартхака *(с радостью)*. Господин, благодарю тебя за милость. Да соизволит сказать господин, что должен исполнить его слуга.

Чанакья. Сначала ты пойдешь на место казни. Там палачи будут предупреждены заранее. Когда появишься ты и с яростным видом подмигнешь им правым глазом, палачи, предупрежденные об этом условном знаке, разбегутся в притворном страхе; ты же похитишь Шакатадасу с места казни и доставишь его к Ракшасе. От Ракшасы, обрадованного спасением друга, ты примешь награду. И некоторое время тебе придется пробыть у него на службе. Потом, когда враги будут близко, ты исполнишь следующее... *(Говорит ему на ухо.)*

Сиддхартхака. Как прикажет господин.

Чанакья *(задумывается. Про себя)*. Так удастся ли мне уловить негодяя Ракшасу?

Сиддхартхака. Господин, я уловил...

Чанакья *(с радостью, про себя)*. О, я уловил Ракшасу! *(Вслух.)* Что уловил ты, любезный?

Сиддхартхака. Я уловил смысл поручения господина. Итак, я пойду исполнять то, что мне поручено.

Чанакья *(отдает ему перстень и письмо)*. Ступай. Да выполнишь ты это дело успешно.

Сиддхартхака. Слушаю. *(Уходит.)*

Входит ученик.

Ученик. Учитель, начальник городской стражи Калапашика сообщает, что повеление государя Чандрагупты будет исполнено.

Чанакья. Превосходно. Сын мой, теперь я хочу видеть Чанданадасу, старейшину золотых дел мастеров.

Ученик. Слушаю. *(Уходит, потом возвращается с Чанданадасой.)* Сюда, сюда, старейшина.

Чанданадаса *(про себя)*.

Коль потребует грозный Чанакья
На расправу к себе человека,
Невиновный — и тот затрепешет.
Каково же мне, виноватому?

И я сказал Дханасене и двоим другим нашим жильцам: «Рано или поздно проклятый Чанакья устроит обыск в нашем доме; поэтому со

всеми предосторожностями переведите оттуда в безопасное место семью нашего господина, советника Ракшасы. Со мною же будь что будет».

Ученик. Эй, старейшина, сюда, сюда!

Чанданадаса. Я иду, господин. *(Оба входят.)*

Ученик *(приближаясь)*. Учитель, вот старейшина Чанданадаса.

Чанданадаса. Победа господину!

Чанакья *(делает вид, что вглядывается)*. Добро пожаловать, старейшина. Садись на эту скамью.

Чанданадаса *(кланяясь)*. Разве не знает господин, что неподобающая честь горше обиды? Потому я сяду, как мне подобает, здесь, на земле.

Чанакья. О старейшина, не говори, не говори так! Как раз это приличествует тебе с людьми нашего положения. На эту скамью садись.

Чанданадаса *(про себя)*. Злодей что-то замышляет. *(Вслух.)* Как прикажет господин. *(Садится.)*

Чанакья. О старейшина Чанданадаса, возрастают ли у тебя прибыли в делах?

Чанданадаса *(про себя)*. Чрезмерная вежливость его внушает тревогу. *(Вслух.)* Может ли быть иначе? Твоею милостью, господин, дела наши идут благополучно.

Чанакья. А разве погрешности Чандрагупты не заставляют подданных вспоминать добродетели предшествующего государя?

Чанданадаса *(затыкает уши)*. Боже избави! Больше, чем месяцем в осеннее полнолуние, довольны подданные его величеством Чандрой.

Чанакья. О старейшина, когда это так, цари ждут благодарности от своих ошастливленных подданных.

Чанданадаса. Пусть прикажет господин: что именно требуется от нас и сколько.

Чанакья. О старейшина, это царство Чандрагупты, не царство Нанды. То корыстолюбивого Нанду радовала денежная благодарность. Чандрагупту же радует, если подданные его живут, не ведая печали.

Чанданадаса *(радостно)*. Господин, я благодарен за милость.

Чанакья. О старейшина, неужели ты не спросишь у меня, чем достигается такое беспечальное существование?

Чанакья. Коротко говоря, подданным надлежит вести свои дела, не противодействуя царю.

Чанданадаса. Кого же, несчастного, считает господин противником царя?

Чанакья. Хотя бы тебя первого.

Чанданадаса *(затыкает уши)*. Боже избави, боже избави! Что за противник солома огню?

Ч а н а к ъ я . Ты и есть такой противник! Ведь это ты поныне укрываешь, приютив у себя в доме, семью советника Ракшасы, злоумышляющего против государя!

Ч а н д а н а д а с а . Господин, это неправда! Какой-то низкий человек обманул господина ложным доносом.

Ч а н а к ъ я . О старейшина, да ты не тревожься! Когда чиновники прежнего царя в страхе бежали в другие страны, они оставляли семьи свои в домах горожан, не спрашивая у них согласия. Преступлением может быть лишь сокрытие этого.

Ч а н д а н а д а с а . Именно так оно и было. В первое время семья советника Ракшасы находилась у меня в доме.

Ч а н а к ъ я . Сначала ты сказал: «Это ложь», теперь говоришь: «Так было», — ты сам противоречишь себе.

Ч а н д а н а д а с а . Как раз по этому поводу я сделал оговорку.

Ч а н а к ъ я . О старейшина, царь Чандрагупта не терпит оговорок. Выдай семью Ракшасы, и снимешь с себя вину.

Ч а н д а н а д а с а . Господин, я ведь сказал, что семья советника Ракшасы была в моем доме в первое время.

Ч а н а к ъ я . Где же она теперь?

Ч а н д а н а д а с а . Я не знаю.

Ч а н а к ъ я *(улыбается)*. Будто бы ты не знаешь! Эй, старейшина, опасность над головой, а защита от нее далеко!

Ч а н д а н а д а с а *(про себя)*.

Тучи идут грозовые, звучат громовые раскаты.

Где ты, любимая, что теперь будет со мною?

Корни целебной травы скрыты на дальней горе,

Нет мне спасенья теперь от змеиного яда!

Ч а н а к ъ я . И не надейся, что как Вишнугупта уничтожил Нанду *(запинается и выказывает смущение)*... так и советник Ракшаса уничтожит, мол, Чандрагупту. Смотри:

Как бы ни были умны и отважны

Благородные советники Нанды,

Не спасли они величие рода,

Ибо час его склонился к закату.

А теперь, когда взошел Чандрагупта,

Все могущество в нем соединилось.

Кто затмит моего властелина?

Кто затмит восходящий месяц?

Ч а н д а н а д а с а *(про себя)*. Его похвальбу оправдывают его успехи.
За сценой крики: «Расступитесь!»

Ч а н а к ъ я . Шарнгарава, узнай, что там такое.

Ученик. Сейчас. *(Уходит и возвращается.)* Учитель, это по повелению царя Чандрагупты с позором изгоняют из города монаха Дживасиддхи, злоумышлявшего против государя.

Чанакья. Монаха! О, как жалко! Что же, пусть пожинает плоды своей измены царю. О старейшина Чанданадаса, вот как сурово карает царь изменников! Последуй же благому совету друга. Выдай семью Ракшасы — и долгие годы будет пожинать плоды царской милости.

Чанданадаса. Семьи советника нет в моем доме.

За сценой опять крики: «Расступитесь!»

Чанакья. Шарнгарава, узнай, что там такое.

Ученик. Сейчас. *(Уходит и возвращается.)* Учитель, а это ведут сажать на кол злоумышлявшего против государя писца Шакатадасу.

Чанакья. Да пожнет он плоды своих деяний. О старейшина, столь сурово карающий своих недругов царь не простит тебе укрывательства жены Ракшасы. Ценой чужой жены спаси свою жену и собственную жизнь!

Чанданадаса. Господин, зачем ты меня запугиваешь? Если бы семья советника Ракшасы и оставалась в моем доме, я не выдал бы ее. О чем говорить, когда ее там нет?

Чанакья. Ты так решил, Чанданадаса?

Чанданадаса. Да, я решил это твердо.

Чанакья *(про себя)*. Хвала тебе, Чанданадаса, хвала!

Множество выгод предательство ныне сулит,
Подвигом сделалась преданность для человека.
Подлинный друг у нас редок, как Шиби,
Очи свои бескорыстно отдавший слепцу.

(Вслух.)

Ты так решил, старейшина?

Чанданадаса. Да.

Чанакья *(с гневом)*. Негодяй! Погоди, негодный торговец! Раз так, изведай же, каков царский гнев!

Чанданадаса. Я готов. Поступай, господин, в соответствии со своей должностью.

Чанакья. Шарнгарава, передай от нашего имени Калапашике, начальнику городской стражи: «Немедленно взять этого преступного торговца»... Или нет, постой... Передай приказ начальнику крепости Виджаялаке: «Забрать его имущество, а его самого с женой и сыном заточить и держать в заключении, пока я не доложу Низкорожденному». Низкорожденный же сам приговорит его к смертной казни.

Ученик. Как прикажет учитель. Сюда, сюда, старейшина.

Ч анданадаса (*встает*). Я иду, господин. (*Про себя.*) Благодарение судьбе, я погибаю ради друга, не за грехи свои. (*Уходит в сопровождении ученика.*)

Ч анакья (*радостно*). Ага, теперь Ракшаса в наших руках! Ибо

Если этот жертвует жизнью
Ради друга, попавшего в несчастье.
Значит, тот себя не пожалеет
Для попавшего в несчастье друга.

Шум за сценой.

Ч анакья. Шарнгарава! Шарнгарава!

Входит ученик.

У ч е н и к. Приказывай, учитель.

Ч анакья. Что это за шум?

Ученик выходит и возвращается взволнованный.

У ч е н и к. Учитель, оказывается, Шакатадасу, когда его уже собирались казнить, похитил с места казни Сиддхартхака и бежал с ним вместе.

Ч анакья (*про себя*). Отлично, Сиддхартхака, дело начато! (*Вслух.*) Как, он посмел бежать? (*С гневом.*) Сын мой, передай приказ Бхагураяне, чтобы он поспешил задержать беглеца.

У ч е н и к (*в отчаянье*). Ах! Увы, учитель, какое несчастье! Бхагураяна тоже бежал!

Ч анакья (*про себя*). Пусть же и он отправляется в путь ради успеха дела! (*Вслух, с гневом.*) Сын мой, передай наш приказ Бхадрабхате, Пурушадатте, Дингарате, Балагупте, Раджасене, Рохитакше и Виджаяварману, пусть они отправятся в погоню и схватят негодяя Бхагураяну.

У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит и опять возвращается, в отчаянье.*) Увы, какое несчастье! Рухнул весь порядок управления! Бхадрабхата и его подчиненные тоже бежали на рассвете!

Ч анакья (*про себя*). Счастливого им пути! (*Вслух.*) Сын мой, не отчаивайся. Видишь ли,

Тот, кто тайный побег замыслил,
Нам такой же друг, как сбежавший.
Тот, кто внешне остался верен —
Лишь на время со мной остался.
Пусть меня покидает войско —
Лишь бы разум меня не покинул:
Истреблением рода Нанды
Доказал он свое величие.

(Встает и устремляет взор в пространство.)

Я верну Бхадрабхату и других преступных слуг. *(Про себя.)* О злодей Ракшаса, куда ты денешься теперь? Скоро я одолею тебя...

По лесу бродит дикий слон, и пчелы
На запах мускуса слетаются к нему.
Так, Ракшаса, подкупленные златом,
К тебе от нас перебегают люди.
Я укрошу тебя, как дикого слона,
Умом и хитростью, и делу Чандрагупты
Заставлю послужить тебя, надменный!

Оба уходят.

Конец первого действия

МАХЕНДРАВИКРАМАВАРМАН

Хмельные забавы

Фарс в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.
Актриса.

В ФАРСЕ:

Сатьясома, капапин.
Бабхрукальпа, пашупат.
Нагасена, буддийский монах.
Юродивый.
Девасома, девица, спутница капапина.

Действие происходит на улице в городе Канчи.

ПРОЛОГ

По окончании Благословения входит руководитель труппы.

Руководитель труппы.

Он, чей танец воплощает образ жизни трех миров,
слов, одежд, обличий, действий все многообразье;
Он, чей танец, полный чувства, порождает чувства;
Он, исполненный величья полного познания;
он и зритель, что взирает на дела вселенной;
Он, объемлющий всю землю славою своею, —
пусть защитою вам будет Бог-Черепоносец!

О! Я нашел-таки надежнейшее средство ублажить старшую мою супругу — а она из-за младшей жены дуется — ведь наконец-то нынче публика поручила нам устроить для нее представление. Пойду-ка я к ней. *(Смотрит в сторону кулис.)* Госпожа! Сюда пожалуй!

Входит актриса.

Актриса *(гневно)*. Господин! Придешь ли ты наконец — пора нам представить фарс о хмельных забавах наделенного достоинствами юных лет.

Руководитель труппы. Так мы и сделаем, почтенная.

Актриса. Представь же его вместе с тою, с которой потом предаваться будешь наслаждением любви.

Руководитель труппы. Решено, что с тобою я дам это представление.

Актриса. Это она тебе так приказала?

Руководитель труппы. Именно так. Более того, если ты примешь участие в представлении, ты обрешь великое благо.

Актриса. Ну, это твое дело.

Руководитель труппы. Почтенная, еще бы это не мое дело! Ведь довольная твоим исполнением публика подарит нам свою благосклонность.

Актриса (*радостно*). Так я заслужила признание благородных господ?

Руководитель труппы. Ну конечно, заслужила.

Актриса. Коли так, чем вознаградить мне тебя за такую приятную весть?

Руководитель труппы. Брось толковать о вознаграждении. Смотри:

Твои щеки заливают румянец.

Брови выгнулись, улыбка сияет.

Нет, не часто ты такую бываешь,

Что ж еще могу желать, дорогая?

Актриса. Что же ныне собирается представить господин?

Руководитель труппы. Да ведь ты сама сказала — фарс о хмельных забавах.

Актриса. Поистине, сам гнев мой подсказал мне это, облек в слова мое подспудное желание. Но какой же поэт, скажи, господин, отличился созданием этой пьесы?

Руководитель труппы. Внемли, о почтенная. То сын Шри-Синхавишнувармана, вершины горного кряжа рода Паллава, возвышающегося в середине земного круга, сын того, кто победил государственной мудростью всех окрестных правителей, мужа, отвагой и славой равного Акхандале, превзошедшего Царя царей мощью щедрости своей, его величию соответствующей, то великий царь, именуемый Махендравикрамаварман, подавивший окончательно Шесть врагов и родственный великим стихиям своей преданностью благу других. Более того,

Мудрость и щедрость, достоинство и милосердие,
честность, смиренность и совершенство в искусствах,
И привлекательность, и безграничная смелость —
Все эти качества, чуждые нашему веку,
в сердце героя себе отыскиали обитель.

Так же осколки творения после крушения мира
смогут спасенье найти у Первозданного духа,
Первоисточника жизни и мироздания.

И далее:

В нем, властелине драгоценнейших
и превосходнейших суждений,
Стихи поэтов, даже слабые,
находят тонкого ценителя.

Актриса. Так что же медлит господин? Раз это новая пьеса, надо
поспешить с представлением.

Руководитель труппы. Но я

Песней полон и повествовань
О певце мою пленило душу...

Голос за сценой. Милая! Девасома!

Руководитель труппы.

...Как пленило вино капалина,
Обладателя нищенской чаши,
Спотыкаясь, с девицей бредущего.

Оба уходят.

Конец пролога

Входит капалин со спутницей.

Капалин (*изображает опьянение*). Милая! Девасома! Ведь истинно: подвижничеством обретается дар перевоплощения. Вот и ты соблюденьем высшего обета смогла во мгновение ока перевоплотиться в иной, прекраснейший образ. Ведь

На лице твоём капельки пота,
а лианы бровей изогнулись,
Речь бессвязна, смех беспричинен,
Шаг неверен, глаза блуждают,
В каждом взгляде твоём — согласие,
по плечам рассыпаны пряди,
И венок, из цветов сплетенный,
в волосах небрежно рассыпан.

Девасома. Преподобный, как о пьяной, как о пьяной ты говоришь обо мне.

Капалин. Что ты говоришь, почтенная?

Девасома. Да я совсем ничего не говорю.

Капалин. Так я, выходит, пьян?

Девасома. Преподобный, земля кружится, кружится! Я, кажется, валю вперед. Поддержи меня!

Капалин. Да будет так, милая. (*Поддерживая ее, падает.*) Милая! Сомарева! Ты что, сердилась на меня? Почему, когда я приближаюсь, чтобы поддержать тебя, ты отступаешь?

Девасома. Увы, поистине, гневается на тебя Сомарева и отступает, хоть ты и клонишь голову, чтобы умиловить ее.

Капалин. Ну конечно, ты — Сомарева! (*Подумав.*) Да нет, Девасома.

Девасома. Конечно, такая уж она у тебя любимица, Сомарева, что меня ты не устаиваешь назвать моим именем.

Капалин. Почтенная, это не я, а хмель мой тебя обидел — из-за него у меня, как это часто случается, заплетается язык.

Девасома. Слава богу, что не ты.

Капалин. И как это хмель ввел меня во искушение? Ну ладно, ладно. С сегодняшнего дня я отвращаюсь от пьянства.

Девасома. Преподобный! Не надо, не надо из-за меня нарушать свой обет и тем губить плоды подвижничества! (*Падает к его ногам.*)

Капалин (*поднимая ее и обнимая, радостно*). Дхирна, Дхирна, слава Шиве! Милая!

Так будем пить вино, смотреть в глаза любимой

И рубище носить поярче, почудней.

Склонитесь пред Владыкою трезубца,

Открывшим этот путь к спасению души!

Девасома. Не говори так, преподобный. Архаты описывают путь к спасению иначе.

Капалин. Любезная, да ведь это ложные учения! Почему?

Они полагают, что бrenную душу спасают,

Твердя, будто действие, мол, однородно с причиной,

Они утверждают, что счастье родится в страданье,

И этим, несчастные, губят самих же себя.

Девасома. Боже, избави, боже, избави от греха!

Капалин. Боже, избави, боже, избави от греха! Да эти грешники не достойны того, чтобы их даже ради хулы поминали, мучают только людей — понуждают их к воздержанью да к бритью головы, отвращают от чистоты, есть велют только в назначенные сроки, одеваться заставляют в грязные рясы и все тому подобное. Вот я и осквернил свой язык рассказом об этих еретиках, надо бы его теперь обмыть винцом.

Девасома. Ну, так пойдем в другой кабак.
Капалин. Да будет так, милая!

Обходят сцену.

О, поистине, бесподобно великолепие города Канчи! Здесь с громами из туч, отдыхающих на кровлях его дворцов, соперничает бой тамбуринов; роскошь цветочного рынка затмевает весну в ее полном расцвете, а бубенчики на поясах красавиц звенят в лад их поступи, словно возвещающая о победах бога любви, разящего сердца стрелами-цветами. Более того,

Беспредельное, вечное, непревзойденное счастье,
Ты открыто обычно лишь мудрым из мудрых,
все в мире постигшим.

Здесь же ты нам во всей полноте своей зримо, но странно,
Что, доступное духу, ты здесь и для плоти доступно.

Девасома. О преподобный! Словно богиня Варуни, безупречно прелестна наша Канчи!

Капалин. Милая, смотри, смотри! Этот кабак великолепием подобен священному месту жертвоприношений! Вывеска — его жертвенный столб, вино — его сома, пьяницы — его жрецы, чаши с вином — его жертвенные чаны, мясо, жаренное на вертеле, и всяческие закуски — его жертвоприношения богам, хмельные речи — его молитвы, разгульные песни — его священные гимны, винные кувшины — его обрядовые ложки, жажда вина — его священный огонь, а кабатчик — жертвователь.

Девасома. А милостыня, которую мы здесь получим, будет долей бога Рудры!

Капалин. Ах, любо смотреть на забавы хмельные: как они пляшут под мерный бой тамбуринов, рукою приподняв край платья; разнообразны их телодвиженья, речи, игра бровей; а музыка прерывается то и дело на мгновенье, пока подберут они спадающее платье, и звенья ожерелий распадаются и рассыпаются у них на шеях!

Девасома. Ах, наставник мой — истинный поэт!

Капалин. А эта богиня Варуни, изливающаяся из кубков, поистине, она есть отрешение от побрякушек, примирение любовных ссор, отвага юности, жизнь чарующих утех. Да что там еще толковать!

Это сказки, будто взглядом пламенным своим
Бог трекий тело Камы в пепел обратил —
Растворившись в страшном жаре, превратился Кама
В эту влагу, что сегодня нас пьянит любовью.

Девасома. Так оно и есть, преподобный! Не стал бы губить мир творец мира, о благе мирском радеющий.

Оба колотят себя по щекам.

Капалин. Подай милостыню, почтенная!

Голоса за сценой. Преподобный, вот милостыня. Да примет ее преподобный.

Капалин. Я приму. Милая! Где моя чаша для милостыни?

Девасома. Я ее тоже не вижу.

Капалин (*подумав*). Ага! Наверно, мы забыли ее в том кабаке. Ладно, вернемся и поищем ее.

Девасома. Преподобный, неблагочестиво было бы не принять милостыню, столь учтиво предложенную. Что нам теперь делать?

Капалин. Последуем правилу, предусмотренному на случай нужды, и примем милостыню в этот коровий рог.

Девасома. Верно, преподобный! (*Принимает милостыню.*)

Оба обходят сцену и осматриваются.

Капалин. Как?! И здесь я ее не вижу. (*Изображает отчаянье.*) О собратья, почитатели Великого Владыки! Вы не видели здесь, уважаемые, нашу чашу-череп для сбирания милостыни? Что вы говорите, уважаемые? «Да нет, мы не видели»? Увы, горе мне! Пропало мое подвижничество! Какой же я теперь капалин без чаши-капалы? О, беда!

Я грущу по чистой чаше:
Для еды и возлияний
Ты была необходима,
Без тебя я, как без друга!
(*Падает и бьет себя по голове.*)

Ладно. Это ведь всего лишь название. Звания капалина я все равно не лишился. (*Встает.*)

Девасома. Преподобный! Кто же стащил твою чашу-череп?

Капалин. Милая, в ней было жареное мясо, и потому я думаю, это или собака была, или буддийский монах-бродяга.

Девасома. Тогда пойдем искать ее по всему городу Канчи!

Капалин. Хорошо, милая.

Обходят сцену.

Входит буддийский монах с чашей в руке.

Монах. Ах, ни в одном другом доме не встретишь такого величия щедрости, как у нашего собрата-мирянина Дханадасы! Вот, получил я от него подаяние, разнообразные яства из рыбы и мяса, приятные на вкус, на запах и на цвет. А теперь я пойду в царский монастырь. (*Обходя сцену, про себя.*) О! Господь наш Будда, преисполненный высшего милосердия, явил благоволение свое монашеской общине, разрешив нам прожи-

вать в богатых домах, спать на мягких постелях, вкушать пищу с утра, а пополудни пить вкусные напитки, жевать бетель, приправленный пятью разными специями, носить одежды из тонких тканей. Почему же не догадался он предписать нам пить вино и жениться? Как он, всезнающий, до этого не додумался? Я полагаю, наверняка это происки злонамеренных трусов-старейшин: завидуя нашей молодости, они вымарали из священных книг предписания, разрешающие общение с женщинами и винопитие. Где же мне теперь найти священное писание в его подлинном виде? Я бы облагодетельствовал общину, поведав миру слово Будды во всей его полноте. *(Обходит сцену.)*

Девасома. Смотри, смотри, преподобный! Вон на главной улице среди доверчивого людя снует торопливо монах в красной рясе. Смотри, как он крадется там, скрючившись всем телом и озираясь.

Капалин. Так и есть, милая! Эге, да у него что-то в руке, что-то он прячет под полой своей рясы!

Девасома. Преподобный, давай же догоним его немедля и посмотрим, что это у него.

Капалин. Верно, почтенная! *(Приближаясь.)* Эй, монах, погоди!

Монах. Кто это ко мне так обращается? *(Останавливается и оглядывается.)* А, это негодный капашишка из Экамы. Ну нет, я не хочу подвергаться его пьяным наскокам! *(Поспешно удаляется.)*

Капалин. Ага, милая, нашлась моя чаша! При виде меня он так испугался и заспешил, что, нет сомнения, это изобличает в нем вора. *(Быстро приближается и загораживает ему дорогу.)* Ах, мошенник! Куда это ты собрался?

Монах. Не говори, не говори так, брат капалин! В чем дело? *(Про себя.)* Ого, какая хорошенькая сестрица!

Капалин. Эй, монах, покажи-ка, что у тебя в руке, что ты там прячешь под полою, я хочу посмотреть.

Монах. А чего там смотреть? Это сосуд для сбирания милостыни.

Капалин. Вот на него-то я и хочу посмотреть!

Монах. Ах, не говори так, брат. Ведь его не полагается выставлять напоказ.

Капалин. Ну конечно, Будда и предписал вам носить такие длинные рясы, чтобы можно было под ними всякое такое прятать.

Монах. Это истина.

Капалин. Ну да, это истина ограниченная. А ты Расскажи-ка мне о высшей и полной истине.

Монах. Ладно, хватит с меня твоих насмешек. Время собирать милостыню проходит. Я пошел. *(Трогается с места.)*

Капалин. Ах, мошенник, куда ты? Отдавай мою чашу! *(Хватает его за полу рясы.)*

Монах. Слава Будде!

Капалин. Скажи лучше: слова Кхарапате, сочинителю учебника для воров. Впрочем, по этой части ваш Будда превзошел самого Кхарапату. Почему?

Понакрав из Веданты да из «Махабхараты»,
Сколотил он себе состоянье украдкой от брахманов.

Монах. Боже, избави, боже, избави от греха!

Капалин. Ну как же не избавить от греха такого примерного отшельника!

Девасома. Преподобный, ты выглядишь усталым. Видать, нелегко будет тебе выцарапать свою чашу. Выпейка вина из этого рога, а потом, восстановив силы, продолжай с ним спорить.

Капалин. Да будет так.

Девасома дает вина капалину.

(Выпив.) Милая, тебе тоже надо подкрепиться.

Девасома. Хорошо, преподобный. *(Пьет.)*

Капалин. Этот нас обидел. Но в учении нашем главная заповедь — делиться с ближним. Отдай остаток достопочтенному.

Девасома. Как преподобный прикажет. Прими, преподобный.

Монах *(про себя)*. Ого, вот привалило счастье! Одно досадно — на виду у толпы. *(Вслух.)* Не надо, не надо, почтенная. Нам это не подобает. *(Облизывает губы.)*

Девасома. Да пропади ты! Где тебе еще так повезет?

Капалин. Милая, да у него слюнки текут, вот язык у него и заплетается и произносит речи, противные его желанию.

Монах. Сжалишься ли ты наконец надо мною?

Капалин. Если я поддамся жалости, где же будет мое отрешение от страстей?

Монах. Уж если ты отрешился от страстей, ты должен отрешиться и от гнева.

Капалин. Я отрешусь от гнева, если ты отдашь мне то, что мне принадлежит.

Монах. Что тебе принадлежит?

Капалин. Чаша-капала.

Монах. Какая чаша-капала?

Капалин. «Какая чаша-капала» — он еще спрашивает! Впрочем, это понятно.

Он сын того, кто мнил обманом чувств
Существованье сущего всего:
Земли, воды, и гор, и остального.

Ужель признает он такую мелочь,
Как чаши-черепа существование?

Девасома. Преподобный, если ты будешь с ним нянчиться, он ее тебе никогда не отдаст. Вырви ее у него из рук, и пойдем дальше.

Капалин. Верно, милая! *(Пытается вырвать чашу.)*

Монах. Пропади ты, негодный капаляшка! *(Отталкивает его рукой и пинает ногой.)*

Капалин. Что это? Я упал.

Девасома. Смерть тебе, рабий сын! *(Пытается вцепиться монаху в волосы, но, не найдя, за что вцепиться, падает.)*

Монах *(про себя)*. Поистине, мудр был Будда, предписавший нам ходить бритоголовыми! *(Вслух.)* Вставай, вставай, сестрица! Вставай. *(Помогает Девасоме встать.)*

Капалин. Смотрите, смотрите, почитатели Великого Владыки! Этот негодяй Нагасена, называющий себя монахом, предлагает руку моей возлюбленной!

Монах. Не говори, не говори так, брат мой! Вера наша призывает нас сострадать попавшим в беду.

Капалин. Это вера вашего Всеведущего, что ли? Но я-то упал первый! Да что там! Вот я сейчас сделаю себе новую чашу из твоего черепа!

Все дерутся.

Монах. Караул! Караул!

Капалин. Смотрите, смотрите, почитатели Великого Владыки! Этот негодяй, называющий себя монахом, украл у меня чашу для сбирания милостыни и сам же зовет на помощь. Ладно, тогда я тоже буду вопить. Святотатство! Оскорбление брахмана!

Входит пашупат.

Пашупат. Ты что это кричишь, Сатьясома?

Капалин. О Бабхрукальпа, этот негодяй Нагасена, называющий себя монахом, украл мою чашу для сбирания милостыни и не хочет ее отдавать.

Пашупат *(про себя)*. Что нам полагалось сделать, сделали гандхарвы. Этот злодей,

Как телку клочком соломы, цирюльникову служанку
Монеткою из-под рясы, гляди, от меня переманит!

Подогрею теперь этого сводника и тем сокрушу противника. *(Вслух.)* О Нагасена, так ли это, как он говорит?

Монах. И ты туда же, преподобный! Да ведь воздержание от воровства — наша заповедь. Воздержание от лживых речей — наша заповедь. Воздержание от смертоубийства — наша заповедь. Воздержание от трапезы в неурочное время — наша заповедь. Я прибегаю к вере учителя нашего Будды, да будет она мне защитой!

Пашупат. Сатьясома! Такой и вправду у них обычай! Что ты можешь возразить?

Капалин. Но не наш ли обычай — не произносить лжи?

Пашупат. Оба утверждения истинны. Как же решить задачу?

Монах. Есть ли причина монаху, исповедующему слово Будды, красть сосуд с вином?

Пашупат. Но ведь единым суждением не доказывается истина в споре.

Капалин. Нет смысла рассуждать о причинах в случае очевидности.

Пашупат. В чем здесь очевидность?

Девасома. Преподобный, он ведь прячет чашу под полой рясы!

Пашупат. Ты слышал, почтенный?

Монах. О преподобный, это не чужая чаша!

Капалин. Ну, так покажи ее!

Монах. Пожалуйста. *(Показывает.)*

Пашупат. Смотрите, почитатели Великого Владыки, вы видите несправедность этого капалишки и добродетельность буддийского брата!

Монах. Воздержание от воровства — наша заповедь... *(Повторяет сказанное раньше.)*

Капалин и Девасома танцуют.

Ай-ай! Стыда у него нет — еще танцует!

Капалин. Да кто танцует? А, ну конечно, он принял за танец трепетание лианы моей радости, колеблемой южным ветром нетерпеливого желания узреть мой утраченный сосуд для собирания милостыни.

Монах. Так что же ты не смотришь, преподобный? Взгляни, о преподобный, какого она цвета, эта чаша?

Капалин. Что тут скажешь? Эта чаша черней вороны.

Монах. Вот, ты сам согласен, что это моя чаша.

Капалин. Правда, я согласен, что ловок ты — перекрасил ее. Смотри:

Твоя одежда по происхожденью
Должна быть цвета лотосова стебля —
А ты ее, искусник, перекрасил
В цвет золотисто-розовой зари!
Более того —

Ты душой и челом черен. Почему б тогда и чаше,
Хитро спрятанной под рясой, не покрыться чернотой?

Девасома. Увы, горе мне, злосчастной! Эта чаша со счастливыми знаками была великолепна, как чело Лотосотронного бога, блистала, как месяц в ночь полнолуния, всегда благоухала вином. Теперь же, запачканная его грязными лохмотьями, смотрите, во что она превратилась! (Плачет.)

Капалин. Не надо, не надо убиваться, милая. Она опять будет чистой. Ведь сказано: великие очищаются от пятен грехов обрядами искупления. Так ведь

Голову Прародителя когда-то отсек наш бог —
тот, кто во лбу месяц носит взамен бриллианта;
Но, тяжкий обет исполнив, он снял с себя грех великий.
Так же царь небожителей, убивший во время оно
трехглавого сына Тваштара, святость себе вернул,
Сотнею жертв принесенных от зла себя отрешив.

Разве не так, о Бабхрукальпа?

Пашупат. Истинно, изреченное тобою отвечает вероучению.

Монах. Хорошо, пусть я ее покрасил. А форму и объем ее кто изменил?

Капалин. Недаром же вы происходите от сына Майи — Колдовства!

Монах. Сколько мне еще с тобой препираться, почтенный? Уж ладно, забери ее!

Капалин. Истинно, совершенство щедрости являл и сам Будда!

Монах. К чьей защите прибегнуть мне теперь, когда так обернулось дело?

Капалин. Конечно, к Будде, Вере, Общине.

Пашупат. Мне этой тяжбы не решить. Придется вам обратиться в суд.

Девасома. Ну, если так, преподобный, — прощай наша чаша!

Пашупат. Ты что имеешь в виду?

Девасома. Конечно, он деньгами, приобретенными с доходов множества монастырей, заткнет рты судейским плакальщикам, когда пожелает. Но с чем идти в суд нам, слугам бедняка-капалина, чье единственное богатство — змеиная шкура да зола на теле?

Пашупат. Это не так.

Честны, добры, неподкупны,
любезны, высокородны
Праведники, которые служат опорой закону,
словно колонны — дворцу.

Капалин. Хватит об этом! Человеку благого поведения нечего бояться.

Монах. Так ступай же впереди нас, преподобный.

Пашупат. Не премину.

Все обходят сцену.

Входит юродивый.

Юродивый. Вот он, вот он, скверный пес! Схватил чашу с жареным мясом и бежать! Куда ты, рабий сын? Теперь он бросил чашу и мчится мне навстречу, хочет меня сожрать. *(Оглядывается по сторонам.)* Вот я сейчас выбью ему зубы этим камнем. Как, теперь ты удираешь? И чашу оставил? Бешеный, скверный пес! Ты разозлился на меня за то, что я так отважен! Верхом на деревенском кабане воспрянул до небес Океан и, сокрушив Равану, взял в плен Тимингалу, сына Индры! Эй, касторовое дерево! Что ты говоришь? «Неправда, неправда»? Да разве не свидетель мне эта лягушка с толстыми и длинными, как палицы, лапами? Но слава о храбрости моей разносится по вселенной — зачем мне свидетель? Я вот что сделаю. Съем кусок мяса, оставшийся после собаки. *(Ест и шатается.)* Увы, увы! Слезы меня душат, убивают! *(Плачет и оглядывается.)* Кто это бьет меня? *(Осматривается.)* Скверные мальчишки! Я ведь племянник этого, как его... он мне как Бхимасена Гхатоткаче. И еще, послушайте.

Сотни бесов многоликих, колями вооруженных,

В животе моем живут.

Сотню тигров полосатых из рта я извергаю

И десятки страшных змей.

Что это они все мучают меня? Смилуйтесь, смилуйтесь, благородные мальчишки! Не надо мучить меня из-за этого кусочка мяса! *(Смотрит вперед.)* О, это же наш наставник Шуранандин! Пойду-ка к нему. *(Бежит.)*

Пашупат. Эге! Этот юродивый устремился к нам. Это он.

Одетый в пестрые обноски, весь в колтунах, покрытых пылью

И разукрашенных цветами, давно увядшими в грязи,

Он стаи врагов привлекает, привыкших к запаху отбросов,

Он весь — ходячая помойка и лишь отчасти — человек.

Юродивый. Подойду-ка я к нему. *(Приближается.)* Преподобный, прими эту чашу, полученную мною от добродетельнейшего пса, принадлежащего некоему чандале.

Пашупат *(бросает взгляд)*. Преподнеси ее кому-нибудь более достойному.

Юродивый. Яви мне милость, великий брахман!

Монах. Сей великий пашупат, конечно, заслуживает такого дара.

Юродивый (*подходит к капалину, кладет чашу на землю и, обходя его почтительно слева направо, падает ему в ноги*). Великий боже, яви мне милость! Я кланяюсь тебе, сложив ладони!

Капалин. Да это наша чаша-капала!

Девасома. Она самая!

Капалин. Милостью господи я снова стал капалином! (*Хочет взять чашу.*)

Юродивый. Наешься яду, рабий сын! (*Вырвав у него чашу, идет прочь.*)

Капалин (*преследуя его*). Этот слуга Ямы похищает жизнь мою! Помогите мне, почтенные, вы оба!

Оба. Ладно! Мы будем тебе подмогой.

Все преграждают дорогу юродивому.

Капалин. Эй, стой, стой!

Юродивый. Почему вы не пускаете меня?

Капалин. Отдай нашу чашу и тогда ступай себе.

Юродивый. Глупец! Разве ты не видишь, что этот сосуд — золотой?

Капалин. Кто же мог сделать такой сосуд из золота?

Юродивый. Это тот, кого называют золотых дел мастером и кто носит платье золотого цвета, сделал его, преподобный. Говорю тебе, это золотой сосуд!

Монах. Что ты говоришь?

Юродивый. Что это золотой сосуд.

Монах. Он что, сумасшедший?

Юродивый. Уже много раз я это слышал: сумасшедший, сумасшедший. Возьми это, только покажи мне сумасшедшего. (*Отдает капалину чашу.*)

Капалин (*схватив чашу*). Вон он там, прячется за оградой. Беги за ним скорей!

Юродивый. Премного тебе благодарен. (*Поспешно уходит.*)

Монах. О, удивительно! Удача моего противника радует меня.

Капалин (*обнимая чашу*).

Безраздельно преданный Шиве,

Я служил ему неизменно.

Вновь явил он пропавшую чашу —

И исчезла боязнь наказания.

Девасома. Преподобный! Как вечер, сочетающийся с луною, ты радуешь мой взор!

Пашупат. Поздравляю с удачей, почтенный.

Капалин. Это твой успех, почтенный.

Пашупат (*про себя*). Видно, правду говорят: невинному нечего бояться, коли этому монаху удалось нынче спастись из пасти тигра. (*Вслух.*) Сердце у меня исполнено радости за успех моего друга, и теперь я посвящу свою жизнь ожиданию того часа, когда вознесусь в пламени господя, пребывающего на Восточной равнине. И да отныне

Пусть сведшая вас вражда станет залогом дружбы —
Крепкой и нерушимой, как у Арджуны с Киратой было.
(*Уходит.*)

Капалин. О Нагасена! Если я обидел тебя, прошу у тебя прощения.

Монах. Нужно ли просить об этом? Что могу я сделать для тебя приятное?

Капалин. Если преподобный простил меня, чего мне еще желать?

Монах. Ну, тогда я пошел.

Капалин. Ступай, почтенный, до свиданья.

Монах. До свиданья. (*Уходит.*)

Капалин. Милая Девасома! Пойдем и мы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПЬЕСЫ

Пусть на благо человека вечно
полыхает жертвенное пламя,
Пусть жрецы сильны пребудут верой,
а коровы — молоком обильны,
Пусть пока луна и звезды светят,
будет беспечален и безбеден
Мир, где каждый крепко долгу верен,
где царит — могучий Шатрумалла.

Оба уходят.

Конец

ВАРАРУЧИ

Влюбленные

Бхана

В пьесе действуют сутрадхара и вита, которого зовут Вайшикачала, а он упоминает о героях — Куберадатте, сыне купца Сагарадатты, о Сахакарике, слуге Куберадатты, о сыне чиновника Нагадатте, о купце Самудрадатте, сыне Дханадатты, о царском зяте Рамасене, о купце Дханамитре, сыне Партхаки, и еще об одном Рамасене, об учителе игры на вине Вишваवासудатте и еще об одном купце, которого зовут Дханика, а также о героинях — самой главной из них Нараянадатте, о служанке ее Канакалате, о Маданасене, о дочери Чаранадаси — Анангадатте, Мадхавасене, дочери Вишнудатты, о мнимой подвижнице Виласакаундини, о Рамасене, матери Чаранадаси и бабке Анангадатты, о гермафродите Сукумарике, о Ратисене, дочери еще одной Рамасены, о танцовщице Приянугсене и ее сопернице Девадатте и о Ратилатике, а также о том, что случилось с ними в славном городе Кусумапуре.

После чтения нанди входит сутрадхара.

Сутрадхара.

«Кто я тебе? Мы — чужие! Не вцепляйся, негодный, в одежду мою!

Ишь глаза растарасчил!

Знаться с тобой не желаю! Вот, вот, на бесстыжем обличье —
зубов соперницы след!

К той самой красотке, что сердце пленила твое,
за ласками бегай, распутник!» —

Пусть женщина, лучшая в мире,
любовью и гневом пылая, нам говорит.

Вот о чем я хочу рассказать почтенным... Досада, только я собрался
начать уведомление, как слышится какой-то шум. Пойду взгляну.

Голос за сценой

С весны приходом древо лодхра
Не обрело одежд зеленых
И выглядит, как бедный вита,
Ходатай по делам влюбленных

Сутрадхара уходит. Затем входит вита.

Вита

Время весны упоительно! Кокиля стоны,
Манго с ашокой в цвету, и вино, и качели
Каму свели бы с ума красотой и негой,
Если б он мастером не был на это и сам!

Влюбленные терпят друг от друга взаимные упреки, посланницы любви спешат с велениями, перед которыми не устоишь! Ах, как прекрасно это время! Ведь все становится милее — кораллы и жемчуга, пояса и шелка, тончайшие наряды и ожерелья, сандаловые умашения и узоры на руках! Вот как раз в это-то время, сводящее весь мир и всех людей с ума, и случилась непонятная ссора между Куберадаттой, сыном купца Сагарадатты, и красавицей Нараянадаттой. Из-за этой ссоры Куберадатта послал ко мне своего слугу Сахакараку с такой просьбой: «В храме благодатного Нараяны Маданасена устроила полное различных раса представление для умиловления Маданы, и она танцевала. Когда и я пришел туда, то милая Нараянадатта, заподозрив меня в том, что поражен я из-за нее, то есть Маданасены, страстью Маданы, разгневалась и, крикнув мне: „Так ты ее славишь?!“ — и даже не взглянув на меня, павшего к ее стопам, ушла к себе. Так чтобы для меня, чье сердце измучено страстью Маданы, не обратилась эта ночь в тысячу тоскливых ночей, молю я достойнейшего Вайшикачалу, кто для нашего города во все времена года служит истинным Маданой, чтобы он примирил меня с любимой!»

Послание я выслушал и поразмыслил над ним, но лишь только начал действовать, понимая, как нестерпимы мучения любви, меня задержала жена: она не верила моим доводам. Ведь обо всем она все еще думает так, как юная девица, и всегда готова заподозрить меня в чем-то эдаком.

Ну, что ж, пообещав утихомирить гнев прелестной Нараянадатты, примусь за дело. А впрочем, что мне здесь обещать?! Ведь

Сладострастные кокиля стоны,
Опьяненного манговым соком,
В ход пускает весна, как средство
К примиренью влюбленной четы.

Да к тому же:

Лучше весны не дано примирить никому
Деву с возлюбленным, если он статен, прекрасен,
Если он людям приятен своим обхождением,
Юностью, щедростью и красноречьем своим.

(Прохаживаясь.) До чего хороша главная улица Кусумапура! Смотрителю, она выметена и полита, всячески украшена цветами и выглядит словно любовно убранная спальня среди других покоев. Ворота главного базара восхищают взор обилием разных богатых товаров и множеством людей, продающих и покупающих. Ряды домов и дворцов гудят пением вед и спорами мудрецов, звуками музыки и трепетом тетивы, — словно беседуют друг с другом подобные ликам Десятиглавого Раваны, искусного

во всех таких делах. Куда ни глянь, в открытых окнах дворцов виднеются лица прелестниц, блистающих своей красотой, как молнии среди облаков, точь-в-точь апсары на горе Кайласе. А вот главнейшие из чиновников, потрясая великолепьем, кто на конях, кто на слонах, а кто на колесницах, спешат туда и сюда. Торопяты посланницы любви, способные посрамить красотой лучших красавиц небесных обдуманно небрежно брошенным украшением, кокетливостью своей и особенно тем, что могут похищать сердца и взоры молодых людей. Красавицы, чьи лотосы-лица своей красотой влекут пчел взоров всех мужчин упиться их соком, прогуливаются по главной улице, словно желая покорить ее.

На челе земли — Кусумапура благосветлым тилаком сияет,
Как небесная столица Индры. Высшими достоинствами блещут
Жители ее, не зная страха, дивными камнями, венками
Украшаясь, радостям любви предаваясь. Их занятие — праздник!

(Поворачиваясь.) Э, да вот идет сюда дочь Чаранадасы. Зовут ее Анангадаттой. Сладка она для мужских глаз, словно амрита. Вы только посмотрите, как она изящно и осторожно ставит ножки! Мне кажется, что утомленной выглядит она — разбита от трудов игры любовной! Верно, этой ночью любовник любил ее безжалостно. Ведь

Не дали очам сомкнуться ласки!
След зубов на нижней губке виден.
В беспорядке, на прекрасных бедрах,
Опоясок спутанный остался.

Ну, уже сам вид ее — предвестие успеха! Эге, да она прошла, меня и не заметив. Заговорю с ней сам. Обернулась! (Подходя.) Что ж это ты со мной не здороваешься? Что ты говоришь? «Не сразу вас узнала. Почтенному привет и уважение». Ну, ладно, коли так — тогда послушай-ка мое благословенье:

Чтоб возлюбленный тебе достался
Щедрый, ласковый, в любви искусный!
Пусть он будет молод, независим,
Обходителен, красив, богат!

Пусть исполнятся твои желания, прелестная.

Богиня Лакшми средь наложниц!
Да будет Кама благосклонен
К тому, с кем нынешнюю ночью
Делила наслаждение ты!

Что говоришь? «Иду из дома Нагадатты, сына великого советника».

Голубушка, да ведь его богатство — дело прошлое. Твоей матери это, конечно, не по вкусу. Как же это, милая, то прячешь от стыда лицо, то улыбаешься через силу? Что, правильно я догадался?! Ну, не стыдись, не стыдись же, красавица! Ведь,

Алчность матери презрев и закон любви продажной
Позабыв, хоть он завидный урожай тебе сулит,
В дом возлюбленного вступишь ты для таинств нежной страсти
И гетер корыстолюбье посрамишь красотой души.

А, вижу я, что стыд уместен твой. Что пользы в проклятиях? Зайду к себе домой, а потом загляну к твоей матери. Конечно же, ты нарушила правила своего ремесла. Ступай, почтенная. Что ты сказала? «До свидания!» Так вот тебе, счастливица, напутствие:

Слов не найду,
Восхваляя твои добродетели!
Юности этой чарующей —
Длиться века!

Ушла она. Пойдем теперь и мы. (*Собираясь уходить.*) А, это, конечно, спешит дочь Вишнудатты — зовут ее Мадхавасеной. Бежит она стороной, чтобы не заметили ее, словно юная козуля, испугавшаяся крадущегося за нею по пятам тигра, торопливо, осторожно ставит ножки и направляется сюда. Нынче из-за материнской алчности пришлось, видно, сойтись с немилым ей. Как может быть иначе, когда

Ее лица усталость не коснулась.
Затейливая красота прически
Нетронута, и свежи в ней цветы.
С грудей объятьями не стерта пудра.
А если бы любовник упивался
нектаром, был бы след на нижней губке.
Целехонек и опоясок чудный:
не пострадал он от усилий страсти!

Ну, вот, удрученная соитием с нежеланным, она прошла, меня не замечая. Да пусть ее! Все ж последую за ней. Любопытно знать, в чем причина невнимания ко мне! Ого, да она сама возвращается. Что ты говоришь? «Почтенного я не заметила». Это не беда, красавица! Чьи ум и сердце озабочены бедою, нередко бывают забывчивы. Что ты молчишь? «Кланяюсь почтенному». Прими мое благословенье:

Любой, кто мил тебе, — богатым будь!
Пусть нищим будет каждый ненавистный,
Чтоб матери не вздумалось корыстной
Тебя в постель к немилому толкнуть!

Откуда ты, прелестная, идешь? Что говоришь? «Иду от Самудрадатты, сына богатого купца Дханадатты». Ого, вот это удача! Вот кто воистину Вайшравана от века и до века! Но что это? Бутон ее нижней губы трепещет от долгих и горячих вздохов, глаза сощурились, и брови надломились, лотос лица исказился! Ага! Я, видно, недалеко от истины. Ведь

Ты сердце скрепя
подставляла румяные губы.
Шепча с придыханьем притворным любовные речи,
смеялась безрадостно и обнимала бесстрастно,
На ложе легла с отвращеньем,
искусственный выказав пыл.
Прическу заботливо ночь напролет берегла
и жаждала Сурьи восхода!

Ну, ну, красавица, не надо убиваться. Ведь даже урод годится, говорят, коль он богат!

Твой долг — и с милым, и с немилым тоже
Делить, как повелит вам шастра, ложе!
Тем более что не приятства ради
Так поступают, но богатства ради!

Что ты сказала? «Почтенный то же самое говорит, что мне велит и моя матушка». Есть тому причина. Ступай, милая. Я приду к тебе домой и научу как следует шастре. Вот, вот из-за недостатка в наставниках даже ушла, не попрощавшись! Воистину, подвижница! А пока и мы пойдем потрудимся! (*Собирается уходить.*)

Эге, да вот и странница Виласакаундини! Величаво, плавно выступая и разливая в глаза встречным амриту красоты, приближается она сюда. От запаха ее изодранного одеяния обезумевшие пчелы покидают побеги манго и обращаются в подобных ей странниц. Дай-ка я заговорю с ней, утолю любопытство моих ушей и глаз. Почтенная, тебя приветствую я, Вайшикачала. Что говоришь ты? «Нам нужен не Вайшикачала, а Вайшешикачала». О, вот в чем причина твоего невнимания!

Рассеяннo скользит прелестный взор.
Отмечено лицо трудами страсти.
Усталое, с припухшей нижней губкой,
оно сдается очень миловидным!
В походке разлита истома — память
о празднике любви, прошедшем бурно.
Во всех тебе подробностях, богиня,
счастливыцy излагали страсти смысл!

Что ты говоришь? «А, раб по-рабски рассуждает».

К стопам, как лотос, нежным, припадают
Рабы твои, счастливы! Разве счастье
Такое может привалить бедняге,
Чьих добродетелей запас иссяк?

Что ты изволила сказать?

«Наставники нам запрещают споры с теми, кто не понимает шести категорий». Что ж, почтенная, это только справедливо, ибо:

О бесподобная, чье тело — *сущность*,
красоты — качества, а молодость — *всеобщность*!
Красавцы юные хвалу тебе поют,
превознося твои *деянья* хором.
Они с тобой *соединенья* жаждут,
прельщенные *спецификой* твоей.
Соединенье с милыми творя,
ты от немилых ищешь *избавленья*.

Да она лишь смеется в ответ на мои доводы! Значит, они справедливы. Что еще? «Знакома я и с санххей — ведь человек алепака, ниргуна и кшетраджня».

Да, что уж тут говорить! Но пока мы беседуем, мне кажется, почтенная, что ты кого-то высматриваешь! Не следует мне быть препоной для страсти молодых людей. Да преуспеет почтенная! Вот и ушла. Пойдем и мы покуда! (*Собирается уходить.*) О! Никак, пожаловать сюда изволит сама матушка Чаранадаси, зовут-то ее Рамасена, обилье наслажденья. В годах преклонных, а все еще и изяществом, и взором, и походкой, и смешками изображает юную игривость. Ну, как не подивиться ей!

Изведавшая множество усад,
любовника не одного в плену
Державшая у прелестей своих,
дабы прибрать к рукам его казну, —
Она предметом распрей для юнцов
была, а нынче — что греха таить? —
По городу вечернему спешит —
возлюбленного дочери доить!

Прекрасно! Насладимся же неистребимым кокетством этой прелестницы, воплощенной пагубы волокит. Слава тебе, Великая Дыба любовников! Прелестная Рамасена, счастливо превзошедшая юностью дочь, почтеннейшая, ты, верно, идешь извлекать родовое богатство какого-нибудь простофили? Сам вид твой и твои проклятья для нас уже ответ.

Что ты говоришь? «Твоя природа сама оплевывает тебя». Да стоит ли об этом много говорить? Скажи-ка лучше мне, куда спешишь? Что гово-

ришь? «Вчера еще Чаранадаси, моя дочурка, ушла в дом к Дханике, а я туда иду, чтобы ее на представленье пригласить».

Какова, однако, беззаботность Чаранадаси! А?! Даже приходится тебе дочерью, тебе, столь умелой в извлечении имущества у любовников и не менее искусной в забвении их, когда из них все уже выкачано, как это пренебрегает она, подвижница, поучениями шастр? Как это,

Заполучив красавца, обобрав его до нитки, убедаясь вполне,
 Что впал он в нищету и взятки гладки с него, —
 Никак она не сбудет с рук любовника, пылающего страстью!
 Иль шастра для нее лишь звук пустой?

Что ты сказала? «Я приведу ее домой под предлогом представления. И ты пожаловал бы к нам, чтобы наставить в законе мою дочь».

Пусть так и будет. Но только есть просьба друга, которую я должен выполнить немедленно, а после улажу я и твое дело. Ступай себе, почтенная, и я пойду. Ох, не доверяйтесь сердцам гетер — ведь

Пылкость ласк, объятий сладость
 расточая всем без меры,
 Обирают их, — на радость,
 не себе, другим, — гетеры.
 Тело отчуждать — их дело;
 но у них и тело злата
 Отнято — продажей тела
 завоеванная плата!

Истинно, матери гетер — непоправимое несчастье для влюбленных! Пускай повсюду будут счастливы влюбленные! Пусть сгинут матери гетер, искусные в разорении любовников и изощренные в обращении своих дочерей в оружие, без промаха сражающее! (*Собираясь уходить.*)

Ох, вот идет сюда Зло главной улицы, существо, которое ни мужем, ни женой не назовешь, а зовут его Сукумарика. Недобрый глаз у нее. Пронеси господи! Попробую пройти, не заговорив, и ускользнуть, укрывшись полой одежды. (*Делая так.*) Ох, да она за мной бежит! Куда же мне деться? Да, всемогуща Смерть, но я попробую, польстив ей, выбраться из тигриной пасти. Что ты произнесла? «Приветствую тебя». Милая, да будешь ты многодетна, и да минует тебя беда вдовства! Ведь

Игривостью бровей, блистаньем взора,
 прельстительной походкой, гибким телом,
 Улыбками и негой пылких ласк
 и ягодиц роскошных широтой,
 В истерзанном, измятом опояске,
 соперниц посрамившая, ответь,

Откуда вышла ты с тяжелым сердцем,
неупоенная трудами страсти?

Что говоришь ты? «Иду я из дворца царского шурина Рамасены». О, сколь плодотворна жизнь его! Но, счастливица, из-за чего настала разлука, горестная, как разлука чакравак?

Что ты произнесла? «Когда мы были в покоях царских, то Ратитилака, прислужница гетер, искусными и сладостными улыбками и жестами, исполненными страсти, игривыми, исполненными любви взорами и слезами усиленно орошала душу Рамасены, и он воспылал к ней страстью Маданы, о чем мне рассказали волоски на его теле, вздыбившиеся от вожделения, и он наклоном головы дал согласие на то, чтобы разделить с нею страсть Маданы.

Не в силах снести столь явную измену, я прогнала его. Он пал мне в ноги, но я, исполненная гнева, не сжалилась. Тогда силой он затащил меня в свой дом, бросил на тахту и немало потрудился, а потом, ночью, одолеваемый страстью Маданы, меня, истомленную порывами бурной любви покинул, а сам ушел к ней и не возвращается вот уж сколько дней домой. Поэтому-то не поверила я его рассказам и, томимая отвращением, пришла к почтенному, чтобы ты меня как-нибудь утешил. Ты, почтенный, должен восстановить мой союз с ним, дорогим мне, как сама жизнь!»

Милочка, да Рамасена ужасно просчитался! Ведь

В чреве твоём невозможно свершиться зачатю,
свежести и миловидности юной во вред.

Плоские груди твои — не помеха объятью.

Страсти препон у тебя ежемесячных нет.

Если он деву покинул

с такой восхитительной статью —

Праздник любви он отринул,

разумному чуждый понятию!

Но пусть так! Подожди меня, гневная, в его доме, а я тем временем поспешу покончить с делом, о котором просил друг. После того как с ним, делом то есть, покончу, заставлю я болвана, чванящегося удачей, выпавшей на долю сестры, смеющего пренебрегать чувствами, переполняющими нежные сердца красавиц, подобных тебе, вернуться домой и пасть к твоим ногам. Ступай же, нежная! Ушла она. Пойду и я! Ох, и трудно же было избавиться от этого существа. Теперь смогу я наконец заняться делом. *(Собирается уйти.)*

Вот досада. Снова меня кто-то приветствует. Да сопутствует вам благоденствие! Давно не встречал я тебя. Почтенный, верно, Дханамитра, сын купца Партхаки? Как это случилось, что на тебя, на полную луну, взошедшую на небо Кусумапуры и заставляющую раскрываться лилии

сердец юных жен, разгоняющую мрак нищеты друзей, всех, кто в нужде, и слуг, обрушилась такая беда? Уж не напали ли на тебя разбойники по пути в другую страну, когда ты, в погоне за прибылью, шел с караваном, груженным товарами, стоившими состояния всей семьи? Или, быть может, царь отобрал все твое добро за злые умыслы? А может, проиграл все в кости, способные за один бросок погубить богатства самого Подателя богатств? Да,

Волосы не стрижены твои,
ногти отрасли и тело грязно,
Исхудалый, побледневший лик
омрачен тревогой неотвязной,
И одежда ветхая твоя
нищеты отмечена печатью.
Иль обязан злополучьем ты
старца богомудрого проклятью?

«Когда дочь Рамасены Ратисена ко мне воспылала страстью Маданы, то и я ответил ей тем же. Да все это почтенному известно. Увы, не ведал я о злобной алчности ее матери и думал, что не покинет меня красавица, и, не поверив советам друзей, предостерегавших меня, я все богатство моего рода поверг к ее ногам. Прошло всего немного дней, и однажды под предлогом купанья велела она мне раздеться и, войдя со мною в засаженный деревьями ашока сад, закрыла дверь, а стражники в саду, которым был известен ее подлый умысел, выпихнули меня оттуда через какую-то дыру. «Как мне влачить в нищете бессчетные дни в том самом городе, где жил я прежде богато?!» — вот так подумав, я отправился в лес, да по пути тебя увидел. Сохрани, почтенный, в тайне все, что я тебе рассказал. Все ведомо почтенному, а я теперь навеки опозорен!»

Ох уж, безмерна алчность гетер! Как гнусна их порода! Дай обойму тебя, любезный. Счастье, что ты еще жив! И то:

При встрече с бешеным слоном — беги!
Ужаленный змеей — противоядь
Из трав целебных пей. Спасайся вплавь,
когда исчадь океанской бездны
Чудовищную разекает пасть.
Но если изрыгает рот гетеры
Подводный пламень светопреставленья —
мир обречен! Спасенья не ищи!

Так ведомо ли тебе, любезный, кто причина твоей беды? Сама Ратисена? Да нет, наверное, ее родительница! Что говоришь ты? «Зачем мне лгать? Ведь Ратисена воистину меня любит. Все это случилось по вине ее матери. Когда б почтенный попытался устроить мне хоть на мгновенье встречу с милой без ведома ее родительницы, то снова жизнь возвратилась бы

ко мне». Знаю я о твоей любви к ней, да и от других об этом слышал. Смотрите, он рыдает. Ну, ну, не надо так убиваться! Есть у меня поручение друга, которое немедленно выполнить следует. Как только я с ним покончу, вернусь и распутая твою беду. Ступай, почтенный. Ох, уж эти хитрости гетер!

Среди сановников злодействам своим виновников искать —
Уловка гнусная царей.

Своих любовников умеют гетеры по миру пускать,
Вину свалив на матерей.

Наконец-то он ушел, бедняга — нынче, а прежде — глава всех шалопаев! Пойдем и мы! (*Собираясь уходить.*)

Ой, кто-то произнес мое имя ласковым и сладким голоском, подобным зову кукушки из весеннего леса?! (*Приглядываясь.*) О, да это Приянгусена. Спешу, спешу к тебе, Приянгусена! Что ты изволишь молвить? «Тебе я кланяюсь приветно». Соболаговоли, прелестная, принять мое благословение:

Нежными ногами, кулачками
Отбиваясь от чрезмерной страсти,
Бедр а сжав, любимому противясь,
Да вкусишь блаженство ты на ложе!

Какую ты честь, несравненная, оказываешь притиранию, благоухающему всеми благовониями, умащая им свои бедра, утомленные любовными забавами! Милолика, напрасно тот живет, кто не видит сверкающего совершенства твоего прекрасного тела, когда сняты с него все украшения, как не узрит великолепия выезда царя на слоне, когда с него убирают колокольцы, нашейные украшения и налобник. Ибо:

Дивное тело твое увидав без украшений, сандалом натертое, со
следами безудержных ласк,
Улыбку, слегка покрасневшие очи, округлые груди, что юного
пыла полны,
Тонкую ткань одежд, соскользнувших к лодыжкам, и плавную
бедер окружность, от опояска свободных,
Божественный Кама — и тот не в силах с собой совладать.

Что говоришь ты? «Приятны мне ваши слова». Ну, а что же за дело у тебя? Не смущайся. Раз уж окликнула, так говори. Что ты говоришь? «Соболаговолите слушать». Милая, да я весь внимание. Что говоришь? «Во дворце Пурандары, могучего царя, правящего Кусумапурой, чьи веления не терпят возражений, будет устроено представление с музыкой и танцами „Победа Пурандары“, исполненное соответствующих рас, а я побилась с Девадаттой об заклад, что танцевать я буду лучше. Ты станешь средством, которое доставит мне успех».

Нет, нет, уволь! Что за нужда в светильнике в ночь, озаренную сияющей луной? И нет нужды в толпе помощников тому, кто и так силен! Ты сама себе средство. Меня просил о помощи тебе сам Рамасена, чье сердце переполнено любовью к тебе.

Вот улыбается она, обернувши к слугам лотос своего лица, с трепещущими губами, с чуть-чуть прищуренными глазами, бровями, взметнувшимися вверх, щеками рдеющими, — все это выдает вспыхнувшую в ее душе радость. Что ж, Рамасена за усердие вознагражден наверняка! А Девадатта просто глупа, если хочет соперничать с тобой! С тобой, обладающей красотой, богатством, юностью, сверкающей прелестью, совершенством в четырех видах представлений, тридцати двух разновидностях движений рук, восемнадцати разновидностях взоров, шести позах, трех походках, восьми расах, трех музыкальных темпах, — все они украшены тобою изобильно! И вижу я, что ты способна и в этом простом наряде превзойти сонмы небесных дев, способных очаровывать сердца и очи богов, асуров и великих мудрецов. Да ведь

Телодвижений прелестью и негой
Плясать заставишь ты сердца и взоры!
Да что о танце говорить? С избытком
Хватило б одного очарованья!

Э, она смутилась! Раз она надела украшение смущения, я свободен. Ну, что ж, пойду себе! *(Собирается уйти.)*

А вот спешит красоточка с упругими грудями, присыпанными пудрой, с затейливой прической, убранный цветами, и от чего-то радостно ее лицо, а торопливая походка полна сладострастия, — зовут ее Канакалата, она — служанка Нараянадатты. Я поболтаю с ней. О, да она ко мне подходит и приветствует меня. Что ты щебечешь, милочка? «Почтительно тебя приветствую».

Будь всегда мила для милого. Чего ради, почтенная, осчастливила улицу шагами своих лотосоподобных ножек? Что ты лепечешь? «Наверно, господин мне льстит». Нет, милая, это совсем не лесть! Что говоришь? «Я вас благодарю». Пусть так, пусть так! Но почему же разлучилась ныне чета чакравак?

Что ты говоришь? «С сердцем, исполненным ревностью, позабыв об омовениях, о постели, о еде и украшениях, пошла она в рошу из деревьев ашока и на прохладный камень села, осененный юными побегами. Но ее мученья стали горше от южного ветра, наполненного звенящим пеньем надоедливых пчел и благоуханьем весенних цветов, казавшимся зловонием, от лунного круга с его мертвящим светом. А пока подруги нежными словами утешали ее, в ту рощицу пришел некий человек и словно бы по повеленью Маданы заставил вину рокотать и напевать стихи в размерах вактра и апаравактра, — такой:

Богатство, юность, красота
Не принесут плодов тому,
Кто, вместе с милой, не сумел
Отпраздновать весны приход.

И вот такой:

Останется бесплодной жизнь мужчины,
Того, что, кокиля внимая пенью
И видя в небе лик луны невинный,
С возлюбленной не склонен к примиренью.

Потом, как видно, услышав это пенье, свой гнев наша госпожа смирила и, даже не дождавшись прихода того, по ком страдает, позвала меня и направила свои стопы в дом к нашему красавцу. Вот точно так же и наш красавец, чье упрямство оказалось смягчено приходом весны, с кем-то вместе пошел за моей госпожой, и они столкнулись как раз у дверей дома учителя игры на вине Вишваवासудатты. Тогда тот как бы случайно вышел и, видя, что растерялись они и смутились, увел к себе домой. А нынче утром она мне велела: „Сыщи почтенного Вайшикачалу и приведи сюда“. Так соблаговолите пожаловать!»

Ах, милочка, ты наполнила счастьем мне уши! Как мне тебя отблагодарить за такую весть? Прими хотя бы благословенье.

Будь юности твоей цветенье — вечным!
Будь ваше упоенье — обоюдным!
Возлюбленному будь милее всех,
Да не пребудет жизнь его бесплодной!

Ступай вперед, води меня. (*Собираясь идти.*) Что ты сказала, Канакала-та? «Войди в этот дом». Что ж, давай войдем. (*Войдя.*) Не тревожьтесь, не тревожьтесь. А вы, влюбленные, сидите.

Сегодня влюбленных четы примирил благодетель,
Прекрасный Васанта, — безмерна его добродетель!
Пускай время года любое таким же радетелем
Им будет, коль скоро окажется ссоры свидетелем

А как обманут я Васантой, богом весны, возгордившимся своей добродетелью! И встреча-то ваша обошлась без меня! Ну, что мне теперь сказать?! Хотя — ведь в этом и весна не виновата! И правда:

Лунные ночи, благоуханье садов, звуки волшебные вины,
приятность бесед,
Щебет веселый девушек-вестниц и прелесть годичного
круговращения природы, —
В этом, быть может, источник тяги взаимной влюбленных? Нет!
Восхищенье друг другом

Двух добродетельных душ, пылкой любовью объятых, — вот
коренная причина!

Потому-то уж если и был я кем-нибудь обманут, то лишь любовью, — и вас обоих друг к другу, и каждого из вас, — любовью, порожденной добродетелью, столь редкой у других и составляющей подлинную суть Маданатантры и истинную славу Кусумапура.

Что говоришь? «Благодарю тебя, почтенный, мы соединились! Как можем мы, с нашими бедными словами, превзойти того, чьей высокоинтересной речью восторгается весь Кусумапур?!» Однако влюбленным, истомленным страстью, следует избегать всякой затяжки в любовных делах из-за долгих разговоров. Так что хочу я, с вашего позволения, уйти.

Б х а р а т а в а к ъ я

Вам довелось глядеть на юный лик,
раскрывшегося лотоса двойник,
Чей блеск усугублен отрадой страсти.
Всеобщую любовь да обретет
Наш государь, лаская эту землю,
чьи груди — горы Виндхья и Сумеру,
Чьи житницы полны зерном обильным,
чье лоно омывает океан.

В и т а уходит.

*На этом кончается бхана
под названием «Влюбленные»,
написанная достойнейшим мудрецом
Вараручи.*

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА

КАУТИЛЬЯ

«Артхашастра». Фрагменты

БХАРАТА

«Натьяшаstra». Фрагменты

КАЛХАНА

«Река царей». Фрагменты

БХАРТРИХАРИ

«О времени»

Связанная с религиозным культом ученая литература древней Индии развивалась главным образом как литература экзогетическая, поясняющая, истолковывающая, обеспечивающая точное воспроизведение священного текста. Но требования культа не сводились лишь к проблеме воспроизведения, сами тексты сыграли важную роль в развитии филологической науки. Едва ли будет преувеличением утверждение, что систематическая грамматика «Аштаадхьяи» («Восьмиглав») Панини явилась первой научной грамматикой, известной в мировой науке. Панини упоминает имена шестидесяти четырех своих предшественников, в том числе Шакатаяну, Шакалью, Спхотаяну, Гаргью, Галаву. Само его сочинение представляет собой афоризмы, состоящие из двух-трех слов и сводящие грамматическое правило к своего рода алгебраическому коду.

Для Панини корень слова является основным элементом. Панини классифицировал две тысячи односложных корней, которые вместе с префиксами, суффиксами и флексиями составляют основной фонд языка. Нужно отметить, что Панини происходил из племени дакша, обитавшего на северо-западе Индии, учился в университете в Таксиле и был другом одного из императоров династии Нанда.

Усложненность грамматики Панини вызвала необходимость комментариев и лексикографии, и этот процесс продолжается и по настоящее время. Среди комментаторов укажем на Патанджали, среди лексикографов на Амару, создателя фундаментального синонимического словаря. Наследие древних грамматистов и лексикографов настолько обширно, что и ныне является предметом научных исследований.

Необходимо отметить, что наряду с комплексом филологических дисциплин получили развитие также математика, астрономия, химия, агрономия, медицина, металлургия и многие другие дисциплины. К сожалению, история индийской науки не получила до сих пор достойного освещения.

КАУТИЛЬЯ

Артхашастра, или Наука политики

РАЗДЕЛ 7. НАЗНАЧЕНИЕ ТАЙНЫХ АГЕНТОВ

Глава 11. (Составление групп шпионов)

После того как группа министров проверена при помощи испытаний, пусть царь назначит тайных агентов, принявших вид странствующих учеников, отрекшихся от обетов монахов, домохозяев, купцов, отшельников, соглядатаев, разбойников, отравителей, монахинь.

Знающий слабые места других, решительный ученик — это и есть странствующий ученик. Привлекши его деньгами и оказанием внимания, советник пусть скажет ему: «Руководствуясь (указаниями) царя и моими, что у кого увидишь дурного, тотчас сообщай».

Бросивший отшельничество, умный и честный — это и есть отрекшийся от обетов монах. Пусть он ведет свое дело на участке, отведенном ему для хозяйства, имея (в распоряжении) много золота и учеников. Из доходов с этого дела пусть он снабжает всех отшельников пищей, одеждой и жилищем. Ищущих добывания средств к жизни пусть он так подговаривает: «В такой-то одежде надо исполнять дела царя и являться за получением еды и содержания в определенное для того время». И все отшельники пусть каждый так же подговаривают свою группу.

Земледелец, лишенный своих средств к жизни, умный и честный, будет шпионом, принявшим вид домохозяина. Он пусть ведет свое дело на участке, ему отведенном. Дальше как раньше.

Купец, лишившийся средств к жизни, умный и честный, будет шпионом, принявшим вид купца. Дальше как раньше.

Человек, бритый или с заплетенной косой, ищущий средств к жизни, будет шпионом под видом отшельника. Он, поселившись вблизи города со многими учениками — монахами с бритыми головами или с заплетенной косой, — пусть ест на людях только овощи или горсть травы раз в

месяц или раз в два месяца, тайно он может есть пищу, какую пожелает. Купцы и ученики пусть его чтят заклинаниями, (мнимо) дающими богатство. И пусть ученики его заявляют: «Это волшебник, заклинатель». Пришедшим с пожеланиями узнать (будущее) путем волшебства он, благодаря знанию хиромантии и по условным знакам учеников, пусть расскажет о событиях, совершающихся в их семье: малый доход, пожар, опасность от воров, казнь злодеев, раздача даров (верноподданным) или о значении иноземных событий. «Это будет сегодня или завтра» или «это сделает царь», так он должен говорить. И пусть его тайные агенты это подтвердят. Одаренным энергией, мудростью, красноречием, способностями пусть он обещает царские щедроты и близость к старшему советнику. Пусть советник заботится о их содержании и работе. Гневающихся обоснованно пусть он успокоит дарами и почестями, гневающихся без (достаточной) причины и заговорщиков против царя пусть казнит тайно.

Почтенные царем материальными дарами и почестями, пусть (шпионы) выясняют чистоту царских слуг. Здесь указаны пять групп шпионов.

Так в Артхашастре Каутильи гласит одиннадцатая глава: «Составление групп (шпионов)» в разделе «Назначение тайных агентов» в первом отделе «О правилах поведения».

РАЗДЕЛ 8. ПРИМЕНЕНИЕ ТАЙНЫХ АГЕНТОВ

Глава 12. (Назначение странствующих шпионов. Применение тайных агентов)

Безродные, которых надо содержать, изучившие счастливые признаки (у человека), хиромантию, умение околдовывать людей, волшебство, законы о четырех ступенях человеческой жизни, приметы, приметы птичьего полета, — это соглядатаи и люди, знающие человеческий обиход.

Храбрецы в стране, которые, не жалея жизни, могут сражаться со слоном или тигром за вознаграждение, — это наемные убийцы.

Лишенные любви к родным, жестокие, изменчивые — это отравители.

Странствующая монахиня, ищущая пропитания, бедная вдова, самоуверенная брахманка, чтимая в (царском) тереме, пусть посещает семьи главных сановников. Этим сказано и о бритых монахинях и женщинах-шудрах. Это бродячие шпионы.

Царь должен их направить каждого в своей стране к советнику, домашнему жрецу, полководцу, наследнику престола, главному стражу ворот, охранителю терема, начальнику лагеря, главному сборщику податей,

хранителю государственной казны, главному судье, военачальнику, градоначальнику, астрологу, надзирателю за собранием советников, блюстителю наказаний, охранителю крепости, охранителю границ, начальнику лесных племен; шпионы должны иметь вызывающие к ним доверие признаки — страны, одежды, ремесла, языка, семьи и должны удостовериться (в отношении указанных лиц) в их преданности, пригодности к делу и усердии.

Публичным поведением (указанных лиц) пусть ведают (переодетые) наемные убийцы, которые обслуживают (царский) зонтик, чашу, опахало, обувь, сидение, носилки, коней. О своих наблюдениях шпионы должны передавать в (свои) группы.

Отравители, переодетые поварами и кулинарами, банщиками, массажистами, постельниками, брадобреями, ведающими туалетом, водоносами, скрывающиеся под видом горбунов, карликов, горцев, немых, глухих, идиотов, слепых; актеры, танцоры, певцы, рассказчики, сказители, акробаты и женщины — пусть они ведают наблюдением за внутренним (домашним) обиходом. О нем монахини должны сообщать в (шпионские) группы.

Ученики, принадлежащие к определенным (шпионским) группам, знаками и на письме пусть передают сообщения шпионов, и пусть те группы не знают друг о друге.

В случае отказа во входе (в жилище) монахиням привратники один за другим, шпионы, переодетые отцами и матерями, ремесленники, акробаты, рабыни при помощи пения, чтения, музыки, тайнописи, скрытой в ящичках, или знаков должны вывести наружу (сообщение) шпионов. Или же происходит их выход тайком под предлогом долгой болезни или сумасшествия, поджога или отравления, или необходимости испражниться.

В случае если показания трех (шпионов) сойдутся, то им доверяют. В случае повторного несовпадения показаний применяется тайное наказание или устранение шпиона.

Шпионы, упомянутые в отделе «Об очищении от шипов», должны жить у врагов, на их содержании, передвигающиеся же с целью шпионажа получают содержание от обеих сторон.

Взяв их жен и детей (заложники), пусть (царь) устроит, чтобы они сами получали содержание с обеих сторон. Пусть (царь) считает, что они посланы врагом, и пусть проверяет их чистоту подобными же людьми.

Таким образом пусть он сеет шпионов у врага, друга и владельца смежной (с ним и с врагом) страны и у нейтральных, а также среди их 18 видов должностных лиц.

Шпионы в их внутренних покоях — горбатые, карлики, евнухи, женщины, искусные в ремеслах, немые и разного рода млечхи.

В крепостях группа шпионов — купцы, вблизи крепости — святые и отшельники. В царстве — земледельцы и отрeksiшие отшельники, на границе государства — живущие в пастушеских стоянках.

В лесу должны быть сделаны шпионами лесные жители, отшельники, представители лесных племен и т.д. Все они, быстрые, составляют цепь шпионов для того, чтобы знать происходящее у врагов.

И такие шпионы, поставленные врагом, должны быть опознаны подобными им — как группы, сообщающие узнанное, и тайные, только тайно признаваемые.

Пусть он селит у границ, для распознавания шпионов врага, — (своих) главных шпионов, заслуживающих доверия, выявленных на основании их действий через предателей.

Так в Артхашастре Каутильи гласит двенадцатая глава «Назначение странствующих шпионов. Применение тайных агентов» в разделе «Назначение тайных агентов» в первом отделе «О правилах поведения».

РАЗДЕЛЫ 174 И 175. ОБ ОСАДЕ И ВЗЯТИИ ПРИСТУПОМ (ВРАЖЕСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ)

Глава 4

Осаде укрепления предшествуют действия для ослабления врага. Сельское население или сельскую местность следует оставлять в покое в том виде, как они устроены. Население трудолюбивое следует умиротворить посредством оказания помощи и освобождения от податей, за исключением того, которое захочет бежать из данной местности. Военные действия следует сосредоточить на ином месте (чем то, где обитает сельское население) или в одном определенном месте. Действительно, говорит Каутилья, не должно быть сельской местности без населения и не должно быть государства без населенной сельской местности.

У врага, запертого в укреплении, следует уничтожить посевы и прекратить доступ продовольствия и подкреплений.

Путем прекращения доступа продовольствия и подкреплений, а также путем уничтожения зеленых и созревших посевов, равно как и отвлечений и тайных убийств создается гибель для государственных факторов.

К осаде следует приступать в том случае, когда имеются данные, что собственное войско обладает в полной мере необходимыми качествами, хлебом, сырьем, осадными орудиями, оборонительным и наступательным оружием, работниками и канатами и что время года благоприятствует, в то время как враг поставлен в невыгодное положение в отношении времени года; что у него распространены болезни и голод и истощены запа-

сы и средства охраны, а также царит недовольство среди его наемного войска и среди войск его союзников.

Следует принять меры для охраны своего лагеря, для доступа продовольствия и подкреплений, равно как и охрану путей. Затем следует окружить (вражескую) крепость рвами и стенами, испортить воду (у врага), выпустить воду из его рвов или завалить их. После того через посредство подземных ходов и землянок для собственных войск овладеть валами и стенами (вражеского укрепления).

Ямы следует заполнять громоздкими предметами, глубины же следует заполнять песком. Массивные оборонительные сооружения следует уничтожать при помощи машин. Заманив (врагов) к воротам, где можно произвести вылазку, следует уничтожить их посредством конницы.

В промежутках между сражениями следует стараться овладеть находящимся в укреплении каким-нибудь одним средством, по выбору — двумя средствами или всей совокупностью средств.

Поймав соколов, ворон, кобчиков, ястребов, попугаев, галок, сов и голубей, следует привязать к их хвостам воспламеняющиеся вещества и пустить во вражеское укрепление.

Также возможно, чтобы охранные части из далеких пунктов лагеря зажгли укрепления врага «человеческим» огнем, подняв знамена и луки (?).

Шпионы под видом воинов пограничной и крепостной охраны, привязав горючие вещества к хвостам ихневмонов, обезьян, кошек и собак, должны пускать их в помещения, где хранится сложенная солома.

Положив горючие вещества вовнутрь сушеных рыб или в сушеное мясо, делая вид, что кормишь птиц, можно таким образом добиться, чтобы птицы перенесли (эти горючие вещества) в укрепление врага. Зажигательными веществами являются шарики из елового дерева, из девадару, из «вонючей травы», из черной смолы, из еловой смолы, из смолы дерева сарджа и лака, а также навоз ослиный, верблюжий, козий и овечий.

Порошок из дерева приjala, сажа от дерева авалгуджа, воск, а также навоз лошадиный, верблюжий, ослиный и коровий, — вот зажигательные вещества, которые удобно метать.

Далее, порошок из всевозможных металлов и огненного цвета или же из кумбхи, олова и цинка, смешанный с сажей от сожженных цветов парибхадрака и палаша, с воском, кунжутным маслом и еловой смолой, суть зажигательные вещества или орудия маскировки. Стрела, натертая этими веществами и окутанная пенькой, оловом, цинком и рогожей, — вот настоящее зажигательное средство.

Однако, если есть надежда на победу в открытом бою, то не следует метать огня. Ведь огню нельзя доверять: он может принять характер стихийного бедствия и может привести к несчетным потерям в людях, хлебных запасах, скоте, деньгах, сырье и ценных предметах. А власть, даже

сделавшая приобретение, стоит перед угрозой гибели, если истощены запасы. Вот, что касается действий по осаде крепости.

Когда же (стремящийся к завоеванию видит), что он сам вполне обладает орудиями для своих действий и работниками, в то время как противник терпит бедствия, сановники его неблагонадежны, его мероприятия по крепостным сооружениям и запасы не в порядке, или что, имея или не имея помощи, противник пойдет на мир со своими врагами, — тогда пришло время (ему) идти на приступ.

В случае возникновения пожара без видимых причин или в результате поджога, в случае празднества, представления, смотра войск, — причем взоры всех бывают прикованы, — в случаях пьяных ссор, когда войско устало от постоянных боев, когда много народа погибло в бою, когда люди заснули, истомленные после долгого бодрствования, в непогоду, в наводнение или когда все окутано туманом, — вот в таких случаях следует идти на приступ.

Можно также выйти из лагеря и скрыться в лесу. Когда враг после этого выйдет из крепости, то его следует уничтожить, напав на него из засады.

Еще возможен случай, чтобы шпион под видом начальствующего лица войск союзника или дружественного владетеля в тылу, показывая свое расположение к осажденному, отправил к нему гонца, выбрав для этого человека, осужденного на смерть, со следующими сообщениями: «Вот где твои слабые места; такие-то думают изменить тебе. С другой стороны, у осаждающего имеются такие-то слабые места, и среди таких-то (из его подданных) ты можешь найти себе сторонников». После этого (мнимый посол), захватив с собой гонца с ответом, выедет (из вражеского укрепления). Тогда осаждающий должен его схватить и, объявив об его преступлении (т.е. о том, что он сносится с врагом) и покончив с ним, удалиться (якобы для наказания мнимого союзника осажденного) и проч.

Тогда принявший вид союзника или друга в тылу должен обратиться к осажденному следующим образом: «Выйди, чтобы спасти меня, или вместе со мною уничтожь осаждающего».

Если осажденный пойдет на это, то, тесня его с обеих сторон, его следует уничтожить. Можно также захватить его живым и заставить его совершить обмен своих владений. Равным образом можно разрушить его город или же уничтожить главные его силы, выманив их (из укрепления).

Все это в равной мере относится к государям, уступающим силе, и к вождям лесных племен.

Один из двух: слабый государь, уступающий силе, или вождь лесного племени, может отправить к осажденному гонца со следующим сообщением: «Этот осаждающий находится в беде, он подвергся нападению со стороны своего врага в тылу, у него появились и иные слабые места; он

имеет намерение отправиться в другую местность». Если (осажденный) даст себя убедить, то осаждающий сжигает свой лагерь и удаляется, а затем действует так, как было указано ранее.

Также можно устроить скопление товаров и обмануть врага посредством этих товаров, смешанных с ядом.

Еще возможно, что носящий характер дружественного государя в тылу пошлет гонца с предложением: «Выйди, чтобы уничтожить врага, на которого я напал извне». Если (осажденный) согласится, то следует поступать, как было указано ранее.

Далее, тайные агенты (могут явиться), указывая, (что они якобы явились) от друзей или родственников и имея на руках документы (подложные) с печатями. Проникнув таким образом в крепость, они должны способствовать ее взятию.

Или же имеющий вид дружественного государя, находящегося в тылу, может отправить к осажденному гонца со следующим предложением: «В таком-то месте и в такое-то время я нападую на лагерь (осаждающего). При этом вы также должны сражаться». Если осажденный пойдет на это, то следует сделать видимость боевой схватки в соответствии с тем, как было указано, а затем, когда (осажденный) выйдет ночью из крепости, то его следует уничтожить.

Еще возможен случай, что (желающий победить) перетянет на свою сторону друга (осажденного) или вождя лесного племени. Таких он должен подстрекать: «Напади на осажденного и ты получишь его землю». Если (такой бывший союзник осажденного или вождь лесного племени) действительно затеет войну с осажденным, то его следует уничтожить при помощи его же подданных или поддерживая изменнически настроенных начальствующих лиц его. Возможно отделаться от него при помощи яда, а затем, достигнув цели, можно объявить, что (убитый) является убийцей собственного друга.

Далее, (шпион) под видом друга может объявить врагу о том, что имеется государь, желающий идти на него войной. Войдя таким образом в доверие (к врагу), такой мнимый друг должен добиться уничтожения наиболее храбрых людей (в войске врага).

Или же, заключив соглашение, (желающий победить) может заставить (врага) поселить своих селян на собственной (желающего победить) земле. Затем, когда они будут поселены, то их следует незаметным образом уничтожить.

Можно также заставить (врага) предпринимать карательные действия против своих изменников или лесных племен. Этим путем можно отвлечь часть его войск, а затем овладеть укреплением приступом.

Изменившие (врагу) его недруги, лесные племена, лица, ненавидимые им, и перебежчики, получив должные подарки и почести, а также озна-

комившись со знаками и сигналами, должны напасть на укрепления врага.

После нападения на вражеское укрепление или лагерь следует оказать пощаду раненым, бегущим, ищущим защиты, тем, у кого распустились волосы, бросившим оружие, тем, у кого лица искажены от страха, а также всем, кто не сражается.

Овладев укреплением врага, следует очистить его от вражеских сторонников и принять меры против тайных способов борьбы со стороны врага внутри и вовне. После этого можно вступить во вражеский город. Завоеватель, овладев таким образом землею врага, может далее посягать на правителя «срединного». Справившись с ним, можно далее посягнуть и на стоящего в стороне. Вот первый путь к овладению землею.

Если государи «срединный» и стоящий в стороне отсутствуют, то превосходством своих личных качеств завоеватель подчиняет себе враждебные факторы (в кругу государств), а затем и остальные факторы. Вот второй путь.

Если круг государств отсутствует, то следует подчинять себе союзника при помощи врага и врага при помощи союзника путем теснения с обеих сторон. Это третий путь.

Далее, возможно подчинить себе соседа, которого легко одолеть. Имея таким образом двойную силу, можно затем одолеть второго и, устроив свои силы, приняться за третьего. Это четвертый путь покорить себе землю.

Одержав победу, следует подобающим образом использовать приобретенную землю, в которой касты и занятия должны быть подобающим образом разделены.

Подговоры (среди врага), шпионаж, тайные меры устранения, осада и приступ, — вот пять факторов для овладения укреплением.

Так в Артхашастре Каутильи гласит четвертая глава «Об осаде и взятии приступом (вражеского укрепления)» в тринадцатом отделе «О средствах к овладению укреплением». От начала сто сорок четвертая глава.

БХАРАТА Натьяшастра

О СОЗДАНИИ ТЕАТРА

Давным-давно высокомудрые пророки Атрея и прочие, укротившие страсти, пришли к добродетельному Бхарате, мастеру театра, во время перерыва в репетициях. Он тогда только что окончил чтение мантры и сидел окруженный своими сыновьями. Высокомудрые пророки, укротившие свои страсти, почтительно спросили у него: «О брахман, как возникла натьяведа, столь похожая на прочие веды, которую ты сочинил? И для кого предназначена она, сколько в ней частей, каковы ее размеры и как должно ее применять? Пожалуйста, расскажи нам подробно обо всем этом». Выслушав мудрых, так сказал им Бхарата в ответ:

«Очиститесь, будьте внимательны и слушайте о происхождении натьяведы, сотворенной Брахмой. О брахманы, давным-давно, когда миновала критаяуга, во время которой царил Сваямбхува Ману, а люди стали охочи до чувственных удовольствий, погрязли в желаниях и алчности, и одолели их зависть и гнев, и счастье их смешалось с горем, тогда Джамбудвипа, охраняемая локапалами, была полна богов, данавов, гандхарвов, якшей, ракшасов и великих урагов». И боги, возглавляемые Индрой, пришли к Брахме и сказали ему: «Мы хотим нечто, что можно было бы слышать и видеть. Поскольку существующие веды не должны достигать слуха тех, кто рожден шудрами, соблаговоли создать другую веду, которая будет принадлежать всем варнам».

«Так и быть тому», — ответил Брахма, и, отпустив царя богов, он сосредоточился мыслью и вспомнил все четыре веды.

Тогда он подумал: «Я создам пятую веду о натья с итихасами, которые будут соответствовать дхарме и артхе, будут содействовать славе, содержать добрые советы и мудрые изречения, давать наставления грядущим поколениям, обогатятся учениями всех шаштр и охватят все искусства и ремесла».

Придя к такому решению, Наивысший, вспомнив все веды, вылепил из них натьяведу. Чтение взял он из «Ригведы», пение из «Самаведы», представление из «Яджурведы» и раса чувства из «Атхарваведы» и, таким образом, связал натьяведу Всеведущий Брахма с ведами и упаведами.

После того как была создана натьяведа, он сказал Индре: «Сочинены мною итихасы: тебе надлежит представить их с помощью богов — тех, кто искуснее, учение, смелее в речах и способнее к тяжелой работе».

При этих словах Брахмы Индра сложил почтительно ладони и сказал в ответ: «О наилучший и святейший, не способны боги ни получить ее, ни следовать ей, не могут они не понять ее, ни воспользоваться ею; ничего не сумеют сделать они с драмой».

Лишь пророки, знающие тайну вед и исполнившие обеты, способны хранить ее и осуществить ее на деле».

Когда же произнес Шакра эти слова, обратился Брахма ко мне: «О безгрешный Бхарата, только ты со своими ста сыновьями способен воспользоваться натьяведой». И тогда я выучил у Брахмы натьяведу и заставил моих сыновей выучить ее и научиться применять. Затем по велению Брахмы и для блага народа назначил я сыновьям различные роли, приличествующие им.

Затем, брахманы, приготовился я дать представление, в котором были три стиля-вритти — риторический, патетический и энергический. Пошел я к Брахме и, поклонившись, сказал ему о том. Велел мне наставник богов включить еще и изящный стиль и спросил меня, что для этого нужно. Отвечал я ему на это: «Дай мне то, что необходимо для этого. Когда плясал Нилаканта, видел я, что изящный стиль связан с любовной страстью, а для этого нужны красивые одежды, благородные движения тела, и стилю этому подобают раса, бхава-состояния и действия, что и является его душой».

Стиль этот невозможен без участия женщин. И тогда усилием мысли Брахма создал небесных дев, искусных в украшении драмы, и отдал их мне для участия в представлении. Кроме того, велел он Свати с его учениками играть на музыкальных инструментах, а гандхарвам, таким, как Нарада и другие, петь песни.

После того как было усвоено драматическое искусство, выросшее из вед и их различных частей, я со своими сыновьями Свати и Нарадой, почтительно сложив ладони, приблизился к господину миров и сообщил, что овладели мы натьяведой и молим его о повелении представить пьесу.

При этих словах Брахма сказал: «Весьма подходящее время для представления пьесы — только что начался праздник Знамени Индры. Используйте по этому случаю натьяведу».

Тогда пошел я на этот праздник в честь победы Индры, устроенный после того, как враги богов — данавы и асуры — были истреблены. На этом празднике, на котором присутствовало множество богов, я произнес для них нанди, священное благословение. Затем я воспроизвел, как дайтьи потерпели поражение от богов, причем представлены были споры и ссора и взаимное отсечение и пронзание членов тела.

Брахма и прочие боги были довольны представлением и пожаловали нам всяческие дары в знак радости, переполнившей их мысли. Больше всех ободованный Шакра подарил свое благовестное знамя, Брахма — кутилаку, жезл кривой, для шута, Варуна — золотой кувшин, бог солнца — зонт, Шива — успех, а бог ветра — опахало.

Прочие боги и гандхарвы, якши, ракшасы и паннаги, присутствовавшие в этом собрании и бывшие разного рождения и заслуг, радостно

дали моим сыновьям речи, подобающие различным ролям в пьесе, бхавы, раса, хорошее состояние здоровья, соответствующие движения членов тела, силу, а также красивые украшения.

Когда же началось представление об истреблении дайтьев и данавов, дайтьи, которые пришли туда, подстрекаемые вигхнами во главе с Виру-пакшей, сказали:

«Не будем мы смотреть такое драматическое представление!» Тогда вигхны вместе с асурами использовали магическую силу и парализовали речь, движения и память актеров. Заметив, что это случилось с ними, задумался Индра над тем, по какой причине остановилось представление, и обнаружил, что сутрадхара со всеми его помощниками лежат без чувств и недвижимы, окруженные со всех сторон вигхнами. Тогда поднялся он, украшенный яркими драгоценностями, и, вращая от гнева очами, взял лучшее копье и с помощью джарджары испепелил асуров и вигхнов. Тогда все вигхны и данавы исчезли и боги радостно сказали: «О, божественное твоё оружие, благодаря которому все нарушившие представление обращены в пепел. Пусть будет этому представлению имя „Пепел“. Завистливые вигхны, которые могут вознамериться помешать представлению, немедленно убегут при виде „Пепла“».

Сказал Шакра богам с удовольствием: «Пусть так и будет — „Пепел“ будет защитой актерам».

Когда пьеса была готова и праздник Индры был в полном разгаре, завистливые вигхны стали снова пугать актеров.

Заметив эти попытки, вызванные оскорблениями дайтьев, я вместе с сыновьями обратился к Брахме: «Скажи нам, лучший из богов, что делать, чтобы защититься от попыток вигхнов испортить драматическое представление».

«О великодушный, — сказал Брахма Вишвакарме, — построй хороший театр наилучшего типа».

Построил Вишвакарма театр и приблизился с почтительно сложенными ладонями к трону Брахмы: «Божественный, соблаговоли взглянуть на театр, который уже готов». Тогда Брахма с Индрой и другими богами пошел осмотреть театр.

Осмотрев же его, сказал Брахма прочим богам: «Вы должны защищать театр — каждый свою часть: Чандра — главное здание, локапалы — его стены, маруты — его углы, Варуна — пространство внутри здания, Митра — артистическую уборную, Агни — сцену, облака — музыкальные инструменты, четыре варны — колонны, бхуты — ограждение мест, апсары — его комнаты, якшини — все строения, бог океана — пол, Яма — вход, два царя нагов — две створки двери, посох Ямы — косяк двери, копье Шивы — притолоку двери».

Нияти и Яма были сделаны двумя привратниками. Сам великий Индра стал около сцены. В маттаварани была помещена Молния, спо-

собная убить дайтев, защита его колонн была доверена очень сильным бхутам, якшам, пишачам и гухьякам. В Джарджару был помещен ваджра — Гром, сокрушитель дайтев, а в ее частях были размещены лучшие и сильнейшие боги. На самой верхней части был помещен Брахма, ниже Шива, еще ниже Вишну, еще ниже Картикея, в самом низу пять великих нагов, таких, как Шеша, Васуки и Такшака.

Так для сокрушения вигхнов боги были размещены в разных частях Джарджары и сам Брахма занял середину сцены. Именно поэтому цветы рассыпаются на этом месте [перед началом представления]. Обитатели подземных миров, такие, как якши, гухьяки и паннаги, были использованы для того, чтобы защитить низ сцены.

Да защитит Индра актера, играющего героя, Сарасвати — актрису, играющую героиню, Омкара — шута, а Шива — всех прочих актеров.

Брахма повелел, чтобы боги, которые были назначены для защиты [представления], стали бы покровительствовать ему.

Тем временем боги все вместе сказали Брахме: «Ты должен бы умиротворить вигхнов с помощью какого-либо средства, способствующего примирению. К этому способу следует прибегнуть прежде всего, затем — к дарам, потом посеять раздор между врагами и, укротив их таким образом, можно сделать ненужным прямое подавление их».

Выслушав эти слова богов, позвал Брахма вигхнов и спросил: «Почему вы хотите испортить представление?» Вирупакша вместе с дайтьями и вигхнами сказал на это Брахме примирительно: «Знание драматического искусства, которое ты ввел впервые по желанию богов, представило нас в невыгодном свете, и сделал ты это к выгоде богов. Не следовало тебе так поступать, ибо ты — питамаха мира, от которого равно родились как боги, так и дайтьи».

Когда произнес эти слова Вирупакша, промолвил Брахма: «Укротите гнев свой, дайтьи, отбросьте печаль, я создал натьяведу, которая определит счастье и благо для вас так же, как и для богов, и которая учитывает ваши мысли и дела так же, как и мысли и дела богов.

В драме нет предпочтения вам или богам, ибо драма есть представление состояний трех миров. В ней упоминаются долг, охота, деньги, мир, смех, борьба, любовь, убийство. Она учит долгу тех, кто пренебрегает им, любви тех, кто стремится к ней, очищает тех, кто невоспитан или непокорен, поддерживает сдержанность в тех, кто дисциплинирован, рождает мужество в трусе, энергию в героя, просвещает неразумных, дает мудрость ученику. Она дает развлечение царям, твердость души тем, кого одолела печаль, надежду на богатство тому, кто стремится к нему, приносит спокойствие тем, кто возбужден.

Драма, созданная мной, есть воспроизведение действий и поведения людей, богатое различными эмоциями и показывающее разнообразные ситуации. Она рассказывает о действиях людей добрых, злых и

безразличных и дает всем им мужество, развлечение и счастье, а равно и совет.

Драма, таким образом, будет поучительна для всех благодаря действиям и состояниям, изображенным в ней. Она также дает облегчение несчастным, одолеваемым скорбью, или печалью, или трудом, и будет способствовать соблюдению долга, а также славе, долгой жизни, разуму и вообще добру и будет просвещать народ. Нет такого мудрого выражения, нет поучения, нет ремесла или искусства, приема или действия, которого не было бы в драме.

Поэтому создал я драму, в которой встречаются все науки, различные искусства и разнообразные действия. Так что не следует вам гневаться на богов; ибо воспроизведение мира со всеми его семью двипами дано в драме. Некоторые истории, взятые из вед, и итихасы, способные доставлять удовольствие, называются драмой; воспроизведение деяний богов, асуров, царей, а также обычных людей называется драмой; и когда человеческая природа со всеми ее радостями и печалью изображается с помощью представления через жесты и тому подобное, это называется драмой».

О СТИЛЯХ

Теперь я о правритти расскажу — их в искусстве театральном четыре:
аванти, дакшинатъя и панчали с одрамагадхи.

Можно спросить — зачем правритти? Следует ответить: на земле в разных странах разные одежды, языки, обычаи — все эти особенности и называются правритти. Здесь сказали — много стран на земле, почему же только четыре правритти? Ведь у них общий узус. Следует сказать: истинно у них узус, обладающий общими признаками, но ведь люди обладают в разных странах разной одеждой, языком, нравами, и в согласии с мнением людей я в театральном искусстве разделил вритти на четыре подразделения — в разных странах предпочитают либо бхарати, либо саттвати, либо кайшики, либо арабхати. Потому и по странам разделены они в соответствии с употреблением.

В южных странах — представления главным образом в стиле кайшики, изобилующие танцами, пением и инструментальной музыкой, полные ловких и сладостно изящных движений тела.

К Махендре, Малая, Сахье, Мекале и Калапанджаре
Ближние страны называются Дакшинапатхой,
Косала, Тосала, а также Калинга и Мосала,
Драмида, Андхра и Махавайна и также земли,

Населенные лесными племенами,
Что лежат между Южным океаном и горами Виндхийскими
Те страны и называются Дакшинатья.
В странах Аванти, Видише, Саураштре и Малаве,
А также Сайндхаве, Саувире, Арбудсе и Анарте,
Дашарне, Трипуре и Мартиковатте
Постоянно обращаются к авантийскому,
Зависящему от саттвати и кайшики, —
Устраивающим представления следует их использовать.
В Анге и Ванге, Калинге и Ватсе и Одрамагадхе,
В Паундре, Непале и Ахтаргири и Бахиргири,
А также в Праванге, Махендре, Маладе и Малавартаке,
Брахмоттаре, а также в Бхаргава и Маргава,
В Прагджьотише и Пулинде, Видехе и Тамралипти —
С востока начиная, всюду пользуются одрамагадхи,
И в других странах, которые в пуранах зовутся восточными,
Во всех них используется одрамагадхи,
Ибо он насыщен бхарати и кайшики.
В Панчале и Саурасене, Кашмире и Хастинапуре,
Бахлике и Шальве, а также в Мадре и в Кушинаре —
Землях, лежащих близко к Гималаям и к северу от Ганга,
В тех джанападах прибегают к вритти панчали,
В котором господствуют саттвати и арабхати.
А это значит, что песен в их представлении мало, но
Преобладают энергия, мужество и движение.

О РАСА И БХАВА

Выслушав про все, что необходимо сделать перед началом представления, снова спросили Бхарату знаменитейшие мудрецы: «Ответь нам на пять вопросов. Ты должен ответить, что такое раса, про которые говорят в трактатах опытные в театральном искусстве, и в чем состоит их сущность, и почему они так называются. Что такое бхава и как они переживаются? Что есть санграха? Что такое карика? Что такое нирукта?»

Выслушав речь мудрых, Бхарата ответил и разъяснил различие между раса-настроением и бхава-чувством: «Расскажу я вам, совершенства подвижничества, обо всем по порядку — и о санграха, и о карике, и о нирукте, но не смогу, сколько бы ни старался, рассказать обо всем в театральном искусстве из-за множества наук и искусств, входящих в него, число которых бесконечно. Невозможно исчерпывающе преодолеть океан знаний, вмещаемых одной наукой, и уж что говорить о глубоком смысле их всех.

Но изложу я то санграха театрального искусства, которое поможет уяснить скрытый смысл в кратких немногих сутрах и повествует о раса, бхава и прочих свойствах. Санграха называется сочинение, в котором сжато и подробно истолковано учеными содержание сутр и комментариев к ним. Санграха трактует о раса и бхава, а также о искусстве актерского представления, о дхарми-приемах, о вритти и правритти, сиддхи-успехе, свара-голосе, инструментальной музыке и пении, о сцене.

Что в немногих словах кратко изъяснит смысл правила, то называется карикой-глоссой, излагающей смысл.

То называется нирукта, что разъясняет установленное значение слова, истолковывая смысл корня, вкратце объясняя значение, опираясь на различные теории, разбирая хету-происхождение и значение корня, используя нигханту и нигама, анализируя различные слова с их составными частями.

То сокращение, о котором я сказал, лучшие из дважды рожденных, изложу вам с этимологией и с глоссами.

Считается, что в театральном искусстве имеется восемь раса: любовное, комическое, трагическое, яростное, героическое, устрашающее, отвращающее и волшебное. Эти восемь раса были определены самим Друхиной. А теперь поведаю я о порождаемых внутренней природой постоянных и преходящих чувствах. Считается, что постоянных чувств тоже восемь — любовная страсть, смех, горе и гнев и энергия, страх, отвращение и изумление. [Дополнительными] чувствами называются тридцать три, а именно: удрученность, изнеможение, тревога, зависть, а также опьянение и усталость, вялость, подавленность, замешательство, отчаяние, воспоминание, уверенность, стыд, неуравновешенность, радость, возбужденность, скованность, высокомерие, отчаяние, нетерпение, сонливость, истерия, дремота, пробуждение, раздражение, скрытность, ярость, рассудительность, болезнь, безумие, умирание, испуг, размышление. Преходящими чувствами считаются восемь — ошолбенение, потение, поднятие волосков, дрожание голоса, дрожь, побледнение, слезы, обморок.

Следует знать, что в театральном искусстве имеются четыре метода искусства актерского представления — движениями, словами, ахарья-гримом (включает в себя и реквизит. — *И.С.*), естественными чувствами.

Что касается приемов, то они могут быть реалистическими — локдхарми и театральными — натьядхарми. Имеется четыре общих стиля: бхарати — риторический; саттвати — патетический; кайшики — изящный, арабхати — энергический. В них исполняются театральные представления. Кроме них имеются четыре местных стиля: аванти, дакшинатя и одрамагадхи, а также еще и панчаламадхьяма».

Тут мы объясним именно раса. Без раса не существует какого-либо значения. Тут раса происходит из сочетания условий, определяющих чувство, — vibhava, его восприятия — anubhava и преходящих чувств — vyabhicara. И таким образом, от слияния разного рода чувств возникает раса.

Есть ли какой-нибудь пример этому?

Говорят, что так же, как вкус [пищи] порождается сочетанием различных веществ, соусов и приправ, раса возникает от слияния различных чувств. Как от патоки и прочих продуктов, приправ и соусов образуются шесть вкусов, так и постоянные чувства сочетающиеся с различными прочими чувствами, приобретают свой «вкус».

Тут спрашивают: «Каково же вещественное значение раса?» Говорят: «Узнают это пробой вкуса». Как же попробовать раса? На это отвечают: «Точно так же, как разумные люди, чтобы узнать различные вкусы, вкушают пищу, приготовленную под разными соусами, испытывают радость и удовольствие, точно так же разумные зрители, любясь украшенной различными чувствами речью, жестами, внутренним порывом, вкушают bhava и испытывают радость и прочее». «Отсюда и происходит раса театрального искусства», — так говорят. Вот две соответствующие этому шлоки:

«Подобно тому как люди, толк знающие в еде,
Наслаждаются вкусами пищи, приправленной
различными приправами и из разных продуктов
приготовленной,
Точно так же разумные, наслаждаясь постоянными
чувствами,
Связанными с драматическим представлением и bhava,
душой вкушают [те впечатления, которые они от этого
получают.
Эти-то впечатления и] называются раса театрального
представления».

Здесь спрашивают: «Что же, раса порождает bhava или, напротив, bhava порождает раса?» Некоторые по этому поводу думают, что они порождаются от их соединения. Это не так. Почему? Потому что bhava вызывают раса, а не раса вызывают bhava. И здесь есть шлоки:

Знатоками театрального искусства сказано,
Что bhava так называются
Потому, что они дают почувствовать
Раса, связанные с различными театральными действиями,
Подобно тому как из разных продуктов многими
Способами приготовленное блюдо пробуеться,
Так же точно bhava вместе с различными театральными приемами

Возбуждают раса.
Нет раса, лишённого бхава,
Нет бхава без раса.
И в театральном представлении успех будет
При условии их взаимодействия:
Подобно тому как соединение соуса
И приправы порождает в пище вкус,
При условии их взаимодействия.
Так же бхава и раса взаимно
Помогают проявиться друг другу.
Подобно тому как из семени дерево
Растет, а на дереве цветы и плоды,
Точно так же все раса проистекают из бхава.

КАЛХАНА Река царей

суйя

Страна страдала от губительных разливов озера Махападма и была рассечена многочисленными потоками, из-за чего земля давала небольшой урожай. Благодаря усилиям царя Лалитадитьи уровень вод был несколько снижен и земля стала давать немного больше. Но с течением времени, особенно после смерти царя Джаяпиды, когда сменили друг друга несколько малодушных царей, снова земля оказалась залита водой. Тысячу и пятьдесят динаров стоила мера необмолоченного риса в этой растерзанной голодом стране.

Благодаря заслугам Авантивармана и для того, чтобы обеспечить возможность существования всем живым существам, блистательный Суйя, воплощенный бог пищи, родился на земле. Деяния этого благословенного человека воистину были чудесами мира. И хоть о происхождении его ничего не было известно, ясно стало, что хоть и в калиюгу, но родился он не из женского чрева.

Однажды женщина-чандала, которую звали Суйя, подмётая улицу, нашла новый глиняный горшок с крышкой. Приоткрыла она крышку и увидела лежавшего там младенца с глазами, подобными лепесткам лотоса, сосущего пальчики. «Наверное, бросила его какая-нибудь несчастная мать», — подумала она с нежностью, и груди ее наполнились молоком. Она взяла его себе и вырастила, не оскверняя его прикосновением. С именем Суйи вырос он умным человеком, умеющим писать, и стал в доме у какого-то домохозяина наставником его детей. Постами, омовениями и религиозными обрядами завоевал он сердца добродетельных, и ученые окружали его, обладавшего блестящим умом. В разговорах с ними, когда толковали они о разрушениях от наводнений, он говорил: «У меня есть план, но что я могу сделать без средств?» Словно безумец, повторял он постоянно эти слова, пока не удивился им царь, когда доложили ему о них шпионы. Когда же, призвав его, царь спросил: «Говорил ли ты так?» — он повторил все, что говорил, без колебаний.

«Он безумец», — говорили о нем в свите царя, но тем не менее царь, пожелав увидеть, как он осуществит план, предоставил в его распоряжение казну. Получив много горшков с динарами, Суйя поспешил на лодке к Мадхавараджье. Там, у деревни Нандака, залитой водой, бросил он горшок с динарами и поспешил обратно. «Конечно, он всего лишь сумасшедший», — толковали о нем придворные, но царь все же решил посмотреть, чем все это кончится. Бросил Суйя в воду пригоршню динаров и в Крамараджье, добравшись до места, называвшегося Якшадара. В этом месте валуны, скатившиеся с гор, так запрудили Витасту с обоих бере-

гов, что вода пошла вспять. Изголодавшиеся крестьяне в поисках динаров убрали валуны из русла реки и очистили Витасту.

Таким образом мудрый сбросил за два или три дня воду и в одном месте перегородил Витасту с помощью ремесленников каменной плотиной. Благодаря каменной плотине, построенной Суйей, сотворившим чудо, вся река, дочь Нилы, была остановлена на неделю. Расчистив ложе реки и соорудив каменные защиты против обвалов, он открыл плотину.

Долго сдерживаемая река, словно нетерпеливо жаждущая встречи с океаном, снова побежала навстречу ему. Схлынувшая вода открыла землю, почерневшую от ила, среди которого сверкала чешуей рыба, — словно открылось небо, очистившееся от туч и полное звезд. Повсюду, где становилось известно ему, что наводнение причиняло разрушения, всюду строил он новые каналы для Витасты. С несколькими каналами, отведенными от реки, уподобилась Витаста змее с несколькими головами на одном теле. Предприимчивый Суйя заставил Инд, протекавший слева от селения Триграми, и Витасту, огибавшую его справа, прежде сливавшихся около Вайнаясвамина, соединиться теперь около Сринагара, и их слияние нерушимо даже в конце кальпы».

Суйя заставил разные потоки, грозно стремившие свои волны, подчиниться его воле, подобно тому как заклинатель змей подчиняет кобру. Построив каменный парапет для Витасты длиной в семь йоджан, он покорил воды озера Махападма, а уж из этого озера устремилась Витаста, направленная им, по своему руслу так быстро, как стрела, выпущенная из лука.

Так, подобно славному вепрю Махаварахе, освободил он землю от воды и основал разнообразные деревни с многочисленным населением. Он сделал эти деревни изобилующими различным продовольствием, с устройствами для регулировки воды и прудами, и народ говорил о них как о драгоценных украшениях.

Да и теперь, когда осенью спадают реки, потоки обнажают множество столбов, которые напоминают столбы для привязывания слонов в воде, когда их одолевает течка. Динары, которые Суйя высыпал у Нандаки в неизмеримую глубину, были найдены там на сухой земле, потому что Нандака вышла из воды.

Изучив различные типы почвы, Суйя избавил крестьян от зависимости от дождя, подавая воду из реки на их поля по водоводам. И он снабдил деревни водой, и, взяв из каждой деревни образец почвы, он определил в уме, в какое время она будет нуждаться в поливе. Он установил для каждой деревни количество и порядок распределения воды на постоянной основе и сделал Анулу и другие каналы привлекательными, окруженными прекрасными поймами с богатым и щедрым урожаем.

Ни Кашьяпа, ни Самкаршана не доставили стране таких благ, какие достались ей благодаря добродетельным действиям Суйи.

Освобождение земли от воды, раздача ее добродетельным брахманам, строительство каменных плотин, укрощение демона Калии, потребовавшие от Вишну добродетельных дел в четырех аватарах, были совершены Суйей, обладающим громадными религиозными заслугами, всего лишь за одно рождение.

Там, где с незапамятных времен даже в хорошие годы мера риса стоила двести динаров, там же, в том же Кашмире, со времени Суйи — о чудо! — цена той же меры стала всего тридцать шесть динаров.

На берегу Витасты, там, где она вытекает из вод озера Махападама, Суйя основал город, подобный раю, который носил его имя. Он установил на озере, достигавшем краев горизонта, порядок во веки веков, чтобы на нем не ловили птиц и не устраивали рыбной ловли.

После того как пожаловал Суйя брахманам деревню Суйя Кундала, на память о себе он выстроил каменный мост, также названный его именем.

На земле, освобожденной им от воды, деревни, такие, как Джаястхала, основывались тысячами Авантиварманом и другими царями.

ЦАРСТВОВАНИЕ АНАНТЫ

Мать царя Шрилекха сама желала воссесть на трон. Все уже было приготовлено к помазанию, но, пока она возвращалась с омовения, сводный брат умершего царя Сагара вместе с экангами помазали на царство сына Самграмараджа Ананту. Подобно тому как жаждущий захватить сокровище, унесенное другим, совершает грех, когда убивает сторожившую сокровище змею, точно так же мать царя, сама желавшая царства, озлобленная тем, что другой его у нее отнял, готова была погубить сына. До такой степени была она раздосадована утратой царства, что позабыла о любви к сыну. Тыфу на жизнь, пресыщенную наслаждениями!

В это время дядя юного царя, брат его отца Виграхараджа собрал войско, чтобы захватить царство. Он выступил из Лохары, сжег пограничную крепость и через два с половиной дня вошел в столицу. Посланные Шрилекхой войска ворвались в Лотхикаматху и сожгли Виграхараджу со всеми, кто его сопровождал. После этого соорудила она два матха — один в честь своего покойного супруга, другой — в честь сына и, щедро тратя деньги, выказывала постоянную готовность к мятежу.

А пока что юный царь расстался с детством и стал крайне расточителен, как и бывает с теми, кому от рождения предназначено властвовать. Ближайшими его друзьями были Рудрапала и другие царевичи ди-

насти Шахи, и, установив им безмерное жалование и осыпая богатыми дарами, подорвал он доходы государства. Хотя назначил царь Рудрапале каждодневное содержание в сто пятьдесят тысяч динаров, никогда не расставалась с тем нищета. Диддапале назначил государь восемьдесят тысяч динаров, но никогда тот не проводил ночи спокойно. Любимец государя Анангапала был подлинным веталой, чей ум занимало лишь хищение золотых изваяний богов из храмов.

Рудрапала, укрывавший похитителей жизни, богатств и прочего, стал истинным прибежищем воров, чандалов и тому подобных. Преданные Рудрапале каястхи выжимали из народа соки, а их предводитель Утпала построил приют для слепых. Что уж говорить о любви царя к Рудрапале! Луноликую Асамати, старшую дочь Индучандры, государя Джаландхары, построившего матх Трипурешвара, названный его именем, взял Рудрапала себе в жены, а младшую ее сестру Сурьямати выдал за самого царя. С помощью лживых слов настолько овладел Рудрапала царем, что стал тот послушным его орудием, — так Карна лестью увлек на дурной путь Дурьйодхану.

Как раз в это время могущественный Трибхувана, командующий армией, заключив союз с дамарами, явился, чтобы отнять царство у государя. Когда он, на чьей стороне оказалась вся армия, был готов начать битву, эканги и кавалерия сохранили верность государю. С достойной доблестью Анантадева отражал мечом летевшие в него стремительные дротики и сам нанес тяжелые удары Трибхуване. Хотя тот и был в доспехах, но от тяжелых ударов хлынула у него изо рта кровь, как если бы он изрыгал свое мужество. Почти еще юноша, царь, чье геройство было скрыто покрывалом скромности, явил необычайную силу, и при виде этого Трибхувана покинул поле боя, а Анантадева, чье мужество было беспримерно, сразил у деревни Шаластхала шамальского дамару Абхинаву, метавшего смертоносные дротики, чье мужество оказалось бесплодным. Царь Ананта, возникавший в разных местах битвы, с мечом, на который налипли кровь и мясо, что делало его похожим на ваджру, потрясал мир, словно Бхайрава. На каждом шагу видел он экангов, чьи тела истекали кровью от ран, и, когда он узнал имена лучших бойцов, проснулась в нем щедрость и избавил он их от неопределенности пожалований из казны, назначив постоянное жалование. Таким же образом назначил благодарный царь в награду всем своим слугам девятьсот шестьдесят миллионов динаров. В народе говорили, что, когда государь вернулся с поля битвы, то от того, что долго и крепко сжимал он рукоятку меча, разжались его пальцы лишь тогда, когда на них полили молоком.

Да, велико благородство государя — ведь когда бежавший из страны несчастный Трибхувана вернулся, он был без гнева принят властителем. Брахмараджа из рода Трибхуваны был назначен на пост начальника каз-

начейства, но, встретив ненависть Рудрапалы, был вынужден уйти. Правитель даравов Ачаламангала вместе с еще семью царями млеччхов и дамарами был приведен Брахмараджей в страну. Когда они приблизились к деревне Кшираприштха, навстречу их войску устремился в жажде битвы исполненный мужества Рудрапала. На следующий день, когда обе армии расположились в предвидении боя, повелитель даравов отправился кутить во дворец наги, которого звали Пиндарака. Хотя приближенные Ачаламангалы предостерегали его от дурного поведения, но, увидев в пруду рыбу, метнул он в нее дротик. И тогда из пруда поднялся нага, обернувшийся шакалом, и в охотничьем азарте повелитель даравов помчался за ним. Когда же царское войско увидело, как Ачаламангала бежит, словно бы нападая, то решило оно, что нарушил он условия, и выступило, чтобы избежать неожиданностей атаки и сразиться. И тогда последовало яростное столкновение оружия с оружием, меча с мечом, породившее пропасть огня, торжество битвы, венчавшей героев с небесными девами. В этой яростной схватке могучих воинов предводитель даравов Ачаламангала потерял голову, снесенную ударом меча, а для Рудрапалы этот ужасный праздник прирастил его славу. В войне достались царям млеччхов смерть, оковы и прочее, а повелителю Кашмира — золото, драгоценные камни и прочее. Рудрапала поднес государю голову царя даравов, жемчуга короны которого просвечивали сквозь покрывавшую ее кровь. Подобные столкновения были у Анантадевы с его братом Удаяनावатсой, а также с брахманами, устраивавшими голодовки. Затем Рудрапала умер от болезни лута, и вскоре после него умерли и другие царевичи из династии Шахи.

Когда было покончено со слепой привязанностью Анантадевы к Палам (т.е. царевичам из династии Шахи), царица Сурьямати стала отражаться в сердце супруга, как в чистейшем зеркале. Она, другим именем которой было Субхата, построившая Гауришвару, возвела на берегу Вистасты святой матх, названный в ее честь. Одаряя брахманов коровами, золотом, лошадьми, драгоценными камнями по случаю освящения святилища Садашивы, она избавила многих из них от нищеты. В честь своего младшего брата Ашачандры, которого звали также Калланой, и из нежной любви к нему возвела она матх и еще пожаловала этому матху аграхару. В честь другого своего брата, Силланы, и в честь супруга она построила два матха: один — около Виджаешвары, другой — около Амарешши и совершила высокодобродетельное дело, пожаловав ученым брахманам сто восемь аграхар в святой Виджаешваре. Она также раздала, прославляя супруга, много аграхар в Амарешваре, а также построила Тришулу, Баналингу и другие святые храмы. Когда Раджараджа, сын Анантадевы и Сурьямати, умер, супруги оставили дворец и поселились около храма Садашиве. Начиная с того времени, покинув резиденцию прежних царей, сделали они обычаем жить там.

Любовь государя к коням сделала для него особенно приятными конюших, и благодаря его милостям и участию в разграблении страны они по всему стали ему равны. Как и положено тем, кто зачат царями, любимцем Анантадевы стал знаток шуток Даллака, уроженец долины, обиравший народ. Повелитель Малавы царь Бходжа, послав царю горы золота, велел построить в Капатешваре пруд, и по велению Бходжи оттуда, из пруда Панасудана, постоянно должна была доставляться государю вода для омовения лица, а человеком, который помогал ему устраивать это трудно выполнимое дело и отправлял стеклянные сосуды, наполненные той водой, был некий Падмараджа, уроженец долины, торговавший бетелем, и вот он-то и стал любимцем царя, поскольку Анантадева любил жевать бетель.

Тогда и случилось, что этот торговец бетелем стал забирать у царя чуть ли не весь доход с царства. И сам трон, и корону с пятью полумесяцами этот богатея забрал у государя в качестве залога за подлежащие выплате деньги. Эти символы царской власти раз в полмесяца, в день, когда они были необходимы, приносили из храма. Отвратила несчастье страны, порожденное Падмараджей, царица Сурьямати, выкупившая эти сокровища ценой своего состояния.

Когда страна была избавлена от конюхов, Даллаки и прочих, снова установился в ней ненарушаемый порядок. Начиная с этого времени царица стала заниматься делами государства, а сам царь, оставив помыслы о бранном геройстве, стал исполнителем ее велений. Подчинение царя супруге не вызвало никаких упреков с какой-либо стороны, поскольку оба были безупречно добродетельны. Благодаря своей преданности Шиве, обетам и омовениям превзошел Анантадева щедростью и прочими добродетелями даже древних мудрецов. Благосклонность царя, словно невеста во время сваямвары, подолгу всматривалась в слуг, выбирая себе все новых и новых фаворитов. Цирюльник, которого звали Кшема, назначил для пополнения казны сбор одной двенадцатой и других налогов. Был там также министр, брахман из Тригарты, подвижник, которого звали Кешава, общение с которым украшало государя, словно орошали его амритой прохладные лучи луны, но и его увидели люди одиноко скитающимся, утратившим богатство — чье богатство прочно, подобное ударам молнии из грозовой тучи удачи? Глупцы чванятся полагая, что богатство зависит от судьбы, рода и доблести, но это громадное заблуждение.

У Бхути, вайшьи, служившего сторожем в храме Гауриша Тридаша, были три сына: Халадхара, Ваджра и Вараха. Из них на службе у царицы Сурьямати был Халадхара, который, что ни день продвигаясь, достиг положения главного министра. Царь с супругой стали обращать к нему лица, поскольку он с помощью ума присоединил некоторые близлежащие земли. Учрежденный еще Кшемой департамент чинов Халадхара, человек

выдающегося ума, сделал важнейшим среди всех прочих. Существовало древнее право царя определять качество золота, его количество и прочее, что выявляло размеры имущества человека. Халадхара, опасаясь, что будущие правители будут присваивать собранные людьми богатства, отметил это право. Он успокоил народ тем, что казнил конюших, грабивших людей и похищавших жен. Избавивший от несправедливости, низвел он с помощью украшенных золотом храмов, дворцов, матхов, аграхар блеск солнца к месту слияния Витасты и Синдху. Его братья и сыновья, опьяневшие от дружбы с Лакшми, никогда не забывали быть щедрыми в дарах, как слоны в течке не прекращают источать пот. Сын его брата Варахи, прославленный и доблестный Бимба, был назначен хранителем горных проходов и расточал дары, как тучи последнего дня творения — дождь. Для сонма даматов был он все равно что неожиданно налетевшая смерть, но имел небольшую свиту и погиб в схватке с кхашами, презрев бегство, спасающее жизнь.

Царь Ананта сверг в Чампе раджу Салу и, покоритель царей, посадил там на трон нового властителя. Нередко случалось, что доблестный царь, не имея никакого плана, вторгался в другие царства и оказывался в затруднительном положении. Так, когда он схватился с Калашей, сыном Тукки, его воины разбежались и только хитростью смог Халадхара вызвать государя из Валлапуры. Когда же Ананта вторгся в Урашу, то враг закрыл ему пути отступления, и только командующий его войсками смог освободить дороги, чтобы государь мог вернуться. Во время правления повелителя земли Ананты постоянно происходили жестокие раздоры, войны, конфликты. Дамары из Крамараджи убили стража горных проходов Раджешвару, сына достойного Бхадрешвары, и многих других.

Даже если смотреть на дела взором строгого политика, вести их с опасливой осторожностью, кто может жить в царском дворце, не опасаясь поношений? Даже Халадхара из-за своего усердного служения царице оказался объектом оговора, и рассвирепевший Ашачандра и другие ввергли его в узилище, а затем государь лишил его всего имущества и ему пришлось мучиться в заточении. Когда нет поддержки власти от Судьбы, то откуда взяться бесконечному счастью? Когда же государь освободил Халадхару из темницы, богиня Удачи снова улыбнулась ему и обняла его, а лицо ее от стыда стало таким белым, как царский зонтик. И он равно принимал и гнев и ласку государыни, попеременно сменявшие друг друга, как во время дождей чередуются то яростные тучи, то ласковое солнце. А затем случилось так, что для малодушного государя подчиненность супруге обернулась причиной дурных последствий. Хотя Халадхара и прочие старались предупредить его о тяжких бедах, связанных с отречением от власти, но постоянно побуждаемый супругой, утратившей разум от любви к своему дитю, исполнился он готовности отдать царство сыну Калаше. «Ты, государь, пожалеешь об этом», — говорил царю це-

ремониймейстер Ранадитья, которому было поручено приготовить церемонию помазания. Так, в 4039 году летосчисления лаукика в шестой день светлой половины картикка при множестве присутствующих повелитель земли помазал сына на царство. И вот в тронном зале Ранадитья, строгий знаток церемониала, помышляющий лишь о величии царства, представляя юному царю князей, положил руку на шею Ананте и возгласил: «Вот, царь, князь Ананта!», а когда тот повелитель земли обратился к нему полный гнева взор, то, усмехнувшись, твердый в правилах Ранадитья сказал: «Если таким образом представляют царей Каньякубджи и прочих, то почему тебя, оставившего трон, нужно представлять иначе? Из дня в день придется тебе раскаиваться, почтенный, — поступаться своим достоинством не могут даже святые старцы!» Ничего не смог возразить царь на его язвительную речь, выразившую мнение дальновидных министров.

На следующий день, видя нового царя, окруженного всей свитой, а старого лишь среди немногих челядинцев, мудрый Халадхара, искусно изобразив неудовольствие и осуждая Лакшми, сказал государю Ананте: «Как же это ты в зрелых летах, о собственном лишь счастье заботясь, взвалил бремя государственных дел на юнца, сына своего, еще не испытавшего счастья? Надлежит тебе самому вести все дела царства, а сын твой пусть наслаждается радостями юности, избавленной от забот». Такими словами Халадхара побудил государя снова принять на себя власть, искусно перехитрив юного царя Калашу.

Пребывая все время вместе с родителями даже за трапезой и на других подобных церемониях, был Калаша царем лишь по видимости. Во всех собраниях, воинских упражнениях, жертвоприношениях и прочих церемониях, в коих должен участвовать государь, Калаша был только помощником отцу, как бы выполняя обязанности пурохиты. Подобно тем, кто неуместно радуется, и неуместно печалится, и непостоянен душой, и переменчив в решениях, вынудив супруга передать царство сыну, вскоре стала царица об этом жалеть.

Исполненная гнева, жестокосердия, не терпела она обычного для царских жен хвастовства невесток одеждами и украшениями. Она постоянно заставляла их выполнять обязанности служанок, вплоть до того, что не дерзали они уклоняться даже от уборки в своих покоях.

Как-то случилось так, что приехал ко двору двоюродный брат Ананты Кшитираджа, сын Виграхараджи, и поведал ему беду свою и боль, палящую сердце, — о сыне своем Бхуванарадже, одолеваемом жадной власти, бежавшем в царство Нилапур и готовящемся во главе войск этого царства начать поход против отца. Грязный помыслими, Бхуванараджа дал своим псам имена Бхагавата, высоко чтимого его отцом, и повязал им всем брахманские шнуры. Кшитираджа, муж чистых помыслов, не зирая на возражения своей супруги, обратился к амрите отвержения всего мирского, утоляющей томление духа.

Поспешив отказать свое царство второму сыну Калаши, рожденному царицей Рамалекхой, еще не отнятому от груди и нареченному Уткаршей, он в сопровождении ученых и подвижников пустился странствовать по святым местам. Этот благомудрый муж, истинный вайшнава, наслаждавшийся в течение нескольких лет счастьем душевного покоя в Чакрадхаре, соединился наконец с Вооруженным чакрой. В те времена он и царь Бходжа прославились щедростью и тем, что оба были друзьями поэтов и ученых. Царь Ананта поручил внука, еще младенца, попечениям Танвангараджи, сына своего двоюродного дяди. Танвангараджа истово заботился и о процветании царства, и о благополучии ребенка и, вернувшись в Кашмир, скончался в Чакрадхаре. До той поры все было хорошо и спокойно между членами царской семьи, и, как это известно, не были их отношения опорочены распрями.

Сиддхараджа был рожден от Буддхараджи, сына Индураджи, и породил мужественного Маданараджу. Сын Маданараджи, Джиндураджа, славный своей гордостью, бежал из царского совета, спасаясь от смерти, но мужество его не было поколеблено, и сама царица, обеспокоенная высокомерием дамаров, пригласила его во дворец и предложила пост министра. В ту пору одноглазый дамара, которого звали Шобха, живший в Деграме, доставлял государю серьезное беспокойство, и Джиндураджа напал на него и убил. Поручив Джиндурадже, этому мужественному человеку, командование войсками, царь затем подчинил Раджапури и другие уделы и заставил их платить себе дань.

Тем временем умер Халадхара, который для царствования Ананты был надежной опорой против всяких потрясений и смут. Когда он умирал в Чакрадхаре, то рядом с его ложем стояли в жажде совета государь с супругой, и вот что он сказал государю: «Не предпринимай безрассудных нападений на чужие страны. Твои поражения при Валлапуре и других местах были мною скрыты с помощью хитрости. Остерегайся Джиндураджи, ибо стал он для тебя чрезмерно значим, Джаянанда же породит разрыв между тобой и сыном». Памятуя сказанное Халадхарой, государь хитроумно велел Биддже арестовать могучего Джиндураджу, когда тот был безоружен.

С течением времени царь Калаша, чья душа была отравлена недобрыми желаниями, под воздействием слуг, дурно ему служивших, пошел по дурному пути. В самых близких приятелях у него были Бидджа, Питтхараджа, Паджа и другие, четыре заносчивых царевича, родом из династии Шахи. Самым близким ему слугой был Джаянанда, сын смотрителя государственной казны Наги, ставший его наставником в интригах, достойных Каутильи. Когда скончался лучший из брахманов Амаракантха и предстал пред Шивой, царь Калаша стал учеником его сына Прамадакантхи. Этот гуру устранил из ума Калаши, который по самой природе своей был порочен, всякое представление о том, что допустимо,

и о том, что недопустимо, и стал его наставником в недостойных делах. Что говорить об этом гуру, утратившем всякую рассудительность, когда он, забыв про всякий стыд, удовлетворял похоть со своей же дочерью!

В это время даже те мудрые, кто были искушены в важных обрядах и считались столь всемогущими в своем влиянии, что сам Бхайрава не мог бы их утратить, со страху пали на колени, и только прикосновение к их головам руки некоего субъекта по прозвищу Торговец Кошками вернуло им нормальное состояние.

Жил здесь прежде некий купец, имевший обыкновение держать на коленях черную кошку, и его так и прозвали «Торговец Кошками», а настоящее свое имя он позабыл. Был он самым обычным дурнем, но сначала объявил себя лекарем, а затем и гуру и утвердился постепенно как гуру стиральщиков, каменщиков и других ремесленников. Многих ученых и сановников подчинил он себе, возлагая на их головы руку, смердевшую кошачьим пометом и мочой, а также ассафетидой. Вот такими-то гуру, по природе своей лишенными учености, но гремевшими о ней что ни день, был введен царь в затмение, как день тучами. Бодрствовавшие по ночам, ублажавшие себя чрезмерной едой, с отрыжкой от непереваренной пищи, заливавшие глотки вином, словно бы пытаясь смыть, как водой, дерьмо, ими извергаемое, с помощью бродячего флейтиста, музыкантов и певцов соблазняли они и насиловали женщин.

Канака, сын Халадхары, напившись, пришел в ярость, велел слугам привязать к столбу виту Чамаку и отрезал ему нос, а тот злосчастный, утративший этот орган, вскоре благодаря сводничеству завоевал благоволение молодого царя. Этот обласанный милостью повелителя пес среди мужей занял почетное место среди министров и даже получил титул Тхаккура. Достигнув славы, порвал он связи со своей родней, которой стыдился, и весьма гордился тем, что у него отсечен нос. Невозможно даже говорить о том, что творил царь Калаша, в котором он разжег распутство, но придется, чтобы не нарушить связности повествования. Не упустил он, охочий до чужих жен, случая наслаждаться своей собственной сестрой Калланой и ее дочерью Нагой. Когда эта весть дошла до старого государя и его супруги, то ничего не могли они сказать от стыда и затаили боль в душе.

Жил в деревне Ована некий глупый брахман. Был он деревенским астрологом, пробавлялся лишь тем зерном, что ему в пригоршню насыпали, и звали его Лоштака. По милости божества, охранявшего поля деревни, он, бродя по ночам, обрел способность угадывать, что у кого в кулаке зажато, и поэтому стали его звать Муштилоштака. Достиг он большой славы и стал благодаря своим предсказаниям, святости и сводничеству любимым приятелем молодого царя, погрязшего в страстях.

Настоятель матха Бхаттарака, садху Вьомашива принял на себя в жажде обрести титул кхуркхута тяжкий обет. У прислуживавшего ему

слепого музыканта, которого звали Мадана, был ученик из брахманов, служивший ему поводырем, уроженец города Аванти. Хотя и был он полным ничтожеством, но Вьомашиве стал близок, и тот его обласкал и, сняв с него изодранные одежды и облачив в новые, послал к государю, чтобы преподнести цветы. С сияющим лицом, увенчанный венком, с глазами, достигающими ушей, Мадана, этот болтун, попал в окружение царя и постепенно стал соучастником его оргий и попок.

Окруженный подобными распутниками и подхалимами, очень быстро оказался Калаша оболванен, принял пороки за добродетели и заделался завзятым распутником. Для тех, кто наглое считает деликатным, притеснение народа — уместным, кого так и тянет измарать то, что блестит, для кого подлинным наслаждением является соитие с непотребными женщинами, бранные слова — признаком простоты, для них всякое доброе дело — дурное и греховное, а оттого должно его отвергнуть. В жажде воровских наслаждений бродил раджа из дома в дом, ибо не испытывал он радости от объятий своих супругов даже ни на мгновение. Охваченный страстью к чужим женам и зависящий в этом от посредничества сводников, воспламеняемый огнем похоти, он нуждался для утоления страсти в женщинах, подобно жертвенному огню, которому необходимо возлияние масла.

Однажды ночью, выслав вперед пятерых или шестерых сводников, царь, возглаждавший воровской любви, отправился в дом Джиндураджи, распутная невестка которого дала царю Калаше понять, что она ожидает его у себя дома. Когда же он входил в дом, накинулись на него с лаем собаки, и сторожившие вход чандалы, подумав, что это воры, бросились, вытащив мечи, на него. В страхе перед ними, готовыми его убить, упал Калаша на землю, а спутники прикрыли его своими телами, крича: «Не смейте, это царь Калаша». Кое-как смогли вызволить его приближенные от тех, кто надавал ему тумачков и пинков. Воистину, посылать наперед к женщине, которой сам жаждешь, безносого, несчастливая примета для любовника! Покинул он дворец, плененный кокетливыми взорами возлюбленной, но по дороге к ней из-за игривого взгляда разрушительницы Кали чуть было не угодил в пралаю. Следуя греховному зову души, сошел он с пути здравого смысла и из-за этого, хоть и царь, испытал унижение от неприкасаемых. Уж если из-за страстей приходилось Индре, Чандре и прочим, хотя они и боги, испытывать стыд, то как же достается из-за этого роду людскому, подверженному смерти? Сначала рождается дурная слава, затем — осуждаемая гнусная страсть, потом гибнет дхарма, а затем и достойная честь, гибнет семья, а потом и жизнь сама — да и как может быть по-иному, коли расплавился сам камень добродетели!

Как только распутный раджа добрался до своего дворца, тотчас обрушилась эта новость на его родителей. Долго они, разрывающиеся любовью к сыну, позором и горем, рыдали и решили, что этого распутника

нужно запереть в темницу, а на царство поставить средоточие всех наук Харшу, старшего из внуков, сына Калаши от Баппики. Когда же поутру призвали они Калашу, то в опаске сказал он Биддже и Джаянанде о том, что боится родителей. По их совету, держась кое-как за руку Джаянанды и сопровождаемый Бидджей, через силу вошел он в отцовский дворец. Как только вошел он, так отец дал ему пощечину и крикнул: «Отдай кинжал, злосчастный!» Поддержав Калашу, у которого от страха все члены ослабли, и положив руку на меч, сказал Бидджа царю: «Государь! Ведь ты первый среди благороднейших — разве не знаешь, что не следует благородным убегать от великого обета соблюдения чести? Как покинуть мне моего повелителя в трудную минуту, пока он жив, коли я раджпут, вооружен и мне платят? Ты, государь, отец, а он — живой сын, и все, что считаешь нужным, можешь делать в то время, когда меня нет». Заговорив недалекого умом царя речами, в которых были смешаны и почтительные и резкие слова, Бидджа увел своего повелителя из царского дворца. Высоко оценили добродетельные воистину нечеловеческое мужество Бидджи, явленное им в присутствии самого Ананты. Разгневанная супруга царя во время этого происшествия хранила молчание, вся погруженная в мысли о том, что же будет, а если бы вмешалась, то быть бы Калаше брошенным в темницу или же казненным.

После этого поспешил Бидджа отвести перепуганного Калашу к его возлюбленной Дилхе. Она, проницательная, уже знала, что случилось, и, сказав: «У него голова болит!», — стала умищать голову перепуганного мужа масляным притиранием. Под этим предлогом, запретив входить кому-либо, защитила она супруга, а Бидджу поставила охранять двери.

Тогда царица, очнувшись от раздумий, отругала царя и отправилась к сыну, словно желая осведомиться о его здоровье. Когда же сам Ананта, вознамерясь арестовать Калашу, отправился туда, то объявил Бидджа, что только один может он войти в покой к Калаше. Оттого, что не допустил Бидджа его спутников, разъярился Ананта и, исполненный гнева, тотчас же отправился в Виджаешвару. Когда он вместе с супругой доехал до Падмапуры, воззвали к нему Вишваватта и другие брахманы: «Что ж ты сокрушаешься, государь, отрекшись от власти? Не следует сокрушаться по поводу свершенного — доброго ли, недоброго. И не следует тебе с мыслью: „На какого злодея оставил я народ?“ говорить о сыне как о злодее. Нет у государя какой-либо силы, как и у механической куклы, хорош он или нехорош — это уж счастье или несчастье народа. Прольют тучи дожди или просто засверкают молниями — зависит это от доброй или худой кармы деревьев. Бросив сына, ставшего на дурной путь, жаждешь ты насладиться счастьем покоя? Но как же это ты сделаешь, отправившись в путь без казны? Кому нужен человек мужественный, благородный, способный, добродетельный, но лишенный казны, кому нужен меч, лишенный ножен?»

Выслушав все это, стал государь раздумывать, не возвратиться ли ему, а пока он раздумывал, прибыл сын с супругой и тоже стал его уговаривать. Вернувшись в столицу, не успокоился государь и, собрав все богатства, за исключением дворцов, покинул ее. Взяв коней, оружие, доспехи и прочее, остановился он на некоторое время, ожидая царицу на другом берегу реки. Царские жены, забрав все из сокровищницы, погрузили взятое на лодки и уехали, не оставив в покоях даже железной иголки! Не зная о случившемся прежде, народ при выезде царя не тревожился, а теперь, когда все стало известно, закричали люди и заплакали. И когда царь с царицей проезжали по городу, то все люди молитвенно складывали ладони, полные цветов, и совершали жертвенные возлияния своими слезами. И тогда по всем дорогам слышался только один крик: «О мать наша! О отец наш! Куда вы уезжаете? Горе нам!» И по мере того как двигались они по дороге, угасали всплески рыданий и все слышнее становился рев водопадов, словно горестные вздохи и причитания горных вершин. И слух супругов настолько привык слышать по пути рыдания, что и здесь в одиночестве не раз звенели в их ушах стоны. Вдоль всего пути, видя, какими они стали из-за преступлений сына, осуждали люди даже птиц, выращивающих птенцов в гнездах на деревьях.

Для них, несущих в душе горе, вызванное поведением сына, вид Виджаешвары был столь же благоденствием сердцам, как если бы увидели они любимого друга. Так прошел у них весь день в делах по размещению казны, коней, слуг, устройству жилья, и то место, загроможденное мешками с казной, всякой утварью и инструментом, было похоже на базарную улицу, заполненную снопами дурвы и уставленную поленницами дров. За государем и государыней последовали такие князья, как Танвангараджа, Тунга и другие, а также Сурьяварма, Чандра и прочие дамары.

Назначив на охрану Чаунагара и других своих владений Кширабхупу и прочих дамаров, государь почувствовал себя в безопасности. Для успокоившегося душой достойного царя Ананты дни в Виджаешваре проходили, словно праздники. Поселились при старом царе царевичи, вооруженные всадники, группы дамаров. В год пятьдесят пятый, в месяц джьештха покинул Ананта столицу и, прибыв в Виджаякшестру, почувствовал себя, как в раю.

Когда же царь уехал, то обнаружил Калаша, что досталась ему стража, лишенная казны, — так, если змей-охранитель уползает от клада, то исчезают из этого места в земле все сокровища.

Хотя и лишенный богатства, но исполненный решимости прославить свое царствование, он, посовествовавшись с Бидджей и другими, назначил в согласии с ними министров. Он поставил Джаянанду главным над всеми делами, а Варахадеву, который был родом из города Витапаттры, назначил хранителем горных проходов. Виджаямитру, ведавшего в войске Джиндураджи снабжением, назначил Калаша главнокомандующим. По-

ставив на важные посты людей, обладающих необходимыми способностями, царь, задумавший войну с отцом, начал думать о средствах для этого. Возжелав набрать пехотинцев, обратился Джаянанда за займами даже к тем богачам, к которым не следовало. Собрав пешее войско, сопровождаемый Бидджей и другими царевичами, он вышел к Авантипуре, где вознамерился дать сражение старому царю.

Вынужденный обстоятельствами, освободил Калаша Джиндураджу из заключения и попросил его о помощи, и тот отправился с войском к лесу Шимике. Услыша о всех этих приготовлениях, яростные дамары со своими конными дружинами присоединились к старому царю. Стало в Виджаешваре тесно, ибо переполнена она была вооруженными воинами и табунами коней, весело пожиравших положенные перед ними лепешки, смоченные патокой.

Тогда Сурьямати из любви к сыну попросила у своего супруга, исполненного крайнего гнева, не начинать битву еще два дня. Тем временем же послала она ночью к сыну Майю и других надежных дваждырожденных и, движимая любовью, вот что велела передать ему от ее имени:

«Неужто, сынок, покинул тебя разум, неужто погибели ты своей жаждешь, коли захотел сразиться с отцом, воплощением неукротимого геройства? От одного движения его бровей дрожат царь даратов и ему подобные — почему же хочешь тебе изобразить из себя мотылька, сгорающего в пламени отцовского гнева? А когда он воссядет на своего коня, имя которому Огонь, и сам подобен жертвенному огню, кто спасет от него твоих воинов, подобных травинкам? Какие силы, какую доблесть, какие богатства ты, почтенный, дерзаешь выставить против него, первого среди могущественных? Насладись царством непорученным, от коего отрекся он по божьей воле, — что за беда тебе от него, удалившегося на тиртуху? Из-за двурушников попал ты в это крайне опасное положение и уже сейчас испытываешь трудности, а будешь ты обречен на них постоянно. Уведи войско! Пока жива я, не нужно тебе отца бояться. Веди себя по-честному, искренне повинись перед отцом».

Вот таким образом через послов тайно матерью упрощенный, ночью же отвел Калаша свое войско. Узнав рано утром от этих дваждырожденных об отходе сыновьяго войска, пришла решительная супруга к старому царю и добилась прощения сыну. И хотя благодаря царице ссора царя с сыном уладилась, но то и дело осквернялись их отношения измышлениями клеветников. Уж таково свойство вражды, что время от времени липнут к людям раздоры, как старая одежда к телу.

Наслушавшись известий о сыне, во дворе и в приемной царь еще гневался, но, войдя во дворец, под воздействием слов решительной супруги умолкал. Вот так что ни день гневаясь, что ни ночь меняя гнев на милость, — он, простодушный, уподобился пруду осенью, который днем нагревается, а ночью охлаждается. Сын же разорыл дома и все прочее

имущество сторонников отца, но отец, подчиненный воле своей супруги, ничего не мог сделать со сторонниками сына. Уязвляемый попреками супруги, ослепленной любовью к сыну, и укорами своих сторонников, царь постоянно находился в дурном настроении. Зная, что в войске сына нет смелых людей, он по-прежнему хотел лишить его царства и брал в расчет только доблесть Джиндураджи. Желая лишить сына царства, он просил сыновей Танвангараджи принять на себя государственные дела, но они отказались.

Царица же, опасаясь, как бы не ушло царство от ее потомства, побудила царя сделать царем внука его Харшу и послала за ним гонцов. Харша, уведомленный гонцами от деда и бабки, готовый к действиям, вышел на наружный двор и, хотя охраняли его надежные стражи, вскочил на своего коня Маноджаву, прищпорил и в одно мгновение одолел на нем, не истратившем силы, пять йоджан. Многие всадники из войска его отца помчались в погоню, но благодаря превосходству скакуна царевича оказались они беспомощны. Достигнув же цели, пал Харша в ноги деда и бабки, которые потоками слез радости из своих очей совершили его помазание.

Когда сын его ушел к его родителям, испугался Калаша и в жажде мира стал уклоняться от поведения, неприемлемого для Ананты и Сурьямати. Послал он им из своего города примирительное письмо и, понимая, что царство расколото, не показывал своих замыслов, и, хотя по-прежнему взращивал вражду, некоторое время скрупулезно следовал советам матери. Когда по приказу Калаша главнокомандующий собрался повести войско в Кхашалу, то она побудила мужа дать разрешение пойти не той дорогой, а измененной. Как раз в это время, желая покончить с пагубной для страны враждой между отцом и сыном, брахманы предприняли голодовку. Тогда был установлен мир, и в результате этого прожили супруги два с половиной месяца в городе.

Однако, узнав, что, надоумленный Джаянандой и другими, собирается сын бросить его в темницу, Ананта с супругой опять уехал в Виджаешвару, а Калаша сжег ночью стога сена и извел их пешее войско — кого ядом, кого мечом, а кого и предав огню. Все же, хотя взаимная враждебность росла, царица, одолеваемая материнской нежностью, противилась какому-либо отпору со стороны мужа.

Была такая рыбацкая, которую звали Мудда, любовница плешивого дамары Тхакхи, и когда Калаша слышал, как его приближенные называют их именами его родителей, он, злодушный, сиял улыбкой от удовольствия. Супруги же, совершив жертвоприношение тулапуруша и обратившись к прочим добродетельным делам, облегчили свои душевные муки.

Видя, что ни их стойкость, ни их богатства не истощились, подлый сын из зависти ночью устроил поджог, и в том пожаре вместе со всем

имуществом царя обратился в пепел и сам город Виджаешвара. Потрясенная утратой всего, собралась царица умереть, и сыновьям Танванги еле-еле удалось удержать ее от того, чтобы не бросилась она в пылающий дом. Все царские воины спали раздетыми, и когда они вскочили, то уже ничего от их одежды не осталось и оказались все в чем мать родила, одетые одним небом. А царь Калаша с крыши своего дворца в столице видел взметывающиеся до небес языки пламени и плясал от радости. Царь, утративший все достояние, переправился на другой берег реки, но потонул вместе с супругой в трудно одолимом океане горя.

На заре нашла царица лингам, усыпанный драгоценностями, и продала его купцам из страны Такка за семьсот тысяч динаров. Купила на них еды и одежды, и раздала прежде всего слугам, и устроила расчистку сгоревших домов. Из пепла и золы столько золота и других драгоценностей было извлечено, что рассказы об этом и нынче рождают любопытство.

И стал жить царь в этом городе, обращенном в пустыню, вместе со всеми, ему сопутствовавшими, под крышами, сплетенными из тростника, словно под зонтами. И хотя наличие средств позволяло отстроить город заново, но не смог этого осуществить старый царь по-разумному. Новый же царь, никогда не ведавший огорчений благодаря материнской любви, постоянно мучил отца разными гнусными посланиями. И через подосланных сыном людишек настойчиво предлагалось ему переселиться в Парнотсу, а супруга, по-прежнему державшая царя под своим влиянием, побуждала его последовать этим советам и постоянно попрекала. И вот однажды, разгневавшись, в присутствии Тхакканы сказал ей царь так грубо и решительно, как никогда раньше не говорил:

«Чего только не утратил я, покорный жене, — и честь, и славу, и мужество, и царство, и блеск, и ум, и богатство! Напрасно мужья считают женщин средством для сладостного наслаждения, ведь в результате этого они становятся игрушкой для женщин. Влюбленные из-за возникновения ненависти, разлюбившие из ревности — кого только не обращали любовницы в гостей бога смерти? С помощью колдовства женщины губят мужей — у кого красоту отнимают, у кого силу, у кого разум, у кого мужское начало, у кого и вовсе саму жизнь. Опьяненные полнотой своих груди, разоряют женщины землю сыновьями, прижитыми на стороне, словно реки, взбухающие от грозových туч и рушащие берега камнями, принесенными от других гор. „В конечном счете эти будут кормить нас. Что нам в тех старых?“ — так полагая, лелеют они сыновей и терзают мужей. Хотя всегда знал я об этих пороках жены, но не отвергал ее. Подчинившая меня себя, погубила она мое земное счастье и благополучие, а теперь готова погубить даже надежду на счастье на том свете. Куда мне, чьи волосы побелели, к которому уже приближается смерть, уходить из Виджаякшетры? Как утолить мне жажду служения у порога сокрушающего все грехи бога, чье чело увенчано полумесяцем? Сын —

вот кто помогает преодолевать и этот мир, и тот мир. Но чей же это сын, что хочет удалить меня от тиртхи и жаждет, чтобы умер я на задворках, в неподобающем месте? Вспоминается мне сегодня оскорбление, нанесенное женой, принесшей в дом зачатого от другого. От чужого семени рожден этот сын, ненавидящий отца, во всем с ним несогласный, враждебный к родным и внешностью и манерами негодный!»

Выплеснув долго таившуюся обиду, отбросив сдержанность, сказав так, нанес ей супруг удар в самое чувствительное место. Особенно унизительно было для нее, оскорбленной, разлюбленной, рыдающей, то, что тайна рождения сына оказалась раскрытой в присутствии родича мужа. Не зря ходил когда-то в народе слух: «Калаша — сын главного министра Прашасты, которым она подменила умершего своего». Женщины, привыкшие держать мужей в подчинении, чувствуют себя уязвленными их словами так, будто ударил их низкородный коленом по голове. И тогда она, взъярившись, закричала, подобно простолюдинке, дерзко и бесстыдно: «Не знаешь ты, утративший богатство отшельник, глупец, от которого бежала удача, старикашка никчемный, где и что говорить! Будто люди не знают, что до того, как ты на мне, высватанной за тебя, женился, нечем тебе даже было после омовения прикрыться! Все, что ты мне набрехал, только женщин из твоего рода касается. Вот подходящее время, чтобы покаяться перед ними! Но чего я и в самом деле боюсь, так чтобы не начали после нашего разговора болтать: „Вон ни к чему не годный старик, изгнанный сыном, брошенный женой!“»

Царь же продолжал молчать, тяжело уязвленный ее речами, полными оскорблений и сплетен о пороках его рода. Когда же заметили, что из-под его трона течет струя крови, а на лице его ничего не дрогнуло, царица взволновалась, а рыдающий Тхаккана увидел, что в порыве гнева и отчаяния царь вонзил меч себе в анус. Стойко терпел боль царь и, опасаясь позора, велел объявить народу: «У государя открылось тяжкое кровотечение».

Цари, лишённые государственной мудрости, подчиняющиеся женам, отдающие поспешно власть сыновьям, полагающиеся без надобности на ненадежных слуг, придающие незаслуженное значение ничтожному врагу, делают всеобщую погибель близкой!

«Во время прогулки верхом случился с царем удар от осеннего солнца. Испытывая жажду, напился он воды, настоянной на корице, и от этого открылось у него кровотечение». Такую весть распространяли среди народа тайные государевы люди, дабы никто не знал, что же случилось в действительности. В год пятьдесят седьмой, в полнолуние месяца карттика перед извятием Виджаеши расстался царь с жизнью.

БХАРТРИХАРИ О времени (фрагмент из «Вакьяпадин»)

1. Некоторые объявляют Время субстанцией, отличной от действия, вечной, всепроницающей, которой измеряются вещи в их действии. Вайшешики считают Время вечным единством, единым и всепроницающим. Оно отлично от действия и им измеряется действие.

2. *Дишти, витастхи* — меры длины, *прастха, дрона* — меры объема, *саварна, нишка и пата* — меры веса. Время есть средство измерения подобных нематериальных субстанций. Время измеряет движение Солнца, и мы получаем такие выражения, как месяц (*маса*), год (*самватсара*) и т.д. Число определяет вещи материальные равно, как нематериальные. Мы говорим «два горшка», «много душ», «два действия», «одно витастхи», «две руки». Число может определять и «число»: поэтому мы можем сказать «две полусотни».

3. Время дифференцировано, хотя и едино, и объявлено причиной творения, бытия и уничтожения явлений, проходящих через эти состояния.

Время есть причина рождения, бытия и упадка в соответствии с их собственной натурой. Некоторые вещи рождаются весной, другие — в сезон дождей. То же может быть сказано о бытии и смерти.

4. Время называют двигателем мировой машины. Оно регулирует вселенную благодаря разрешению и высвобождению.

Время можно сравнить с *сутрадхарой* (кукловодом), натягивающим нити, т.е. вселенной. Именно благодаря Времени происходит следование вещей и событий во вселенной. Определенные вещи появляются в определенное время, тогда как другие вещи появиться не могут.

5. Если Время не препятствует и если оно не снимает препятствия, в порядке вещей возникает смешение.

Если Время не препятствует появлению некоторых вещей в определенное «время», вещи не могут появляться; возникнет смешение вещей и все здание причинности рухнет.

6. Благодаря ассоциации с разными вещами Время дифференцирует бытие различными путями. Ничто не может дифференцироваться само по себе или само собой.

Время едино, но дифференцируется благодаря объединению с различными действиями объектов вселенной. Действиями объектов являющиеся подразделения времени, приобретаемые и обязанные этим ассоциациям. Все дифференциации предметов обязаны внешним факторам.

7. Ничто единое и многое, ничто белое или черное не могут быть сами по себе. Лишь в сочетании с другими явлениями данная субстанция является в том или ином виде.

Чистая субстанция, свободная от каких-либо ассоциаций, не может участвовать в мировом взаимодействии. Когда качества подобного единства проявляются, они так и квалифицируются. Когда качества подобны черному или белому, они и описываются как «черное» или «белое». Если качества, подобные природе «коровы», присутствуют в явлении, то оно и является «коровой». Таким же образом Время дифференцируется с действиями, подобными «рождению» и т.п., в зависимости от времени рождения, времени бытия, времени разрушения и т.п.

8. Подразделения времени в соответствии со своими членениями понимаются как их собственные членения. Таким образом, Время дифференцировано к подразделению в обычных измерениях (*вьявастханах*).

Движения Солнца, планет, звезд являются проявлением Времени. Благодаря их дифференциации порождаются различные меры Времени. День и ночь, неделя, месяц, эра, эпоха суть обычные меры времени. Промежуток между восходом и заходом Солнца есть день. Ночь, полнолуние, мгновение и т.п. определяются подобным же образом.

9. Благодаря связи с конкретным Временем «осуществление» обретает свое место. Так Время становится причиной действий сил.

Благодаря движению Времени «возможности» реализуются. «Возможности» производят эффект, когда они востребованы Временем. Вот почему наличие Времени называют *нимиттакарана* (конечной причиной).

10. Регуляция «рождения» или «проявления» объекта зависит от взаимодействия факторов. Функционирование субъекта также регулируется, поскольку оно зависит от Вечного.

Сила причин, допускаемых Временем, либо производит, либо демонстрирует их эффект. Однажды произведенный эффект длится некоторое «время». Существование регулируется Временем. Разрушение также зависит от Времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭЗИЯ НА САНСКРИТЕ

Переводы санскритских поэтов осуществлены по подстрочникам, выполненным доктором филологических наук И.Д.Серебряковым, поэтами Е.Витковским, Н.Голем, Н.Горской, А.Ибрагимовым, А.Петькуном, В.Потаповой, П.Рожновой, М.Синельниковым, А.Шараповой.

КАЛИДАСА Времена года

Печатается впервые.

Перевод И.А.Карышевой, комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 55:

Кама — бог любви; бестелесный. Согласно одному из мифов, Кама нарушил медитацию Шивы, что привело к браку последнего с Парвати; по воле богов у нее родился сын, способный сразить демона Андхаку. Шива извергнул из своего третьего глаза пламя и обратил Каму в пепел, но затем, вняв мольбам, возродил его.

К с. 56:

Валлаки — род музыкального инструмента. *Тень павлина* — павлин у индийцев — символ сладострастия; его брачные танцы предвещают приход времени дождей. Змеи служат павлину пищей, но жара в канун прихода дождей становится столь сильной, что змеи ищут убежища от зноя в тени павлиньего хвоста.

К с. 57:

Шарабха — мифический зверь; способен двигаться с громадной скоростью благодаря тому, что, кроме обычных четырех ног, он имеет еще две пары ног на спине; когда утомляется, переворачивается и использует ноги, расположенные на спине. (В зависимости от традиции φ можно произносить как *ш* или мягкое *ш'*, как, например, в слове *сообщник*.) *Кусумбха* — цветок сафлор.

К с. 58:

Шалмали — шелковое дело, тут. *Патала* — красная разновидность растения лодхра. *Мардала* — вид барабана. *Читака* — птица, живущая лишь за счет дождевых капель, попадающих в ее клюв. *Кандали* — платан. «*Кошачий глаз*» (*vaidūrya*) — название самоцвета.

К с. 59:

Виндхья — горный хребет, пересекающий Индию с Востока на Запад. *Бимба* — плод дерева, который при созревании краснеет; в поэзии с ним сравниваются полные женские губы.

К с. 60:

Мада — пахучий пот, выступающий во время течки у слонов на висках. *Кадамба* — род дерева, почки которого распускаются при первых ударах грома. *Арджуна* — название дерева. *Сарджа* — дерево сала, выделяющее гуттаперчу. *Кесара* — лимонное дерево. *Какубха* — цветок дерева кутаджа. *Кувалайя* — синий лотос.

К с. 61:

Бакула — род дерева, которое, по убеждениям поэтов, расцветает, когда орошено вином из рта девушки. *Каша* — трава, используемая при плетении циновок.

К с. 62:

Шанхари — разновидность съедобной рыбы. *Бандхука* — дерево, называемое бандхудживой. *Ковидара* — название дерева. *Шали* — рис.

К с. 63:

Падма — лотос. *Канкели* — дерево ашока. *Утпала* — голубой лотос; лотос вообще.

К с. 64:

Лодхра — растение с красными или белыми цветами. *Кунда* — род жасмина.

К с. 65:

Краунча — вид кроншнепа. *Приянгу* — ползучее растение.

К с. 66:

Шишира — холод, мороз, иней.

К с. 67:

Бетель — тонизирующая жвачка, состоящая из смеси перца, кусочков семян пальмы арека, различных пряностей и некоторой доли извести.

К с. 68:

Васанта — олицетворение весны.

К с. 69:

Кандарпа — бог любви.

К с. 70:

Кокил — индийская кукушка; горlinka. *Ашока* — дерево; букв. «беспечальный, лишенный горя». *Амарант* — щипица. *Кимшука* — дерево: из-за крупных клювообразных красных цветов его название этимологизируется как «что за попугай!»

Потомки Рагху

Опубликовано в журнале «Ленинград» (1940, № 15-16).

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 71:

Парамешвар — бог Шива. *Парвати* — Кали, супруга Шивы.

К с. 73:

Шала — вид дерева. *Меру* — гора, согласно преданиям, является центром земли.

К с. 74:

Магхаван — имя бога Индры. *Дакишина* — жена Адхвара; букв. «ловкая». *Адхвар* — мифический жрец. *Мантрин* — советник, министр.

К с. 77:

Шраддха — поминальная жертва, поминки.

К с. 78:

Локалока — мифический хребет, окружающий землю; одна сторона его светла, другая темна. *Ганга* — дочь бога Шивы; она родилась из его волос. По преданию, проклятая Брахмой, она спустилась на землю и пришла к океану. Отсюда название реки.

К с. 79:

Патала — последний из семи подземных миров, населенный змеями. *Ахути* — жертвоприношение из молочной сыворотки.

Поэзия эпохи Сангама

Печатается по изданию: «В краю белых лилий». Древнетамильская поэзия. М., 1986. Перевод с древнетамильского Алева Ибрагимова.

СОМАДЕВА

О благородном видьядхаре

Печатается по изданию: *Сомадева*. Океан сказаний. М., 1989. Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 114:

Химават — мифологизированное название великого Гималайского хребта. *Гаури* и *Ганга* — мифологизированные имена двух великих индийских рек, дочерей Гаури и Ганги, берущих начало в районе озера Мансаровар. *Шива* — бог-демург в шиваизме. *Индра* — ведический бог, занимающий верховное положение в пантеоне, поскольку он совершил сто жертв. *Джимутакету* — имя, означающее «тот, у кого на знамени облако». *Маноратхадаяка* — имя, означающее «тот, ездовым животным которого является исполняющий желания».

К с. 115:

...*помощь другому, рождающая дхарму и славу...* — древнеиндийские этические добродетели составляли религиозно-этическую норму и славу добрыми делами.

К с. 116:

Дочь гор — одно из имен Парвати, дочери Гималая. *Арджуна* — один из пятерых эпических братьев, великий воин, непревзойденный стрелок из лука. *Карна* — персонаж «Махабхараты», сражался против пандавов и был убит в сражении Арджуной. *Мадху* — олицетворение весны. *Вина* — музыкальный щипковый инструмент с дополнительным резонатором в верхней части грифа. *Сиддхи* — совокупность волшебных способностей, в том числе превращение одних вещей в другие, передвижение силой мысли в пространстве и т.п.

К с. 118:

Кадру — одна из праматерей всего сущего, мать всех рептилий. *Вината* — одна из праматерей всего сущего, мать всех пернатых. *Гаруда* — божественный коршун, царь всех пернатых. *Васуки* — один из великих змеев индийской мифологии.

К с. 119:

Кашьяпа — прародитель всего сущего. *Кришна* — популярный бог-пастух, особенно пользующийся поклонением в Матхуре.

К с. 120:

Нага — змей, мифологическое воплощение змеи. *Бог Смертного часа* — бог смерти Яма. *Гокарна* — одно из воплощений Шивы. *Малая* — горный хребет на юго-западе Индии.

К с. 122:

Яйца Брахмы — по преданию, Брахма вылепил мир в виде яйца. *Троемирие* — называется вылепленный Брахмой мир.

Сказание о войне ворон и сов

Печатается по изданию: «Панчатантра, или Пять книг житейской мудрости». М., 1989.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

Стихи в переводе А.Ибрагимова.

К с. 127:

«Учение о мире» — раздел науки о политике.

К с. 128:

Бхарадваджа — одно из имен Дроны и т.д., а также имя автора сутр, афористических речений. ...*Бхима // Одевшись девицей, с Кичакой // расправился неустрашимо.* — Имеется в виду эпизод из «Махабхараты». *Бхима* — второй из пяти пандавов. *Кичака* — военачальник царя Вираты, настойчиво домогался Драупади, общей жены пятерых пандавов. «Учение о войне» — раздел науки о политике.

К с. 129:

Картика — название месяца индийского календаря (октябрь—ноябрь). *Чайтра* — название месяца индийского календаря (март—апрель).

К с. 130:

«Учение об искусстве уклоняться от сраженья» — раздел науки о политике.

К с. 131:

«Учение о пользе выжидания» — раздел науки о политике.

К с. 135:

Земной круг с семью материками. — Подразумеваются семь мифических материков.

К с. 141:

Смрити (букв. «то, что хранится в памяти») — то, что передано по традиции, не как прямое откровение. В этот класс зачисляются сутры, «Рамаяна», «Махабхарата», пураны, дхармашастры и т.д.

К с. 146:

Магх — название месяца индийского календаря (январь—февраль). *Парджанья* — бог дождя.

К с. 161:

Брахмаракшас — брахман, нарушивший законы религии и обратившийся в ракшаса.

К с. 169:

Бхима, Арджуна — двое из пандавов. *Пандавы* — пятеро братьев, сыновья Панду, брата царя Дхритараштры («Махабхарата»). Их имена — Юдхиштхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева.

К с. 170:

«Обет меча» — имеется в виду строгое следование этическим нормам, как, например, обет юноши не касаться находящейся рядом девушки, как если бы между ними лежал меч. *Обитель трех целей* — человеческое тело, без которого невозможно обретение богатства, любви и веры.

БАНА Деяния Харши

Глава I. Печатается впервые.

Перевод И.Д.Серебрякова.

Послание (фрагмент 2-й главы).

Печатается по изданию: *И.Д.Серебряков. Очерки древнеиндийской литературы.* М., 1971.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 198:

Готра — брахманский род; по преданию, готры были основаны древними мудрецами, авторами ведических гимнов Агастьей, Ангирасом, Атри, Бхарадвад-

жей, Бхригу, Готамой, Джамаданги, Канвой, Кашьяпой, Крату, Маричи, Пулахой, Пуластей, Васиштой, Вишвамित्रой. *Каста* — социальное подразделение средневекового индийского общества.

К с. 199:

Нрига — сын царя Ману Вайсвата. *Нала* — имя царя нишадов. *Нишаха* — древнее племя. *Нахуша* — одно из имен царя Яяти. *Амбариша* — одно из имен Вишну или Шивы. *Дашаратха* — имя царя, персонажа эпоса «Рамаяна». *Дилипа* — древний царь. *Набхага* — древний царь. *Бхарата* — древний царь. *Бхагиратха* — древний царь, которому приписывается низведение Ганги с небес на землю. *Яяти* — древний царь.

ДАНДИН

Повесть о красавице из Аванти

Печатается по изданию: *И.Д.Серебряков*. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 201:

Гандхарва — мифическое существо, небесный музыкант. *Каушика* — имя собственное. *Муладева* — прославленный вор и плут. *Дурвинита* — писатель каннара, предположительно занимался переводами.

К с. 202:

Парашара — автор трактата о сельском хозяйстве. *Керала* — крайний юго-запад Индии. *Чола* — название одного из южноиндийских царств.

Приключения десяти принцев

Печатается по изданию: *И.Д.Серебряков*. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 204:

Вишнугупта — одно из имен Каутильи, автора «Артхашастры» — политико-экономического трактата. *Маурья* — название династии, сместившей Александра Македонского. *Чанакья* — одно из имен древнеиндийского политолога Каутильи.

К с. 206:

Шукра — наставник и врач асуров и дайтев. *Ангирас* — великий мудрец и прародитель, главный жрец предков. *Вишалакша* — имя Шивы, сохранившего заветы политики, созданной Брахмой и насчитывавшей до 10 000 строф. *Баху-дантинуптра* — предшественник Каутильи.

ХАРИБХАДРА

Повесть о плутах

Печатается по изданию: «Повести, сказки, притчи Древней Индии». М., 1964.
Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 207:

Аванти — страна на территории совр. Малвы в Раджастане с центром в Уджайини. *Сказание о Бхаратах* — имеется в виду «Махабхарата». *Пураны* — «сказания о древности», эпические поэмы, созданные, по-видимому, в IV—XIV вв. н.э. и почитаемые священными книгами индуизма. «Рамаяна» — эпическая поэма. *Сканда* (букв. «нападающий») — имя Кумары, бога войны. *Парджанья* (букв. «грозовое облако») — прозвище Индры, почитавшегося богом грозы и грома. Имеется в виду древний миф о происхождении варн из тела Брахмы, известный еще из Ригведы.

К с. 208:

Хара и Ума — Шива и его супруга Парвати. *Вьяса* — легендарный мудрец, которому приписывается авторство «Махабхараты», в которой говорится о ста шести героях — кичаках, сыновьях царя Кекайи; самый сильный из них, Кичака (букв. «полый бамбук»), был полководцем царя матсьев Вираты, которому служили находившиеся в изгнании пандавы. Изложенная здесь легенда о происхождении кичаков в «Махабхарате» не содержится. *Риши* — название, прилагавшееся к древним поэтам, отшельникам, творцам ведийских гимнов.

К с. 209:

Легенды, связанные с историей искушения Брахмы, в основном заимствованы из «Махабхараты» и пуран. *Дрона* — наставник пандавов. *Тилоттама* — один из апсар; согласно легенде, ее сотворил зодчий и художник богов Вишвакарман, взявший для этого по кусочку от всего драгоценного в трех мирах. *Рудра*, т.е. Шива. *Бадарика* — местность в Гималаях, согласно легендам служащая обителью Вишну.

К с. 210:

Бхаскара (букв. «производящий сияние») — эпитет Шивы. *Рави* — имя бога Солнца. *Кунти* — жена Панду, мать трех старших пандавов. *Карна* (букв. «ухо») — старший брат пандавов с материнской стороны, родившийся у Кунти до ее брака с Панду. *Рагхав* (букв. «потомок Рагу») — легендарный царь, прадед Рамы; здесь — эпитет Рамы. *Хануман* — царь обезьян, помогавший Раме в поисках похищенной Ситы. *Ишвара* (букв. «владыка») — здесь эпитет Шивы.

К с. 211:

Вата — *Ficus Indica*, индийская смоковница. *Вишну-пурана* — одна из наиболее известных пуран, содержащая, в частности, космогонические легенды. *Пять первичных элементов* — земля, воздух, огонь, вода и акаша («эфир»). *Маркандея* — легендарный мудрец, почитавшийся автором одноименной пураны. Здесь передается легенда из «Махабхараты». *Сын Дхармы* — эпитет одного из

пандавов — Юдхистхиры, отцом которого, согласно легенде, был не Панду, а бог смерти и справедливости Дхарма (другое имя бога Ямы).

К с. 212:

Деваки — мать Кришны. *Кешава* (букв. «волосатый») — эпитет Вишну. Легенда эта содержится в Баю-пуране, возможно, одной из старейших пуран, содержащей космогонические предания. *Драупади* — дочь Друпеды, легендарного царя Панчалы (совр. Рохилханд), общая супруга Арджуны и других пандавов. *Шишупала* — легендарный царь, выступивший против Кришны и убитый им. *Мандара* — легендарная гора, которая, согласно известному мифу, послужила мутовкой, когда боги пахтали океан, чтобы получить амриту и другие сокровища. *Чеди* — племя, царем которого был Шишупала и которое населяло Центральную Индию (по-видимому, совр. Бунделханд). *Бхима* — один из пандавов.

К с. 213:

Джатаю — мифический царь коршунов, сын Аруны (возницы солнца), помогавший Раме в борьбе с Раваной. Сын Дашаратхи — Рама, отцом которого был легендарный царь Айодхья Дашаратха. Согласно некоторым легендам, Хануман был сыном бога ветра (Ваю). *Йоджана* — мера длины, согласно некоторым источникам 15 или 17 км. Легенда о риши Джамадагни и его жене Ренуке встречается в «Махабхарате», где, однако, юного царя зовут не Ашвапахрита, а Читрататха.

К с. 214:

Джарасандха (букв. «соединенный Джарой») — легендарный царь, убитый пандавом Бхимой («Махабхарата»). Легенда о Сунде и Мисунде, известная из «Махабхараты», в несколько измененном виде вошла в «Хитопадешу».

К с. 215:

Патала — один из миров преисподней. *Вишалья* (букв. «обезболивающая») — название некоторых целебных трав. *Карртикея* — имя бога войны Кумары, сына Шивы. История эта известна из нескольких пуран. *Тарака* — могучий демон, сын ракшасы Тары, убитый сыном Шивы, Кумарой. *Шанкара* (букв. «благодетельный») — эпитет Шивы. *Шамбха* — эпитет Шивы.

К с. 216:

Ваджра — громовая стрела, символ оружия, которым изгоняют злых духов. *Анала* (возможно от *ан* «дышать», «жить», «двигаться») — эпитет Агни. *Трипура* — «три города», построенные Таракой и сокрушенные стрелой Шивы. *Криттики* — шесть небесных дев, отождествляемых с шестью звездами созвездия Плеяды.

К с. 217:

Чакрин (букв. «обладающий диском») — эпитет Вишну. *Раху* — демон, который, согласно легендам, время от времени проглатывает луну, что служит причиной лунных затмений. Эта легенда содержится в «Махабхарате». *Лакшмана* — младший брат Рамы, один из героев «Рамаяны».

К с. 218:

Паталипутра — совр. Патна в Бихаре. *Маши* — *Phaseolus Radiatus*, растение из семейства бобовых. *Экачакра* — город кичаков. Возможно, тождествен совр. Арраху, западнее Патны. *Кумбхакарна* — демон, брат Раваны, убитый Рамой. Легенда о великом риши Агастье известна также из «Махабхараты». *Джанави* (букв. «дочь Джанху») — название Ганга. Имеется в виду легенда, согласно которой великий отшельник Джанху выпил эту реку и затем снова выпустил ее. История о Гаруде с незначительными вариациями взята из «Махабхараты».

К с. 220:

Нишады — название дикого племени аборигенов Индии.

К с. 221:

Ашока — *Ionesia Asoka* — большое вечнозеленое дерево, почитавшееся священным.

К с. 222:

Рати (букв. «наслаждение») — супруга бога любви Камы. Легенда о рождении Вьясы изложена в «Махабхарате». *Парашара* (букв. «разрушитель») — легендарный мудрец, которому приписывалось авторство отдельных гимнов Ригведы. *Сантану* — царь из рода Куру, происшедшего от легендарного Бхараты, о потомках которого повествует «Махабхарата». *Йоджанандха* — рыбачка, мать Вьясы. Из детей, рожденных Вьясой от разных жен, Панду — отец пандавов, Дхритараштра — отец кауравов (потомков Куру). *Мантры* — формулы, взятые из священных текстов и употреблявшиеся при различных обрядах, заклинаниях и т.п.; им приписывалась магическая сила.

К с. 223:

Айравата — слон Индры, появившийся, по преданию, от пахтанья богами океана.

К с. 224:

Курабака — вид растения семейства *Barleria*. *Нагхуша* — легендарный царь. Согласно легенде, он был посажен на престол Индры, но возгордился и оскорбил отшельников-риши, заставив их везти колесницу. За это его прокляли и обратили в змею. Легенда о нем встречается в «Махабхарате».

БХАСА

Пригрезившаяся Васавадатта

Печатается по изданию: П.А.Гринцер. Бхаса. М., 1979.

Перевод и комментарии П.А.Гринцера.

К с. 230:

Ватса — название древней страны и народа (ватсы) в Северной Индии. Столица страны ватсов — город Каушамби. *Магадха* — древнее царство, расположенное по среднему течению р. Ганга. *Столица Магадхи* — город Раджагриха (совр. Раджгир). *Удджайини* — столица царства Малавы (совр. Мальва) в Цент-

ральной Индии. Другое название страны Малавы и города Удджайини — Аванти; *Авантика* — букв. «авантийка», «родом из Аванти». *Баларама, или Баладева*, — старший брат Кришны, который, как и Кришна, рассматривается в индийской мифологии в качестве воплощения бога Вишну. *Лакиши* — богиня красоты и счастья, супруга Вишну.

К с. 233:

...она кажется мне вдвойне близкой... — Васавадатта, дочь царя Прадхоты, называет Падмавати «вдвойне близкой», ибо полагает, что та станет женой ее брата. *Веды* — древнейшие священные памятники индийской литературы.

К с. 236:

О дорогая моя ученица! — попав в плен к царю Прадхоте из Удджайини, Удайна обучал его дочь Васавадату игре на лютне, а затем бежал с нею из плена и женился на ней. Об этих событиях рассказывает другая пьеса Бхасы — «Обет Яугандхараяны». *Чакравака* — птица из породы уток. По индийским поверьям, пары чакравак должны по ночам разлучаться. В санскритской поэзии чакравака — символ супружеской преданности.

К с. 238:

...руки твои так покраснели... — санскритское слово «рага» означает не только «красный цвет», но и «любовь». Благодаря второму значению в реплике Васавадотты скрыт намек на предстоящее замужество Падмавати.

К с. 239:

...твое прекрасное лицо мелькает предо мной повсюду — снова игра слов: санскритское «вара» значит одновременно и «прекрасный», «лучший», и «возлюбленный», «жених». Тем самым реплика Васавадотты имеет второй смысл: «Мне кажется, что я повсюду вижу лицо твоего жениха». *Махасена* — букв. «обладающий могучим войском».

К с. 241:

Кама — в индийской мифологии бог любви; изображается с луком и пятью цветочными стрелами, которыми он поражает сердца влюбленных.

К с. 242:

Апсары — божественные девы. *...там вертятся глаза кукушки* — как и положено видушаке в древнеиндийской драме, Васантака путает: «вертеться» должны глаза не кукушки (санскр. «кокила»), а вороны (санскр. «кака»), поскольку, по индийским поверьям, у вороны имеется лишь один зрачок, который она перебрасывает из глаза в глаз. *Шенхалика* — растение с красно-белыми цветами.

К с. 243:

...не покинула бы ради него своих близких — имеется в виду побег Васавадотты с Удаиной из родного дома.

К с. 244:

Асана — дерево с яркими цветами. *Куша* — трава, почитавшаяся в древней Индии священной, а также род цветов, растущих в этой траве.

К с. 251:

Кампиля — столица древнего царства Южные Панчалы.

К с. 252:

Вирачики — служанка гарема в Каушамби, у которой была любовная связь с Удаяной.

К с. 253:

Якшини — женщины-якши, полубожественные существа, способные, согласно индийским мифам, менять по желанию свой облик. *Авантисундари* — букв. «красавица из Аванти». Таким образом, в придуманном видушакой имени содержится намек на Васавадатту, царевну Аванти. ...*волоски на руке... не опустились* — поднявшиеся на коже волоски — один из распространенных образов индийской поэзии; признак эмоционального возбуждения, в частности восторга. *Аруни* — враг Удаяны, захвативший часть царства ватсов.

К с. 254:

Ангаравати — мать Васавадатты, супруга царя Прадхоты, или Махасены. *Гхошавати* — букв. «звонкая», лютня Удаяны, на которой он обучал музыке Васавадатту. *Нармада* — река в Центральной Индии.

К с. 257:

Вайдеха — имеется в виду мать Удаяны — Мригавати, которая была царевной Видехи, страны на севере Индии.

К с. 258:

Гопалака и Палака — сыновья Прадхоты и Ангаравати, братья Васавадатты. *Агни* — бог огня; свадебная церемония в древней Индии должна была совершаться перед жертвенным огнем.

К с. 260:

Бхараты — легендарный царский род, к которому принадлежал Удаяна.

К с. 261:

Бхаратавакья — заключительное благословение в санскритских пьесах. *Виндхья* — горы, отделяющие Северную Индию от Южной.

ШУДРАКА

Глиняная повозка

Печатается по изданию: «Классическая драма Древней Индии». Л., 1984.

Перевод В.Воробьева-Десятовского, стихи в переводе В.Шефнера.

Комментарии М.Воробьевой-Десятовской, Г.Зографа, В.Эрмана.

К с. 263:

Поэтом лучшим среди рожденных дважды считался он... — Дважды рожденные — представители трех высоких варн (каст) древнеиндийского общества: жреческой, воинской и торгово-ремесленной, — имевшие доступ к образованию, приобретение которого расценивалось как второе рождение.

К с. 264:

Он жертвоприношение коня под старость совершил с успехом полным. — Жертвоприношение коня в древней Индии устраивалось царями по очень значительным поводам и было доступно лишь самым могущественным властителям, так как до заклания конь должен был свободно бродить в течение года, и целое войско сопровождало его, чтобы никто не смел воспрепятствовать его движению через любые границы.

К с. 265:

Так пропади ж ты! — Согласно комментаторам, это проклятие, адресованное актрисе, выступающей далее в роли Васантасены, и вызывает злоключения героини драмы.

К с. 266:

...чтобы в следующем рождении именно ты стал моим мужем. — Здесь отражается доктрина кармы — верования в перерождение души, последующее существование которой определяется благими или злыми деяниями в настоящем. *...приглашу брахмана, который подходил бы людям нашего круга.* — Ввиду низкого кастового статуса актеров брахманы, особенно богатые, уклонялись от участия в их церемониях.

К с. 268:

...месяц молодеет и хорошеет, когда боги выпивают из него амброзию. — В индийской мифологии луна представляется прозрачным сосудом с амброзией, которую пьют боги и души усопших, вызывая этим убывание диска луны.

К с. 271:

Я, видно, напрасно перечислял все десять ее наименований... — Перечисление эпитетов божества в Индии считается одним из путей к тому, чтобы снискать его благоволение.

К с. 272:

...бежишь, подобно города богине... — Сравнение с богиней города, храм которой был открыт как прибежище для любого пришельца, содержит намек на профессию Васантасены.

К с. 273:

...зови же сразу всю весну! — Имя Васантасена значит: «та, чье войско весна».

К с. 276:

Я считаю, что бедность — шестой величайший порок. — Древнеиндийские законы называют пять великих пороков: убийство брахмана, питье вина, сожительство с женой наставника, воровство, кровосмешение.

К с. 279:

Он древом был, покорно исполнявшим желанья бедняков... — Чарудатта сравнивается с мифическим деревом, исполняющим желания, которое было добыто богами в числе прочих сокровищ при пахтании океана.

К с. 280:

...череп твой напоминает мне воронью лапу. — Комические персонажи индийской драмы носили маски с причудливыми выростами.

К с. 288:

О глава своей касты... — Называть касту низкороджденного, например чандавы, считалось невежливым. *Я прошу вас дать мне увидеть лицо сына, чтобы мне достичь покоя на том свете.* — Согласно древнеиндийским поверьям, сын оставался на земле предстателем за отца, и на него ложилось совершение необходимых обрядов и жертв (поэтому Чарудатта далее сетует, что сын его еще мал).

К с. 296:

Я буду счастлива, как лотос, увидевший луну. — В индийской поэтике лотос и луна символизируют пару влюбленных.

К с. 303:

Царь доволен тобой и разрешает именовать тебя его супругой. — Такое разрешение символизировало освобождение от профессии гетеры.

ВИШАКХАДАТТА Перстень Ракшасы

Печатается по изданию: «Классическая драма Древней Индии». Л., 1984.

Перевод В.Эрмана, стихи в переводе Н.Голя.

Комментарии М.Воробьевой-Десятовской, Г.Зюгафа, В.Эрмана.

К с. 305:

Малаякету... правитель Горной Страны. — Являлся ли Малаякету, как Чандрагупта и Чанакья, реальным историческим лицом, неизвестно. Царство его не поддается отождествлению; населенное «варварами», оно находилось, по видимому, в Гималаях или Гиндукуше.

К с. 306:

Что за счастливицу, супруг, несешь ты на своем челе?.. — В диалоге Шивы и Парвати речь идет о нисхождении «реки богов» Ганги с небес на землю. Согласно легенде, три последовательных потомка царя Сагары — Аншуман, Дилипа и Бхагиратха — жестоким подвижничеством, длившимся десятки тысяч лет, склоняли Гангу сойти на землю, чтобы ее священной водой совершить обряд возлияния над прахом 60 000 погибших сыновей Сагшары. Когда Ганга наконец согласилась, то, чтобы охранить землю от катастрофических разрушений при падении на нее реки с заоблачных высот, на сцену выступил бог Шива, принявший Гангу на собственное чело.

К с. 307:

О правительница дома... — Перечисленные здесь хвалебные эпитеты женщины-хозяйки имеют и иные значения, характеризующие достоинства государственного деятеля и приложимые к Чанакье. Этим удовлетворяется требование

индийской теории драмы о том, чтобы в прологе давались намеки на дальнейшее содержание самой пьесы. Вера (точнее, религиозные заслуги — *дхарма*), польза (*артха*) и любовь (*кама*) — три основные ценности человеческой жизни в традиционной индийской этике. За ними кроется намек на три цели политики: уменьшение, равновесие и возвышение мощи государства. *Злобный вор вместе с Кету враглов нападет на Чандру...* — Здесь мифологическая картина — погоня демонов Раху и Кету за луной, которую спасает Будха, — аллегорически воспроизводит политическую ситуацию: Ракшаса и Малаякету посягают на Чандрагупту, но того поддерживает Мудрый — советник.

К с. 308:

...волос развязанную прядь на голове моей. — Речь идет об обете, данном Чанакьей после того, как он был оскорблен Нандой: он распустил прядь волос, обычно оставляемую брахманами на бритой голове, и поклялся, что не завяжет ее, покуда не уничтожит обидчика со всем его родом.

К с. 309:

И теперь, уже исполнив обет, не оставляю меча... — Меч — атрибут министра.

К с. 310:

...умертвил... подослав к нему ядовитую девушку... — Ядовитая девушка встречается в древнейших индийских сказаниях. Это красивая женщина, тело которой напоено ядом; сношения с ней ведут к смерти.

К с. 315:

Читраварман Кулутский... — Перечисляются союзники Малаякету, власти-тели реально существовавших государств. Кулута (совр. Кулу) — область, лежащая к юго-востоку от Кашмира в предгорьях Гималаев. Дислокация царства Малайя не вполне ясна; обычно его относят к Гималайской области.

К с. 317:

Как раз это приличествует тебе с людьми нашего положения. — Намек на близость Чанданадасы к министру Ракшасе.

К с. 321:

...и пчелы на запах мускуса слетаются к нему. — В период спаривания из желез на висках слона выделяется пахучая жидкость, привлекающая насекомых. Пчела, летящая на этот запах, — популярнейший образ древнеиндийской поэтики.

МАХЕНДРАВИКРАМАВАРМАН

Хмельные забавы

Печатается по изданию: «Классическая драма Древней Индии». Л., 1984.

Перевод В.Эрмана, стихи в переводе Н.Голя.

Комментарии М.Воробьевой-Десятовской, Г.Зографа, В.Эрмана.

К с. 322:

...наделенного достоинствами юных лет. — Это эпитет автора пьесы, принимаемый как его литературное имя (Джоввананагунабхара).

К с. 323:

Царь царей — эпитет Куберы, бога богатства. ...подавивший окончательно *Шесть врагов...* — Шесть грехов в индуизме: желание, гнев, алчность, сладострастие, гордость, распутство. Великие стихии — огонь, вода, земля, эфир, воздух.

К с. 325:

...ведь это ложные учения! — Далее излагаются некоторые принципы религиозно-философского учения джайнов, проповедовавших, в частности, крайний аскетизм как средство освобождения души от уз материи.

К с. 327:

...почитатели Великого Владыки! (Шивы) — Так именовались члены одной из шиваитских общин, которым вменялся в обязанность контроль за доходами церкви, распределением пожертвований и подаваний.

К с. 328:

Ну да, это истина ограниченная. — Здесь иронически обыгрывается буддийское учение о различении истины «ограниченной» (феноменальной) и «высшей» (трансцендентной).

К с. 329:

Он сын того, кто мнил... — Учение буддизма говорило об иллюзорности материального мира.

К с. 330:

Что нам полагалось сделать, сделали гандхарвы. — Пословица, намекающая на счастливого соперника в любви или на неверность невесты.

К с. 332:

Лотосотронный бог — Брахма. *Но, тяжкий обет исполнив, он снял с себя грех великий.* — Капалин ссылается на два известных мифа: 1) о том, как Шива в борьбе за власть с Брахмой (Прародителем) отсек одну из его пяти голов, за что вынужден был нести покаяние, и 2) об убийстве царем небожителей Индрой трехглавого дракона Вишварупы, что явилось тяжким грехом, поскольку Вишварупа был облечен саном божественного жреца. *Недаром же вы происходите от сына Майи...* — Игра слов: майя — магические способности богов и демонов, и это же слово является именем матери Будды.

К с. 333:

Верхом на деревенском кабане воспрянул до небес Океан... — Речь юродивого, подобно репликам Самстханаки («Глиняная повозка»), построена на нелепых ассоциациях. Деревенский кабан, очевидно, реминисценция мифа о воплощении Вишну в образе вепря. *Океан* — бог морской стихии.

К с. 335:

...вознесусь в пламени господа, пребывающего на Восточной равнине. — Речь идет о погребальном костре. Такие костры, обслуживать которые было обязанностью пашупатов, горели, очевидно, при каком-то шиваитском святилище к востоку от Канчи.

ВАРАРУЧИ
Влюбленные

БХАНА

Печатается по изданию: «Классическая драма Востока». — Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М., 1976.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 336:

...*дерево лодхра... выглядит, как бедный вита...* — Цветы на дереве лодхра появляются раньше, чем листья, чем и объясняется такое сравнение. *Ашока* — дерево с ярко-оранжевыми или огненно-красными цветами, расцветающее, по поверью, при прикосновении ноги девушки.

К с. 337:

...*сандаловые умещения и узоры на руках!* — Обязательной частью туалета индийской красавицы было натирание ароматичным сандаловым маслом или специально на нем приготовленными притираниями и наведение с помощью шафрана геометрических рисунков, имевших и магическое значение, на ладонях и ногах. *В храме благодатного Нараяны Маданасена устроила полное различных раса представление...* — В древней и раннесредневековой Индии местом для театрального представления могло быть избрано как специально построенное театральное здание, так и храм, причем иногда в состав храмового комплекса входили специально выстроенные для подобных целей эстрады. *Раса* — согласно индийской поэтике, совокупность всех художественно-содержательных элементов театрального представления, литературного произведения и вообще произведения искусства, порождающая эстетическое наслаждение. ...*гудят пением вед...* — Т.е. в каждом доме читаются веды, чтение которых само по себе составляло религиозную заслугу. Размеры, в которых написаны гимны вед, имеют определенный мелодический строй... *Трепетом тетивы* — Имеются в виду упражнения в стрельбе из лука. ...*подобные ликам Десятиглавого Раваны, искусного во всех таких делах.* — Десятиглавый ракшас Равана, противник Рамы, героя индийской эпопеи «Рамаяны», был по варне (сословию) брахманом, знатоком вед, искусным стрелком из лука и замечательным певцом.

К с. 338:

Тилак — первоначально знак, означающий принадлежность к той или иной касте; позднее тилак в виде пятнышка сандаловой пасты красного или оранжевого цвета стали делать себе на лбу замужние женщины. *Небесная столица Индры* — «рай», населенный небесными девами, апсарами и сладкоголосыми гандхарвами, там растут волшебные деревья мандара и кальпаврикша. Севший под дерево мандара забывает о всех тревогах и испытывает блаженство, не нарушаемое ни волнениями духа, ни плотскими страстями; кальпаврикша исполняет любые желания.

К с. 339:

Алчность матери презрев и Закон любви продажной // Позабыв... — Гетеры подчинялись определенным правилам, как и во всяком ремесленном цехе. Эти правила отразились в известном трактате Ватсьяны об искусстве любви

«Камасутре». Согласно этим правилам, главное дело гетеры — извлекать у любовников богатства и не давать любви, как личному чувству, примешиваться к этому главному делу. Для того чтобы это не случилось, она должна быть под контролем своей матери, а если матери у нее нет, то какой-нибудь женщины, сводни, занимающейся ее материальными делами, устройством встреч с любовниками и т.п. На протяжении всей бханы Вараручи неоднократно апеллирует устами виты к этим правилам, явно отдавая свои симпатии действительной, а не продажной любви.

К с. 340:

Страница... — Санскр. «паривраджика» означает: «странница, подвижница, женщина, отрешаясь от земных страстей». Здесь — насмешливо. *Нам нужен не Вайшикачала, а Вайшешикачала.* — Страница с витой ведет диалог, полный намеков на некоторые системы и категории классической индийской философии. Так, на ее реплику, что она нуждается не в Вайшикачале, а в Вайшешикачале, т.е. «твердые учения вайшешиков», отвечая ей, вита оперирует сравнениями, связанными с концепцией и категориями философской школы вайшешиков, особенно в строфе: «О, бесподобная, чье тело — сущность...»

К с. 341:

Шесть категорий, о которых идет речь в этой строфе: субстанция, качество, всеобщность, действие, особенное, присущее; обыгрываются также такие важные в индийской традиции слова, как *йога*, понимаемая здесь не в смысле философской школы, а в прямом смысле — соединение; *мокша*, конечное избавление от страданий, понимается как избавление от неугодных любовников. Демонстрируя свое знакомство с санхьей, странница называет три эпитета мирового духа, два из которых имеют и одиозное значение: *алепака* — «безупречный», *ниргуна* — «лишенный качеств», но и «ни к чему не годный», *кшетраджня* — «разумный», но и «распутник».

К с. 342:

...существо, которое ни мужем, ни женой не назовешь... — В древности и раннем средневековье гермафродитизм в Индии, особенно у тантристов, рассматривался как высший идеал, как своего рода «совершенный пол», абсорбировавший в себе и мужское и женское начала и присущий лишь Верховному Существо. В мифологии такие представления о гермафродитизме нашли выражение в двуполой ипостаси Шивы Ардханаришвары, в появлении двуполого божества Харихара. Гермафродиты с выраженными женскими признаками назывались *настрика*, т.е. «не женщины». Вита, расхваливая ее в строфе «В чреве твоём...», подчеркивает отсутствие в ней всего, присущего женщинам.

К с. 343:

Горестная, как разлука чакравак? — Чакраваки, род уток, считаются образом супружеской верности. Но, по поверью, проводя день вместе, они должны на ночь разлучаться, и в индийской поэзии их горестные крики с наступлением темноты служат символом разлуки.

...чванящегося удачей, выпавшей на долю сестры. — Сестра его стала женой царя.

К с. 344:

А может, проиграл все в кости, способные за один бросок погубить богатства самого Подателя богатств? — Податель богатств — эпитет Куберы, бога богатств. *Но если изрыгает рот гетеры // Подводный пламень...* — Здесь содержится намек на миф, связанный с представлениями древних индийцев о конце света (*пралая*), когда таящийся в недрах океана огонь вырвется на свободу и пожрет все сущее.

К с. 345:

«Победа Пурандары» — собственно название представления, прославляющего царя.

К с. 346:

...совершенством в четырех видах представлений... — Здесь, характеризуя совершенство Приянгусены как танцовщицы, Вараручи перечисляет основные технические требования к актрисе, предъявлявшиеся трактатами по театральному искусству, в том числе «Бхаратнатяшастрой».

К с. 348:

...подлинную суть Маданатантры... — Букв. «Маданатантра» — «наставление, данное или сочиненное Маданой, т.е. богом любви», — может быть понято как синоним «Камасутры», известного индийского трактата о любви.

КАУТИЛЬЯ

Артхашастра, или Наука политики

Печатается по изданию: «Артхашастра, или Наука политики». М.—Л., 1959.

Издание подготовил В.И.Кальянов.

БХАРАТА

Натьяшастра

Печатается по изданию: И.Д.Серебряков. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 360:

Атрея — древний врач. *Бхарата* — полупоупендарный создатель трактата о театре «Натьяшастра». *Натьяведа* — учение о театральном искусстве. *Юга* — космический период; их четыре: *критаюга* — 1 728 000 лет, *третаюга* — 1 296 000 лет, *двапараюга* — 864 000 лет, *калиюга* — 432 000 лет. *Сваямбхува Ману* — один из прародителей. *Джамбудвипа* — название одного из материков, окружающих гору Меру. *Данавы* — старшие братья богов. *Гандхарвы* — мифические существа, небесные музыканты. *Якши* — слуги бога богатства Куберы, хранителя кладов и сокровищ. *Ракшасы* — демоны, дьяволы. *Ураги* — змеи. *Натья* — театральнй. *Итихиасы* — истории.

К с. 361:

Критти — стили: риторический, патетический, энергический, изящный. *Нилаканта* — букв. «синегорлый»; эпитет Шивы, приданный ему из-за того, что при пахтанье океана он проглотил изрыгнутый тем смертельный яд.

К с. 362:

Раса — совокупность эстетических достоинств художественного произведения, доставляющих эстетическое наслаждение. *Бхава* — чувство, художественное достоинство, порождающее эстетическое восприятие. *Нанди* — пролог; *Дайти* — демоны. *Вигхны* — существа, препятствующие театральному действию. *Сутрадхара* — глава театральной труппы, режиссер. *Джарджара* — род барабана, ствол бамбука.

К с. 364:

Стили — аванги, дакшинатья, панчали, одрамагадхи, саттвати, кайшики, арабхати.

К с. 366:

Санграха — сжатое и подробное истолкование сутр и комментариев. *Кари-ка* — разъясняет смысл правила. *Нирукта* — разъясняет смысл правила. *Друхи-на* — древний теоретик театра, предположительно впервые определивший раса.

КАЛХАНА

Река царей

СУЙЯ

Печатается по изданию: И.Д.Серебряков. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.

Перевод И.Д.Серебрякова.

ЦАРСТВОВАНИЕ АНАНТЫ

Печатается по изданию: И.Д.Серебряков. Памятники кашмирской санскритоязычной литературной общности VII—XIII вв. М., 1982.

Перевод и комментарии И.Д.Серебрякова.

К с. 371:

Шрилекха — царица Самграмараджи, мать царя Ананты. *Ананта* — сын царя Самграмараджи, женат на Сурьямати, царевне из династии Шахи. *Рудрапала* — царевичи из династии Шахи, фавориты Ананты.

К с. 372:

Дидда — царица Кашмира (992 г. до н.э. — 1003). *Каястха* — чиновник, писарь. *Лунолика Асамати* — старшая дочь государя Джаландхара. *Индучандра* — правитель Джаландхара. *Дамара* — одна из группировок кашмирских

феодалов. *Эканги* — род военной организации. *Трибхувана* — имя военачальника. *Ваджра* — палица. *Бхайрава* — одна из ужасных ипостасей Шивы.

К с. 373:

Дарада — древнекашмирское племя, игравшее значительную политическую роль. *Млчеххи* — варвары, мусульмане. *Лут* — род болезни. *Садашива* — одна из ипостасей Шивы; известен храм Садашивы в Сринагаре. *Матх* — храм, обитель.

К с. 374:

Сваямвара — избрание жениха. *Тригарта* — древнее название Кангры.

К с. 375:

Кхаши — современное племя кхакха. *Чампа* — название царства. *Валлапура* — территория Балапур. *Крамараджья* — территориальное подразделение Кашмира, ныне Камра. *Халадхара* — главный министр Ананты.

К с. 376:

Эра лаукика — отсчет времени с 2268 г. *Карттика* — название созвездия Плеяды. *Пурохита* — главный жрец.

К с. 377:

Чакра — боевой диск. *Гуру* — наставник, учитель.

К с. 378:

Вита — сводник, приживал.

К с. 379:

Чандала — низкородный, внекастовый.

БХАРТРИХАРИ

О времени

(фрагмент из «Вакьяпади»)

Печатается впервые.

Перевод И.Д.Серебрякова.

ГЛОССАРИЙ

Абхиманью — сын Арджуна, героя «Махабхараты», и его жены Субхадры.

Аванти — 1) страна Мальва, располагавшаяся между реками Рави и Ченаб; 2) одно из разветвлений племени хайхав; 3) страна, расположенная вдоль рек Нармада и Сипра; столица ее Удджайин.

Агни — бог Огня.

Ад Авичи — один из адов индийской мифологии, предназначенный для тяжчайших преступников; представляет собой куб со стенками из раскаленного докрасна железа.

Айодхья — древний город на р. Сарайю, был столицей Рамы, героя великой индийской эпопеи «Рамаяна».

Айрават — любимый боевой слон бога Индры.

Амаравати — древний город на южном берегу р. Кришна, один из важнейших центров буддийской культуры.

Амба — одно из имен Дурги, супруги Шивы.

Амбалика — сестра Шикхандина, убийцы Бхишмы, одного из героев «Махабхараты».

Амбика — мать Дхритараштры, одного из героев «Махабхараты»: «мать миров».

Анджали — молитвенно сложенные руки.

Анируддха — внук Кришны. В его жену Ушу влюбился асур Бана, от которого ее освободили.

Апсара — небесная дева небывалой красоты.

Арундхати — супруга мудреца Васиштки; символ супружеской верности; идентифицируется с планетой Венера.

Асока см. *ашока*.

Асуры — мифологические существа, старшие братья богов (девов).

Ахичхатра — столица древнего буддийского царства Панчала.

Ашадха — название месяца индийского календаря, соответствующего июню—июлю.

Ашока (асока) — дерево с ярко-оранжевыми или огненно-красными цветами.

Ашрам — 1) обиталище пророка; 2) некоторое экономическое целое, участники которого являются собирателями.

Бадарика — название одного из мест паломничества на Ганге.

Бали — имя царя асуров, в царстве которого все люди жили счастливо и забыли о необходимости приносить жертвы богам.

Бана — асур, сын Бали, поклонник Шивы, враг Вишну.

Баньян — дерево, пускающее многочисленные воздушные корни.

Бетель — род тонизирующей жвачки.

Ваджра — палица, оружие Индры; представляет собой дубину с шарообразным утолщением, которое оснащается гвоздями или шипами.

Ваджрамушти — букв. «человек с кулаком, подобным ваджре».

Вайшнавана — поздневедический бог, глава злых духов, таящихся в тени; отец Куберы, бога богатств, повелителя всех земных сокровищ.

Вайю — бог ветра.

Валабхи — город и порт на западном побережье Индии, в Гуджарате.

Вараручи — один из великих индийских грамматистов, разрабатывал грамматику пракритов; собирал народные песни; благоволивший ему царь посчитал, что Вараручи выдавал свои произведения за народные, и лишил своего покровительства.

Васава — эпитет Индры; букв. «владыка васу».

- Васу* — группа божеств, детей Кашьяпы и Адити, символизирующих всяческие вещества.
- Васудатта* — имя собственное ряда героев индийской литературы.
- Васуки* — семиглавый царь нагов, один из царственных змеев индийской мифологии, зеленого цвета. Использовался богами и асурами в качестве веревки при пахтании Молочного океана.
- Васунеми* — имя одного из мифических змеев.
- Вата* — название дерева.
- Ватса* — древний индийский этноним; название народа и государства.
- Веды* — священные книги древних индийцев: «Ригведа» («Веда стихов»), «Яджурведа» («Веда жертвенных заклятий»), «Самаведа» («Веда песнопений»), «Атхарваведа» («Веда магических заклинаний»).
- Великий бог* — эпитет Шивы; скр. Махешвара.
- Вестник бога смерти* — роль такого исполняется либо собакой Сарамейя, либо Ямадутой (букв. «посланец бога смерти Ямы»).
- Вибху* — букв. «мошный»; эпитет Шивы.
- Видиша* — название страны.
- Видья* — знания, обретшие человеческий облик; шестнадцать младших божеств, сопровождающих богиню мудрости Сарасвати.
- Видьадхары* — букв. «хранители знаний»; антропоморфные существа, населяющие воздушное пространство.
- Вина* — струнный инструмент с двумя резонаторами.
- Вината* — одна из жен мудрого Кашьяпы, прародительница пернатых.
- Виндхийский лес* — лес, покрывающий хребет Виндхья.
- Виндхья* — хребет, условно отделяющий Север от Юга Индии.
- Вирата* — имя царя, правившего страной матсьев.
- Витаста* — древнее название р. Бнас, одного из притоков Инда.
- Вихара* — пещера, монастырь, по преимуществу буддийский.
- Вишвакарман* — один из ведических богов, искусный мастер.
- Вишвамитра* — имя древнего мудреца, одного из авторов ведических гимнов.
- Властитель богатств* — эпитет Куберы, бога богатств.
- Восседающий на павлине* — сын Шивы, бог войны Сканд.
- Враг Пур* — эпитет Шивы (Трипурадаха букв. «сжегший три города асуров»).
- Вритра* — демон в облике огромного змея, перекрывший течение рек своим телом.
- Вьяди* — древний грамматист, предшественник Панини.
- Галава* — древний грамматист, четыре раза упомянутый Панини в его грамматике.
- Гана* — участник свиты Шивы.
- Ганга* — 1) величайшая река индийцев, берущая начало в леднике на высоте 5400 м и питающая водой Гангскую долину; считается священной рекой, спускающейся с небес (Млечный путь называется «Небесной Гангой»); 2) в индийской мифологии обожествлена в виде богини Ганги.
- Гандхарвы* — полубоги, небесные музыканты; изображаются в виде существ, верхняя часть тела которых человеческая, но с крыльями, нижняя — лошадиная; их лица подобны птичьим; *брак, по обычаю гандхарвов*, — свободная любовная связь.
- Гаури* — одно из имен супруги Шивы.
- Гаутама* — древний мудрец, супруг Ахальи.
- Гетера* — женщина, профессиональным занятием которой являются любовные связи.
- Гокарна* — одно из имен Шивы.
- Гора Восхода (Удая)* — мифическая гора, из-за которой, по индийским поверьям, восходит солнце.

Граммати́ка Индры — одна из древних индийских грамматических систем, предшествовавших грамматике Панини.

Граммати́ка Панини — древнейшее из дошедших до нас произведений нормативной грамматики санскрита, отличающееся высокой систематичностью.

Гуна́хья — великий поэт-эпик, автор «Брихаткатха».

Да́йтья — сыновья праматери Дити от мудреца Кашьяпы, одного из семи праотцов всего сущего.

Да́кша — мудрец, сын Брахмы, отец 50 дочерей. Один из мифов повествует о грандиозном жертвоприношении во искупление грехов, которое устроил Дакша, пригласив на него всех богов, кроме Рудры (Шивы). Разгневанный Рудра расстроил жертвоприношение, а самому Дакше снес голову, которую боги потом заменили козлиной.

Дана́вы — сыновья праматери Дану от Кашьяпы.

Да́рбха — трава с жесткими и острыми листьями.

Дасью́ — аборигенное население ведической Индии.

Два́жды ро́жденный — эпитет арьев, как бы переживавших в процессе обряда инициации второе рождение.

Два́равати — город в Гуджарате.

Джамада́гни — древний мудрец.

Джа́мбха — демон, побежденный Индрой.

Джа́наки — прозвище Ситы, супруги Рамы, по имени ее отца, которого звали Джанака.

Джа́наме́джа — праправнук Арджуны, героя «Махабхараты», которому Вайшампаяна, ученик мудреца Вьясы, излагает содержание эпоса.

Джа́напада — культурно-исторический регион; территориально-административная единица в древней Индии.

Джа́хнави — одно из названий р. Ганга.

Дро́на — наставник в военном деле кауравов и пандавов — персонажей «Махабхараты».

Душа́на — имя ракшаса, сраженного Рамой.

Дха́рма — бог справедливости.

Зо́нт и опа́хало — неперенные атрибуты царя.

Йоджа́на — единица длины, около 15 км.

Ико́р — сок, изливающийся из висков слонов во время течки.

Икшума́ти — название реки.

И́ндра — верховный бог ведических индийцев.

Иша́на — одно из имен Шивы.

Ишва́ра — бог (обычно Шива или Вишну).

Ка́вери — название реки.

Ка́дали — название травы.

Ка́дру — дочь Дакши; прародительница змей.

Ка́йласа — вершина в Гималаях; обиталище Шивы и Парвати и связанных с ними богов.

Ка́лапака — см. *ка́тинтра*.

Ка́льпа — период времени в индийской мифологии, «день и ночь» Брахмы. Протяженность калпы — 4 320 000 000 лет.

Ка́ма — бог любви; вооружен луком из стеблей сахарного тростника.

Ка́ндарпа — одно из имен бога любви Камы.

Капалика — представитель шивантской секты, поклоняющейся Шиве в его воплощении Бхайравы; культ капаликов связан с вином, плотоядностью, сексуальными извращениями.

Карма — совокупность добрых и дурных дел, совершенных в прошлых рождениях, и определяющая статус человека и вообще любого существа в данном рождении.

Картикея — сын Шивы, родившийся из его семени, обрызгавшего сахарный тростник, и вскормленный девами Криттиками.

Катантра — грамматика, написанная Шарваварманом.

Кауравы — соперники пандавов, персонажи великой индийской эпопеи «Махабхарата».

Каушамби — город на берегу р. Ямуны.

Каччапанатха — один из представителей движения натхов, синтезировавшего буддизм, индуизм, местные культы.

Кашьяпа — мудрец, автор ряда ведических гимнов, прародитель; женившись на 13 дочерях Дакши, он стал отцом богов, асуров, нагов, людей и прочих живых существ.

Киннары — относящиеся к полубогам существа; род кентавров.

Корнак — погонщик слона.

Кошала — название страны.

Крипи — искусный стрелок из лука, сын мудреца Шарадваны.

Кришна — бог-пастух, одно из воплощений Вишну; был возничим на колеснице Арджуны во время великой битвы, описанной в «Махабхарате».

Кубера — бог богатства.

Кумара — бог войны.

Кунти — дочь царевича из рода Ядава, мать Карны, отцом которого был бог Солнца Сурья.

Куша — род травы с твердыми и острыми листьями.

Кхара — младший брат ракшаса Раваны.

Кшатрий — представитель воинского сословия (варны).

Лакшми — богиня счастья.

Ланка — о-в Цейлон; гос-во Шри-Ланка.

Лженанда — имя узурпатора власти в царстве Магадха.

Лингам — фаллос.

Лоханагар — название города, возможно Лахора.

Лунный род — название мифической династии.

Мадана — букв. «опьяненный»; эпитет бога любви Камы.

Мадху — могучий демон, убитый Вишну.

Мадхьядеша — название Гангской долины.

Магадха — название страны.

Май — наставник асуров.

Мальва — название страны.

Мальван — мастер плетения венков.

Мандара — гора, послужившая мутовкой богам и асурам.

Манканака — имя древнего мудреца.

Манматха — букв. «возбуждающий»; эпитет бога любви Камы.

Марукачхха — название местности.

Марути — сын бога обезьян Ханумана.

Матх — жилище святого наставника и его учеников.

Махакала — букв. «великое время»; эпитет бога Шивы.

Маш — род бобовых.

Менака — имя небесной деи.

Мриданг — ударный инструмент, род барабана.

Нагван — название местности.

Наги — древний этноним, название народности, тотемом которого была кобра.

Налакубара — сын Куберы, бога богатства.

Нанда — название династии, правившей в царстве Магадха с 364 по 334 г. до н.э.

Нандана — один из садов повелителя богов Индры.

Нандин — белый бык Шивы, его ездовое животное.

Нараваханадатта — сын царя Удаяны и его супруги Васавадатты.

Нарада — мудрец, сын прародителя Кашьяпы; считается покровителем музыкантов и изобретателем вины.

Нара́на — букв. «движущийся на водах»; эпитет Брахмы, который, согласно одному из мифов, таился в лотосе, плававшем в мировом океане.

Нахуша — отец Яяти из рода Яду, обращенный проклятием мудреца Агастьи в змея.

Наяка — актер; вождь.

Пайшачи — язык народности пишача, населявшей некогда долину Кашмира.

Палли — название поселка или деревни индийских аборигенов.

Пандавы — пятеро братьев, основные действующие лица великой индийской эпопеи «Махабхараты».

Панду — персонаж «Махабхараты». За убийство антилопы во время любовной игры ему была предсказана смерть, если он попытается сблизиться с женщиной.

Панини — знаменитый индийский ученый, живший предположительно во II—I вв. до н.э., создатель «Аштадхьяи», грамматики санскрита.

Парвати — богиня, супруга Шивы.

Паривраджика — подвижник.

Париджата — «пожелай-дерево», райское дерево, дарующее все, что бы ни пожелал просящий.

Парикшит — сын Арджуны, главного героя «Махабхараты».

Патала — последний из семи подземных миров.

Паталипутра — название города; ныне — Патна.

Питамаха — прародитель сущего; эпитет Брахмы и других богов.

Пишачи — народность, населявшая в древности Кашмир.

Повелитель дня — эпитет бога Солнца.

Погребальный костер — индийцы не хоронят, а сжигают покойников на костре.

Пожирающие мясо — все люди, не принадлежащие к религиям, воспрещающим плотоядность.

Полумесяцем по шею — прием в кулачном бою.

Почетный тюрбан — род почетной награды.

Правраджика — странник, подвижник.

Правый глаз стал подергиваться — примета, предвещающая благоприятное событие.

Праджапати — прародитель; эпитет Брахмы, а также ряда других богов.

Пракрит — средневековый индоарийский язык, функционировавший в разных региональных и этнических вариантах.

Прапая — космическая катастрофа, отделяющая один цикл развития вселенной от другого. См. *кальпа*.

Прамадвара — букв. «беззаботный»; имя собственное.

Прародительница трех миров — эпитет Парвати.

Пратихара — привратник, страж у дверей; один из главных придворных чинов.

Пратишакхья — жанр древнеиндийской комментаторской литературы, истолковывающий ту или иную редакцию произведения.

Притху — имя легендарного царя, обеспечившего своему народу благосостояние.

Пурухита — букв. «поставленный впереди»; жрец, выполняющий обряды для царской семьи.

Пушкаравати — ныне город Пешавар.

Пушпаданта — 1) имя девятого главы джайнской общины; 2) поэт, автор «Махапураны».

Равана — имя ракшаса, врага Рамы; персонаж эпоса «Рамаяна».

Раджпут — член воинской касты; житель Раджпутаны, этноисторического района, соотв. территории совр. штата Раджастан.

Ракшас, ракшасы — злые ночные демоны.

Рاما — герой великой индийской эпоса «Рамаяна».

Рамбха — небесная дева, дочь мудреца Кашьяпы и его жены Прадхи.

Рани — царица.

Расатала — третий из семи подземных миров, в котором обитают асуры, дайты и данавы.

Рати — супруга бога любви Камы.

Река, стремящаяся с небес, — имеется в виду Ганга.

Рудра — одно из имен Шивы.

Руру — царь оленей.

Сала (шала) — название дерева лодхра.

Самаведа — одна из четырех священных книг древних индийцев; см. веды.

Сандал — название дерева, из которого добывается благовонное масло.

Сандхья — обожествленные сумерки; имя возлюбленной Шивы.

Санскрит — общиндийский литературный язык древности и средневековья.

Сарасвати — богиня речи; иногда она представляется как супруга Брахмы, иногда — как его дочь.

Сиддхи — сверхъестественные силы, обретаемые с помощью заклинаний, магических аликсиров и т.п., описанных в «Хатхайоге».

Сипра — название реки, на которой стоит г. Удджайни.

Совершитель ста жертв — эпитет Индры.

Созданный из пяти элементов — т.е. созданный из огня, воды, воздуха, земли и эфира.

Сокрушитель препятствий — эпитет Ганеши.

Сокрушитель трех городов — эпитет Шивы (*Трипурадаха*).

Сомапрабха — дочь асура Мая.

Стража — мера времени, около 3½ часов.

Стхулаширас — букв. «дубоголовый»; имя собственное.

Супратиштхита — букв. «хорошо расположенный»; название города.

Сурабхи — священная корова, подательница богатства.

Сутры — изречения, поучения; жанр философской и научной литературы.

Такшашила — название древнего города на северо-западе Индии, важный политический и государственный центр, средоточие гандхарского искусства.

Тала — дерево с темной корой.

Тарака — имя ракшаса.

Таркшья — имя старшего брата Гаруды.

Тилак — пятнышко, наносимое индусами на лоб в знак пожелания счастья.

Тиртха — место священных купаний.

Три языка — санскрит, пракрит, бхаша.

Тришанку — царь, изнасиловавший горожанку и проклятием пророка Васишты обращенный в чандалу, т.е. внекастового.

Тройственная вера — имеется в виду буддизм, состоящий из Учения, Общины и Учителя.

Турушки — турки.

Турья — труба, горн.

Увенчанный полумесяцем — эпитет бога Шивы, в прическе которого находится полумесяц.

Удая — гора, из-за которой восходит Солнце.

Удджайни — столица страны Мальва.

Уша — жена Прадьюмны.

Хара — одно из имен Шивы.

Хималай — обожествленный хребет Гималаев, отец Гаури, жены Шивы.

Чакора — род птицы.

Чандала — внекастовый, низкородный.

Чандика — букв. «яростная»; имя богини, которая иногда предстает как супруга Шивы.

Чандра — бог луны.

Чарана — четверть стиха; стопа.

Чарпай — род лежанки (деревянная рама на ножках, переплетенных кокосовыми или иными веревками).

Чеди — название народа.

Чолы — название династии, правившей на юге Индии с I по IX в. н.э.

Шабара — представитель неарийского племени адиваси.

Шакатала — главный министр династии Нанда (IV в.).

Шакха (Вишакха) — бог войны.

Шамбху — букв. «могучий»; одно из имен Шивы.

Шанкара — букв. «щедрый»; одно из имен Шивы.

Яли — мифическое существо с туловищем льва и хоботом слона.

Яма — владыка царства мертвых.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.Д.Серебряков. Вечность прекрасного</i>	5
Поэзия.....	11
Поэзия на санскрите.....	13
<i>Калидаса. Времена года</i>	55
Потомки Рагху. Песнь первая.....	71
Поэзия эпохи Сангама.....	81
Проза.....	111
<i>Сомадева. О благородном видьядхаре</i>	114
Сказание о войне ворон и сов.....	124
<i>Баня. Деяния Харши. Фрагменты</i>	174
<i>Дандин. Повесть о красавице из Аванти. Вступление</i>	201
Приключения десяти принцев. Фрагмент	203
<i>Харибхадра. Повесть о плутах</i>	207
Драматургия	227
<i>Бхаса. Пригрезившаяся Васавадатта</i>	230
<i>Шудрака. Глиняная повозка. Фрагменты</i>	262
<i>Вишакхадатта. Перстень Ракшасы. Фрагменты</i>	305
<i>Махендравикрамаварман. Хмельные забавы</i>	322
<i>Вараручи. Влюбленные. Бхана</i>	336
Ученая литература.....	349
<i>Каутилья. Артхашастра, или Наука политики. Фрагменты</i>	352
<i>Бхарата. Натъяшаstra. Фрагменты</i>	360
<i>Калхана. Река царей. Фрагменты</i>	369
<i>Бхартрихари. О времени (фрагмент из «Вакьяпадин»)</i>	386
Примечания.....	388
Глоссарий	408

Научно-художественное издание

СТОЛЕПЕСТКОВЫЙ ЛОТОС
Антология древнеиндийской литературы

Редактор *С.В.Веснина*
Младший редактор *Л.Б.Годунова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *М.Г.Гущина*
Корректор *Е.В.Карюкина*

ЛР № 020910 от 02.09.94.
ИБ № 17468

Сдано в набор 10.07.95.
Подписано к печати 10.01.96 .
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.п.л. 26,0
Усл.кр.-отт. 26,25. Уч.-изд.л. 25,8
Тираж 3000 экз. Изд. № 7648
Зак. № 3782 . «С»-1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано с готового оригинал-макета в Московской тип. № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

